

НО
Г 277

Труды Петроградскаго Философскаго Общества. — Выпускъ XIV.

ГЕГЕЛЬ.

НАУКА ЛОГИКИ.

—•—
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Г. Дебольскаго.

—•—
ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

СУБЪЕКТИВНАЯ ЛОГИКА

или

УЧЕНІЕ О ПОНЯТІИ.

Цѣна за три тома 5 руб.

—•••—
ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28.

1916.

Н. Ф. Давыдов
 28
 28
 1919

Наше общество имеет целью распространение в России философских и научных знаний, а также содействие развитию отечественной науки и культуры.

Указ. Гала. Р-3227.18 тит. «Политграфин»

Труды Петроградского Философского Общества. — Выпуск XIV.

Handwritten initials

140
140
Г-27
II

ГЕГЕЛЬ.

НАУКА ЛОГИКИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Н. Г. Дебольскаго.

4227
 45508
 1930

1860

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

СУБЪЕКТИВНАЯ ЛОГИКА

или

УЧЕНІЕ О ПОНЯТІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 3-я линия.

1916.

Ю
Г277

НАУКА ПОЛНКА

4701

САВЕРКАВНА ДОКЛА

КЛЕНІ О ПОНІТІ

ВІДМІСЛІ

ЮЗ(4 Гем) 5-563

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	СТРАЛ.
О понятіи вообще	VII
Раздѣленіе	1
	16

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Субъективность	18
--------------------------	----

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Понятіе	19
А. Общее понятіе	19
В. Частное понятіе	23
Придѣланіе. Обычные виды понятій	29
С. Единичное	33

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Сужденіе	37
А. Сужденіе существованія	43
а. Положительное сужденіе	43
б. Отрицательное сужденіе	47
в. Бывочное сужденіе	52
В. Сужденіе рефлексіи	53
а. Единичное сужденіе	54
б. Частное сужденіе	55
в. Общее сужденіе	56
С. Сужденіе необходимости	59
а. Категорическое сужденіе	59
б. Условное сужденіе	61
в. Раздѣлительное сужденіе	65
D. Сужденіе повѣія	65
а. Ассерторическое сужденіе	66
б. Проблематическое сужденіе	67
в. Анодиктическое сужденіе	68

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

	СТРАИ.
Умозаключение	70
А. Умозаключение существования	72
а. Первая фигура	72
б. Вторая фигура	79
с. Третья глава	81
д. Четвертая фигура	83
Примечание. Обычный взгляд на умозаключение	85
В. Умозаключение рефлексии	88
а. Умозаключение истины	89
б. Умозаключение наведения	91
с. Умозаключение аналогии	93
С. Умозаключение необходимости	96
а. Категорическое умозаключение	96
б. Условное умозаключение	98
с. Раздвительное умозаключение	101

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Объективность	103
-------------------------	-----

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Механизмъ	108
А. Механический объект	108
В. Механический процесс	111
а. Формальный процесс	112
б. Реальный процесс	114
с. Продуктъ	116
С. Абсолютный механизмъ	117
а. Центр	117
б. Законъ	119
с. Переходъ механизма	120

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Химизмъ	121
А. Химический объект	121
В. Химический процесс	122
С. Переходъ химизма	124

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Телеологія	126
А. Субъективная цѣль	131
В. Средство	134
С. Выполненная цѣль	136

ТРЕТИЙ ОТДѢЛЪ.

	СТРАИ.
Идея	143

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Жизнь	147
А. Живое иодъимое	150
В. Жизненный процессъ	154
С. Родъ	157

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Идея познания	159
А. Идея истиннаго	166
а. Аналитическое познание	168
б. Синтетическое познание	174
1. Определеііе (definitio)	175
2. Раздвленіе	179
3. Теорема	183
В. Идея добраго	193

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Абсолютная идея	197
Объясненіе главѣйшихъ общихъ терминовъ, употребляемыхъ въ Науки Логика Гегеля	215
Алфавитный указатель къ Науки Логика Гегеля	219

стижимость истины есть нечто общепризнанное философами и логиками по профессии! Но если вопрос религии о дѣяности вещей, намѣреній и поступковъ, который по своему содержанию имѣетъ тотъ же смыслъ, вновь завоевываетъ себя въ наше время все болѣе и болѣе права, то, конечно, и философія должна надѣяться на то, что уже не будетъ найдено страннымъ, если она снова прежде всего въ своей непосредственной области будетъ настаивать на своей истинной цѣли и послѣ того, какъ она спустилась до уровня прочихъ наукъ по своему роду и способу и по безпристрастности на истину, вновь начнетъ стремиться подняться до этой цѣли. Извиняться въ этой попыткѣ нѣтъ собственно основанія, но относительно ея исполненія я позволю себѣ упомянуть, что мои служебныя занятія и другія личныя обстоятельства допускали возможность лишь разсѣянаго занятія такою наукой, которая требуетъ ненаружимаго и нераздѣльнаго напряженія силъ, и которая заслуживаетъ его.

Нюрнбергъ, 21-го іюля 1816.

О понятіи вообще.

Въ чемъ состоитъ природа понятія,—это также мало возможно указать непосредственно, какъ мало можно установить непосредственно понятіе какого-либо другаго предмета. Правда, можетъ показаться, что для установленія понятія какого-либо предмета уже предполагается логика, и что поэтому послѣдняя уже не можетъ сама основываться на какихъ-либо предположеніяхъ, ниже бытія чѣмъ-либо производимы, подобно тому, какъ въ геометріи логически предположенія, какими они являются въ приложеніи къ величинамъ, и какъ они употребляются въ этой наукѣ, предпослаются ей въ формѣ аксіомъ, невыведенныхъ и невыводимыхъ опредѣленій познанія. Но если смотрѣть на понятіе не только, какъ на субъективное предположеніе, а какъ на абсолютную основу, то оно можетъ быть таковою лишь по скольку оно сдѣлало себя основой. Правда, отвлеченно-непосредственное есть первое; но какъ это отвлеченное, оно есть скорѣе опосредованное, для котораго, такимъ образомъ, если оно должно быть понято въ своей истинѣ, должна быть отыскана его основа. Хотя послѣдняя должна быть, потому, чѣмъ-либо непосредственнымъ, но такимъ, которое дѣлаетъ себя непосредственнымъ черезъ сплате опосредованнаго.

Понятіе съ этой точки зрѣнія должно быть разсматриваемо, какъ третье къ бытію и сущности, къ непосредственному и рефлексіи. Бытіе и сущность суть тѣмъ самымъ моменты его становленія; понятіе же есть ихъ основа и истина, какъ тожество, въ которое онѣ перешли, и въ которомъ онѣ содержатся. Онѣ содержатся въ немъ, такъ какъ оно есть ихъ результатъ, но уже не какъ бытіе и сущность; это опредѣленіе онѣ имѣютъ лишь постольку, поскольку онѣ еще не перешли въ это ихъ единство.

Объективная логика, разсматривающая бытіе и сущность, составляетъ, потому, собственно генетическое изложеніе понятія. Ближе къ нему субстанція, уже какъ реальная сущность или сущность, поскольку она соединилась съ бытіемъ и вступила въ дѣятельность. Потому, понятіе

имѣть въ субстанціи свое непосредственное предположеніе, она есть то въ себѣ, что понятие есть, какъ проявившееся. Діалектическое движеніе субстанціи черезъ причинность и взаимодѣйствіе есть поэтому непосредственный генезисъ понятія, черезъ который изображается становленіе послѣдняго. Но его становленіе, какъ и становленіе вообще, имѣть то значеніе, что оно есть рефлексія того, что переходитъ, въ его основаніи, и что то, что ближайшимъ образомъ кажется другимъ, въ которое переходитъ первое, составляетъ истину этого пераго. Такимъ образомъ, понятие есть истина субстанціи, и такъ какъ опредѣленный способъ отношенія субстанціи есть необходимость, то свобода оказывается истинною необходимостью и способомъ отношенія понятія.

Собственное необходимое дальнѣйшее опредѣленіе субстанціи есть положеніе того, что есть въ себѣ и для себя; понятіе же есть то абсолютное единство бытія и рефлексіи, которое есть бытіе въ себѣ и для себя лишь черезъ то, что оно есть равнымъ образомъ рефлексія и положеніе, и что его положеніе есть бытіе въ себѣ и для себя. Этотъ отвлеченный результатъ выдѣляется черезъ изложеніе его конкретнаго генезиса; онъ содержитъ въ себѣ природу понятія; но онъ долженъ предшествовать разсмотрѣнію послѣдняго. Главные моменты этого изложенія (которые во второй книгѣ объективной логики были разсмотрѣны подробно) должны быть, потому, вкратцѣ здѣсь сопоставлены.

Субстанція есть абсолютное, сущее въ себѣ и для себя дѣйствительное; въ себѣ, какъ простое тожество возможности и дѣйствительности, абсолютная, содержащая внутри себя всю дѣйствительность и возможность сущности; для себя—это тожество, какъ абсолютная сила или просто относящаяся къ себѣ отрицательность. Движеніе субстанціальности, положенное черезъ эти моменты, состоитъ въ томъ, что

1. въ субстанціи, какъ абсолютной силѣ или относящейся къ себѣ отрицательности, различается нѣкоторое отношеніе, въ которомъ они (моменты) суть лишь простые моменты, какъ субстанціи или какъ первоначальная предположенія. Изъ опредѣленное отношеніе есть отношеніе пассивной субстанціи,—первоначальности простаго бытія въ себѣ, которое, лишнее силы, есть не полагающее само себя, а лишь первоначальное положеніе; и активной субстанціи—относящейся къ себѣ отрицательности, которая, какъ таковая, полагала себя, какъ другое, и относится къ этому другому. Это другое и есть именно пассивная субстанція, которая предположила себя, какъ условіе, въ первоначальности ея силъ. Это предположеніе должно быть понимаемо такъ, что движеніе самой субстанціи ближайшимъ образомъ совершается подъ формою одного изъ моментовъ ея понятія, бытія въ себѣ, что опредѣленность одной изъ соотносящихся субстанціи есть опредѣленность самого этого отношенія.

2. Второй моментъ есть бытіе для себя или состоитъ въ томъ, что сила полагаетъ себя, какъ относящаяся къ самой себѣ отрицательность, чѣмъ самымъ она вновь снимаетъ предположенное. Активная субстанція есть

причина; она дѣйствуетъ, т.-е. она есть теперь положеніе, какъ ранѣе была предположеніемъ, того, что сила дана также видимости силъ, положенію—также видимости положенія. То, что въ предположеніи было первоначальнымъ, въ причинности черезъ отношеніе къ другому становится тѣмъ, что оно есть въ себѣ; причина производитъ дѣйствіе и именно въ нѣкоторой другой субстанціи; поэтому она есть теперь сила въ отношеніи къ нѣкоторому другому; поэтому она является, какъ причина, но есть таковая лишь черезъ это явленіе. Къ пассивной субстанціи присоединяется дѣйствіе, вслѣдствіе котораго она является теперь также, какъ положеніе, но лишь въ немъ есть пассивная субстанція.

3. Но тутъ дано еще болѣе, чѣмъ только это явленіе, именно а) причина дѣйствуетъ на пассивную субстанцію, измѣняетъ ея опредѣленіе; но послѣднее есть положеніе, въ ней нѣтъ ничего другого, подлежащаго измѣненію, поэтому другое опредѣленіе, получаемое ею, есть опредѣленіе причинности; пассивная субстанція становится слѣдательно причиною, силою и дѣятельностью. б) Дѣйствіе полагается въ ней причиною; но положенное причиною есть сама тожественная себѣ въ дѣйствіи причина; оно есть эта причина, полагаящая себя вмѣсто пассивной субстанціи. Равнымъ образомъ, что касается активной субстанціи, то а., дѣятельность есть переходъ причины въ дѣйствіе, въ ея другое, въ положеніе, и в., въ дѣйствіи обнаруживается причина, какъ то, что она есть, дѣйствіе тожественно причинѣ, не есть другое; такимъ образомъ, причина обнаруживается въ дѣйствіи положеніе, какъ то, что она есть по существу. Такимъ образомъ, въ обычныхъ сторонъ, какъ со стороны тожественнаго, такъ и со стороны отрицательнаго отношенія другихъ къ ней, каждая становится противоположностью ея самой; но каждая становится этою противоположностью такъ, что другая, слѣдательно также каждая, остается тожественною самой себѣ. Но оба отношенія, и тожественное, и отрицательное, суть одно и то же; субстанція тожественна самой себѣ лишь въ своемъ противоположеніи, и это составляетъ абсолютное тожество субстанцій, положенныхъ, какъ дѣя. Активная субстанція черезъ дѣйствіе, т.-е. поскольку она полагаетъ себя, какъ противоположность самой себѣ, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ снятіе ея предположеннаго и бытія, пассивной субстанціи, обнаруживаетъ себя, какъ причина или первоначальная субстанціальность. Наоборотъ черезъ воздѣйствіе положеніе обнаруживается, какъ положеніе, отрицательное, какъ отрицательное, и тѣмъ самымъ пассивная субстанція, какъ относящаяся къ себѣ отрицательности; и причина въ этомъ другомъ себя самой просто совпадаетъ съ собою. Черезъ это положеніе предположенная или сущая въ себѣ первоначальность становится для себя; но это бытіе въ себѣ и для себя есть лишь потому, что это положеніе есть, равнымъ образомъ, снятіе предположеннаго, или что абсолютная субстанція лишь возвратилась къ себѣ самой изъ своего положенія и въ своемъ положеніи, и потому абсолютна. Это взаимодѣйствіе есть тѣмъ самымъ вновь снимающее себя явленіе, обнаруженіе видимости причинности, въ которой причина есть причина потому, что оно есть видимость. Эта безконечная рефлексія въ себѣ саму, вслѣдствіе

которой бытие в себя и для себя есть лишь потому, что оно есть положение, есть завершение субстанции. Но это завершение не есть уже сама субстанция, а есть нечто высшее, понятие, субъект. Переход отношения субстанциальности совершается по собственной необходимости этого перехода и есть не что иное, как обнаружение самого сказанного отношения, того, что понятие есть истина подлежащая, и что свобода есть истина необходимости.

Уже ранее во второй книге объективной логики стр. 121 примѣч. было упомянуто, что философия, которая ставится и остается стоять на точке зрѣнія субстанции, есть система Спинозы. Тамъ же выдѣль съ тѣмъ была указана недостаточность этой системы какъ по формѣ, такъ и по содержанию. Но иное дѣло есть опровержение этой системы. Относительно опровержения какой-либо философской системы въ другомъ мѣстѣ также сдѣлано общее замѣчаніе, что при этомъ слѣдуетъ отвергнуть превратное представление, будто система должна быть признана совсемъ ложною, а истинная система напротивъ—лишь противоположною ложной. Изъ того соотношенія, въ которомъ оказывается здѣсь система Спинозы, сами собою выясняются ея настоящая точка зрѣнія и вопросъ о томъ, истинна она или ложна. Отношеніе субстанциальности возникаетъ изъ природы сущности; это отношеніе, равно какъ расширенное въ дѣломъ развитіе его въ систему, есть поэтому необходимая точка зрѣнія, на которую становится абсолютное. На эту точку зрѣнія не слѣдуетъ потому смотрѣть, какъ на нѣкоторое мнѣніе, какъ на субъективный, произвольный образъ представленія и мышленія нѣкотораго недѣльнаго, какъ на заблужденіе узозрѣнія; напротивъ, послѣднее на своемъ пути необходимо перемѣщается на эту точку зрѣнія, и поскольку оно дѣлаетъ это, система совершенно истинна. Но эта точка зрѣнія не есть высшая. Тѣмъ не менѣе система не можетъ влѣдствіе того быть признаваема ложною, требующею и допускающею опроверженія; но въ ней должно считаться ложнымъ лишь признаніе ея точки зрѣнія за высшую. Истинная система не можетъ потому находиться въ ней лишь въ отношеніи противоположности, ибо это противоположное было бы само одностороннимъ. Напротивъ, какъ высшее, она должна содержать въ себѣ низшее.

Далѣе опроверженіе не должно исходить изъ назвѣ, т.-е. отъ предположеній, лежащихъ въ опроверженій системы, и которыхъ она не соответствуетъ. Она можетъ не признавать этихъ предположеній; недостатокъ въ нихъ есть недостатокъ лишь для того, кто исходить отъ основанныхъ на нихъ потребностяхъ и требованій. Тѣмъ самымъ признано, что для того, кто не предполагаетъ рѣшительно для себя свободы и самостоятельности самосознающаго субъекта, никакое опроверженіе спинозизма не можетъ имѣть мѣста. Сверхъ того такая высокая и въ себѣ самой столь богатая точка зрѣнія, какъ отношеніе субстанциальности, не игнорируетъ этихъ предположеній, а содержитъ ихъ въ себѣ; одитъ изъ атрибутовъ спинозовой субстанции есть мышленіе. Эта точка зрѣнія въ состояніи даже разрѣшить и вобрать въ свой составъ тѣ опредѣленія, подъ которыми даны противорѣчія ей предположенія, такъ что она оказываются усвоенными ею, но въ сообразныхъ съ нею модификаціяхъ. При

такомъ условіи нервъ внѣшняго опроверженія сводится лишь къ тому, чтобы съ своей стороны неподвижно и твердо стоять на противоположныхъ формахъ этихъ предположеній, наприм. на абсолютномъ самостоятельномъ существованіи мыслящаго недѣльнаго въ противоположность формѣ мышленія, поскольку она положена въ абсолютной субстанции, какъ тождественная протяженію. Истинное опроверженіе должно признать силу противника и поставить себя въ кругъ этой силы; нападать же на него изъвне и одерживать надъ нимъ верхъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, не помогать дѣлу. Единственное опроверженіе спинозизма можетъ потому состоять лишь въ томъ, что его (спинозизма) точка зрѣнія признается, во-первыхъ, существовою и необходимою, но что, во-вторыхъ, эта точка зрѣнія изъ себя самой переходитъ въ высшую. Отношеніе субстанциальности, рассматриваемое лишь въ себѣ самою и для себя самого, переводитъ себя въ свою противоположность, въ понятіе. Поэтому, содержащееся въ предыдущей книгѣ изложеніе субстанции, приводящее къ понятію, есть единственное и истинное опроверженіе спинозизма. Оно есть раскрытіе (Enthüllung) субстанции, и послѣднее есть генезисъ понятія, главные моменты котораго были сопоставлены выше. Единство субстанции есть ея отношеніе необходимости; но послѣднее есть такимъ образомъ лишь внутренняя необходимость; и поскольку она полагаетъ себя черезъ моментъ абсолютной отрицательности, она есть обнаруженное или положенное тождество и тѣмъ самымъ свобода, которая есть тождество понятія. Послѣднее, какъ полнота, возникающая изъ взаимодѣйствія, есть единство обихъ взаимодѣйствующихъ субстанцій, такъ что онѣ отнынѣ принадлежатъ свободѣ, поскольку ихъ тождество уже не слѣпое, т.-е. не внѣшнее, а имъ по существу принадлежитъ опредѣленіе быть лишь видимою лишь на моментахъ рефлексии; влѣдствіе чего каждая также непосредственно совпадаетъ со своимъ другимъ или своимъ положеніемъ, и каждая содержитъ свое положеніе внутри себя самой и тѣмъ самымъ положена въ своемъ другомъ, просто какъ тождественная себѣ.

Поэтому, въ понятіи обнаружилось себя царство свободы. Понятіе есть свободное, такъ какъ въ себѣ и для себя сущее тождество, составляющее необходимость субстанции, вмѣстѣ съ тѣмъ есть снотое или положеніе, и это положеніе, какъ относящееся къ себѣ самому, есть именно сказанное тождество. Важная темнота стоявшихъ въ причинномъ отношеніи субстанцій исчезла, такъ какъ первоначальность ихъ самостоятельности перешла въ положеніе и тѣмъ самымъ стала прозрачною для самой себя ясностью; первоначальная миссия вещь (Sache) такова, лишь поскольку она есть причина самой себя, а послѣдняя есть субстанція, освободившаяся въ понятіе.

Отсюда получается для понятія сейчасъ же слѣдующее ближайшее опредѣленіе. Такъ какъ бытие въ себѣ и для себя есть непосредственно положеніе, то понятіе въ своемъ простомъ отношеніи къ себѣ самому есть абсолютная опредѣленность, которая, однако, какъ относящаяся только къ себѣ, есть непосредственно простое тождество. Но это отношеніе опредѣленности къ самой себѣ, какъ ея свидѣніе съ собою, есть также отрицаніе

определенности; и понятие, как это равенство с самим собой, есть общее. Но это тождество имеет также определение отрицательности; оно есть отрицание или определенность, которая относится к себе, и, таким образом, понятие есть единичное. Каждое из этих определений есть полнота, каждое содержит в себе определение другого, и потому оба эти полноты суть также просто одно, как равным образом это единство есть разделение себя самого в свободную видимость этой двойственности; двойственности, которая в различии единичного и общего является полным противоположностью, но которая есть в такой степени видности, что при мышлении и высказывании одного непосредственно мыслится и высказывается другое.

Только что изложенное может быть рассмотрено, как понятие понятия. Так как оно, повидимому, уклоняется от того, что обыкновенно понимается под понятием, то можно бы было потребовать, чтобы то, чем здесь является понятие, содержалось в других представленных или объясненных. Но, с одной стороны, здесь не может идти речь о каком-либо основании на авторитет обычного понимания подтверждения; в науке о понятии его содержание и определение может быть удостоверено лишь через имманентный вывод, содержащий его генезис и уже лежащий позади нас. Но, с другой стороны, в том, что было представлено, как понятие понятия, должно быть познано выведенное здесь. Но нелегко выяснить то, что сказано другими о природе понятия. Ибо большинство совсем не занимается этим изысканием и заранее предполагает, что каждому уже само собою понятно, что разумеется, когда говорят о понятии. В новейшее время можно подумать, что старания о понятии уже тем более устарели, что, как в некоторое время господствовал тон всевозможным образом порицать воображение и забыть память, так теперь в философии уже довольно давно стало обычным копить всякие нарекания над понятием, относиться к нему, этому высшему в мышлении, пренебрежительно и, напротив, считать за высшее, даже за вершину научности и моральности, непонятное и отсутствие понимания.

И ограничусь здесь замечанием, которое может послужить к пониманию развитых здесь понятий и объяснить ориентирование в них. Понятие, поскольку оно достигло такого осуществления, которое само свободно, есть не что иное, как я или чистое самосознание. Правда, я имею понятия, т. е. определенными понятиями; но я есть чистое понятие, как таковое, которое, как понятие, достигло существования. Если поэтому приписать те основные определения, которая образуют природу я, то можно предположить, что мы приносим к я чистое понятие, т. е. общее для представления. Но я есть, во-первых, это чистое понятие, т. е. общее для представления и содержания и совпадает с собой, с самим собой в безграничном равенстве. Таким образом, оно есть общность, единство, которое есть единство с собой лишь через то отрицательное отношение, которое является, как отвлеченность, и потому содержит в себе разобщенную всякую определенность. Во-вторых, я есть также непосредственно относящаяся к себе са-

мой отрицательность, единичность, абсолютная определенность, противопоставляющая себя и исключаящая другое: индивидуальная личность. Эта абсолютная общность, которая непосредственно есть равным образом абсолютная единичность, и то бытие в себе и для себя, которое есть просто положение и есть это бытие в себе и для себя лишь через единство с положением, составляют также природу я, как понятия; в том и в другом нельзя ничего понять, если не мыслить указанные оба момента вместе с тем и в их отвлеченности, и в их полном единстве.

Если, как то обычно принято, говорить о разсудке, как об обладаемом я, то под ним понимают некоторую способность или свойство, находящееся в таком же отношении к я, как свойство вещи к самой вещи, к некоторому непосредственному субстрату, который не есть ее истинное основание и не определяет ее свойства. По этому представлению я имею понятия и понятие, как я имею свертки, цветы и другие внешние свойства. Кант возвысился над таким внешним отношением разсудка, как способности понятий, к самому понятию, к я. К наиболее глубоким и правильным взглядам, относящимся к критике разума, принадлежит тот взгляд, по которому единство, составляющее сущность понятия, познается, как первоначально-синтетическое единство апперцепции, как единство «я мыслю» или самосознания. Это предположение обуславливает так называемый трансцендентальный вывод категорий; но оно не считалось одним из труднейших частей кантовой философии, — конечно, не по какому-либо иному основанию, как потому, что оно требует возвышения над простым представлением отношения, в каком находим я и разсудок или понятия к какой-либо вещи и ее свойствам и акциденциям, в область мысли. Объект, говорит Кант (Кг. d. r. V, стр. 137 2-е изд.), есть то, в понятие чего объединяется многообразие некоторого данного взорения. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в их синтезе. Следовательно, это единство сознания есть то, что одно образует отношение представлений к некоторому предмету, т. е. их объективную стоимость, и на чем основывается самая возможность разсудка. Кант различает от этого единства субъективное единство сознания, единство представления о том, сознаю ли я некоторое многообразие одновременно или последовательно, что зависит от опытных условий. Напротив, принцип объективного определения представлений должны быть выводимы единственно из основоположения трансцендентального единства апперцепции. посредством категорий, которые суть объективные определения, многообразие данных представлений определяется так, что оно приводится к единству сознания. По этому взгляду единство понятия есть то, вследствие чего нечто есть не простое чувственное определение, взорение или простое представление, но объект, объективное единство, единство с самим собой. Понимание некоторого предмета действительно состоит не в чем ином, как в том, что я даю его своим собственным, проявляет его и приводить его в свою собственную форму, т. е. в

общность, которая есть непосредственно определенность, или въ определенности, которой есть непосредственно общность. Предметъ въ воззрѣнн или также въ представленн есть еще нечто внѣшнее, чуждое. Черезъ пониманне бытне въ себѣ и для себя, которое онъ имѣетъ въ воззрѣнн и представленн, превращается въ положенне; а проникаетъ его мысленно. Но онъ есть въ себѣ и для себя, лишь каковы онъ въ мысленн; каковы онъ въ воззрѣнн или представленн, онъ есть явленне; мысленне снимаетъ его непосредственность, съ какою онъ ближайшимъ образомъ приводить къ намъ, и дѣлаетъ его, такимъ образомъ, положеннымъ; а это его положенне есть его бытне въ себѣ и для себя или его объективность. Такимъ образомъ, предметъ имѣетъ объективность въ понятн, и послѣднее есть единство самосознанн, въ которое онъ принятъ, поэтому его объективность или понятне есть само не что иное, какъ природа самосознанн, не имѣетъ никакихъ иныхъ моментовъ или определенн, кромя самого я.

Тѣмъ самымъ черезъ одно изъ главныхъ предложенн кантовой философи оправдывается тотъ взглядъ, по которому для познанн того, что такое понятне, надлежитъ припомнить природу я. Но, наоборотъ, для этого необходимо мыслить понятне я, какъ оно было только что изложено. Если остановиться на простомъ представленн я, какъ оно предносится нашему обычному сознани, то я есть лишь простая вещь, именуемая также душою, которой присуще понятне, какъ нѣкоторое обладанне или свойство. Это представленне, которое не допускаетъ пониманн ни я, ни понятн, не можетъ служить къ тому, чтобы облегчить пониманне понятн или приблизиться къ нему.

Вышеприведенное изложенне Канта содержитъ въ себѣ еще двѣ стороны, касающнся понятн и дѣлающн необходимыми нѣкоторыя дальнѣйшн замѣчанн. Во-первыхъ, ступени разсудка предпосланы ступени чувства и воззрѣнн; и одно изъ существенныхъ предложенн кантовой трансцендентальной философи состоитъ въ томъ, что понятн безъ воззрѣнн пусто и имѣетъ значенне, лишь какъ отношенне даннаго черезъ воззрѣнне многообразн. Во-вторыхъ, на понятне указано, какъ на объективное въ познанн и тѣмъ самымъ какъ на истину. Но съ другой стороны, понятне признается за нѣчто только субъективное, изъ котораго нельзя выколупать (herausklauben) реальности, подъ кою, такъ какъ она противопоставляется субъективности, слѣдуетъ разумѣть объективность; и вообще понятне и логическое объявляются чѣмъ-то лишь формальнымъ, которое, такъ какъ оно отвлекается отъ содержанн, не содержитъ въ себѣ истинн.

Но что касается, во-первыхъ, сказаннаго отношенн разсудка или понятн къ предпосланнымъ ему ступенямъ, то является вопросъ, какая наука занимается определеннн формъ этихъ ступеней. Въ нашей наукѣ, какъ чистой логикѣ, эти ступени суть бытне и сущности. Въ психологн разсудку предпослаются чувство и воззрѣнне и затѣмъ представленне вообще. Феноменологн духа, какъ ученне о сознани, восходитъ къ разсудку по ступенямъ чувственнаго сознани и затѣмъ воспрнати. Кантъ предпосылаетъ ему лишь чувства и воззрѣнне. Какъ прежде всего не полна эта

лѣстница ступеней, это онъ признаетъ тѣмъ, что присоединяетъ къ трансцендентальной логикѣ или ученю о разсудкѣ, какъ прибавленне, еще разсужденне о рефлексивныхъ понятнхъ;—область, лежащую между воззрѣннемъ и разсудкомъ или бытнемъ и понятнемъ. Обращаясь къ самому дѣлу слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что эти образованн воззрѣнн, представленн и т. под. принадлежатъ самосознательному духу, который, какъ таковой, не разсматривается въ наукѣ логики. Чистыя определенн бытн, сущности и понятн, правда, образуютъ собою основу и внутренней простоты остовъ формъ духа; духъ, какъ воззрительный, также, какъ чувственное сознание, имѣетъ определенность непосредственнаго бытн, а духъ, какъ представляющнй, также, какъ воспринимающее сознание, поднялся отъ бытн на ступень сущности или рефлексн. Но эти конкретныя образованн столь же мало касаются науки логики, какъ и тѣ конкретныя формы, которыя принимаются логическими определеннми въ природѣ, и которыя становятся въ ней пространствамъ и временемъ, заснмъ наполненными пространствамъ и временемъ, какъ неорганическою природою, и (наконечъ) органическою природою. Также и здѣсь на понятне должно смотрѣть, не какъ на актъ самосознательнаго разсудка, не какъ на субъективный разсудокъ, но какъ на понятне въ себѣ и для себя, образующее также ступень и природу, и духа. Жизнь или органическая природа есть та ступень природы, на которой выступаетъ понятне, но какъ понятне слѣбное, не усваивающее само себя, т.-е. не мыслящее; какъ послѣднее, оно присуще лишь духу. Отъ этого не духовнаго также, какъ и отъ духовнаго вида понятн не зависитъ его логическая форма; объ этомъ уже во вступленн сдѣлано потребное упомянанне; это такое знаненне, которое должно быть оправдано не въ логикѣ, а высказано еще до нея.

Но какъ бы ни были образованн формы, предшествующн понятню, является, во-вторыхъ, вопросъ объ отношенн, въ коемъ должно быть мыслнмо къ нимъ понятне. Это отношенне какъ въ обычномъ психологическомъ представленн, такъ и въ кантовой трансцендентальной философи, понимается такъ, какъ будто эмпирическая матерн, многообразне воззрѣнн и представленн, заранѣе существуютъ для себя, и затѣмъ разсудокъ приводитъ къ нему, вносить въ него единство и повышаетъ его посредствомъ отвлеченн въ форму общности. Разсудокъ есть, такимъ образомъ, нѣкоторая пустая для себя форма, отчасти приобретающая реальность лишь черезъ это данное содержанне, отчасти отвлекающая отъ него, именно отбрасывающая его, какъ нѣчто, правда, лишь для понятн, непригодное. Въ томъ и въ другомъ дѣйстви понятне не есть независимое, сущностное и истинное этой предшествующей ему матерн, которая, напротивъ, есть реальность въ себѣ и для себя, не могущая быть выколупанною изъ понятн.

Правда, должно быть допущено, что понятне, какъ таковое, еще не полно, но должно быть повшено въ идею, которая только и есть единство понятн и реальности, какъ это должно оказаться черезъ изслѣдованне природы самого понятн. Ибо реальность, которую оно сообщаетъ себѣ, должна

считается не чѣмъ-либо вѣншимъ, а введеннымъ по требованію науки изъ него самого. Но, въ дѣйствительности, эта реальность не есть та данная черезъ воззрѣніе и представленіе матеріи, которая противопоставляется понятию, какъ реальное. „Это только понятие“, — такъ говорятъ обыкновенно, противопоставляя понятию, какъ вѣщо болѣе превосходное, не только идею, но и чувственное, пространственное и временное осязательное существованіе. Такимъ образомъ, отвлеченное считается ничтожѣе конкретнаго, такъ какъ изъ перваго отбрасывается столько-то такой-то матеріи. Отвлеченіе получаетъ при этомъ предположеніи такой смыслъ, что изъ конкретнаго лишь для нашего субъективнаго употребленія выдѣляется тотъ или иной признакъ такъ, чтобы при отриваніи такихъ-то качествъ и свойствъ предмета онъ не утрачивалъ ничего въ своей сѣности и своемъ достоинствѣ, но какъ реально, рассматриваемое лишь съ другой стороны, сохранялъ попрежнему полное свое значеніе, и чтобы лишь отъ неспособности разсудка завѣсла невозможность усвоенія всего этого богатства и необходимости удовлетвориться скудною отвлеченностью. Но если данная матерія воззрѣній и многообразіе представленія признается реальна въ противоположностъ мыслимому и понятию, то это такой взглядъ, отреченіе отъ котораго служитъ условіемъ не только философствованія, но предполагается даже религіею; ибо какъ возможна потребность въ ней и ея смыслъ, если бѣглое и поверхностное явленіе чувственнаго и частнаго еще считается за истину? Философія же даетъ основанный на пониманіи взглядъ на то, что слѣдуетъ разумѣть подъ реальностю чувственнаго бытія, и предпосылаетъ разсудку эти ступени ощущенія и воззрѣнія, чувственнаго сознанія и т. д. постольку, поскольку онъ въ его становленіи служитъ его условіемъ, но лишь такъ, что понятіе возникаетъ, какъ изъ основаніе, изъ ихъ діалектики и уничтоженія, а не такъ, чтобы оно было обусловлено ихъ реальностю. Поэтому на отвлеченное мышленіе слѣдуетъ смотрѣть не просто, какъ на отстраненіе чувственной матеріи, которая при этомъ не терпитъ никакого ущерба въ своей реальности, но оно есть скорѣе силіе послѣдней и сведеніе ея, какъ простаго явленія, къ существенному, проявляющемуся только въ понатіи. Конечно, если бы отвлеченность служила даже лишь признакомъ или знакомъ того, что должно быть оставлено въ понатіи изъ состава конкретнаго явленія, то въ этомъ случаѣ она должна бы была быть какии-либо отдѣльнымъ чувственнымъ опредѣленіемъ предмета, избраннымъ предпочтительно передъ другими ради нѣкотораго вѣншнаго интереса, однороднымъ и одной природѣ съ ними.

Главное недоразумѣніе, которое здѣсь возникаетъ, состоитъ въ томъ мнѣніи, будто естественный принципъ или начало, отъ коего исходятъ въ естественномъ развитіи или въ исторіи развивающагося индивидуума, есть истинное и по понатію первое. Воззрѣніе или бытіе, правда, по природѣ есть первое или условіе понатія, но оно вслѣдствіе того еще не есть безусловное въ себѣ и для себя; напротивъ, въ понатіи снимается ихъ реальность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и та видимость, которую они имѣли, какъ обуславливающее реальное. Если дѣло идетъ не объ истиннѣ, а только объ исторіи,

какъ она имѣетъ мѣсто въ представленіи и въ являющемся мышленіи, то, конечно, можно ограничиться разсказомъ о томъ, что мы начинаемъ съ чувствъ и воззрѣній, а разсудокъ извлекаетъ изъ ихъ многообразія общере или отвлеченное и, понатіе, нуждается для этого въ такой основѣ, которая еще остается для представленія при такомъ отвлеченіи въ той полной реальности, съ кою она впервые обнаруживается. Но философія должна быть не разсказомъ о томъ, что совершается, а познаніемъ того, что въ немъ истинно, и изъ истиннаго она должна далѣе познать то, что является въ разсказѣ, какъ простое событіе.

Если при поверхностномъ представленіи о томъ, что такое понятіе, все многообразіе поставлено вѣдъ понатія и послѣдному остается присуще лишь форма отвлеченной общности или пустаго тождества рефлексіи, то слѣдуетъ прежде всего припомнить о томъ, что уже вообще для полученія понатія или опредѣленія должна опредѣлительно присоединиться къ роду, который и самъ не есть чисто отвлеченная общность, также и специфическая опредѣленность. Если подумать объ этомъ съ нѣсколькими мысленнымъ соображеніемъ о томъ, что отиъ хотѣтъ сказать, то окажется, что тѣмъ самымъ за столь не существенный моментъ понатія признается различіе. Кантъ побудилъ къ такому соображенію посредствомъ той въ высшей степени важной мысли, что существуютъ синтетическія сужденія а priori. Этотъ первоначальный синтезъ апперцепціи есть одинъ изъ глубочайшихъ принциповъ для умозрительнаго развитія; онъ содержитъ въ себѣ начало истиннаго пониманія природы понатія и совершенно противоположенъ тому пустому тождеству или отвлеченной общности, которая вовсе не есть синтезъ внутри себя. Но съ этимъ началомъ мало согласуется далѣйшее изложеніе. Уже выраженіе синтезъ легко приводитъ опять къ представленію вѣншнаго единства, простаго сочетанія того, что въ себѣ и для себя раздѣльно. За снмъ кантова философія останавливалась лишь на психологическомъ рефлексѣ понатія и вновь возвратилась къ утвержденію постояннаго обусловленности понатія многообразіемъ воззрѣній. Она объявляла разсудочное познаніе и опытъ являющимся содержаніемъ не потому, что категоріи сами конечны, а на основаніи психологическаго идеализма потому, что онъ суть лишь опредѣленія, протекшасія изъ самосознанія. Къ сказанному слѣдуетъ присовокупить, что понятіе безъ многообразія воззрѣнія опять-таки должно быть по Канту безсодержательно и пусто, несмотря на то, что оно а priori есть синтезъ, и поскольку оно таково, оно имѣетъ внутри себя самого опредѣленность и различіе. Поскольку синтезъ есть опредѣленность понатія, и тѣмъ самымъ абсолютная опредѣленность, единичность, понятіе есть основаніе и источникъ всякой конечной опредѣленности и многообразія.

То формальное положеніе, которое понятіе занимаетъ, какъ разсудокъ, восполняется въ изложеніи Канта тѣмъ, что есть разумъ. Въ разумѣ на высшей ступени мышленія, понятіе, какъ можно бы было ожидать, должно утратить ту условность, какою оно еще сохраняетъ на ступени разсудка, и достигнуть полной истинны. Но это ожиданіе обманывается. Такъ какъ Кантъ опредѣ-

дѣлаетъ отношеніе разума къ категориямъ, лишь какъ діалектическое, и при томъ понимаетъ результатъ этой діалектики, только какъ безконечное ничто, то безконечное единство разума терять и синтезъ, а тѣмъ самымъ и то начало умозрительнаго, но истинъ безконечнаго понятія; оно становится, какъ извѣстно, чисто формальнымъ, только регулятивнымъ единствомъ систематическаго употребленія разсудка. Считается злоупотребленіемъ логики, если она, которая должна быть только канономъ критики, признается за органъ проваденія объективныхъ взглядовъ. Понятія разума, въ которыхъ слѣдовало бы чать болѣе высокую слуд и болѣе глубокое созерцаніе, уже не живуть въ себѣ ничего конститутивнаго, свойственнаго категориямъ; они суть только идеи; правда, иногда дозволительно употреблять ихъ, но при помощи этихъ умозрительныхъ сущностей, въ которыхъ должна бы была сосредоточиваться вся истина, нельзя мыслить ничего, кромя гипотезъ, приисмывать которымъ истину въ себѣ и для себя было бы позволено и безумно отягощать, такъ какъ онѣ не присущи никакому опыту. Можно ли было бы подумать, что философія станетъ отрицать истину умозрительныхъ сущностей потому, что онѣ лишены пространственной и временной чувственной матеріи?

Съ этимъ непосредственно связана та точка зрѣнія, въ отношеніи съ которой должно вообще разсматривать понятіе и назначеніе логики, и которая въ философіи Канта принимается такъ, какъ это дѣлается обычно: именно въ отношеніи понятія и науки о немъ къ самой истинѣ. Было уже прирочъ объединяется многообразіе воззрѣній, есть это единство лишь черезъ единство самосознанія. Такимъ образомъ, здѣсь опредѣленно высказана объективность мышленія, то тождество понятія и вещи, которая и есть истина. Равнымъ образомъ вообще признается, что, когда мышленіе уславиваетъ данный предметъ, то послѣдній тѣмъ самымъ претерпѣваетъ измѣненіе и превращается въ чувственнаго въ мыслимый; но что это измѣненіе не только ничто не измѣняетъ въ его сущности, а напротивъ онъ именно въ своемъ понятіи есть въ своей истинѣ, въ непосредственности же, въ которой онъ данъ, — лишь явленіе и случайность; что познаніе предмета, познававшее его, есть познаніе его такимъ, каковъ онъ въ себѣ и для себя, и что понятіе и есть сама его объективность. Съ другой стороны опытъ-таки также точно утверждаютъ, что мы не можемъ познавать вещей, каковы онѣ въ себѣ и для себя, и что истина недоступна познающему разуму; что та истина, которая состоитъ въ единствѣ объекта и понятія, есть лишь многообразіе воззрѣній. По этому поводу было уже упомянуто, что, воззрѣнію въ противоположность понятію, и что черезъ понятіе предметъ воззрѣнія, и потому явленіе есть не просто несущественное, а обнаруженіе сущности. Но станше имѣть свободнымъ обнаруженіе ея есть понятіе. Эти пред-

ложенія, о коихъ здѣсь припоминается, не суть поэтому догматически утвержденія, такъ какъ они суть результаты, происходящіе черезъ полное саморазвитіе сущности. Теперешняя точка зрѣнія, къ которой привело это развитіе, состоитъ въ томъ, что форма абсолютнаго, высшаго, чѣмъ бытіе и сущность, есть понятіе. Такъ какъ оказалось, что по этой своей сторонѣ оно подчинило себѣ бытіе и сущность, въ которыхъ при другихъ исходныхъ пунктахъ принадлежатъ также ощущеніе, воззрѣніе и представленіе, и которыя являютъ предшествующими ему условіями, и что оно есть ихъ безусловное основаніе, то остается за нимъ еще вторая его сторона, назложенію которой и посвящена эта третья книга логики, именно изложеніе того, каковы образомъ возникаетъ въ самой себѣ и изъ себя исчезающая въ немъ реальность. Необходимо, конечно, поэтому допустить, что познаніе, которое дано лишь въ понятіи, чисто какъ таковымъ, еще не полно и достигло только отвлеченной истины. Но его неполнота состоитъ не въ томъ, что оно лишено той предполагаемой реальности, которая дана въ ощущеніи и воззрѣніи, а въ томъ, что понятіе еще не сообщило себѣ своей собственной изъ себя самого порожденной реальности. Въ томъ и состоитъ обнаружившаяся въ противоположности чувственной матеріи и въ ней, а точнѣе въ ея категорияхъ и опредѣленіяхъ рефлексія, абсолютность понятія, что оно обладаетъ истинною не только въ томъ видѣ, въ какомъ оно является видѣ и до понятія, но исключительно въ своей идеальности или тождествѣ съ понятіемъ. Выводъ изъ него реальный, если онъ можетъ быть названъ выводомъ, состоитъ по существу ближайшимъ образомъ въ томъ, что понятіе въ своей формальной отвлеченности оказывается недостаточнымъ и черезъ обоснованную въ немъ самую діалектику переходитъ въ реальность такъ, что производитъ ее изъ себя, а не такъ, что снова возвращается къ готовой, найденной въ противоположности ему реальности и прибѣгаетъ къ чему-то, оказавшемуся несущественнымъ явленію, какъ бы такъ, что понятіе въ своихъ поискахъ думнаго не нашло послѣдняго. Навсегда останется достойнымъ удивленія, что философія Канта признала то отношеніе мышленія къ чувственному существованію, на которомъ она остановилась, лишь за условное отношеніе простого явленія и хотя признала и высказала высшее единство ихъ обоихъ въ идеѣ, напр., въ идеѣ некотораго воззрительнаго разсудка, но остановилась на томъ условномъ отношеніи и на признаніи того, что понятіе совершенно отдѣлено и остается отдѣленнымъ отъ реальности; тѣмъ самымъ она признала за истину то, что сама объявила конечнымъ познаніемъ, а то, что она признала за истину и поддела подъ опредѣленное понятіе, объявила переступающимъ ядру, недополненнымъ, мысленными вещами.

Такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь объ отношеніи къ истинѣ логики, а не науки вообще, то слѣдуетъ далѣе признать, что логика, какъ формальная наука, не можетъ и не должна содержать въ себѣ той реальности, которая составляетъ содержаніе дальнѣйшихъ частей философіи, наукъ о природѣ и духѣ. Эти конкретныя науки, конечно, приходятъ къ болѣе реальной формѣ идеи, чѣмъ логика, но при томъ не такъ, чтобы онѣ возвращались опять къ

той реальности, которую уже превозшло сознание, возвысившееся от своего явления до науки, или же к употреблению таких форм, как категории и определения, рефлексия, конечность и неистинность которых изложена в логике. Напротив, логика показывает возвышение идеи до такой ступени, на которой она становится творцом природы и переходит к формам конкретной непосредственности, понятие коей снова разрушается, однако, и это образование для того, чтобы стать самой собою, как конкретный дух. В отличие от этих конкретных наук, ильшихих и сохраняющих, однако, в себя логическое или понятие, как внутреннее образующее начало, сама логика есть, конечно, формальная наука, но наука абсолютной формы, которая есть полнота внутри себя и содержит чистую идею истины. Эта абсолютная форма ильеть в ней самой свое содержание или свою реальность; понятие, поскольку оно не есть обидное, пустое тождество, ильеть в момент своей отрицательности или абсолютной определенности различиями определения; содержание его есть вообще не что иное, как такая определенная абсолютной формы, как положенное через нее саму и потому соответственное ей содержание. Потому эта форма ильеть совсем иную природу, чем обычно приписывается логической формѣ. Она есть уже для себя самой истина, поскольку это содержание соответствует своей формѣ, или эта реальность—своему понятию, и при том чистая истина, так как ее определениям еще несвойственна форма абсолютного ильбия или абсолютной непосредственности. Когда Кант Кг. д. г. Верг. ч. II, введение III приходит относительно логики к старому и знаменитому вопросу: что есть истина? то он дарит прежде всего, как нечто общезвестное, объяснение названия, — именно, что она есть согласие познания с его предметом; определение, ильющее громадную, даже величайшую чѣвность. Если вспомнить о нем при том основном утверждении трансцендентального идеализма, что познание не может постигнуть вещи в себя, что реальность лежит совершенно вне понятий, то сейчас же окажется, что такой разум, который не может привести себя в согласование со своим предметом, вещами в себя, и вещи в себя, которые не согласуются с понятиями разума, понятие, которое не согласуется с реальностью, и реальность, которая не согласуется с понятием, суть неистинная представления. Если бы Кант при этом определении истины сохранял идею воззрительного разсудка, то он отнес бы к этой идее, выражающей требуемое согласие (реальности и понятия), не как к мысленной вещи, а именно как к истинной.

То, знание чего требуют, объясняет даже Кант, есть всеобщий и вѣрный критерій истины всякого познания; он должен быть таковым, но так как при нем отбрасывается от всего содержания познания (от отношений к его объекту), а истина касается именно этого содержания, то было бы совершенно невозможно и нельзя спрашивать о признаках истины этого содержания познания. Здесь очень определенно наложено обычное представление о формальной функции логики, и

приведенное рассуждение кажется весьма убедительным. Но при этом следует прежде всего заметить, что обычная участь такого формального рассуждения—забывать в своем словесном изложении то, что составляет его основу, и о чем оно говорит. Утверждается, что было бы нельзя спрашивать о критерии истины содержания познания; но по приведенному выше определению истину составляет не содержание, а его согласие с понятием. Содержание, о котором здесь говорится, без понятия есть лишнее понятие, стало быть лишнее и сущности; о критерии истины такого содержания, конечно, нельзя спрашивать, но по противоположному основанию, именно потому что оно в своей непрячности понятию может быть не требуемым согласием, а лишь чем-то принадлежащим к лишенному истины ильбию. Оставим в стороне упоминание о содержании, порождающее здесь ту запутанность, в которую постоянно впадает формализм и которая побуждает его говорить обратное тому, что он хочет сказать, но скоро он впадает в объяснение, и останавливается на том отвлеченном взгляде, по коему логическое лишь формально и отвлечено от всякого содержания; в таком случае мы получаем одностороннее знание, не содержащее в себя никакого предмета, пустую, лишенную определенную форму, которая, стало быть, столь же мало есть согласие — ибо для согласия существенны две стороны, — сколь мало есть истина. В априорном синтезе понятия Кант признает высший принцип, в коем может стать познанию двойственность в единствѣ, следовательно, то, что требуется для истины: но чувственная материя, многообразие воззрительных ильбий над ним слишком много силы для того, чтобы дать ему возможность дойти до разсмотрѣния понятия и категорий в себя и для себя и до умозрительного философствования.

Так как логика есть наука абсолютной формы, то это формальное, чтобы стать истинным, должно ильеть в нем самом илькоторое содержание, соответственное его формѣ, т.-е. должно быть логически истинным, самую чистую истинную. Влѣдствие того это формальное должно внутри себя быть гораздо богаче определениями и содержанием, а также быть мыслимым обладающим безогочно большим числом над конкретным, чем то обыкновенно признается. Логические законы для себя (если отбросить все ипородное, прикладную логику и иной психологической и антропологической материя) сводятся обыкновенно, крох начала противорѣчия, на ильсколько скучных предположений о превращении суждений и формах умозаключений. Даже относясь сюда формы, равно как их дальнейшие определения, излагаются лишь как бы исторически, а не подвергаются критикѣ с целью установить, истинны ли онѣ в себя и для себя. Так, наприм., форма утвердительного суждения считается за нечто совершенно правильное в себя, хотя истина этого суждения всецѣло зависит от содержания. Есть ли эта форма в себя и для себя форма истины, высказанное во ней предположение — единичное есть ильчто общее — не диалектично ли в себя, об изслѣдовании этого вопроса не думать. Просто признается, что это суждение само для себя способно содержать истину, и что каждое предположение, выска-

живаемое в этом суждении, истинно, хотя непосредственно явствуется, что ему не хватает того, что требуется определением истины, именно согласия понятия со своим предметом; скажем, которое, как понятие, есть здесь общее, и подлежащее, которое, как предмет, есть единичное, не согласуются одно с другим. Но если отвлеченное общее, составляющее сказуемое, еще не образует собою понятия, для которого без сомнения требуется нечто большее, а также если такое подлежащее иметь не больше чьей грамматической смысл, то как же может суждение содержать в себе истину, коль скоро его понятие и предмет между собою не согласуются, или ему не хватает понятия, а может быть и предмета? Поэтому скорее невозможно и нельзя желать схватить истину в таких формах, как утвердительное суждение или суждение вообще. Как философия Канта не рассматривала категорий в себе и для себя, но объявляла их по тому ложному основанию, что они суть субъективные формы самознания, конечными определениями, неспособными содержать в себе истину, так она еще в меньшей мере подвергла критике формы понятия, составляющие содержание обычной логики; напротив, эта философия приняла часть последней, именно функции суждений, за определение категорий и придала им значение правильных предположений. Если в логических формах не усматривать даже ничего кроме формальных функций мышления, то и в таком случае заслуживало бы изыскания, в какой мере они сами для себя соответствуют истине. Логика, которая этим не занимается, может извлекать признание самое большее на значение естественного исторического описания явлений мышления, описания того, как они совершаются. Безоценная заслуга Аристотеля, которая должна наполнять нас величайшим удивлением, в том, что он предпринял такое описание. Но необходимо идти далее и познать отчасти систематическую связь, отчасти же чуждость этих форм.

Разделение.

Понятие, согласно рассмотренному выше, есть единство бытия и сущности. Сущность есть первое отрицание бытия, которое вследствие того стало видностью, понятие есть второе или отрицание этого отрицания, стало бытием, бытие восстановленное, но как безотносительно и отрицание его внутри себя самого. Поэтому в понятии бытие и сущность уже не имеют определения, как бытие и сущность, а равным образом не состоят в таком единстве, что каждое имеет видимость в другом. Поэтому в понятии нет различия по этим определениям. Оно есть истина того субъективного отношения, в котором бытие и сущность достигают одно через другое своих полных самостоятельности и определения. Истиною и вместе с тем только положением. Положение есть существование и различение, поэтому в понятии бытие в себе и для себя достигло соответствующей

ица себя и истинного существования, ибо это положение есть само бытие в себе и для себя. Это положение образует различие понятия в нем самом; его различия, поскольку оно непосредственно есть бытие в себе и для себя, суть сами полные понятия; они общи в их определенности и тождественны со своим отрицанием.

Теперь мы достигли самого понятия понятия. Но это еще только его понятие, или, иначе, понятие само есть еще только понятие. Так как оно есть бытие в себе и для себя, поскольку оно есть положение или абсолютная субстанция, поскольку оно обнаруживает необходимость различаемых субстанций, как тождество, то это тождество должно быть самоположением того, что оно есть. Моменты движения отношения субстанциальности, через которое становится понятие, и изображенная через это реальность находится лишь в переходе к понятию, она еще не есть свое собственное, происходящее из понятия определение; она падает еще в сферу необходимости, своим же может в нем быть лишь его свободное определение, существование, в котором оно тождественно с собою, моменты которого суть понятия и положены через него само.

Поэтому понятие, во-первых, есть лишь в себе истина; так как оно есть только нечто внутреннее, то оно есть также только нечто внешнее. Оно есть, во-вторых, вообще нечто непосредственное, и в этом вид его моменты имеют форму непосредственных, твердых определений. Оно является, как определенное понятие, как сфера простого разсудка. Так как эта форма непосредственности есть еще несоответствующее его природе существование, ибо оно есть лишь к себе самому относящееся свободное, то она есть некоторая видная форма, в которой понятие может считаться не сущим в себе и для себя, а лишь положенным или чьим-то субъективным. Вид непосредственного понятия образует ту точку зренья, с которой понятие есть субъективное мышление, некоторая видная для вещи рефлексия. Эта степень образует собою полноту субъективности или формальное понятие. Его видимость проявляется в твердом бытии его определений, вследствие чего каждое выступает для себя, как нечто отдельное, качественное, состоящее лишь во внешнем отношении к своему другому. Но тождество понятия, которое именно и есть внутренняя или субъективная его сущность, приводит его в диалектическое движение, через которое снимается его отдельность, а с тем вместе отделение понятия от вещи, и, как его истина, возникает полнота, образующая собою объективное понятие.

Во-вторых. Понятие в своей объективности есть сама сущая в себе и для себя вещь. Через свое необходимое дальнейшее определение формальное понятие обращает само себя в вещь и тем самым утрачивает отношение субъективности и видности к ней. Иначе, наоборот, объективность есть выступившее из своей внутренности и перешедшее в существование реальное понятие. В этом тождестве с вещью оно имеет тем самым собственное и свободное существование. Но это еще непосредственная, еще не отрицательная свобода. Как единое с вещью,

ОС 681

1844/1845

9966

понятие погружено в нее; его различия суть объективны осуществления, в которых оно само снова есть внутреннее. Как душа объективного существования, оно должно сообщить себя ту форму субъективности, которую оно, как формальное понятие, имело непосредственно; таким образом, в форм свободного, которой оно еще не было в объективности, оно выступает в противоположности с последним, и тем самым обращает тождество с собою, которым оно, как объективное понятие, в себя и для себя обладает с ним, также в положенное.

В этом своем завершении, в котором оно и в своей объективности также имеет форму свободы, адекватное понятие есть идея. Разум, который есть сфера идеи, есть самой себя открывающаяся истина, в которой понятие находит совершенную соответствующую ему реализацию, и свободно носталью, поскольку оно познает этот свой объективный мир в своей субъективности, а последнюю в нем.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Субъективность.

Понятие есть, во-первых, формальное, которое непосредственно. В непосредственном единствѣ его различіе или положеніе, во-вторых, само ближайшимъ образомъ просто и есть только нѣкоторая видимость, такъ что моменты различія суть непосредственно полнота понятія и образуютъ собою понятіе, какъ таковое.

Но, во-вторыхъ, такъ какъ оно есть абсолютная отрицательность, то оно уничтожаетъ само себя и полагаетъ себя, какъ отрицательное или какъ другое себя самого; и именно потому, что оно есть прежде всего непосредственное, это положеніе или различіе имѣетъ то опредѣленіе, что моменты становятся безразличными одинъ относительно другого, каждый становится для себя; единство понятія въ этомъ раздѣленіи есть лишь вѣншее отношеніе. Какъ такое отношеніе связь положенныхъ самостоятельными и безразличными моментами, оно есть сужденіе.

Въ-третьихъ, сужденіе, правда, содержитъ въ себѣ единство распавшагося на свои самостоятельные моменты понятія, но это единство не положено. Такимъ оно становится черезъ диалектическое движеніе сужденія, которое такъ самымъ становится указаніемъ, вполнѣ положеннымъ понятіемъ, такъ какъ въ указаніемъ, вполнѣ положеннымъ самостоятельными противоположными положеніями также и моменты его, какъ самостоятельные противоположныя стороны, и опосредывающее ихъ единство.

Но такъ какъ непосредственно это единство, какъ соединяющее среднее, а моменты, какъ самостоятельныя крайнія, ближайшимъ образомъ противоположны, то это противорѣчивое отношеніе, имѣющее мѣсто въ формальномъ указаніемъ, снимаетъ себя, и полнота понятія переходитъ въ единство члѣстности, субъективность понятія въ его объективности.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Понятіе.

Подъ разсудкомъ обыкновенно разумѣется вообще способность понятія, и онъ тѣмъ самымъ отличается отъ силы сужденія и способности указаніемъ, какъ отъ формальнаго разума. Но, главнымъ образомъ, онъ противоплагается разуму и въ этомъ смыслѣ онъ означаетъ способность не понятія вообще, а опредѣленныхъ понятій, при чемъ господствуетъ представленіе, будто понятіе есть только нѣчто опредѣленное. Если разсудокъ въ этомъ своемъ значеніи отличается отъ формальной силы сужденія и формальнаго разума, то его слѣдуетъ признавать способностью единичныхъ опредѣленныхъ понятій. Ибо сужденіе и указаніемъ или разумъ суть сами, какъ формальное, лишь нѣчто разсудкомъ, такъ какъ они подчинены формѣ отвлеченной опредѣленности понятія. Но здѣсь понятіе считается вообще не только отвлеченно-опредѣленнымъ; поэтому разсудокъ отличается отъ разума лишь такъ, что первый есть вообще лишь способность понятія.

Это общее понятіе, подлежащее здѣсь теперь разсмотрѣнію, содержитъ въ себѣ три момента: общность, частность и единичность. Различіе и тѣ опредѣленія, которое оно сообщаетъ себя въ различіемъ, образуютъ собою ту сторону, которая ранѣе того была названа положеніемъ. Такъ какъ въ понятіи послѣднее тождественно бытію въ себѣ и для себя, то каждый изъ этихъ моментовъ есть также члѣное понятіе, какъ опредѣленное понятіе и какъ нѣкоторое опредѣленіе понятія.

Во-первыхъ, оно есть чистое понятіе или опредѣленіе общности. Но чистое или общее понятіе есть также лишь опредѣленное или порозненное понятіе, которое ставитъ себя на-ряду съ другими. Такъ какъ понятіе есть члѣстность, т.-е. въ своей общности или въ чистомъ тождественномъ отношеніи къ себѣ есть по существу опредѣленіе и отлчненіе, то оно въ немъ самомъ имѣетъ мѣсто, по коему эта форма его тождества съ собою, приняла и объема собою всѣ моменты, опредѣляетъ себя также непосредственно къ тому, чтобы быть только общимъ въ противоположность различности моментовъ.

Во-вторыхъ, понятіе есть тѣмъ самымъ это частное или опредѣленное понятіе, положенное, какъ отличное отъ другихъ.

Въ-третьихъ, единичность есть понятіе, рефлектирующее себя изъ различія въ абсолютную отрицательность. Это есть имѣть съ тѣмъ тотъ моментъ, въ которомъ оно перешло изъ своего тождества въ свое инобытіе и становится сужденіемъ.

A.

Общее понятіе.

Чистое понятіе есть абсолютно безконечное, безусловное и свободное. Здѣсь въ началѣ изложенія, имѣющаго своимъ содержаніемъ понятіе, надле-

жить еще раз бросить взгляд на его genesis. Сущность есть результат становления бытия, а понятие—сущности, стало быть, также бытия. Но это становление имеет значение отталкивания себя, так что ставшее есть скорее безусловное и первоначальное. Бытие в своем переходе в сущность стало видимостью или положением бытия, а становление или переход в другое—в некотором положении; и наоборот, положение или рефлексия сущности сняло себя и восстановило себя в неположное, в первоначальное бытие. Понятие есть взаимное проникновение этих моментов, так что качественное и первоначально-сущее есть лишь положение и лишь возврат внутрь себя, и эта чистая рефлексия в себя есть просто становление другого или определенность, которая именно поэтому есть определенность безопредечная, относящаяся к себе.

Поэтому понятие есть во-первых, такое абсолютное тождество сь собою, что оно таково, лишь как отрицание отрицания или как безопечное единство отрицательности сь самим собою. Это чистое отношение понятия к себе, которое становится отношением к действителю того, что оно полагает себя через отрицание, есть общность понятия.

Так как общность есть в высшей степени простое определение, то она, по видимому, не допускает никакого объяснения; ибо объяснение требует определения и различий и быть связанным кь своему предмету, а то, что просто, таким путем скорее выявляется, чьмъ объясняется. Но именно природа общего и состоит в томъ, что она есть такое простое, которое вследствие абсолютной отрицательности содержит внутри себя высша различие и определенность. Бытие просто, так как оно непосредственно; потому оно есть чинное (gemeintes), и про него нельзя сказать, что оно таково; потому оно есть непосредственно одно со своим другим, небытием. Именно в томъ и состоит его понятие, что оно есть такое простое, непосредственно исчезающее в своей противоположности; оно есть становление. Общее есть, напротив, простое, которое есть также самое богатое внутри себя самого, ибо оно есть понятие.

Поэтому, оно есть, во-первых, простое отношение кь себе самому; оно только внутри себя. Но это тождество есть, во-вторых, внутри себя абсолютное опосредование, но не нечто опосредованное. О таком общем, коти и единичному общему, может идти речь лишь по поводу определенного посылания прочьмъ определеннаго конкретного. Эти определения, какъ таковы, отрицательны. Такимъ образом, при отвлечении также имеетъ место отрицание для отвлеченнаго вышнее, и какъ будто какъ отбрасываемыя дальнейша ства конкретного составляющих содержание отвлеченнаго, такъ и действия отбрасывания однихъ и удержания другихъ совершаются выш его. В такой вышности общее еще не определяло себя в отличие отъ своего дви-

жения; оно есть еще само внутри себя то абсолютное опосредование, которое именно и есть отрицание отрицания или абсолютная отрицательность.

Соответственно этому первоначальному единству, первое отрицательное или определение не есть, во-первых, какое-либо ограничение общего, но последнее сохраняется в немъ и положительно тождественно сь собою. Категории бытия, какъ понятия, были по существу этими тождествами определенны сь самими собою в ихъ ограниченн или ихъ необити; но это тождество было лишь понятиемъ вь себе; оно еще не обнаруживалось. Поэтому, качественное определение, какъ таковое, перешло вь его друга и имело свою истинную некоторое отличное отъ него определение. Напротив, общее, даже когда оно полагает себя вь некоторомъ определении, остается вь немъ темъ же, что оно есть. Оно есть дума конкретнаго, коему оно присуще, не стьенное и саморавное вь его многообразии и различии. Оно не уходитъ вь становление, но продолжается непрерывное имъ и имеетъ силу неизвѣнаго, безсмертнаго самосохранения.

Равнымъ образом, оно не имеетъ только видимости вь другомъ, какъ определение рефлексии. Последнее, какъ относительное, не только относится лишь кь себе, но есть некоторое отношение. Оно обнаруживаетъ себя вь своемъ другомъ, но имеетъ вь немъ лишь видимость, и видимость каждаго вь другомъ или ихъ обоюдное определение при ихъ самостоятельности имеетъ форму вышнего действия. Напротив, общее положено, какъ сущность своего определения, какъ его собственная положительная природа. Ибо определение, составляющее его отрицательное, есть вь понятии только его положение или, по существу, вместе сь темъ отрицательное отрицательнаго, и лишь это тождество отрицательнаго сь собою и есть общее. Темъ самымъ общее есть также субстанция своихъ определений, но такъ, что то, что было для субстанции, какъ таковой, случайнымъ, есть собственное опосредование понятия самимъ собою, его собственная имманентная рефлексия. Но это опосредование, ближайшимъ образомъ повышающее случайное вь необходимость, есть обнаруженное отношение; понятие не есть причина безформенной субстанции или необходимость, какъ внутреннее тождество различныхъ одна отъ другой и взаимно ограничивающихся вещей или состояний, но абсолютная отрицательность формирующаго и создающаго; и такъ какъ определение есть не ограничение, а просто снятое, положение, то видимость есть явление тождественнаго.

Поэтому общее есть свободная сила; оно есть и оно само, и захватываетъ свое другое, но не насильственно, а такъ, что оно скорее покоится и остается при себе самомъ вь другомъ. Какъ оно названо свободною силою, такъ оно могло бы быть названо свободною любовью и безграничнымъ блаженствомъ, ибо оно есть отношение кь различному отъ себя, лишь какъ кь себе самому, оно возвращение кь различному кь самому себе.

Только что было упомянуто обь определенности, хотя понятие, какъ пока лишь общее и тождественное себе, еще до нея не дошло. Но нельзя говорить обь общемъ безъ определенности, которая при ближайшемъ рассмо-

тудин есть частность и единичность; ибо оно заключает в себе в своей абсолютной отрицательности и для себя; таким образом, определенность берется не извне, если о ней говорится по поводу общего. Как отрицательность вообще или по первому, непосредственному отрицанию, оно вообще имеет в нем самую определенность, как частность; как второе, как отрицание отрицания, оно есть абсолютная определенность или единичность и конкретность. Тем самым общее есть полнота понятия, оно есть конкретное, а не пустое, и в нем скорее содержание через свое понятие, содержание, в котором оно не только сохраняется, но которое есть его собственное и имманентное сущ. От содержания, правда, можно отвлечь, но при этом получается не общность понятия, а лишь отвлеченное, которое есть изолированный, несовершенный момент понятия и не имеет в себе истины.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении общее оказывается этим полнотом. Поскольку оно имеет внутри себя определенность, оно есть не только первое отрицание, но и его рефлексия в себя. Взаимно для себя с этим первым отрицанием оно есть частное, как это будет сейчас рассмотрено; но и в этой определенности оно по существу есть еще общее; здесь оно еще должно быть понимаемо с этой стороны. А именно эта определенность, как в понятии полная рефлексия, есть двоякая видимость, с одной стороны, видимость во внешнюю рефлексия в другое, с другой стороны, видимость во внутреннюю рефлексия в себя. Эта внешняя видимость образует собой отличие от другого; тем самым общее приобретает частность, находящую свое разрешение в некотором высшем общем. Поскольку оно теперь есть также лишь относительно-общее, оно не утрачивает своего характера общего; оно сохраняется лишь в своей определенности и при том не так, чтобы в соединении с тем оно оставалось относительно неа безразличным—в таком случае оно было бы лишь совокуплено с нею—но так, что оно есть именно то, что только что было названо видимостью во внутреннюю. Определенность, как определенное понятие, заворачивается внутри себя в видимость; она есть, собственно, имманентный характер, нечто существенное потому, что оно приняло в общность и проникнуло ею, имеет равный с нею объект, тождественно с нею также проникает ее; это характер, принадлежащий роду, как нераздельная с общностью определенность. Потому оно есть не обращенное во внешнюю видимость, но нечто положительное, так как через общность оно находится в свободном отношении к себе. Таким образом, и определенное понятие остается внутри себя безусловно-свободным понятием.

Что касается другой стороны, по которой род ограничен своим определенным характером, то было уже замечено, что, как низший род, он находит свое разрешение в высшем общем. Последнее может снова быть понимаемо, как род, хотя более отвлеченный, но опять-таки принадлежащий лишь той стороне определенного понятия, которая направлена во внешнюю. По истинной высшее общее есть то, в коем эта направленная во внешнюю сторона

принимается обратно внутрь, то второе отрицание, в котором определенность есть только положенное или видимость. Жизнь, я, дух, абсолютное понятие суть общее не только в смысле высших родов, но как конкретное, определенности которого также суть не только виды или низшие роды, но в своей реальности суть совершенно в себе и исполнены ею. Поскольку жизнь, я, конечный дух также суть лишь определенности понятия, они находят абсолютное разложение в том общем, которое должно быть понимаемо, как по истинной абсолютное понятие, как идея безконечного духа, положение которого есть безконечность, прозрачная реальность, в коей оно есть свое творение и сам себя в ней содержит.

Истинное, безконечное общее, которое есть непосредственно как частность, так и единичность, должно быть теперь рассмотрено ближе, как частности. Оно определяет себя свободно; его обращение в конечное не есть переход, имеющий место лишь в сфере бытия; это творческая сила, как абсолютная отрицательность, которая относится к себе самой. Как таковая, она есть различие внутри себя, а последнее есть определение, состоящее в том, что различие тождественно с общностью. Тем самым оно есть положение самих различий, как общих, относящихся к себе. Через то они становятся фиксированными, изолированными различиями. Изолированная устойчивость конечного, которая ранее определялась, как ее бытие для себя, также как вещьность, субстанция, есть в своей истинной общности; и этой формой безконечное понятие облакает свои различия формой, которая и есть именно сама эти различия. В том и состоит творчество понятия, могущее быть понятым лишь в этом его внутреннем смысле.

В.

Частное понятие.

Определенность, как таковая, свойственна бытию и качественному; как определенности понятия, она есть частность. Она есть не граница, т. е. не относится к некоторому другому, как своей потусторонности, но скорее, как было только что указано, есть собственный имманентный момент общего; последнее находится потому в частности не при чем либо другом, но воплоти при себе самом.

Частное содержит в себе общность, составляющую его субстанцию; род есть неизменно в своих видах; виды различаются не от общего, а только одним от другого. Частное имеет с другими частями, к которым оно относится, одну и ту же общность. Вместе с тем их различие в виду их тождества с самим, как таковое, общее; оно есть чуждость. Таким образом, частное не только содержит в себе общность, но также изображает последнее через свои определенности; она тем самым образует собой ту сферу, которую должно исчерпать частное. Эта чуждость, поскольку определенность частного берется просто, как различие, является полнотом. В этом смысле виды образуют полноту, по-

сколькx их нѣтъ болѣе, чѣмъ перечислено. Для нихъ нѣтъ никакого внутренняго мѣрила или принципа, такъ какъ различіе есть то лишнее единства различіе, относительно котораго общность, составляющая абсолютное единство для себя, есть лишь вышній рефлексъ и неограниченная, случайная полнота. Но различіе переходитъ въ противоположеніе, въ имманентное отношеніе различнаго. Частность же есть общность въ себѣ и для себя, такое имманентное отношеніе не вслѣдствіе перехода; она есть цѣлостность внутри себя самой и простая опредѣленность, принципъ по существу. Она не имѣетъ иной опредѣленности, кромѣ положенной черезъ само общее и вытекающей изъ послѣдняго слѣдующимъ образомъ.

Частное есть само общее, но первое есть различіе втораго или отношеніе къ другому, видимость втораго во внѣ; но нѣтъ никакого другаго, отъ котораго отличалось бы частное, кромѣ самого общаго. Общее опредѣляетъ себя и, такимъ образомъ, само есть частное; опредѣленность есть его различіе; оно отличается только отъ самого себя. Поэтому его виды суть только: а, само общее, и б, частное. Общее, какъ понятіе, есть и оно само, и его противоположность, которое есть опять-таки оно само, какъ его положенная опредѣленность; общее захватываетъ ее и остается въ ней при себѣ. Такимъ образомъ, оно есть полнота и принципъ своего различія, опредѣленное вещью лишь нѣтъ самимъ.

Поэтому нѣтъ иного истиннаго различія, кромѣ того, что понятіе само ставитъ себя въ сторону, какъ непосредственную, неопредѣленную общность; именно это неопредѣленное и составляетъ его опредѣленность или то, въ слухуванія. То и другое, какъ частное, есть частнаго и потому координированности. То и другое, какъ частное, есть также опредѣленное въ противоположность общему; въ этомъ смыслѣ оно называется подчиненнымъ послѣднему. Но именно потому это общее, въ противоположность понюу опредѣлено частное, тѣмъ самымъ скорѣе само есть также лишь одно изъ противоположныхъ. Если вы говоримъ о двухъ противоположныхъ, то мы должны потому также снова сказать, что оба они составляютъ частное, не только вмѣстѣ, какъ бы для вышней рефлексіи они были равно частными, но ихъ опредѣленность въ противоположность одного другому есть по существу лишь одна опредѣленность, отрицательность, которая въ общемъ лишена сложности.

Различіе, какъ показано, есть здѣсь въ своемъ понятіи и тѣмъ самымъ въ своей истинѣ. Вѣское предыдущее различіе находитъ это единство въ котораго другаго; какъ данное въ рефлексіи, оно есть граница и какъ относящееся по существу къ своему другому; здѣсь тѣмъ самымъ единство понятія начинаетъ становиться положеннымъ, но ближайшимъ образомъ, опредѣленіе имѣть лишь тотъ истинный смыслъ, что они достигаютъ своего понятія, истины; бытіе, существованіе, нѣчто или цѣлое, части и т. д., субстанція и акциденція, причина и дѣйствіе суть для себя лишь мысленныя

опредѣленія; онѣ становятся понятія, какъ опредѣленныя понятія, поскольку каждое изъ нихъ познано въ единствѣ со своимъ другимъ или противоположнымъ. Напримеръ, цѣлое и части, причина и дѣйствіе и т. д. не суть еще различныя, опредѣленныя, какъ частныя, одно въ противоположность другому, такъ какъ хотя онѣ въ себѣ составляютъ одно понятіе, но ихъ единство не достигло еще формы общности; такимъ образомъ, и различіе, присутствующее этимъ отношеніямъ, не имѣетъ еще такой формы, что оно есть одна опредѣленность. Напримеръ, причина и дѣйствіе суть не два различныхъ понятія, а лишь одно опредѣленное понятіе, и причинности, какъ всякое понятіе, есть нѣчто простое.

Относительно полноты оказалось, что опредѣленное, какъ частное, достигаетъ полноты въ различіи общаго и частнаго, и что лишь эти два составляютъ частныя виды. Въ природѣ, конечно, въ одномъ и томъ же родѣ бываетъ болѣе двухъ видовъ, такъ что эти многіе виды не имѣютъ вышеуказаннаго отношенія противоположности. Таково бесчисліе природы, что она не въ состояніи сохранить и выразитъ собою строгость понятія и претерпѣваетъ въ такомъ чуждомъ понятію слѣдующимъ многообразіи. Природа въ разнообразіи своихъ родовъ и видовъ и въ безконечномъ различіи своихъ образованій можетъ вызывать въ насъ удивленіе, такъ какъ въ удивленіи нѣтъ понятія, и его предметъ есть неразумное. Такъ какъ природа есть и бытіе понятія, то ей предоставлено впадать въ это различіе, подобно тому, какъ духъ, хотя имѣетъ понятіе въ образѣ понятія, впадаетъ также и въ предствленіи и вращается въ нихъ безконечно въ многообразіи. Многочисленные природные роды и виды должны считаться за нѣчто не-высшее произвольныхъ причудъ духа въ его представленіяхъ. Въ тѣхъ и другихъ, правда, понюу видны слѣды и частнаго понятія, но изображающіе послѣднее не въ вѣрномъ отраженіи, такъ какъ они суть стороны его свободнаго бытія; понятіе есть абсолютная сила именно потому, что оно можетъ провалить свои различія свободно въ образѣ самостоятельныхъ различій, вышней необходимости, случайности, произвола, итѣны, которыя должны, однако, считаться не болѣе чѣмъ отвлеченной стороной ничтожества.

Опредѣленность частнаго, какъ мы видѣли, есть просто принципъ, но она есть также моментъ цѣлаго, опредѣленность въ противоположность другаго опредѣленности. Понятіе, поскольку оно опредѣляетъ или отличаетъ себя, направлено отрицательно къ своему единству и сообщаетъ себѣ форму одного изъ своихъ идеальныхъ моментовъ бытія; какъ опредѣленное понятіе, оно имѣетъ вообще существованіе. Но это бытіе имѣетъ значеніе уже не простой непосредственности, а общности, черезъ абсолютное опосредованіе равной себѣ непосредственности, которая содержитъ въ себѣ также другой моментъ, сущность или рефлексію. Эта общность, коюю облечено опредѣленное, есть отвлеченная. Частное имѣетъ общность внутри его, какъ свою сущность; по поскольку опредѣленность различія положена и тѣмъ самымъ имѣетъ бытіе, форма находится въ немъ, и опредѣленность, какъ таковая, есть поддержка. Общность становится формой, поскольку отлчичіе есть существенное,

как, наоборот, в чисто общем он есть абсолютная отрицательность, а не такое отличие, которое положено, как таковое.

Хотя теперь определенность есть отвлеченное в противоположность другой определенности, но так как эта другая есть лишь сама общность, то последняя тем самым есть также отвлеченность, и определенность понятия или частность есть опять-таки не что иное, как определенная общность. Понятие в ней влѣ себя; поскольку оно есть то, что в ней влѣ себя, отвлеченно-общее содержит в себя всѣ моменты понятия; оно есть α , общность, β , определенность, γ , простое единство обших; но это единство непосредственное, и потому частность не есть полнота; во это единство непосредственное, и потому частность не есть полнота. Влѣ себя она есть также эта полнота и опосредование; она есть по существу отношению к другому или снятие отрицания, т.е. другой определенности, — другой, которая предстает однако, лишь как ивлѣние, ибо она непосредственно исчезает и обнаруживает себя, как то, члѣм должно быть ея другое. Тем самым эта общность дѣлается, таким образом, отвлеченной, так как опосредование есть лишь условие или, иначе, не положено в нем самом. Так как оно не положено, то единство отвлеченного ивлѣть форму непосредственности, а содержание — форму безразличия в противоположность своей общности, так как оно не есть та полнота, какую представлять собой общность, лиственной отрицательности. Отвлеченно-общее есть тем самым хотя и понятие, но как лишенное понятия, как понятие, которое не положено, как таковое.

Если ивлѣть рлѣе общ определенном понятии, то обыкновенно понятие разлѣчается лишь такое чисто отвлеченно-общее. Равным образом, под понятие и слово разлѣчек означать способность таких понятий. Этому понятию вобще болѣе частью отвлеченно-общее. Равным образом, под понятие разлѣчек означать способность таких понятий. Этому понятию вобще болѣе частью отвлеченно-общее. Равным образом, под понятие и слово разлѣчек означать способность таких понятий. Этому понятию вобще болѣе частью отвлеченно-общее.

Впрочем, отвлеченность в различных атрибутах и модусах. она есть определенное понятие; она ивлѣть содержанием некоторую определенность; сущность, доведенная до крайней высоты, чистая отвлеченность, определенность есть неопределенность, так как первая должна противостоять определенному. Но поскольку высказывается, что она такое, снимается то самое, члѣм она должна быть; она высказывается, как одно и то же сь опредѣ-

ленностью и, таким образом, из отвлеченности восстанавливается понятие и его истина. Но каждое определенное понятие, конечно, пусто настолько, поскольку оно содержит в себе не полноту, а лишь некоторую одностороннюю определенность. Если ему даже свойственно конкретное содержание, напр. человекъ, государство, животное и т. п., оно все же остается пустым понятиемъ, поскольку его определенность не есть принцип его различий; принципъ содержит в себе начало и сущность своих развити и реализации; всякая же иная определенность понятия безжизненна. Потому, если понятие порождается вообще, как пустое, то тем самым не пранимается в расчете та абсолютная определенность, которая есть различие понятия и единствено-истинное его элементарное содержание.

Слѣ же относится то обстоятельство, вследствие которого в новое время разлѣчек мало дѣлится и так ивлѣчается передъ разумомъ; это та устойчивость, которую первый сообщает определенности и тем самым конечности. Это устойчивое состоит в только что рассмотрившей формѣ отвлеченности. Это устойчивое состоит в только что рассмотрившей формѣ отвлеченности. Это устойчивое состоит в только что рассмотрившей формѣ отвлеченности. Это устойчивое состоит в только что рассмотрившей формѣ отвлеченности.

них лишь через мышление о них. Поскольку же под возвращением разумеется не только чувственная, но объективная действительность, то последняя имеет характер интеллектуальный, т.-е. ей свойственно существование не во внешнем его существовании в предмет, но в том, что составляет его непреходящую реальность и истину, — реальность, лишь поскольку она определена по существу в понятие и через понятие; т.-е. идею, ближайшая природа которой выяснится ниже. То, что считается преимуществом возвращенія, как такового, перед понятием, есть внешняя реальность, нечто лишенное понятия, получающее свою действительность лишь через него.

Так как поэтому, рассудок представляет собою бесконечную силу, которая определяется обще, или, наоборот, которому, в себя и для себя лишенному устойчивой определенности, сообщается устойчивая прочность через форму общности, то не вина рассудка, если не идти далее. В том и состоит субъективное безразличие разума, что он оставляет такими эти определенности и не оказывается в состоянии привести их к единству через диалектическую силу, противоположную этой отвлеченной общности, т.-е. через своеобразную природу, через понятие этих определенностей. Хотя рассудок через форму отвлеченной общности сообщает им, так сказать, такую твердость бытия, какой он не имеет в качественной сфере и в сфере рефлексии, но через это упрочение он имеет с тем одухотворяет их и так обстраивает, что он именно на этой ступени приобретает способность саморазложения и перехода в противоположное им. Высшая зрелость и высшая ступень, которой нечто может достигнуть, есть та, с которой начинается его гибель. Устойчивость определенностей, из которых, повидимому, исходит рассудок, форма непреходимости, есть форма относящаяся к себе общности. Но она граничит с собственно понятием, и потому в ней самой выражается бесконечная близость разложения конечного. Эта общность непосредственно обстраивает определенность конечного и выражает его несотбытие в нем. Или, правильнее сказать, его соответствие уже наступило; наступило отвлеченно-определенное положение, как одно с общностью, и именно потому не для себя, как бы оно было лишь определенное, но только как единство себя и общего, т.-е. как понятие.

Поэтому, во всех отношениях прератно разделять, как то обычно делают, рассудок и разум. Если понятие считается чуждым разуму, то на это следует скорее смотреть, как на неспособность разума признать себя в понятие. Определенное и отвлеченное понятие есть условие или, правильнее, существенный момент разума; оно есть одухотворенная форма, в которой конечное через общность, в коей оно относится к себе, само возгорается в себя, как диалектически-положенное и тем самым как самое начало явления разума.

Так как определенное понятие в преддущем изложении изображено в своей истинѣ, то остается лишь указать, что в нем тем самым положено. Различие, существенный момент понятия, но еще в чисто общем неподложное, как таковой, вступает в определенное понятие в свои

предела. Определенность в форм общности в связи с нею образует простое; это определенно-общее есть относящаяся к себе самой определенность, определенная определенность или абсолютная отрицательность, положенная для себя. Но относящаяся к самой себе определенность есть единичность. Как общность непосредственно есть в себя и для самой себя уже частность, так непосредственно в себя и для себя частность есть также единичность, на которую следует смотреть ближайшим образом, как на третий момент понятия, поскольку он прочно противопоставит двум первым, но также, как на абсолютный возврат понятия внутрь себя и вместе с тем как на положительную утрату последнего самого себя.

Примѣчаніе. Общность, частность и единичность суть согласно вышесказанному три определенных понятия, именно если их желают считать. Было уже ранее указано, что число есть несотбытийственная форма для того, чтобы подвести под нее определения понятия, и всего и совершенно несотбытийственна для определений самого понятия; число, поскольку оно имеет принципом одно, обращает считается во совершенно раздельны и взаимно совершенно безразличны (данная). Из вышесказанного является, что различные определения понятия суть собственно лишь одно и то же понятие, а вовсе не выпадают одно от другого в числѣ.

В обычных изложениях логики приводятся различные подразделения и виды понятий. Но сейчас же бросается в глаза непоследовательность, состоящая в том, что виды выводятся так: Имѣются (es giebt) количество, качество и другие высказывающія понятия. Имѣются—этим не выражается никакого оправдания, кроме того, что такие виды находятъ и указывают на основании опыта. Такимъ путемъ получается эмпирическая логика,— странная наука, иррациональное познание рационального. Логика даетъ темъ самымъ весьма плохой примѣръ слѣдованія своимъ собственнымъ учениямъ; она разбираетъ себя самой дѣлать обратное тому, что она предписываетъ, какъ правило, по которому понятия должны быть выведены и научныя предположенія, слѣдовательно и предположенія: имѣются такіе и такіе того различные виды понятий—должны быть доказаны. Философія Канта впадаетъ тутъ и въ дальнѣйшую непоследовательность, она заимствуетъ для трансцендентальной логики категорию въ качествѣ т. наз. основныхъ понятий изъ субъективной логики, въ которую онъ принимается эмпирически. Такъ какъ она признаетъ послѣднее, то не усматривается, почему трансцендентальная логика рѣшается на заимствованіе изъ такой науки, а не хватается за него прямо изъ опыта.

Для нѣкотораго примѣра укажу на то, что понятия разделяются главнымъ образомъ по ихъ ясности, и именно на ясныя и смутныя, отчетливыя и неотчетливыя, адекватныя и неадекватныя. Здѣсь могутъ быть также упомянуты полныя, переполненныя и другія подобныя являющіяся. Что касается упомянутаго раздѣленія на основанія ясности, то легко обнаруживается, что эта точка зрѣнія и относящаяся къ ней раздѣленія взяты изъ определенныхъ психологическихъ, а не логическихъ. Такъ называемое ясное

понятие должно быть достаточно для того, чтобы отличать один предмет от другого; но такое понятие еще не должно быть называемо понятием, оно есть не что иное, как субъективное представление. То, что есть смутное понятие, должно оставаться основанным на себе, так как иначе оно было бы не смутным, а отчетливым понятием. Отчетливым понятием должно быть такое, признаки которого могут быть указаны. Таким образом оно есть собственно определенное понятие. Признавъ, если только усвоено то, что в нем правильно, есть не что иное, как определенность или простое содержание понятия, поскольку это содержание отличено от формы общности. Но ближайшим образом признаку не вполне свойственно это более точное определение, но оно есть вообще некоторое определение, которым нечто третьей отбывает себя предмет или понятие; потому признаком может служить весьма случайное обстоятельство. Вообще оно выражает собою настолько имманентность или сущность определения, сколько отношение последнего к вышнему разуму. Но если последний есть действительно разумом, то оно имеет перед собою понятие и отбывает оно не чем иным, как тем, что есть в понятии. Если же признак должен быть отличен от понятия, то он есть некоторый значек или какое-либо иное определение, принадлежащее представлению вещи, а не ее понятию. А то, что есть неотчетливое понятие, может быть совсем обобщено, как внешнее.

Но адекватное понятие есть нечто высшее; в нем, собственно говоря, предносится соответствие понятию реальности, которое есть уже не понятие, как таковое, а идея.

Если бы признакъ отчетливого понятия должен был быть действительно определением понятия, то логик доставили бы затруднение простые понятия, которая согласно другому раздѣленію противопоставляются сложнымъ. Ибо если въ простомъ понятии долженъ быть указанъ истинный, т. е. имманентный признакъ, то понятие нельзя считать простымъ, а поскольку такого признака нельзя указать, понятие не есть отчетливое. Тутъ является на помощь ясное понятие. Единство, реальность и т. под. определения должны быть простыми понятиями, правда, только потому, что логика не въ состояніи найти ихъ определены и потому должны довольствоваться тѣмъ, чтобы имѣть о нихъ ясное понятие, т. е. не имѣть никакого. Для определены, т. е. для указанія понятию, требуется вообще указаніе рода и видового отличія. Оно указываетъ, стало быть, на понятие, не какъ на нечто простое, а какъ на имѣющее двѣ подлежащія счету составныя части. Но такое понятие не становится еще оттого чѣмъ-либо сложнымъ. При простомъ понятии предносится отвлеченная простота, единство, не содержащее внутри себя различія и определенности, и потому не то единство, которое свойственно понятию. Поскольку предметъ находится въ представленіи, особенно въ памяти, или также поскольку онъ есть отвлеченное мысленное определены, онъ можетъ быть совершенно простъ. Даже самъ по себѣ богатѣйшій (по содержанию) предметъ, напр. духъ, природа, міръ, также Богъ, усвоенный безъ всякаго понятию въ простомъ представленіи, выражаемомъ столь же простымъ словомъ—духъ, при-

рода, міръ, Богъ,—есть, конечно, нечто простое, не чѣмъ сознание можетъ отнавиться, не выдѣляя далѣе какого-либо особаго определены или признака; но предметы сознанія не должны оставаться такими простыми представленіями или отвлеченными мысленными определены, но должны быть понаты, т. е. ихъ простота должна быть определена вмѣстѣ съ ихъ внутреннимъ различіемъ. Сложное же понятие есть не болѣе, какъ деревянное жалѣо. О сложномъ, правда, можно имѣть некоторое понятие, но сложное понятие было бы нечто худшее, чѣмъ материализмъ, который признаетъ сложное лишь субстанціей души, мышленіе же считаетъ простымъ. Первобытная рефлексія прежде всего падаетъ въ сложность, какъ во исполнѣ вышнее отношеніе, въ худшую форму, въ которой могутъ быть разсматриваемы вещи; даже низшія природы должны имѣть некоторое внутреннее единство. А чтобы форма самого неистиннаго существованія была перенесена на я, на понятие,—это болѣе, чѣмъ можно бы было ожидать, это должно быть сцѣпано непримирчивѣ и варварствомъ.

Далѣе понаты раздѣляются главнымъ образомъ на противныя и противорѣчивыя. Если бы при изложеніи понаты дѣло сводилось къ тому, чтобы указать, какія существуютъ определены понаты, то пришлось бы привести всевозможныя определены,—ибо всѣ определены суть понаты и тѣмъ самымъ определены понаты,—и всѣ категорія бытія, равно какъ всѣ определены сущности, надлежало бы привести, какъ виды понаты. Такъ и сообщается въ логикахъ; въ однихъ, смотря по желанію, болѣе, въ другихъ менѣе, что существуютъ понаты утвердительныя, отрицательныя, тождественныя, условныя, необходимыя и т. д. Такъ какъ такія определены уже предшествуютъ понаты и потому, когда они приводятся по его поводу, находятся не на собственномъ имѣть, то они допускаютъ лишь поверхностныя словесныя объясненія и являются здѣсь именныя всякаго интереса. Въ основѣ противныхъ и противорѣчивыхъ понаты—различіе, которое здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду—лежитъ рефлексивное определены различія и противоположности. Оно считается двумя отдѣльными видами, т. е. каждое, какъ нечто устойчивое для себя и безразличное къ другому, какъ будто то, что противно, не должно быть также определено, личней; какъ будто то, что противно, не должно быть также определено, какъ противорѣчивое. Природа и существенный переходъ тѣхъ формъ рефлексии, которая ими выражается, разсмотрѣны въ своемъ имѣть. Въ понаты тождество развито въ общность, различіе въ частности, противоположеніе, возмращающееся въ основаніе, въ единичность. Въ этихъ формахъ определены рефлексии таковы, каковы они суть въ ихъ понаты. Общее оказалось не только тождественнымъ, но вмѣстѣ различнымъ или противнымъ относительно частнаго и единичнаго, далѣе противоположнымъ имъ или противорѣчивымъ; во въ этомъ противоположеніи оно тождественно имѣть, есть ихъ истинное основаніе, въ которомъ они спаты. То же самое справедливо о частномъ и единичномъ, которая суть также полнота определены рефлексии.

Далѣе понаты раздѣляются на подчиненныя и соподчиненныя;— различіе, которое болѣе связано съ определенымъ, а именно выражаетъ собою

отношение общности и частности, при котором эти выражения и употребляются повсюду. Только обыкновенно на них смотреть, как на совершенно постоянные отношения, и потому устанавливать о них многиа безплодные предложения. Наиболее подробное изложение их опять таки объемлет собою отношение противности и противоречія къ подчиненію и соподчиненію. Такъ какъ сужденіе есть отношеніе между определенными понятіями, то лишь при его разсмотрѣніи будетъ указано истинное отношеніе. Тотъ способъ, по которому эти определенія сравниваются безъ мысли о ихъ діалектикахъ и о разнравившемся измѣненіи ихъ определенія или, правдѣ, о присущей имъ связи противоположныхъ определеній дѣлаетъ безплодными и безсодержательными все соображеніе о томъ, что въ нихъ согласно, и что нѣтъ, все равно, есть ли это согласіе или несогласіе нѣчто отдѣльное и постоянное. Великій, безконечно плодотворный въ пониманіи и комбинированіи глубочайшихъ отношений алгебраическихъ величинъ и остроумный Эйлъеръ и особенно сухо-разсудочный Ламбертъ и другіе пытались обозначать этотъ родъ отношений между определеніями понятій линиями, фигурами и т. п.; вообще имѣлось въ виду возвышеніе—въ действительности скорѣе пониженіе—способъ логическихъ отношений въ нѣкоторое исчисленіе. Уже попытка такого обозначенія сейчасъ же представляется, какъ въ себѣ и для себя пустая, если сравнить между собою природу знака и того, что должно быть обозначено. Опрежденія понятій—общность, частность и единичность—конечно, различны такъ же, какъ линія или буквы алгебры; да же они также противоположны и допускаютъ потому знаки plus и minus. Но сами они и еще болѣе ихъ отношенія, если даже остановится только на подчиненіи и извлеченіи, имѣютъ по существу совершенно иную природу, чѣмъ буквы, линія и ихъ отношенія, чѣмъ равенство или различіе величинъ, plus и minus, чѣмъ положеніе линій одна надъ другою или ихъ соединеніе въ углы и положенія объемлемыхъ ими пространствъ. Этого рода предметы имѣютъ сравнительно съ ними ту особенность, что первые видны одинъ для другого, обладаютъ неизмѣннымъ определеніемъ. Если же понятія берутся такъ, что они соответствуютъ такимъ знакамъ, то они перестаютъ быть понятіями. Ихъ определенія не суть нѣчто мертвенное, какъ числа и линія, которымъ самимъ не принадлежатъ ихъ отношенія; первая суть живыя движенія, различная определенность одной стороны непосредственно внутрення для другихъ; то, что для чиселъ и линій есть совершенное противоречіе, существенно для природы понятія. Высшая математика, которая также восходитъ къ безконечному и раздѣляетъ себѣ противоречія, не можетъ уже для изображенія такихъ определеній употреблять свои прежніе знаки; для обозначенія еще весьма чуждаго понятію представленія безконечнаго приближенія двухъ ординатъ или для приравненія дуги безконечному числу безконечно малыхъ прямыхъ линій она не можетъ сдѣлать ничего иного, какъ начертить дѣйствительно одну въ другой или провести въ дугѣ прямая линія, но различна отъ нея; для постиженія же безконечнаго, къ которому она тѣмъ самымъ приходитъ, она съсылается на представленіе.

То, что ближайшимъ образомъ побуждаетъ къ такой попыткѣ, есть преимущественно то количественное отношеніе, въ которомъ должны взаимно состоять общность, частность и единичность; общее считается шире частнаго и единичнаго, а частное шире единичнаго. Понятіе есть конкретное и богатѣйшее (по содержанію), такъ какъ оно есть основаніе и полнота предыдущихъ определеній, категорій бытія и определеній рефлексии; потому послѣднія, конечно, также входятъ въ него. Но природа его совершенно искажается, если они удерживаются въ немъ еще въ ихъ отвлеченности, если болѣе широй объемъ общаго количества, но равнымъ образомъ и качества; потому они разсматриваются въ немъ вопреки своей истинѣ, если полагаются единственно въ формѣ количества. Такъ да же и определеніе рефлексіи есть нѣчто относительное, въ коемъ имѣетъ видимость его противоположность; оно не есть во внѣшнемъ отношеніи, какъ нѣкоторое количество. Но понятіе есть болѣе, чѣмъ все это; его определенія суть определенія понятія, оно само по существу есть полнота всѣхъ определеній. Потому совершенно несоотвѣтственно для пониманія такой внутренней полноты прибѣгать къ числамъ и пространственнымъ отношеніямъ, въ коихъ всѣ определенія между собою видноты; они суть, напротивъ, послѣднее и худшее средство, могущее быть для того употребленнымъ. Отношенія природы, какъ, напр., магнетизмъ, отношенія цѣтовъ, были бы для того безконечно вышшии и болѣе истинными символами. Такъ какъ человекъ обладаетъ языкомъ, какъ своеобразнымъ для разума средствомъ обозначенія, то является тѣмъ самымъ предпріятіемъ искать негдѣ современнаго способа изложенія и учиться изъ-за него. Понятіе, какъ таковое, можетъ по существу быть усвоено лишь въѣсть съ духомъ, котораго оно не только есть собственность, но и чистый онъ самый. Напрасно желать упрочить оное посредствомъ пространственныхъ фигуръ и алгебраическихъ знаковъ для потребностей внѣшняго видѣнія и чуждаго понятія механическаго употребленія, нѣкотораго счета. И все другое, что должно служить символомъ, способно самое болѣе возбуждать чуждую и отзвучивающую, какъ символа божественной природы; но если серьезно напрягаются выразить и познать такимъ образомъ понятіе, то видѣняя природа всякаго символа вопреки да къ тому, и отношеніе скорѣе оказывается обратнымъ; то, что есть въ символѣ отзвукъ нѣкотораго высшаго определенія, должно бы было быть познано черезъ понятіе и приближено къ нему лишь черезъ устраненіе той чувственной прихвѣи, которая улавливается, какъ средство выраженія понятія.

С.

Единичность.

Единичность, какъ оказалось, положена уже черезъ частность; послѣдняя есть определенная общность, т.-е. относящаяся къ себѣ определенность, определенное определенное.

1. Прежде всего единичность является потому рефлексией понятия в себя само из своей определенности. Она есть опосредование понятия через себя, поскольку его и бытие вновь сдвинуло себя другим, вследствие чего понятие восстановлено, как равное себя, но в определении абсолютной отрицательности.

Отрицательное в общем, превращающее последнее в частное, было определено раньше того, как двойная видимость; поскольку оно есть видимость внутри, частное остается общим, а через видимость во вид оно есть определенное; возврат этой стороны в общее двойки, или через отвлечение, которое отражает общее и восходит к более высокому и высшему роду, или же через единичность, в которую исходит общее из самой своей определенности. Здесь обходится то углубление, в котором отвлечение сходит с пути понятия и покладает истину. Его более высокое и выше общее, к чему оно восходит, есть лишь становящаяся все более и более бесодержательной поверхностью; а пренебрегаемая им единичность есть глубина, в которой понятие схватило само себя и положило, как понятие.

Общность и частность являются с одной стороны моментами становления единичности. Но уже было указано, что они в них самих суть полное понятие и вследствие того же единичности не переходят в нечто другое, но в ней лишь положено то, что они суть в себя и для себя. Общее есть для себя, так как в нем самом абсолютное опосредование, отношение к себе, есть лишь абсолютная отрицательность. Оно есть отвлеченное общее, поскольку это снятие есть высшее действие и тем самым устранение определенности. Эта отрицательность, правда, присуща отвлеченному, но она отчасти вид его, просто как его условие; она есть сама определенность, противопоставляющая себя своему общему, которое поэтому не имеет единичности внутри его самого и остается чуждым понятию. Жизнь, дух, Бог также, как чистое понятие, не могут вследствие того быть схвачены отвлечением, так как оно отстраняет из своих образований единичность, принцип индивидуальности и личности, и потому приходит лишь к безличным и бездушным, бесцельным и бесодержательным общностям.

Но единство столь необходимо от понятия, что и эти произведения отвлечения, из которых должна быть устранена единичность, собственно говоря, сами единичны. Так как отвлечение возмущает конкретное до общности, общее же понимает, лишь как определенное общее, то именно в этом и состоит единичность, оказавшаяся относящаяся к себе определенностью. Отделение есть потому разделение конкретного и превращение его определен в единичным; оно усматривает лишь единичный свойства и моменты; ибо его продукт должен содержать то, что есть само оно. Но различие этих единичности его продукта и единичности понятия состоит в том, что в первых отличается единичное, как содержание, от общего, как формы; ибо именно это содержание не есть абсолютная форма, самое понятие, или эта форма не есть полнота формы. Но эти ближайшим

соображениям отвлеченное обнаруживается само, как единство единичного содержания и отвлеченной общности, стало быть, как конкретное, как противоположное тому, чье оно хочет быть.

По тому же основанию частное, так как оно есть лишь определенное общее, есть также единичное, и наоборот, так как единичное есть определенное общее, оно есть также некоторое частное. Если твердо держаться этой отвлеченной определенности, то понятие имеет три частных определения,—общее, частное и единичное, между тем как раньше видами частного считались лишь общее и частное. Так как единичность есть возврат понятия, как отрицательного, внутрь себя, то самый этот возврат от отвлечения, которое в нем собственно снимается, может быть поставлен и считан, как безразличный момент на-ряду с другими.

Если единичность признается одним из частных определений понятия, то частность есть полнота, все охватывающая собою; как эта полнота, она и есть именно ее конкретное или сама единичность. Но она есть также конкретное по вытекающей своей стороне, как определенная общность; таким образом она есть непосредственное единство, в коем не положен ни один из этих моментов, как различенный или как определяющий, и в этой форме она составляет средний термин формального умозаключения.

Само собою бросается в глаза, что каждое определение, полученное в предыдущем изложении понятия, непосредственно разлагается и терзается в других. Всякое различие свививается в том же рассуждении, которое должно его изолировать и упорочить. Лишь простое представление, для которого это различие изолировало отвлечение, способно прочно различить общее, частное и единичное; таким образом, они могут быть перечислены, и дальнейшее различие является за полную видимость бытия, за количество, которое пригодно здесь менее всего. В единичности положено истинное отношение, нераздельность определения понятия; ибо как отрицание отрицания она содержит в себя его и его противоположение, и имеет с тем же его же в своем основании или единстве совпадение каждого сь его другим. Так как в этой рефлексии состоит общность, в себя и для себя, то первая есть по существу отрицательность определенности понятия не только так, что она есть относительно них лишь третье различие, но так, что теперь положено, что положение есть бытие в себя и для себя; т.-е. что свойственным отличиям определений суть каждое полнота. Возврат определенного понятия внутрь себя состоит в том, что оно имеет определение — быть в своей определенности полным понятием.

2. Но единичность есть не только возврат понятия внутрь себя самого, но непосредственно и его утрата. Через единичность оно, будучи в нем внутри себя, становится вид себя и вступает в действительность. Отвлечение, которое, как душа единичности, есть отношение отрицательного к отрицательному, есть, как показано, не нечто внешнее общему и частному, а имманентно им, и они через него суть конкретное, содержание,

единичное. Но единичное, как эта отрицательность, есть определенная определенность, различие, как таковое; через эту рефлексию отлучения въ себя отлучение упрощается; определение частного достигается лишь через единичность, ибо послѣдняя есть то отлучение, которое теперь именно и есть единичность, положительное отлучение.

Такимъ образомъ, единичное, какъ относящаяся къ себѣ отрицательность, есть непосредственное тождество отрицанія съ собою; оно есть сущее для себя. Или, иначе, оно есть отлучение, определяющее понятие по его идеализованному моменту бытія, какъ нѣчто непосредственное. Такимъ образомъ, единичное есть качественное одно или это. По этому качеству оно есть во-первыхъ отталкиваніе себя отъ себя самого, что предполагаетъ многія другія другія отношенія отрицательное и потому исключющее единичное. Обязанность, отнесенная къ этимъ единичнымъ, какъ безразличнымъ однимъ, — а она должна быть отнесена къ нимъ, такъ какъ она есть моментъ понятія единичности, — есть лишь свойственное имъ въсѣмъ. Если подъ общими разумѣть то, что свойственно вообще многимъ единичнымъ, то исходить отъ ихъ безразличнаго существованія и къ опредѣленію понятія примѣняютъ непосредственность бытія. Низшее представленіе, какое можно имѣть общаго, каково оно въ отношеніи къ единичному, есть это его высшее отношеніе, какъ чего-то свойственнаго въсѣмъ.

Единичное, которое въ рефлексивной сферѣ осуществленія есть „это“, лишено того исключительнаго отношенія къ другимъ однимъ, которое присуще качественному бытію для себя. Это, какъ рефлексивное въ себя одно, не обладаетъ для себя отталкиваніемъ; или, иначе, отталкиваніе присуще этой рефлексіи вмѣстѣ съ отлученіемъ и есть рефлексивное опосредованіе, которое таково въ немъ, что оно есть положенная, отмѣченная вышностью непосредственность. Это есть; оно непосредственно; но оно есть это, лишь поскольку оно указано. Указаніе есть рефлексивное движенье, которое совпадаетъ съ собою и полагаетъ непосредственность, но какъ нѣчто вышнее себя. Единичное, правда, есть также это, какъ и востановленное изъ опосредованія непосредственно; но оно имѣетъ непосредственность не въ себѣ, оно само есть отталкивающее отлученіе, положенное отлученіе, но въ своемъ отлученіи само есть положительное отношеніе.

Это отлученіе единичнаго, какъ рефлексія въ себя различія, есть, во-первыхъ, положеніе различныхъ, какъ самостоятельныхъ, рефлексивныхъ въ себя. Они суть непосредственно; но дальнѣе это различіе есть рефлексія вообще, видность одного въ другомъ; такимъ образомъ, они состоятъ въ существенномъ отношеніи. Дальнѣе они суть не просто сущія единичныя, противоположныя одно другому; такое множество свойственно бытію; полагаящая себя, какъ определенную, единичность полагаетъ себя не въ чемъ-либо вышнемъ, а въ различіи понятія; потому она исключаетъ изъ себя общее, но такъ какъ послѣднее есть моментъ ея самой, то она столь же существенно относится къ ней.

Понятіе въ этомъ отношеніи своихъ самостоятельныхъ опредѣленій утрачиваетъ себя; ибо оно уже не есть ихъ положенное единство, и они уже не суть его моменты, его видимость, но пребываютъ въ себѣ и для себя. Какъ единичность, оно возвращается въ определенности внутрь себя; тѣмъ самымъ определенное само стало полнотою. Его возвратъ внутрь себя есть потому его абсолютное, первоначальное раздѣленіе, или, иначе, оно, какъ единичность, положено, какъ сужденіе.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Сужденіе.

Сужденіе есть положенная въ самомъ понятіи определенность полнаго. Определенія понятій или то, что, какъ оказалось, суть определенныя понятія, уже рассмотрѣны для себя; но это рассмотрѣніе было болѣе субъективною рефлексіей или субъективнымъ отлученіемъ. Но понятіе само есть это отлученіе, противопоставленіе его опредѣленій есть его собственное опредѣленіе. Сужденіе есть это положеніе определеннаго понятія черезъ само понятіе.

Актъ сужденія есть постольку иѣкоторая другая функція, чѣмъ пониманіе, или, правильнѣе, другая функція понятія, поскольку оно есть актъ определенія понятія черезъ себя само; и дальнѣйшее движенье сужденія въ различіи сужденій есть это дальнѣйшее опредѣленіе понятія. Какія иѣются определенныя понятія, и какъ эти ихъ опредѣленія вытекаютъ съ необходимостью, это должно быть обнаружено въ сужденіи.

Сужденіе можетъ потому быть названо ближайшимъ реализованіемъ понятія, поскольку реальность обозначаетъ вообще выходъ въ существованіе въ видѣ определеннаго бытія. Ближайшимъ образомъ природа этого реализованія оказалась такою, что, во-первыхъ, моменты понятія черезъ его рефлексію въ себя или его единичность суть самостоятельными полноты, во-вторыхъ же, единство понятія есть ихъ отношеніе. Рефлексивными въ себя определенія суть определенныя полноты, какъ по существу въ безразличной безотносительной устойчивости, такъ и черезъ взаимное опосредованіе однихъ другими. Самый актъ определенія есть лишь полнота, поскольку онъ содержитъ въ себѣ эти полноты и ихъ отношеніе. Эта полнота и есть сужденіе. Поэтому оно содержитъ въ себѣ общаго самостоятельную часть, именуемую субъектомъ и предикатомъ. Что такое каждый изъ нихъ, нельзя еще собственно сказать; они еще неопредѣлены, ибо должны быть определены лишь черезъ сужденіе. Поскольку оно есть понятіе, какъ определенное, между ними существуетъ лишь то общее различіе, что сужденіе содержитъ въ себѣ определенное понятіе въ противоположность еще неопредѣленному. Поэтому субъектъ въ противоположность предикату можетъ ближайшимъ образомъ признаваться за частное въ противоположность общему, или также за единичное въ противоположность частному, поскольку они вообще взаимно противопоставлены, какъ болѣе определенное болѣе общему.

Поэтому правильно и нужно пользоваться для определений суждений этими названиями—субъекты и предикаты; как названия, они суть нечто неопределенное, подлежащее еще получить свое определение; и потому они суть не больше, как названия. Сами определения понятия не могут быть употреблены, как два стороны суждения, отчасти на этом основании, отчасти же и еще больше потому, что природа определения понятия требует, чтобы оно не было чем-то отвлеченным и независимым, но содержало внутри себя и полагало в себя свое противоположное; так как стороны суждения суть сами понятия, т. е. полнота его определений, то они должны пройти и показать в себя их всё в отвлеченной или конкретной форме. Но для того, чтобы при таком изменении их определений сохранить в общем вид стороны суждения, всего удобнее прибегнуть к названиям, сохраняющим при этом постоянство. Название же противопоставит вещи или понятию; это различие проявляется и в самом суждении, как таковом. Так как субъект выражает собою вообще определенное и потому преимущественно непосредственно сущее, предикат же общее, сущность или понятие, то субъект, как таковой, есть ближайшим образом некоторое название; ибо то, что оно такое есть, выражает лишь предикат, содержащий в себя бытие в смысле понятия. Что есть это, или что это есть за растение и т. д.? под бытием, о котором тут спрашивается, часто разумеется только название, и, узнав последнее, мы удовлетворяемся и знаем, что такое есть эта вещь. Это есть бытие в смысле субъекта. Но понятие или по меньшей мере сущность и вообще общее сообщается лишь предикату, и о нем спрашивается в смысле суждения. Бог, дух, природа или что бы то ни было есть потому, как субъект суждения, только название; что такое есть этот субъект по его понятию, сообщается лишь предмету. Если ищется некоторый предикат, присущий субъекту, то в основе суждения о том должно уже лежать понятие; но оно высказывается лишь самым предикатом. Поэтому предположенное значение субъекта есть собственно только представление, и оно приводит к некоторому объяснению названия, причем оказывается случайным и некоторым историческим фактом то, что подразумывается или не подразумывается под названием. Многие споры о том, присуще ли нечто данному субъекту некоторый предикат, суть потому не что иное, как споры о словах, так как они исходят от этой формы: лежаче в основании (subjektum, υποκειμενον) есть еще не больше, чем слово.

Теперь надлежит ближе рассмотреть, каковы образом, во-вторых, определены отношение субъекта и предиката в суждении и тем самым ближайшим образом они сами. Стороны суждения суть вообще полноты, которые ближайшим образом по существу самостоятельны. Поэтому единство понятия есть прежде всего лишь отношение самостоятельных (сторон); не конкретное, возвратившееся внутри себя из той реальности полное единство, но такое, в котором оно пребывает, как неснятые в нем крайние термины. Поэтому разрозненные суждения могут исходить или от

первоначального единства понятия, или от самостоятельности этих крайних терминов. Суждение есть раздвоение понятия через себя само; это единство есть потому основание, с которого раздвигается суждение по его истинной объективности. Тем самым оно есть первоначальное разделение первоначально единого; слово „Urtheil“ выражает то, что оно есть в себе и для себя. Но что понятие есть в суждении явление, так как моменты первоначально достигают в последнем самостоятельности,—этой стороны видности придерживается больше представление.

Таким образом, по этому субъективному взгляду субъекты и объекты считаются каждый за нечто готовое для себя в другом; субъекты—предметом, который существовал бы и в том случае, если бы он не имел этого предиката; предикаты—общим определением, которое существовало бы и в том случае, если бы оно не было присуще этому субъекту. С суждением, стало быть, связана рефлексия, может ли и должен ли тот или иной предикат, находящийся в голове; само суждение состоит в том, что лишь посредством него некоторый предикат связан с субъектом, так что, если бы это связывание не имело места, то субъекты и предикаты остались бы каждый для себя тем, что они суть, первый—существующим предметом, второй—представлением в голове. Но предикат, присоединенный к субъекту, должен также соответствовать ему, т. е. быть в себе и для себя тоже-существующим ему. Это значение присоединения слова σημαει субъективный смысл суждения и безразличное дальнейшее существование субъекта и предиката; это действие есть хорошее; связь показывает, что предикат принадлежит бытию предмета, а не связан с ним лишь внешним образом. В грамматическом смысле это субъективное отношение, при котором исходят от безразличной видности субъекта и предиката, имеют полное значение; ибо это слова, связанные здесь внешним образом. По этому поводу можно также упомянуть, что хотя предложение в грамматическом смысле имеет субъекты и предикат, но оно не есть еще оттого суждение. Последнее подразумывается, что предикат находится к субъекту в отношении, обусловленном определениями понятий, т. е. как некоторое общее в некотором частном или единичном. Если то, что говорится об единичном субъекте, само есть нечто единичное, то это простое предложение. Напр., Аристотель умер на 73-м году ¹⁾ своей жизни, в 4-м году 115-й олимпиады,—это простое предложение, а не суждение. Оно имело бы отчасти характер суждения, если бы одно из обстоятельств, время смерти или возраст этого философа подвергалось сомнению, а между тем по какому-либо основанию на приведенных цифрах приходилось настаивать. Ибо в таком случае они признавались бы за нечто общее, существующее и без определенного содержания—смерти Аристотеля, за наполненное другим или также пустое время.

¹⁾ Эта находившаяся в позднейших цифра ошибочна, так как Аристотель умер на 83-м году своей жизни. Прим. перев.

Так, известие "мой друг Н. умер" есть предложение; оно было бы суждением лишь тогда, если бы возник вопрос, есть ли эта смерть действительная или лишь кажущаяся.

Если суждение обычно объясняется так, что оно есть соединение двух понятий, то для вышней связи можно пожалуй сохранить неопределенное выражение "соединение" и признавать даже, что по крайней мере, соединяемое суть понятия. Но вообще это объяснение весьма поверхностно не только потому, что, напр., в раздельном суждении соединено больше двух так называемых понятий, но и потому, что объяснение дает гораздо больше, чем есть на деле; ибо то, что тут подразумевается вообще, суть не понятия, едва ли даже определения понятий, а в сущности лишь определения представлений; по поводу понятия вообще и определенного понятия было уже замечено, что то, чему обычно дается это название, никогда образом не заслуживает названия понятия; откуда же в суждении могут быть взяты понятия? В сказанном объяснении главное есть то, что не обращается внимания на существенное в суждении, именно на различие его определенных, и еще меньше на отношение суждения к понятию.

Что касается дальнейшего определения субъекта и предиката, то уже было упомянуто, что именно лишь в суждении они должны получить свое определение. Но поскольку суждение есть положенная определенность понятия, то ей присущи сказанные отличия непосредственно и отвлеченно, как единичность и общность. Но поскольку оно есть вообще существование или иносбытие понятия, еще не возвратившагося снова к тому единству, в силу которого оно есть понятие, то здесь выступает также та определенность, которая чужда понятию, — противоположность бытия и рефлексии или бытия в себя. Но так как понятие составляет существенное основание суждения, то эти определения по меньшей мере столь безразличны, что в каждом, одном присущем субъекту, другому — предикату, имеют место и обратное отношение. Субъект, как единичное, является прежде всего, как сущее или сущее для себя согласно определенной определенности единичного, — как действительный предмет, хотя он есть лишь предмет представления, — как, напр., храбрость, право, соответствие и т. п. — о которых судят; напротив, предикат, как общее, является рефлексией о субъекте или, правильнее, также его рефлексией в себя самого, выходящей за эту непосредственность и снимающей определенности, как только сущия, — его бытием в себя. Таким образом, исходя от единичного, как от первого, непосредственного, и повышая его через суждение до общности; точно также, как сущее лишь в себя общее исходит в единичное до существования или становится сущим для себя.

Это значение суждения должно быть признаваемо за его объективный смысл и вместе с тем за истину предшествующих форм перехода. Сущее становится и измывается, конечное переходит в безконечное; осуществленное выступает из своего основания в явление и исчезает в своем основании; акциденция обнаруживает богатство субстанции также,

как и ее мощи; в бытии необходимое отношение проявляется в переходе в другое, в субстанции — в видности в некотором другом. Эти переход и видимость теперь перешли в первоначальное разделение понятия, при чем последнее, возвращая единичное в бытие в себя его общности, равным образом определяет общее, как действительное. То и другое есть одно и то же, единичность положена в ее рефлексии в себя, а общее, как определенное.

Но это объективное значение выражается теперь также в том, что данные различия, поскольку они вновь выступают в определенности понятия, вместе с тем положены, только как являющиеся, т. е. что они не суть нечто постоянное, но присущи одному определению понятия также, как другому. Поэтому субъект может быть принимаем также за бытие в себя, а напротив, предикат за существование. Субъект без предиката есть то же, что в явлении вещь без свойств, вещь в себя, пустое неопределенное основание; он есть при этом понятие внутри себя самого, получающее различение и определенность лишь в предикате; последний составляет тем самым сторону существования субъекта. Через эту определенную общность субъект находится в отношении к вышнему, открыт для воздействия других вещей и вступает в действие против них. То, что существует (da ist), выступает из своего внутри-бытия в общий элемент связи и отношения, в отрицательные отношения и игру действительности, которая есть продолжение единичного в других и потому общности.

Только что указанное тождество, состоящее в том, что субъект также присущ и предикату, и наоборот, находится не только в нашем размышлении; оно не только в себя, но и положено в суждении, ибо суждение есть отношение их обоих; связь выражает собою, что субъект есть предикат. Субъект есть определенная определенность, а предикат есть эта его положенная определенность; субъект определен лишь в своем предикате или, иначе сказать, лишь в нем он есть субъект, в предикате он возвращен в себя и есть в нем общее. Но поскольку субъект есть самостоятельное, то этому тождеству присуще такое отношение, что предикат не имеет самостоятельного существования для себя, но имеет существование лишь в субъекте; первый включен в последний. Поскольку, стало быть, предмет отличается от субъекта, первый есть лишь единичная определенность последнего, лишь одно из его свойств; сам же субъект есть конкретное, полнота многообразных определенностей, из коих предикат содержит в себя лишь одну; субъект есть общее. Но, с другой стороны, и предикат есть самостоятельная общность, а субъект, наоборот, есть лишь одно из его определенных. Тем самым предикат подчиняет себя субъекту; единичность и частность есть не для себя, но имеет свою сущность и субстанцию в общем. Предикат выражает субъект в своем понятии; в предикате единичное и частное суть случайная определения; он есть их абсолютная возможность. Если под подчиненностью мыслить вышнее отношение субъекта

и предиката и представляют себя субъекты, как нечто самостоятельное, то подчинение сводится к вышеупомянутому субъективному акту суждения, при котором исходят от самостоятельности их обоих. В таком случае подчинение оказывается лишь сравнением общего к некоторому частному или единичному, полагаемому под ним на основании неопределенного представления меньшего количества.

Если понимать тождество субъекта и предиката так, что, с одной стороны, первому присуще одно определение понятия, а второму — другое, с другой же стороны — наоборот, то тождество тем самым оказывается все же лишь чем-то сущим в себе; ради самостоятельного различия обеих частей суждения его положенное отношение иметь и эти две стороны, прежде всего как различия. Но истинное отношение субъекта к предикату образуется собственно безразличным тождеством. Определение понятия есть по существу само отношение, ибо оно есть общее; поэтому те же определения, которая свойственны субъекту и предикату, присущи тем самым также и их отношению. Оно общее, так как оно есть положительное тождество их, субъекта и предиката; но оно также определено, так как определённость предиката есть определённость субъекта; оно даже также единично, так как в нем сняты самостоятельные крайние термины в их отрицательном единстве. Но в суждении это тождество еще не положено; связь есть вообще еще неопределенное отношение бытия: *A* есть *B*; ибо самостоятельность определенности понятия или крайние термины суть в суждении реальность, присущая им нем понятия. Если бы связь есть была уже положена, как это определено и исполнено единством субъекта и предиката, как это понятие, то суждение было бы уже умозаключением.

Восстановить или, правильнее, положить это тождество понятия есть цель движения суждения. То, что уже дано в суждении, есть отчасти самостоятельность, но вместе с тем и определенность субъекта и предиката одного относительно другого, отчасти же их, однако отвлеченное, отношение. Что субъект есть предикат, это есть ближайшим образом то, что высказывается в суждении; но так как предикат не должен быть тем, что есть субъект, то получается противоречие, которое должно быть разрешено, должно перейти в некоторый результат. Но правильнее сказать, так как в себе и для себя субъект и предикат составляют полноту понятия, а суждение есть реальность понятия, то дальнейшее движение последнего есть лишь развитие; в нем уже дано то, что в нем обнаруживается, и доказательство (Demonstration) есть тем самым лишь показание (Monstration), рефлексия, как положение того, что в крайних терминах суждения уже дано; но и самое это положение уже дано; оно есть отношение крайних терминов.

Суждение, как непосредственное, есть ближайшим образом суждение существование; его субъект есть непосредственно отвлеченное, сущее единичное, а предикат — его непосредственная определенность или свойство, нечто отвлеченно-общее.

Так как это качественное в субъект и предикат снимается, то возникает ближайшим образом видимость определения одного в другом; суждение во-вторых есть суждение рефлексии.

Но это более высшее совпадение переходит в существенное тождество некоторой субстанциальной, необходимой связи; таким образом, суждение есть, в-третьих, суждение необходимости.

В четвертых, так как в этом существенном тождестве различие субъекта и предиката стало формой, то суждение становится субъективным; оно содержит в себе противоположность понятия и его реальности и их сравнения; оно есть суждение понятия.

Это вытупление понятия обосновывает переход суждения в умозаключение.

A.

Суждение существования.

В субъективном суждении желают видеть один и тот же предмет двояким, во-первых, в его единичной действительности, во-вторых, в его существенном тождестве или его понятии, единичное, возвышенное в его общности, или, что то же самое, общее, объединенное в его действительности.

Суждение есть таким образом истина, ибо оно есть согласие понятия и реальности. Но таким суждение не бывает с самого начала; ибо сначала оно непосредственно, так как в нем не оказалось еще никакой рефлексии и движения определений. Эта непосредственность делает первоначальное суждение суждением существования, которое именуется также качественным, но лишь постольку, поскольку качеству присуща не только определенность бытия, а под ним разумеется также отвлеченная общность, выходящая в силу своей простоты также форму непосредственности.

Суждение существования есть также суждение включения (Inhärenz); ибо так как непосредственность есть его определение, а в различии субъекта и предиката первый есть непосредственное, т. е. первое и существенное в этом суждении, то предикат имеет форму чего-то несамостоятельного, выходящего свою основу в субъект.

a. Положительное суждение.

1. Субъект и предикат суть, как было упомянуто, ближайшим образом названия, приобретающие свое истинное определение лишь в течении суждения. Но как стороны суждения, которое есть положенное определенное понятие, они обладают простотой, отчасти не обогащенной опосредованием, отчасти ближайшим образом, по их отвлеченной противоположности, лишь как отвлеченной единичностью и всеобщностью. Предикат, если мы

начнем с него, есть отвлеченное общее; но так как это отвлеченное обусловлено опосредованием снати единичного или частного, то оно тѣмъ самымъ есть лишь предположеніе. Въ сферѣ понятія не можетъ быть иной непосредственности, промѣж такой, которая въ себѣ и для себя содержитъ опосредованіе и возникла лишь черезъ его снате, т. е. непосредственности общей. Такимъ образомъ и само качественное бытіе въ своемъ понятіи есть нѣчто общее; но какъ бытіе, непосредственность еще не положена такъ; лишь какъ общность она есть такое опредѣленіе понятія, въ которомъ положено, что ему по существу присуща отрицательность. Это отношеніе свойственно сужденію, въ которомъ оно есть предикатъ нѣкотораго субъекта. Равнымъ образомъ субъектъ есть нѣчто отвлеченно единичное или непосредственное, которое должно быть, какъ таковое; потому единичное должно быть вообще нѣчто. Тѣмъ самымъ субъектъ образуетъ собою отвлеченную сторону сужденія, по которой въ немъ понятіе перешло во внѣшность. Какъ оба опредѣленія понятія, также опредѣлено и ихъ отношеніе, есть, связка; она также можетъ имѣть значеніе лишь непосредственнаго, отвлеченнаго бытія. Въ силу отношенія, несодержащаго еще въ себѣ никакого опосредованія или отрицанія, это сужденіе названо положительнымъ.

2. Ближайшимъ чистымъ выраженіемъ положительнаго сужденія служитъ потому предположеніе:

Единичное есть общее.

Это выраженіе не должно быть понимаемо, какъ *A* есть *B*, ибо *A* и *B* суть совершенно безформенныя и потому лишены значенія названія; сужденіе же вообще и потому само сужденіе существованія уже имѣетъ своими крайними терминами опредѣленія понятій. *A* есть *B* можетъ въ той же мѣрѣ представлять собою любое простое предположеніе, какъ и какое-либо сужденіе. Но въ каждомъ даже по своей формѣ болѣе содержательно опредѣленномъ сужденіи предполагается предположеніе объ этомъ опредѣленномъ содержаніи: единичное есть общее, именно поскольку каждое сужденіе есть вообще также опредѣленное сужденіе. Объ отрицательномъ сужденіи, поскольку оно также подпадаетъ подъ это выраженіе, будетъ сейчасъ идти рѣчь. Если за снмъ не думать о томъ, что съ каждымъ ближайшимъ образомъ по крайней мѣрѣ положительнымъ сужденіемъ связано утвержденіе того, что единичное есть общее, то это происходитъ оттого, что отчасти не принимается во вниманіе опредѣленная форма, которую отличаетъ субъектъ отъ предиката, такъ какъ сужденіе считается не чѣмъ инымъ, какъ отношеніемъ двухъ понятій, отчасти оттого, что сознанию предостается прочее содержаніе сужденія: Кай ученъ, или роза красна, при чѣмъ сознаніе, занятое представленіемъ о Кай и т. п., не рефлектируетъ о формѣ; хотя такое по крайней мѣрѣ содержаніе, какъ логическій Кай, служащій общно прѣдобразъ, есть содержаніе весьма мало интересное и скорѣе именно потому и выбрано, какъ неинтересное, чтобы не отвлекать къ нему вниманія отъ формы.

По объективному своему значенію предположеніе: единичное есть общее, какъ мы имѣли уже случай упомянуть, выражаетъ отчасти переходность еди-

ничныхъ вещей, отчасти ихъ положительное сохраненіе въ понятіи. Само понятіе безсмертно, но то, что выступаетъ при его раздѣленіи, подвержено измѣненію и возвратъ въ его общую природу. Но, наоборотъ, общее сообщаетъ себѣ нѣкоторое существованіе. Какъ выступаетъ сущность въ своихъ опредѣленіяхъ и видности, основаніе въ существенномъ явленіи, субстанція въ обнаруженіи, въ своихъ акциденціяхъ, такъ общее рѣшается стать единичнымъ; сужденіе есть это его рѣшеніе, развитіе той отрицательности, которую оно уже бываетъ въ себѣ. Последнее выражается въ обратномъ предположеніи: общее есть частное, которое также высказывается въ положительномъ сужденіи. Субъектъ, который ближайшимъ образомъ есть непосредственно единичное, въ сужденіи относится къ своему другому, именно къ общему; тѣмъ самымъ онъ положенъ, какъ конкретное, по своему бытію какъ нѣкоторое нѣчто съ многими качествами; или какъ конкретное рефлексія, какъ вещь съ многообразными свойствами, какъ дѣйствительность многообразныхъ возможностей, какъ субстанція съ такими же акциденціями. Такъ какъ это многообразіе принадлежитъ дѣлю субъекту сужденія, то нѣчто или вещь и т. п. въ своихъ качествахъ, свойствахъ или акциденціяхъ рефлектированы въ себя или непрерывно продолжаютъ въ нихъ, сохраняя себя въ нихъ, а также ихъ въ себѣ. Положеніе или опредѣленность принадлежитъ бытію въ себѣ и для себя. Потому субъектъ въ немъ самомъ есть общее. Напротивъ, предикатъ, какъ эта неральная или не конкретная, а отвлеченная общность, есть въ противоположность ему опредѣленность и содержитъ въ себѣ лишь одинъ моментъ его полноты съ исключеніемъ другихъ. Въ силу этой отрицательности, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ крайній терминъ сужденія, относится къ себѣ, предикатъ есть отвлеченно-единичное. Напр., въ предположеніи: роза благоуханна онъ выражаетъ лишь одно изъ многихъ свойствъ розы; онъ дѣлаетъ его, которое въ субъектѣ сродно съ другими, единичнымъ, подобно тому какъ при разложеніи вещи многообразныя присущія ей свойства, становясь самостоятельными матеріями, дѣлаются единичными. Потому предположеніе сужденія съ этой своей стороны гласитъ: общее единично.

Если мы сопоставимъ въ сужденіи это взаимное опредѣленіе субъекта и предиката, то результатъ получается двоякій: 1., субъектъ есть, правда, непосредственно, какъ сущее или единичное, предикатъ же—общее. Но такъ какъ сужденіе есть ихъ отношеніе, и такъ какъ субъектъ опредѣленъ черезъ предикатъ, какъ общее, то субъектъ есть общее; 2., предикатъ опредѣленъ въ субъектѣ, ибо первый есть не опредѣленіе вообще, а опредѣленіе субъекта; роза благоуханна—это благоуханіе не неопредѣленное благоуханіе, а благоуханіе розы; стало быть, предикатъ есть нѣчто единичное. А такъ какъ субъектъ и предикатъ находятся въ отношеніи сужденія, то они должны оставаться противоположными по опредѣленіямъ своихъ понятій; подобно тому, какъ во взаимодѣйствіи причинности прежде, чѣмъ она достигнетъ своей истины, обѣ стороны должны въ противоположность равенства своего опредѣленія оставаться еще самостоятельными и противоположными. Если потому

субъект определен, как общее, то и от предиката нельзя отнять определения общности, ибо иначе не было бы никакого суждения, но было бы лишь его определение единичности; а также поскольку субъект определяется, как единичное, предикат должен быть принимаем за общее. Если рефлектировать над этими двумя простыми тождествами, то получаются следующие два тождественных предложения.

Единичное есть единичное.

Общее есть общее, при чем определения суждений совершенно выпадали бы одно из другого, выражалось бы лишь их отношение к себе, отношение же одного к другому уничтожалось бы, и тем самым снималось бы суждение. Из этих двух предложений одно: общее есть единичное выражает суждение по его содержанию, которое в предикат есть единичное определение, а в субъект полнота определения; другое же: единичное есть общее выражает форму, которая непосредственно указана через него. В непосредственном положительном суждении крайние члены еще просты, поэтому форма и содержание еще соединены. Или, иначе, оно не состоит из двух предложений; двойное отношение, присущее ему, образует собою непосредственно одно положительное суждение. Ибо его крайние термины а., суть самостоятельны, отвлеченны определения суждений и б., каждый термин определяется другим через посредство образующей между ними отношение связи. В себе же ему именно потому присуще, как выяснилось, различие формы и содержания; и именно то, что содержится в первом предложении: единичное есть общее, принадлежит форм, так как это предложение выражает собою непосредственную определенность. Напротив, отношение, выражаемое вторым предложением: общее единично, т. е. субъект определяется, как общее, а, напротив, предикат, как частное или единичное, касается содержания, так как его определения выступают лишь через рефлексию в себя, которую непосредственно определенности снимаются, и тем самым форма обращает себя в некоторое возвращающееся внутри себя тождество, сохраняющееся вопреки различию формы, в содержании.

3. Если же бы оба предложения—формы и содержания:

Субъект. Предикат.

Единичное есть общее,

Общее есть единичное,

в силу того, что они содержатся в одном положительном суждении, соединены были так, что тем самым оба, и субъект, и предикат, были определены, как единство единичности и общности, то оба они были бы частными, что в себе должно бы было быть призвано их внутренним определением. Но эта связь была бы осуществлена отчасти лишь через внешнюю рефлексию, отчасти же вытекающее отсюда предложение: частное есть частное было бы уже не суждением, а чуждым тождественным предложением, каковы и только что установленны предложения: единичное единично и общее общее. Единичность и общность не могут еще быть соединены в частности.

так как в положительном суждении они положены еще, как непосредственные. Или, иначе, суждение должно еще быть различимо по своей форме и своему содержанию, так как именно субъект и предикат еще различаются, как непосредственное и опосредованное, или так как суждение по своему отношению есть и то и другое, и самостоятельность соотносящихся, и их взаимное определение или опосредование.

Таким образом, суждение, рассматриваемое, во-первых, по своей форме, таково:

Единичное есть общее. Правильнее сказать, такое непосредственное единичное не общее; его предикат имеет более широкий объем, и потому оно ему не соответствует. Субъект есть нечто непосредственно сущее для себя и потому противоположность этой отвлеченности, этой положенности через опосредование общности, которая должна была быть из высказана.

Во-вторых, в суждении, рассматриваемом по его содержанию или как предложение: общее единично, субъект есть нечто общее, качество, конкретное, бесконечно определенное; и так как его определенности суть лишь качества, свойства или акциденций, то его полнота есть их ложная безвечная множественность. Потому такой субъект не есть собственно второе такое единичное свойство, какое высказывается его предикатом. Потому оба предложения должны быть отрицаемы, и положительное суждение должно быть положено спорно, как отрицательное.

в. Отрицательное суждение.

1. Выше была уже речь о том обычном представлении, по коему лишь от содержания суждения зависит, истинно оно или нет, так как логическая истина касается только формы и требует только, чтобы от содержания не противоречило самому себе. Форма самого суждения принимается состоянием лишь в том, что она есть отношение двух понятий. Но было выяснено, что обоним эти понятия присуще не только безотносительное определение некоторого числа, а они относятся между собою, как единичное и общее. Эти определения образуют собою истинно-логическое содержание; како-либо другое содержание, оказывающееся в суждении (солнце кругло, Цицерон был великий римский оратор, теперь день и т. п.) не входит в состав суждения, как такового; суждение высказывает лишь одно: субъект есть предикат, или, так это суть лишь названия, то определение: единичное есть общее и наоборот. По этому чисто-логическому содержанию положительное суждение не истинно, но имеет свою истину в отрицательном суждении. Требуется, что содержание суждения не противоречило себе; но, как было показано, оно противоречит себе в этом суждении. Но так как совершенно безразлично, называть ли его логическое содержание также форм, а под содержанием разуметь лишь одно

эмпирическое наполнение суждения, то оказывается, что форма содержит не только то пустое тождество, вид которого лежит определению содержания. Поэтому положительное суждение по своей форме положительного суждения не имеет истины; если бы кто-нибудь назвал правильность некоторого воззрения или восприятия, согласно представления с предметом, истинно, то у него по меньшей мере не было бы никакого выражения для того, что есть предмет и идея философия. Последние следовало бы по меньшей мере назвать разумною истинно; и, конечно, придется признать, что суждения из рода: Цицеронъ былъ великій ораторъ, теперь день и т. п. не суть разумны истины. Но они не суть таковы, не потому что они как бы случайно имеют эмпирическое содержание, а потому что они суть только положительные суждения, не могущия и не должствующия иметь никакого иного содержания, кроме непосредственно-единичного и некоторой отвлеченной определенности.

Положительное суждение имеет свою истину ближайшим образом в отрицательном: единичное не есть отвлеченно-общее, но предикат единичного в силу того, что онъ рассматривается, как таковой или для себя без отношения к субъекту, есть, как отвлеченно-общий, самъ нечто определенное; единичное есть потому ближайшим образом некоторое частное. Далее согласно другому предложению, содержащемуся в положительном суждении, отрицательное суждение гласит: общее не есть отвлеченно-единичное, но зато предикат, уже поскольку онъ есть предикат, или поскольку онъ стоит в отношении к некоторому общему субъекту, есть нечто большее, чемъ простая единичность, и потому общее есть также ближайшим образом некоторое частное. Такъ какъ это общее, как субъект, самъ совпадаетъ съ частностью, то оба предложения сводятся къ одному: единичное есть некоторое частное.

Можно заметить, а, что здесь частность оказалась темъ предикатомъ, о которомъ уже ранее была речь, но она положена здесь не черезъ видимость рефлексии, но произошла черезъ посредство указанного в суждении отрицательного отношения. В. Это определение оказывается здесь существующимъ лишь для предиката. В непосредственномъ суждении, суждении существования, субъект есть лежащее в основании; потому определение ближайшим образом имеет здесь видимость быть присутствующимъ предикату. Но, в действительности, это первое отрицание еще не может быть определениемъ или собственно какою-либо положениемъ единичного, такъ какъ имъ служить лишь второе, отрицательное отрицательного.

Единичное есть некоторое частное,—вотъ положительное выражение отрицательного суждения. Это выражение потому не есть само положительное суждение, что последнее в силу своей непосредственности имеет своимъ крайнимъ терминимъ лишь отвлеченное, частное же именно черезъ положение отношения суждения оказывается первымъ опосредованнымъ определениемъ. Но это определение должно быть принимаемо не только за моментъ крайнего термина, а также, каково оно собственно есть ближайшимъ образомъ,

за определение отношения; или, иначе, суждение должно также быть рассматриваемо, какъ отрицательное.

Этотъ переходъ основывается на отношении крайнихъ терминовъ и на ихъ отношении в суждении вообще. Положительное суждение есть отношение непосредственно единичного и общего, т. е. такихъ, изъ коихъ одно вместе съ темъ не есть то, что другое; это отношение потому есть также по существу разделение или отношение отрицательное; потому положительное суждение должно было быть положительнымъ, какъ отрицательное. Поэтому логики не должны были такъ затрудняться темъ, что „не“ отрицательного суждения перешло в связь. То, что в акциденции есть определение крайнего члена, есть также весьма определенное отношение. Определение суждений или крайний терминъ не есть чисто качественное определение непосредственного бытия, должствующее быть противопоставленнымъ лишь некоторому другому виду его. Оно есть также определение рефлексии, которая по своей общей форме относится, какъ положительная и отрицательная, при чемъ то и другое положено, какъ исключающее и какъ тождественное съ другимъ лишь въ себѣ. Определение суждений, какъ понятия, есть въ немъ самознание общее, положенное, какъ предлагающееся въ его другомъ. Наоборотъ, отношение суждения есть то же определение, какое свойственно крайнимъ терминамъ, ибо оно есть именно эта общность и продолжительность ихъ одного въ другомъ; поскольку они различны, въ немъ есть также и отрицательность.

Только что указанный переходъ формы отношения к формѣ определения непосредственно приводитъ къ тому последствию, что „не“ связи должно быть также обращено и къ предикату, и последний долженъ быть определенъ, какъ не-общее. Но не-общее столь же непосредственно-последовательно оказывается частнымъ. Если за отрицательнымъ удерживается вполне отвлеченное определение непосредственного небытия, то предикатъ есть лишь вполне неопределенное не-общее. Съ этимъ определениемъ имеетъ дело логика при противоречивыхъ понятияхъ, настаивая, какъ на чемъ-то важномъ, на томъ, что при отрицательномъ понятии устанавливается только отрицательное, которое должно быть понимаемо, лишь какъ просто неопределенный объемъ другого по отношению къ положительному понятию. Такимъ образомъ, просто не-было бы настолько же красивымъ, желтымъ, голубымъ и т. д., какъ и чернымъ. Но было, какъ таковое, есть чуждое понятию определение воззрения; потому „не“ в отношении къ бытию есть столь же чуждое понятию небытие, каковая отвлеченность рассматривается въ самомъ началѣ логики, при чемъ ее ближайшею истинною оказывается ставовление. Если при разсмотрѣнии определенной суждения брать примерами такое чуждое понятию содержание воззрения и представления, и определения бытия и рефлексии принимаются за определения понятий, то поступаютъ также некрятично, какъ, напримеръ, привыкая вместе съ Кантомъ понятия разсудка къ безконечной идеѣ разума или такъ называемой вещи въ себѣ; понятие, къ кому относится также исходящее отъ него суждение, есть истинная вещь въ себѣ или разумное, а эти определения принадле-

жать бытію или сущности и не суть еще формы, выработанныя такимъ образомъ и способнъ, какой свойственъ имъ въ ихъ истинѣ, въ понятіи. Если останавливаются на блюмъ, красномъ, какъ на чувственныхъ представленіяхъ, то обыкновенно называютъ понятіемъ нечто такое, что есть лишь опредѣленіе представленія, и въ такомъ случаѣ не-блуд, не-красное не есть нечто положительное также, какъ и не-треугольное есть нечто совершенно неопредѣленное, ибо вообще опредѣленіе, основанное на числѣ и опредѣленномъ количествѣ, есть по существу безразличное, чуждое понятію. Но какъ само небытіе, такъ и такое чувственное содержаніе должно быть по-нато и утратить тѣ безразличіе и отвлеченную непосредственность, какия оно имѣетъ въ слѣбномъ, лишенномъ движенія, представленіи. Уже въ существованія чуждое мысли ничто становится границей, посредствомъ которой нечто относится къ нѣкоторому другому вышъ его. Въ рефлексіи же отрицательное по существу относится къ нѣкоторому положительному и тѣмъ самымъ есть опредѣленное; отрицательное не есть уже это неопредѣленное небытіе, оно положено лишь съ тѣмъ, чтобы быть, поскольку ему противоположно положительное, а третье есть его основаніе; тѣмъ самымъ отрицательное содержится въ замкнутой сферѣ, въ которой то, что есть нѣкоторое не, есть нечто опредѣленное. Тѣмъ болѣе въ абсолютнотечущей непрерывности понятія и его опредѣленій нѣкоторое „не“ непосредственно есть положительное, и отрицаніе есть не только опредѣленность, но принято въ общность и положено, какъ тождественное ей. Поэтому не-общее есть тѣмъ самымъ частное.

2. Такъ какъ отрицаніе касается отношенія сужденія, а отрицательное сужденіе разсматривается покуда, какъ такое, то оно прежде всего есть еще сужденіе; тѣмъ самымъ даже отношеніе субъекта и предиката или единичности и общности есть форма сужденія. Субъектъ, какъ лежащее въ основаніи непосредственное, остается незамотрутъ отрицаніемъ, стало быть, сохраняетъ свое опредѣленіе—имѣть предикатъ или свое отношеніе къ общности. Поэтому отрицаемое не есть вообще всеобщность предиката, а его отвлеченность или опредѣленность, являющаяся относительно той всеобщности содержанія. Слѣдовательно отрицательное сужденіе не есть полное отрицаніе; та общія сфера, въ ной содержится предикатъ, еще сохраняется; поэтому отношеніе субъекта къ предикату по существу есть еще положительное; сохраняющееся опредѣленіе предиката есть равнымъ образомъ отношеніе. Если, напр., говорится, что роза не красна, то тѣмъ самымъ отрицается и отдѣляется отъ прашей ей общности лишь опредѣленность предиката; общія сфера—цвѣтъ—сохраняется; если роза не красна, то тѣмъ самымъ признается, что она имѣетъ цвѣтъ и при томъ другой цвѣтъ; по этой общей сферѣ сужденіе остается положительнымъ.

Единичное есть частное, — это положительная форма отрицательнаго сужденія выражаетъ это непосредственно: частное содержитъ въ себѣ общность. Оно выражаетъ сверхъ того, что предикатъ есть не только нечто общее, но и опредѣленное. Отрицательная форма содержитъ въ себѣ то же самое; ибо

несколку, наприм., роза не красна, она должна сохранять, какъ предикатъ, не только общую сферу цвѣта, но имѣть также нѣкоторый другой опредѣленный цвѣтъ; такимъ образомъ снимается лишь единичная опредѣленность красоты, а общія сфера не только сохраняется, но и получаетъ опредѣленность, становясь, однако, неопредѣленною, общему опредѣленности, т.-е. частности.

3. Частность, озававшись положительнымъ опредѣленіемъ отрицательнаго сужденія, есть посредствующее между единичностью и общностью; такимъ образомъ отрицательное сужденіе есть вообще посредствующее, приводящее къ третьей ступени, къ рефлексіи сужденія существованія въ себя само. По своему объективному значенію оно есть лишь моментъ измѣненія акциденцій или единичныхъ качествъ конкретно-существующаго. Черезъ это измѣненіе полнаа опредѣленность предиката или конкретное выступаетъ, какъ положенная.

Единичное есть частное согласно положительному выраженію отрицательнаго сужденія. Но единичное есть также не частное; ибо частность имѣетъ болѣе широкій объемъ, чѣмъ единичность; поэтому она есть предикатъ, не соответствующій субъекту, слѣдовательно, такой, въ комъ послѣдній еще не имѣетъ своей истины. Единичное есть только единичное, отрицательность, относящаяся не къ другому, будь послѣднее положительное или отрицательное, но лишь къ самой себѣ. Роза не есть что-либо цвѣтное, но имѣетъ лишь опредѣленный цвѣтъ, цвѣтъ розм. Единичное есть не всеопредѣленно опредѣленное, а опредѣленно опредѣленное.

Если исходить отъ этой положительной формы отрицательнаго сужденія, то это отрицаніе послѣдняго является снова лишь первымъ отрицаніемъ. Но это не такъ. Напротивъ, отрицательное сужденіе есть уже въ себѣ и для себя второе отрицаніе или отрицаніе отрицанія, и то, что оно есть въ себѣ и для себя, должно быть положено. А именно оно отрицаетъ опредѣленность предиката положительнаго сужденія, его отвлеченную общность, или, если говорить о содержаніи, то единичное качество, которое оно получаетъ отъ субъекта. Отрицаніе же опредѣленности есть уже второе отрицаніе, стало быть, беззачетное возвращеніе единичности въ себя само. Тѣмъ самымъ возстановляется конкретная полнота субъекта или, правильнѣе сказать, отъ лишь теперь положенъ, какъ единичное, такъ какъ черезъ свое отрицаніе и сліяніе оны опосредуется самъ себя. Съ своей стороны предикатъ тѣмъ самымъ переходитъ изъ первой общности къ абсолютной опредѣленности и приравнивается съ субъектомъ. Поэтому сужденіе означаетъ: единичное есть единичное. Съ другой стороны, поскольку субъектъ принятъ также за общее, и поскольку въ отрицательномъ сужденіи предикатъ, который въ противоположность этому опредѣленію субъекта есть единичное, расширять въ частное, и такъ какъ далѣе отрицаніе этой опредѣленности есть также отрицаніе содержащейся въ немъ общности, то это сужденіе означаетъ также: общее есть общее.

Въ обоихъ этихъ сужденіяхъ, возникшихъ пока черезъ внѣшнюю рефлексію, предикатъ уже выражаетъ въ своей положительности. Но ближайшимъ образомъ

отрицание отрицательного суждения само должно явиться в форму отрицательного суждения. Выяснено, что в нем еще остались положительное отношение субъекта к предикату и общая сфера последнего. С этой стороны оно тем самым содержит оценочную от ограниченности общности, как положительное суждение, а потому тем более должно быть отрицаемо от субъекта, как единичного. Этим путем отрицается весь объем предиката и не остается никакого положительного отношения между ним и субъектом. Это есть безконечное суждение.

с. Безконечное суждение.

Отрицательное суждение есть столь же мало истинное суждение, как и положительное. Но безконечное суждение, которое должно быть его истинно, по своему отрицательному выражению есть отрицательно-безконечное суждение, в коем снята также и форма суждения. Но это бессмысленное суждение. Оно должно быть суждением, стало быть, содержать в себе отношение субъекта и предиката; но вместе с тем такого отношения в нем быть не должно. Название безконечного суждения, правда, приводится в обычных логиках, но при этом не выясняется, что с ним делать. Примеры отрицательно-безконечных суждений привести легко, соединя отрицательно определения субъекта и предиката, из которых каждое не содержит в себе не только определенности другого, но и их общей сферы; таким образом, наприм., дух есть не красное, не зеленое и т. д., не кислое, не щелочное и т. д., роза есть не слезы, разудок есть не столяр и т. п. Эти суждения, как говорят, правильны или истинны, но, несмотря на такую истину, бессмысленны и пошлы. Или, правильные, они не суть вовсе суждения. Возле реальный пример безконечного суждения есть злое действие. В гражданском правовом спорѣ нечто отрицается, лишь как собственность противной партии; таким образом признается, что оно принадлежало бы ей, если бы она имела на то право, и оно охраняется лишь под титлом права; общая сфера, право, признается и сохраняется, таким образом, в этом отрицательном суждении. Преступление же есть безконечное суждение, которое отрицает не только частное право, но вместе и общую его сферу, отрицает право, как право. Оно обладает, правда, правильностью в том смысле, что оно есть действительное действие, но так как оно относится совершенно отрицательно к нравственности, составляющей ее общую сферу, то оно бессмысленно.

Положительное в безконечном суждении, в отрицании отрицания, есть рефлексия единичности в себя саму, через что она именно положена, как определенная определенности. Единичное единично — таково его выражение согласно этой рефлексии. Субъект в суждении существования есть непосредственное единичное и тем самым большее, чем лишь нечто вообще. Лишь через опосредование отрицательного и безконечного суждения оно положено, как единичное.

Тем самым единичное положено, как непрерывно-продолжающееся в своем предикате, тождественном с ним; тем самым и общность положена также, уже не как непосредственная, но как некоторая совокупность различного. Положительно-безконечное суждение гласит, правда, также: общее есть общее и, таким образом, положено также, как возврат в себя само.

Через эту рефлексию определен суждения в себя суждение само себя; в отрицательно-безконечном суждении различие, так сказать, слишком велико для того, чтобы еще сохранилось суждение; субъект и предикат не живут в нем никакого положительного отношения один к другому; напротив, в положительно-безконечном суждении дано лишь тождество, и оно не есть более суждение вследствие полного отсутствия различия.

Высшим образом оказывается снявшим себя суждение существования; тем самым положено то, что содержится в связи с суждением, именно, что качественная крайности снимаются в этом своем тождестве. Но поскольку это единство есть понятие, то оно (единство) непосредственно также снова раздвигается на крайности и есть суждение, определения которого, однако, суть уже не непосредственные, но рефлектированные в себя. Суждение существования перешло в суждение рефлексии.

В.

Суждение рефлексии.

Возникшем теперь суждений субъект есть нечто единичное, как таковое; равным образом общее есть уже не отвлеченная общность или единичное качество, но положено, как общее, совпавшее в одно через отношение различного, или, разсматриваемое вообще по содержанию различного определен, как совпадение многообразных свойств и осуществлений. Если требуется дать примеры предикатов суждений рефлексии, то они должны быть другого рода, чем суждений существования. В суждении рефлексии собственно дано лишь одно определенное содержание, т. е. вообще одно содержание; ибо это содержание есть рефлектированное в содержание определение формы, отличное от формы, поскольку она есть отличное различие, каково оно есть, еще как суждение. В суждении существования содержание есть непосредственное или отвлеченное, неопределенное. Примерами суждений рефлексии могут поэтому служить: человек смертен, вещи преходящи, эта вещь полезна, вредна; твердость, упругость тела, счастье и т. п. Суть такие своеобразные предикаты. Они выражают собою некоторую сущность, которая, однако, есть определение в отношении или связующая общность. Эта общность, которая далее определится в движении суждений рефлексии, еще отлична от общности понятия, как таковой; хотя она уже не есть отвлеченная общность качественного суждения, но вместе еще отношение к тому непосредственному, от которого она исходит, и последнее лежит в основании ее отрицательности. Понятие дает существованию бли-

жайшим образом определѣнія отношенія, непрерывную продолжаемость ахъ самихъ въ различномъ многообразіи осуществленія, но такъ, что истинно общее имѣетъ его внутреннюю сущность въ явленіи, и эта относительная природа или ея признакъ еще не есть ея бытіе въ себѣ и для себя.

Повидному ближе всего определѣть сужденіе рефлексіи, какъ сужденіе количества, какъ сужденіе существованія определѣлось также, какъ качественное сужденіе. Но какъ непосредственность послѣднего была не только сущая, но по существу также опосредованная и отвлеченная, такъ и здѣсь эта святая непосредственность есть не только святое качество, стало быть, не только количество; напротивъ, какъ качество есть крайняя степень непосредственности, такъ это количество есть такимъ же образомъ крайняя степень присущаго опосредованію определѣнія.

По поводу определѣнія, каковы оно въ своемъ движеніи является въ сужденіи рефлексіи, слѣдуетъ сдѣлать еще то замѣчаніе, что въ сужденіи существованія движеніе его обнаружилось въ предикатѣ, такъ какъ это сужденіе имѣло определѣние непосредственности, и, стало быть, субъектъ являлся лежащимъ въ основаніи. По такому же основанію въ сужденіи рефлексіи движеніе определѣнія обнаруживается въ субъектѣ, такъ какъ это сужденіе имѣетъ определѣніемъ рефлектированное бытіе въ себѣ. Поэтому существенное здѣсь есть общее или предикатъ; онъ потому образуетъ собою лежащее въ основаніи, по коему долженъ измѣряться и соответственно коему долженъ определяться субъектъ. Правда, и предикатъ черезъ дальнѣйшее развитіе формы субъекта получаетъ дальнѣйшее определѣние, но конечно, предикатъ же определѣніе обнаруживается по вышеуказанному основанію, какъ прямое дальнѣйшее определѣние.

Что касается объективнаго значенія сужденія, то въ немъ единичное приходитъ къ существованію черезъ свою общность, но какъ бы въ некоторомъ существенномъ определѣніи отношенія, въ сохранившейся черезъ многообразіе явленія существенности; субъектъ долженъ быть определеннымъ въ себѣ и для себя; эту определенность онъ имѣетъ въ своемъ предикатѣ. Съ другой стороны, единичное рефлектируется въ этомъ своемъ предикатѣ, который есть его общія сущность; субъектъ есть тѣмъ самымъ осуществленное и являющееся. Предикатъ въ этомъ сужденіи уже не включенъ въ субъектъ; первый — есть скорее сущее въ себѣ, которому подчинено это частное, какъ акцидентальное. Если сужденія существованія могутъ быть такъ же определѣны, какъ сужденія включенія, то сужденія рефлексіи суть скорее сужденія подчиненія.

а. Единичное сужденіе.

Непосредственное сужденіе рефлексіи есть опять-таки: единичное есть общее; но субъектъ и предикатъ имѣютъ вышесказанное значеніе; поэтому его можно ближайше выразить такъ: это есть по существу общее.

Но въ которое „это“ не есть по существу общее. То по своей общей формѣ положительное сужденіе вообще должно быть понято отрицательно.

Но между тѣмъ какъ сужденіе рефлексіи есть не только положительное, то и отрицаніе не относится прямо къ предикату, который не есть включенное, но есть сущее въ себѣ. Субъектъ есть скорее извѣстное и подлежащее определѣнію. Поэтому отрицательное сужденіе должно быть здѣсь понимаемо такъ: не въ которое это есть общее въ рефлексіи; такое въ себѣ имѣетъ общее осуществленіе какъ бы лишь въ некоторомъ „это“. Единичное сужденіе имѣетъ поэтому свою ближайшую истину въ частномъ.

б. Частное сужденіе.

Неединичность субъекта, которая должна быть положена въ первомъ сужденіи рефлексіи вмѣсто его единичности, — есть частности. Но единичность въ сужденіи рефлексіи определѣна, какъ существенная единичность; поэтому частность можетъ быть не простымъ, отвлеченнымъ определѣніемъ, въ коемъ единичное было бы снято и существенное уничтожено до основанія, но лишь расширеніемъ его во вышней рефлексіи; поэтому субъектъ есть въ который эти или въ которое множество единичныхъ.

Это сужденіе: въ который единичны суть общее рефлексіи является ближайше положительнымъ сужденіемъ, но оно также и отрицательно; ибо въ которое содержитъ въ себѣ общее; соответственно послѣднему оно можетъ быть рассматриваемо, какъ объемлющее, но поскольку оно есть частное, это ему также не соответственно. Отрицательное определѣніе, полученное субъектомъ черезъ переходъ единичнаго сужденія, есть, какъ указано выше, также определѣніе отношенія, связи. Въ сужденіи „въ которые люди несчастны“ заключаема непосредственный выводъ: въ которые люди несчастны. Если въ которые вещи полезны, то именно потому же въ которые вещи неполезны. Положительное и отрицательное сужденія уже не распадаются, но частное сужденіе содержитъ въ себѣ непосредственно оба ихъ вмѣстѣ, именно потому, что оно есть сужденіе рефлексіи. Но поэтому частное сужденіе есть неопредѣленное.

Если въ призракахъ такого сужденія рассмотреть далье субъектъ — въ которые люди, животныя и т. д., то окажется, что кромя частнаго определѣнія формъ — въ которые — онъ содержитъ въ себѣ еще и определѣніе содержанія — человекъ и т. д. Субъектъ единичнаго сужденія могъ бы означать этого человека, въ которую единичность, требующую собственно лишь вышнѣго указанія; его правильнѣе выразитъ какии-либо словомъ Кай. Но субъектомъ частнаго сужденія уже не могутъ служить въ которые Кай, такъ какъ Кай долженъ быть единичнымъ, какъ таковымъ. Въ слову въ которые можетъ быть присоединено лишь общее содержаніе, какъ-то люди, животныя и т. д. Это содержаніе уже не только эмпирическое, но определѣемое формою сужденія; а именно оно есть общее потому, что слово въ которые содержитъ въ себѣ общность, и эти въ которые должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлены отъ единичныхъ, такъ какъ рефлектированная единичность лежитъ въ ихъ основаніи. Ближайшимъ образомъ оно есть также

общая природа или родъ—человѣкъ, животное; такая предваряемая общность, которая есть результатъ сужденія рефлексіи; подобно тому, какъ положительное сужденіе, поскольку оно имѣетъ субъектовъ единичное, есть предваренное опредѣленіе, которое есть результатъ сужденія существованія.

Субъектъ, содержащій въ себѣ единичныя, ихъ отношеніе къ частности и общую природу, тѣмъ самымъ уже положенъ, какъ полнота опредѣленной понятія. Но это соображеніе, собственно говоря, внѣшнее. То, что ближайшіми образомъ уже положено въ субъектѣ черезъ его форму во взаимномъ отношеніи, есть расширеніе этого въ частности; но это обобщеніе ему не соответствуетъ; это есть воплоти опредѣленное, а нѣкоторыя эти—неопредѣленное. Расширеніе должно касаться этого, стало быть, соответствовать ему, быть воплоти опредѣленнымъ; таковою служатъ полнота или ближайшіми образомъ общность вообще.

Эта общность имѣетъ въ своемъ основаніи это, такъ какъ единичное есть здѣсь рефлектированное въ себя; поэтому его дальнѣйшія опредѣленія движутся въ нектъ внѣшними образомъ, и подобно тому, какъ частность именно потому опредѣлилась, какъ нѣкоторое, такъ и общность, достигаемая субъектовъ, есть вслѣдствіе (Allheit), и частное сужденіе перешло въ общее.

с. Общее сужденіе.

Общность, присущая субъекту общаго сужденія, есть внѣшняя общность рефлексіи, вслѣдствіе; всѣ суть всѣ единичныя; единичное остается тутъ незамѣтнымъ. Поэтому эта общность есть лишь совокупность сущихъ для себя единичныхъ; она есть одинаковость (Gemeinschaftlichkeit), возникающая въ нихъ лишь черезъ сравненіе. Эта одинаковость прежде всего бросается въ глаза субъективному представленію, когда идетъ рѣчь объ общности. Ближайшее основаніе признанія нѣкотораго опредѣленія за общее состоитъ въ томъ, что оно присуще многимъ. При анализѣ предносится главнымъ образомъ это же понятіе общности, когда, напр., развитіе функціи въ многочленъ считается за болѣе общее, чѣмъ развитіе ея въ двучленъ; ибо многочленъ содержитъ въ себѣ болѣе частностей, чѣмъ двучленъ. Требованіе, чтобы функція была представлена въ ея общности, есть собственно требованіе все-члена, исчерпанной безконечности; но здѣсь само собою представляется ограниченіе этого требованія, и изображеніе безконечнаго множества должно довольствоваться лишь его должествованіемъ, а потому лишь многочленомъ. Въ действительности же уже двучленомъ предполагается многочленъ, въ коемъ методъ или правило касается лишь зависимости одного члена отъ другаго, и зависимость многихъ членовъ отъ предшествующихъ имъ есть не нѣчто частное, но остается лежащемъ въ основаніи одною и тою же функціею. Методъ или правило должно считаться истинно-общимъ; въ теченіе развитія или въ развитіи многочлена оно лишь повторяется; поэтому черезъ умноженіе числа членовъ оно нисколько не выигрываетъ въ общности. Уже ранѣе была рѣчь о ложной безконечности и ея заблужденіи; общность

понятія есть достигнутая потусторонности; та же безконечность остается пораженной потусторонности, какъ чѣмъ-то недостижимымъ, такъ какъ она остается просто прогрессомъ въ безконечность. Если подъ видомъ общности предносится лишь вслѣдствіе, общность, которая должна быть исчерпана единичными, какъ единичными, то это есть возвратъ къ той ложной безконечности; или, правильнѣе, при этомъ за вслѣдствіе принимается лишь множество. Множество же, какъ бы оно ни было велико, остается только частностью и не есть вслѣдствіе. Однако при этомъ предносится смутно сущая въ себѣ и для себя общность понятія: оно прорывается кощю сквозь упорно сохраняющуюся единичность, въ коей его держитъ представленіе, и сквозь внѣшность ея рефлексіи, и превращаетъ вслѣдствіе въ полноту или, правильнѣе, въ категорическое бытіе въ себѣ и для себя.

Это и инымъ путемъ обнаруживается во вслѣдствіе, которое есть вообще эмпирическая общность. Поскольку единичное предполагается, какъ нѣчто непосредственное, стало быть предвѣднное и внѣшнее принятое, ему столь же внѣшны и рефлексія, связывающая его во вслѣдствіе. Но такъ какъ единичное, какъ это, совершенно безразлично къ этой рефлексіи, то общность и такая единичность не могутъ сойтись въ единство. Поэтому эмпирическое вслѣдствіе остается лишь задачей, должествованіемъ, не могущимъ быть представленнымъ, какъ бытіе. Эмпирически—общія предложенія, ибо и такіа бывають установленны, основываются на безвольномъ соглашеніи въ случаяхъ отсутствія противоположныхъ инстанцій признавать множество случаевъ за вслѣдствіе; или принимать субъективное вслѣдствіе, вслѣдствіе знанія данныхъ случаевъ, за объективное вслѣдствіе.

При ближайшемъ разсмотрѣніи общаго сужденія, занимающаго насъ теперь, оказывается, что субъектъ, который, какъ было замѣчено выше, содержитъ въ себѣ сущую въ себѣ и для себя общность, какъ предположенную, теперь имѣетъ ее также, какъ положенную. Всѣ люди означаютъ, во-первыхъ, родъ человекъ, во-вторыхъ, этотъ же родъ въ его единичности, но такъ, что единичныя выстъ съ тѣмъ расширенъ въ общность рода; наоборотъ, общность черезъ эту связь съ единичностью опредѣлена столь же полно, какъ и единичность; тѣмъ самымъ положенная общность стала равною предположенной.

Но, собственно говоря, слѣдуетъ прежде всего принять во вниманіе не предположенное, а разсмотрѣть результатъ въ его формальномъ опредѣленіи для себя. Единичность, такъ какъ она расширилась въ общность, положена, какъ отрицательность, имѣющая тождественное отношеніе къ себѣ. Тѣмъ самымъ она не осталась тою первою единичностью, какова, напр., единичность нѣкоего Кая, но есть опредѣленіе, тождественное съ общностью, или абсолютная опредѣленность общаго. Эта первая единичность единичнаго сужденія не есть непосредственная единичность положительнаго сужденія, но произошла черезъ диалектическое движеніе сужденія существованія вообще; она была уже опредѣлена къ тому, чтобы быть отрицательнымъ тождествомъ опредѣленій этого сужденія. Таково истинное предположеніе въ сужденіи рефлексіи; въ противно-

положность присущему ему положению эта первая определенность единичности была теперь ей бытием в себя; то, что оно тѣмъ самымъ есть вь себя, теперь положено лишь черезъ движеніе сужденія рефлексіи, а именно единичность, какъ тождественное отношеніе определеннаго къ себѣ самому. Тѣмъ самымъ та рефлексія, которая расширяетъ единичность въ общность, не становится для нея вышшею, но дѣлается лишь для себя тѣмъ, чѣмъ она уже была вь себя. Такимъ образомъ истинный результатъ есть объективная общность. Тѣмъ самымъ субъектъ совлечъ съ себя формальное определеніе сужденія рефлексіи, исходившее отъ этого, дабы перейти черезъ нѣкоторое къ общности; вмѣсто всѣхъ людей теперь должно сказать: человекъ.

Общность, проведенная такимъ образомъ, есть родъ,—общность, которая вь ней самой есть конкретное. Родъ не присущъ субъекту или, иначе, не есть единичное качество, вообще не есть нѣкоторое качество субъекта; родъ содержитъ вь себѣ всякую единичную определенность, разрѣшенную вь ея субстанціальную самостоятельность. Потому, такъ какъ родъ положенъ, какъ это отрицательное тождество съ самимъ собою, онъ есть по существу субъектъ, но вь немъ послѣдній уже не подчиненъ своему предикату. Тѣмъ самымъ теперь измѣняется вообще природа сужденія рефлексіи.

Послѣднее было по существу сужденіемъ подчиненія. Предикатъ былъ определенъ относительно своего субъекта, какъ сущее вь себѣ общее; по своему содержанию предикатъ могъ бы считаться за существенное определеніе отношенія или также за призваніе,—опредѣленіе, по которому субъектъ есть лишь нѣкоторое существенное явленіе. Но определенный, какъ объективно общее, онъ уже перестаетъ быть подчиненнымъ такому определенію отношенія или связующей рефлексіи; такой предикатъ относительно этой общности есть скорѣе нѣчто частное. Тѣмъ самымъ отношеніе субъекта и предиката здѣсь превращается вь обратное, и такимъ образомъ сужденіе прежде него снимается.

Это снятіе сужденія совпадаетъ съ тѣмъ, что становится определеніемъ связи, которое мы должны еще рассмотреть; снятіе определеній сужденія и переходъ ихъ вь связь одно и то же. А именно поскольку субъектъ повиселъ до общности, онъ вь этомъ определеніи сталъ равенъ предикату, который, какъ рефлектированная общность, объемлетъ собою и частности; поэтому субъектъ и предикатъ тождественны, т.е. совпали вь связки. Это тождество есть родъ или вь себѣ и для себя сущая природа нѣкоторой вещи. Поскольку эта природа такимъ образомъ снова раздѣляется вь сужденіи, субъектъ и предикатъ относятся между собою черезъ внутреннюю природу,—отношеніе необходимости, вь которомъ эти определенія сужденія суть лишь несущественныя различія. То, что свойственно всякимъ единичнымъ нѣкотораго рода, свойственно по его природѣ и роду,—это непосредственный выводъ и выраженіе того, что оказалось уже и раньше, именно что субъектъ, напр. всѣ люди, совмѣщается своей формальной определенности, и вмѣсто него слѣдуетъ сказать: человекъ. Эта сущая вь себѣ и для себя связь кладетъ основу новаго сужденія—сужденія необходимости.

С.

Сужденіе необходимости.

Определеніе, до котораго доразвилась общность, есть, какъ оказалось, сущая вь себѣ и для себя или объективная общность, которой вь сферѣ сущности соответствуетъ субстанціальность. Первая отличается отъ послѣдней тѣмъ, что она принадлежитъ понатію и потому есть не только внутренняя, но и положенная необходимостью своихъ определеній; или иначе, что отличеніе ей имманентно, между тѣмъ какъ субстанція имѣетъ его лишь вь своихъ акциденціяхъ, а не какъ принципъ вь себѣ самой.

Вь сужденіи эта объективная общность положена, тѣмъ самымъ, во-первыхъ, съ этою ея существенною определенностью, какъ имманентною ей, во-вторыхъ, какъ отличная отъ нея частности, субстанціальную основу которой составляетъ эта общность. Такимъ путемъ она определена, какъ родъ и видъ.

а. Категорическое сужденіе.

Родъ раздѣляется или по существу распадается на виды; онъ есть родъ, лишь поскольку подъ нимъ понимаются виды, видъ есть видъ, лишь поскольку онъ съ одной стороны осуществляется вь единичныхъ, а съ другой имѣетъ вь родѣ болѣе высокую общность. Категорическое сужденіе имѣетъ предикатомъ лишь такую общность, вь которой субъектъ находитъ свою имманентную природу. Но оно само есть первое или непосредственное сужденіе необходимости; отсюда определенность субъекта, вь силу которой онъ вь противоположность роду или виду есть частное или единичное, и тѣмъ самымъ ему свойственна непосредственность нѣматого осуществленія. Но объективная общность также лишь здѣсь находитъ свои непосредственную партикуляризацию; съ одной стороны она есть потому сама нѣчто определенное, вь противоположность которому даны болѣе высокие роды; съ другой же стороны она не есть именно ближайшая, т.е. такая, определенность которой есть принципъ специфической частности субъекта. Но что тутъ необходимо,—это субстанціальное тождество субъекта и предиката, вь противоположность которому то своеобразіе, коимъ они одинъ отъ другого отличаются, есть лишь несущественное положеніе, вь только одно названіе, субъектъ вь своемъ предикатѣ рефлектированъ вь своемъ бытіи вь себѣ и для себя. Такой предикатъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ предикатами выразительныхъ сужденій; напр., если сужденіи

роза красна,
или: роза есть растеніе;
это колцо желто,
онъ есть золото,

соединяются в один класс, и чтобы четкая признается предикатом равнозначущим с растительной природою чётка, то не принимается во внимание то отличие, которое должно бросаться в глаза самому обычному взгляду. Поэтому категорическое суждение должно быть определено отложено от положительного и отрицательного суждений; в последних то, что говорится о субъекте, есть единичное случайное содержание, в первом же оно есть полнота рефлектированной в себя формы. В нем связь имеет потому значение необходимости, в них же значение лишь отвлеченного, непосредственного бытия.

Определенность субъекта, в силу коей он есть нечто отдельное от предиката, есть ближайшим образом нечто еще случайное; субъект и предикат еще не приведены в необходимое отношение посредством формы или определенности; необходимость есть потому еще внутренняя. Но субъект есть субъект, лишь как частное, и поскольку он имеет объективную общность, он должен иметь ее по существу согласно этой еще непосредственной определенности. Объективно-общее, так как оно определило себя, т. е. положило себя в суждении, находится по существу в тождественном отношении с этой отдельной от него определенностью, т. е. последняя должна быть положена, как существенная, а не просто как случайная. Категорическое суждение соответствует своей объективной общности лишь в силу этой необходимости своего непосредственного бытия, и таким образом перешло в условное суждение.

в. Условное суждение.

Если есть *A*, то есть *B*; или иначе бытие *A* есть не его собственное бытие, но бытие некоторого другого, *B*. В этом суждении положена необходимая связь непосредственных определений, еще не положенная в категорическом суждении. Здесь два непосредственных или внешне-случайных осуществления, каковым в категорическом суждении ближайшим образом бывает только одно, субъект; но так как одно из них выше относительно другого, то и это другое непосредственно также выше относительно первого. По этой непосредственности содержание обеих сторон еще взаимно-безразлично; поэтому это суждение есть ближайшим образом пустое формальное предложение. Непосредственность есть, правда, во-первых, как таковая, некоторого самостоятельного, конкретного бытия; но, во-вторых, ее отношение существенно; это бытие есть потому также простая возможность; условное суждение содержит в себе не то, что *A* есть, или что *B* есть, но то, что если есть одно из них, то есть и другое; сущее положена лишь связь обеих терминов, а не они сами. Правильнее сказать, каждый положен в такой необходимости, как также бытие другого. Начало тождества гласит: *A* есть лишь *A*, а не *B*; и *B* есть лишь *B*, а не *A*; напротив, в условном суждении бытие конечных вещей по их формальной истине положено через понятие так, что конечное есть свое собственное бытие, но также не

собственное, а бытие некоторого другого. В сфере бытия конечное изменяется, становится другим; в сфере сущности оно есть явление, при чем положено, что бытие состоит в том, что нечто иное имеет в нем видимость, и что необходимость есть внутреннее, еще не положенное, как таковое, отношение. Понятие же состоит в том, что это тождество положено, и что сущее есть не отвлеченное тождество с собою, но конкретное и непосредственно в нем самым бытие некоторого другого.

Условное суждение с точки зрения отношения рефлексии может быть ближайше определено, как отношение основания и следствия, условия и обусловленного, причинности и т. д. Как в категорическом суждении форма понятия есть субстанциальность, так в условном — связь причинности. Это и другие отношения все объемлются им, но здесь они уже не суть более отношения самостоятельных сторон, а последние суть по существу лишь моменты одного и того же тождества. Однако они еще по определениям понятий противоположены, не как единичное или частное общему, но лишь как моменты вообще. Тем самым условное суждение имеет более вид предложения; как частному суждению свойственно неопределенное содержание, так условному — неопределенная форма, так как отношение его содержания не подходит под определение субъекта и объекта. Но в себя бытие, так как оно есть бытие другого, именно потому есть единство себя самого и другого и тем самым общность; поэтому оно имеет с тем же бытием только лишь некоторое частное, так как оно есть определенное и в своей определенности не есть только относящееся к себе. Но положенное есть не простая отвлеченная частность, а через непосредственность, присущую определенностям, моменты последних положены, как различные; вместе с тем в силу их единства, составляющего их отношение, частность есть также их полнота. Поэтому то, что понятие положено в этом суждении, есть общность, как конкретное тождество понятия, определения которого не имеют устойчивости для себя, но суть лишь положены в этом тождестве частности. Таким образом оно есть раздвигательное суждение.

с. Раздвигательное суждение.

В категорическом суждении понятие есть объективная общность и некоторая вышняя единичность. В условном понятие в этой вышности выступает в своем отрицательном тождестве; через последнее обь он получают в раздвигательном суждении определенность положенную, между тем как в первых он имеют ее непосредственно. Раздвигательное суждение есть потому объективная общность, положенная вместе с тем в соединении с формой. Оно содержит в себе следовательно, во-первых, конкретную общность или род в простой форме, как субъект; во-вторых, ее же, но как полноту ее различных определений. *A* есть или *B*, или *C*. Это необходимость понятия, в коей, во-первых, тождество обеих

крайних терминов есть их одинаковые объем, содержание и общность; во вторых, они различаются по формам определений понятия, но так, что в силу этого тождества она есть простая форма. В-третьих, тождественная объективная общность является потому, как рефлектированная в себя в противоположность несущественной форме, как содержание, имеющее, однако, в нем самом определенность формы, в одном отношении как простую определенность рода, в другом же отношении, как ту же определенность, развитую в ее отличиях, — в силу чего она есть частность видов и их полнота, общность рода. Частность в ее развитии образует предикат, так как она есть общее постольку, поскольку она содержит в себе всю общую сферу субъекту, но содержит ее во взаимоотношении порознь.

При ближайшем рассмотрении этого порознь оказывается, что, во-первых, род образует собою субстанциальную общность видов; поэтому субъект есть столь же *B*, как и *C*; это столь же означает положительное тождество частного с общими, но объективное общее вполне сохраняется в своей частности. Виды, во-вторых, взаимно исключают один другой; *A* есть или *B*, или *C*, ибо они составляют определенное различие общей сферы. Это или—или есть их отрицательное отношение. Но в нем они столь же тождественны, как и в первом отношении; род есть единство их, как определенных частных. Если бы род был отвлеченной общностью, как в суждениях существования, то виды должны бы были быть понятиями, только как различные и безразличные один к другому; но он есть не эта вышняя, возникшая лишь через сравнение и отбрасывание, а их имманентная и конкретная общность. Эмпирическое раздельное суждение лишено необходимости; *A* есть или *B*, или *C*, или *D* и т. д., потому что виды *B*, *C*, *D* и т. д. даны заранее; тут нельзя собственно высказать никакого или—или, ибо эти виды образуют собою лишь как бы субъективную полноту; правда, один вид исключает другие; но или—или исключает все дальнейшее и заключает в себя полную сферу. Эта полнота имеет свою необходимость в отрицательном единстве объективно-общего, которое растворяет в себя единичность и имеет ее имманентно в себе, как простой принцип отчуждения, посредством коего определяются и соотносятся виды. Напротив, эмпирические виды находят свои отчуждения в какой-либо случайности, которая есть некоторый вышний принцип или именно потому не их принцип, тем самым не имманентная определенность рода; поэтому они также не относятся один к другому по своей определенности. Между тем, именно через отношение своей определенности виды образуют собою общность предиката. Так наименования противная и противоположная понятия именно здесь должны бы были найти свое место; ибо в раздельном суждении положено существенное отличие понятий; но они имеют вместе с тем и свою истину в том, что самая противность и противоречие также сами различаются, как противное и противоречивое. Виды противны, поскольку они лишь различны, а именно имеют некоторую устойчивость, сущую в себе

и для себя, через род, как их объективную природу; они противоположны, поскольку они один другой исключают. Но каждое из этих определений для себя односторонне и лишено истины; в или—или раздельного суждения положено их единство, как их истина, согласно коей эта самостоятельная устойчивость, как сама конкретная общность, есть также принцип отрицательного единства, в силу которого они взаимно исключаются.

Через только что указанное тождество субъекта и предиката по их отрицательному единству род определяется в раздельном суждении, как ближайшее. Это выражение указывает ближайшим образом только на количественное различие определений большего и меньшего, которое содержит в себе нечто общее в противоположность обнимаемой им частности. Остается поэтому случайным, что такое есть собственно ближайший род. Но поскольку род понимается, как некоторое только через ощущение определений образованное общее, он, собственно говоря, не может образовать раздельного суждения; ибо является делом случая, остается ли в нем еще та определенность, которая образует собою принцип или—или; род в таком случае не был бы вообще по своей определенности представлен в видах, и последние могли бы образовывать лишь случайную полноту. В категорическом суждении род ближайшим образом дан лишь в этой отвлеченной форме в противоположность субъекту; поэтому первый не есть необходимо ближайший род и, стало быть, является вышним. Но так как род есть конкретная существенно определенная общность, он есть, как простая определенность, единство моментов понятия, которые в этой простоте лишь святы, но имеют свое реальное отличие в видах. Поэтому род есть ближайшее некоторого вида постольку, поскольку последний имеет в существенной определенности первого свое специфическое отличие, и поскольку виды вообще имеют свое отличное определение, как принцип, в природе рода.

Только что рассмотренная сторона образует собою тождество субъекта и предиката со стороны определенности вообще; стороны, положенной через условное суждение, необходимость которого есть некоторое тождество непосредственного и различающего и поэтому по существу отрицательное единство. Это отрицательное единство есть вообще такое, которое разделяет субъект и предикат, но которое теперь само положено, как отчужденное в субъект, как простая определенность, а в предикат, как полнота. Это разделение субъекта и предиката есть различие понятия; но полнота видов в предикат не может также быть какою-либо другой. Таким образом, тем самым устанавливается взаимное определение терминов раздельного суждения. Это определяется к различению понятия, ибо оно есть лишь то, которое разделяется и обнаруживает в своем определении свое отрицательное единство. Впрочем, вид принимается здесь в соображение лишь по его простой определенности понятия, а не в том образе, в коем он из идеи вступает в дальнейшую самостоятельную реальность; последняя конечно выпадает из простого принципа рода; но

существенное различие должно быть моментом понятия. В рассматриваемом здесь суждении собственно говоря через собственное дальнейшее движение понятия положено теперь самое его разделение, положено то, что оказалось в понятии его сущим в себя и для себя определенным, различением в нем определенных понятий. А так как общее есть как положительная, так и отрицательная полнота частного, то самое понятие именно потому есть непосредственно одним из своих раздельных терминов; другим же служит эта общность, разрываемая в свою частность или определенность понятия, как определенность, в коей общность проявляет себя, как полноту. Если разделение какого-либо рода на виды не достигло еще этой формы, то это служит доказательством, что оно не возвысилось до определенности понятия и не вытекает из него. Цветъ бывает или фиолетовый, или синий, или голубой, или зеленый, или желтый, или оранжевый, или красный; в этом разделии сейчас же обнаруживается его эмпирическая смешанность и нечистота: сь этой стороны, рассматриваемое само по себе, оно должно быть названо просто варварским. Но если цветъ понимается, как конкретное единство светлого и темного, то этот родъ имѣть вь себя определенность, образующую принципъ его раздѣленія на виды. Но изъ последнихъ одинъ долженъ быть совершенно простымъ цветомъ, равномерно содержащимъ вь себя противоположность во всей ея напряженности замкнутой и слитой; вь противоположность ей должна представляться противоположность отношенія свѣтлага и темнаго, къ которому, такъ какъ оно касается природнаго явления, должна присоединяться еще безразличная нейтральность противоположности. Принятіе смѣсей, какъ фиолетовый и оранжевый, и различій степеней, какъ синий и голубой, за виды можетъ имѣть свое основаніе лишь въ совершенно необдуманномъ образѣ дѣйствія, который даже для эмпиризма обнаруживаетъ собою слишкомъ мало рефлексій. Впрочемъ, здѣсь не имѣто излагать, какія различія и ближе определенныя формы имѣтъ раздѣленіе, смотря потому, совершается ли оно вь элементъ природы или вь духѣ.

Раздѣлительное сужденіе имѣтъ раздѣленіе терминъ ближайшимъ образомъ вь своемъ предикатѣ; но оно, равнымъ образомъ, и само раздѣлено; его субъектъ и предикатъ суть раздѣленные терминъ; но вь своей определенности они имѣтъ сь тѣмъ суть моменты понятія, положенные, какъ тождественные, какъ тождественные α , вь объективной общности, которая вь субъектѣ есть простой родъ, а вь предикатѣ общія сфера и полнота моментовъ понятія и β , вь отрицательномъ единствѣ, вь разлитои связи необходимости, по которой простая определенность субъекта перешла вь различіе видовъ и именно потому есть ихъ существенное отношеніе и тождество сь самою собою.

Это единство, связка этого сужденія, вь которой совпали крайніе терминъ вь силу ихъ тождества, есть тѣмъ самымъ само понятіе, и именно какъ положенное; простое сужденіе необходимости тѣмъ самымъ повислось вь сужденіе понятія.

D.

Сужденіе понятія.

Сужденія существованія были недостаточнымъ знаніемъ: роза красна, свѣтъ бѣлъ и т. д.,—врядъ ли тутъ обнаруживается большая сила сужденія. Сужденія рефлексіи суть болѣе предложенія; вь сужденія необходимости предметъ, правда, данъ вь своей объективной общности, но лишь вь подожжаемъ теперь разсмотрѣнны сужденія дано его отношеніе къ понятію. Последнее положено тутъ вь основаніе, и именно потому что оно вь отношеніи къ предмету является должествованіемъ, которому реальность можетъ какъ соответствовать, такъ и не соответствовать. Потому лишь такое сужденіе содержитъ вь себя истинную оценку; предикатъ добрый, дурной, истинный, прекрасный, правильный и т. д. выражаютъ собою, что вещь измѣряется по ея общему понятію, какъ по предполагаемому должествованію, и что она находится или не находится сь нимъ вь соответствіи.

Сужденіе понятія получило названіе сужденія модальности, и ему приписываютъ тотъ смыслъ, что оно содержитъ вь себя форму отношенія субъекта и предиката во внѣшнемъ разсудкѣ, при чемъ значеніе связки определяется лишь вь отношеніи къ мышленію. Отсюда выводится, что проблематическое сужденіе состоитъ вь признаніи утвержденія или отрицанія допустимымъ или возможнымъ, асерторическое — необходимымъ. Легко усмотрѣть, почему является искушеніе исходить при этомъ сужденіи изъ самаго акта сужденія и разсматривать его опредѣленіе, какъ нечто только субъективное. Здѣсь вь сужденія снова выступаютъ и входятъ вь отношеніе къ непосредственной дѣйствительности именно понятіе, субъективное. Но это субъективное не должно быть смешиваемо сь внѣшнею рефлексію, которая, конечно, есть также нечто субъективное, но вь иномъ смыслѣ, чѣмъ самое понятіе; последнее, каковы оно снова выступаетъ вь раздѣлительномъ сужденіи, есть скорѣе противоположность простому виду и способу. Вь этомъ смыслѣ нечто субъективное суть раиѣ разсмотрѣнныя сужденія, такъ какъ они основываются на отзывеніи и односторонности, вь коихъ понятіе утрачивается. Вь противоположность имъ сужденіе понятія есть объективное и истинное, именно потому, что вь основаніи его лежитъ понятіе, но не во внѣшней рефлексіи, ниже вь отношеніи къ нѣкоторому субъективному, т. е. случайному мышленію, а вь своей определенности, какъ понятіе.

Вь раздѣлительномъ сужденіи понятіе было положено, какъ тождество общей природы сь ея частностями; тѣмъ самымъ здѣсь было снято отношеніе сужденія. Это конкретное общности и частности есть ближайшимъ образомъ простой результатъ, онъ долженъ дагѣе быть развитъ вь полноту, такъ какъ моменты, которые вь немъ содержатся, ближайшимъ образомъ, исчезаютъ вь немъ и еще не противопоставятъ одинъ другому вь определенной самостоятельности. Недостаточность этого результата можетъ определеннѣе быть выражена

так, что хотя в раздѣлительномъ сужденіи объективная общность достигла познаго развитія въ своей частности, но отрицательное единство послѣдней возвращается лишь обратно въ первую, а не опредѣляетъ еще себя, какъ третье, какъ единичность. Поскольку самый результатъ есть отрицательное единство, онъ, правда, есть уже эта единичность; но такимъ образомъ онъ есть лишь эта одна опредѣленность, которая должна затѣмъ положить свою отрицательность, раздѣлиться на крайніе термины и затѣмъ путемъ развитія въ умозамысленіе.

Ближайшее раздѣленіе этого единства есть сужденіе, въ коемъ оно (единство) положено, во-первыхъ, какъ субъектъ, какъ нѣчто непосредственно единое, а затѣмъ, какъ предикатъ, какъ опредѣленное отношеніе его моментовъ.

а. Ассерторическое сужденіе.

Сужденіе понятія есть, во-первыхъ, непосредственное; такимъ образомъ, оно есть ассерторическое сужденіе. Субъектъ есть вообще нѣкоторое конкретное единичное, предикатъ же выражаетъ послѣднее, какъ отношеніе его дѣйствительности, опредѣленности или состоянія къ его понятію (этотъ домъ дуренъ, это дѣйствіе хорошо). Ближайшимъ образомъ въ немъ содержится также, а) что субъектъ долженъ быть чѣмъ-либо; его общія природа положила себя, какъ самостоятельное понятіе; б) частность, которая не только въ силу своей непосредственности, но и ради ея рѣзительнаго отличія отъ ея самостоятельной общей природы, есть состояніе и вишнее осуществленіе; послѣднее въ силу самостоятельности понятія съ своей стороны безразлично къ общему и можетъ какъ соотвѣтствовать, такъ и не соотвѣтствовать къ общему и можетъ какъ единичность, которая возмѣщается надъ необходимымъ опредѣленіемъ общаго въ раздѣлительномъ сужденіи, опредѣленіемъ, которое есть лишь отдѣльность вида и отрицательный принципъ рода. Тѣмъ самымъ, конкретная общность, возникшая изъ раздѣлительнаго сужденія, развилася въ ассерторическомъ сужденіи въ форму крайнихъ терминовъ, которымъ еще недостаетъ самого понятія, какъ положеннаго, устанавливающаго ихъ отношеніе единства.

Поэтому, сужденіе есть только ассерторическое; его оправданіемъ служатъ нѣкоторое субъективное удостовѣреніе. Что нѣчто хорошо или дурно, правильно, соотвѣтственно или нѣтъ и т. д., это имѣетъ свою связь въ нѣкоторомъ вишнемъ третьемъ. Но что эта связь положена вишнее—это тоже самое, что она есть лишь въ себѣ или внутренняя. Поэтому, если нѣчто хорошо или дурно и т. д., то никто конечно не думаетъ, что оно хорошо лишь въ субъективномъ сознаніи, въ себѣ же быть можетъ дурно, или что хорошее и дурное, правильное, соотвѣтственное и т. д. не суть предикаты самого предмета. Только субъективный характеръ ассерторическаго сужденія состоитъ, стало-бытъ, въ томъ, что сущая въ себѣ связь субъекта и предиката еще не положена, или, что то же самое, что она вишняя; связка есть тутъ лишь непосредственное, отвлеченное бытіе.

Поэтому удостовѣреніе ассерторическаго сужденія противостоитъ съ такимъ же правомъ противоположное ему. Если удостовѣряется, что это дѣйствіе хорошо, то противоположное сужденіе—это дѣйствіе дурно—толь же правдиво. Или, разсматриваемый въ себѣ субъектъ сужденія, такъ какъ онъ есть непосредственно единичное, въ этой отвлеченности еще не положить въ немъ опредѣленности, которая содержала бы въ себѣ его отношеніе къ общему понятію; соотвѣтствовать или не соотвѣтствовать понятію для него еще случайно. Поэтому, сужденіе есть по существу проблематическое.

б. Проблематическое сужденіе.

Ассерторическое сужденіе проблематично, поскольку оно можетъ быть равно и положительнымъ, и отрицательнымъ. По этой качественной сторонѣ частное сужденіе также проблематично, такъ какъ имѣетъ также и положительное, и отрицательное значеніе; равнымъ образомъ, въ условномъ сужденіи бытіе субъекта и предиката проблематично; точно также, черезъ него положено, что единичное и категорическое сужденіе есть еще нѣчто только субъективное. Но въ проблематическомъ сужденіи, какъ таковомъ, это положеніе болѣе имманентно, чѣмъ въ упомянутыхъ сужденіяхъ, такъ какъ въ первомъ содержаніемъ предиката служатъ отношеніе субъекта къ понятію, и потому здѣсь тѣмъ самымъ дано самое опредѣленіе непосредственнаго какъ чего-то случайнаго.

Ближайшимъ образомъ является проблематичнымъ, долженъ ли предикатъ или нѣтъ быть связанъ съ опредѣленнымъ субъектомъ, и эта неопредѣленность тѣмъ самымъ падаетъ на связку. Отсюда не можетъ возникнуть никакого опредѣленія для предиката, такъ какъ онъ уже есть объективная, конкретная общность. Проблематичность присуща такимъ образомъ непосредственности субъекта, который тѣмъ самымъ опредѣляется, какъ случайность. Далѣе, нельзя потому отвлечь и отъ единичности субъекта; отвлеченный отъ послѣдней онъ былъ бы чѣмъ-то общимъ; въ предикатѣ содержится именно то, что понятіе субъекта должно быть положено въ отношеніи къ его единичности. Нельзя сказать: домъ или нѣкоторый домъ хорошъ, но слѣдуетъ прибавить: смотря по тому, какъ онъ устроенъ. Проблематичность субъекта въ немъ самомъ образуетъ его случайность, какъ моментъ—какъ субъективность вещи, противопоставляемая ей объективной природѣ или ея понятію, просто видъ и способъ или состояніе.

Тѣмъ самымъ субъектъ отвлеченъ въ своей общности или объективной природѣ, въ своемъ долженствованіи или въ частномъ состояніи существованія. Поэтому, въ немъ содержится основаніе, таковъ ли онъ, каковъ онъ долженъ быть. Этимъ путемъ онъ привираживается предикату. Отрицательность проблематическаго сужденія, поскольку она направлена противъ непосредственности субъекта, означаетъ потому лишь его первоначальное раздѣленіе, которое въ себѣ есть уже единство общаго и частнаго, на эти его моменты; раздѣленіе, которое и есть самое сужденіе.

Можно сделать еще замечание, что каждая из обих сторон субъекта, его понятие и его состояние, может быть названа его субъективностью. Понятие есть вошедшая внутрь себя обихая сущность некоторой вещи, ее отрицательное единство с самой собою; последнее и составляет ее субъективность. Но некоторая вещь по существу также случайна и имеет некоторое внешнее состояние; последнее также именуется ее субъективностью в противоположность ее объективности. Самая вещь именно состоит из того, что ее понятие, как ее собственное отрицательное единство, отрицает свою обихность и переносит себя во внешность единичности. Субъект суждения положить здесь, как это двояко; эти противоположные значения субъективности суть ее единая истина. Самое значение субъективного стало проблематичным потому, что оно утратило как ту непосредственную определенность, которую оно имело в непосредственном суждении, так и свою определенную противоположность предикату. Эта проявившаяся в рассуждении обихая рефлексия противоположных значений субъективного могли бы по крайней мере вызвать внимание к тому, что в каждом из них в отдельности есть истина. Двоякое значение проявляет в себе односторонность каждого в отдельности для себя.

Ноль скоро проблематическое положено, как проблематичность вещи, как вещь и ее состояние, то самое суждение есть уже не проблематическое, а аподиктическое.

с. Аподиктическое суждение.

Субъект аподиктического суждения (дом, угрошенный так-то и так-то, хорош, действие, произведенное так и то, справедливо) имеет в нем во-первых, общее — то, чьим он должен быть, во-вторых — его состояние; первое содержит в себе основание, по которому всякому субъекту присуще или не присуще некоторый предикат суждения понятия, т. е. по какому субъект соответствует или не соответствует своему понятию. Это суждение по истине объективно, или, иначе, оно есть вообще истина суждения. Субъект и предикат соответствуют один другому и имеют одно и то же содержание, и это содержание есть сама положенная конкретная общность; а именно, оно содержит в себе два момента, объективно-общее или род и единичное. Здесь есть, стало-быть, общее, которое есть оно само, продолжается непрерывно через свою противоположность и есть общее, лишь как единство с нею. Такое общее, как бытие добрый, соответственный, правильный, имеет в основании должствования; не это должствование или род для себя, но именно это соответствие есть та общность, которая образует собою предикат аподиктического суждения.

Субъект также содержит в себе оба эти момента в непосредственном единстве, как вещь. Но истина последней состоит в том,

что она предопределена на свое должствование и свое бытие; таково абсолютное суждение о всякой действительности. Именно то обстоятельство, что это первоначальное разделение, которое и есть всемогущество понятия, есть равным образом, возврат в единство последнего и абсолютное взаимное отношение должствования и бытия, и делает действительное некоторую вещь; ее внутреннее отношение, это конкретное единство, составляет душу вещи.

Переход от непосредственной простоты вещи к соответствию, которое есть определенное отношение ее должствования к ее бытию, — или связь — оказывается заключающимся ближайшим образом в частной определенности вещи. Родь есть в себе и для себя сущее общее, которое тем самым является безотносительным; определенность же есть то, что рефлектирует себя в себе в этой общности, но имеет с тем рефлектирует себя и в другое. Поэтому, суждение имеет свое основание в состоянии субъекта и есть таким образом аподиктическое. Тем самым, отныне дана определенная и наполненная связь, которая раньше того состояла в отвлеченном, теперь же развилась себя даже в основание вообще. Она есть ближайшим образом непосредственная определенность в субъект, но также есть и отношение к предикату, который не имеет никакого иного содержания кроме самого этого соответствия или отношения субъекта к общему.

Таким образом, форма суждения исчезает, во-первых, потому что субъект и предикат суть в себе одно и то же содержание; во-вторых же, потому, что субъект через свою определенность указывает вв себя и относится к предикату; но, в-третьих, это отношение само перешло в предикат, составляет лишь его содержание и есть таким образом положенное отношение или самое суждение. Таким образом восстановлено в целом конкретное тожество понятия, бывшее результатом раздвигательного суждения и составляющее внутреннюю основу суждения понятия, тожество, которое ближайшим образом было положено лишь в предикате.

При ближайшем рассмотрении положительной стороны этого результата, образующей переход суждений в некоторую другую форму, субъект и предикат аподиктического суждения оказываются, как мы видели, каждый своим понятием. Единство понятия, как определенности, образующая соединяющую их связь, имеет с тем отличием от них. Ближайшим образом она стоит лишь на другой стороне субъекта, как его непосредственное состояние. Но так как она есть по существу относящее, она есть не только такое непосредственное состояние, а проникающее субъект и предикат и общее им. Так как субъект и предикат имеют одно и то же содержание, то, напротив, через эту определенность положено отношение формы, определенности, как некоторое общее или частности. Таким образом она содержит в себе оба определения формы крайних терминов и есть определенное отношение субъекта и предиката; она есть наполненная содержанием связь суждения, единая

ство понятия, вновь вступающее из суждения, въ крайнихъ терминахъ когото оно было утрачено. Черезъ это наполненіе связки сужденіе стало умо-заключеніемъ.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Умозаключеніе.

Умозаключеніе оказалось восстановленіемъ понятія въ сужденіи и тѣмъ самымъ единствомъ и истинно ихъ обоихъ. Понятіе, какъ таковое, держитъ свои моменты снятыми въ единствѣ; въ сужденіи это единство внутреннее или, что то же самое, внѣшнее, и моменты, хотя и соотносятся, но положены, какъ самостоятельные крайніе термины. Въ умозаключеніи положены какъ опредѣленія понятія, такъ и крайніе термины сужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ опредѣленное единство.

Такимъ образомъ умозаключеніе есть вполнѣ положенное понятіе; первое потому есть разумное. Разсудокъ признается способностью опредѣленнаго понятія, прочно удерживаемаго для себя черезъ отвлеченіе и форму общности. Въ разумѣ же опредѣленна понятія положены въ ихъ цѣлостности и единствѣ. Потому не только умозаключеніе есть разумное, но все разумное есть въ которое умозаключеніе. Дѣятельность умозаключенія издавна приписана разуму; по съ другой стороны о разумѣ въ себя и для себя, о разумныхъ основоположеніяхъ и законахъ говорится такъ, что не усматривается, какъ связаны между собою тотъ разумъ, который умозаключаетъ, и тотъ разумъ, который есть источникъ законовъ и иныхъ вѣчныхъ истинъ и абсолютныхъ мыслей. Если первый долженъ быть лишь формальнымъ разумомъ, второй же порождать содержаніе, то именно по этому различію второй не можетъ быть чужды формѣ разума, умозаключенію. Несмотря на то, оба отдѣляются одинъ отъ другого и при одномъ изъ нихъ не упоминается о другомъ, такъ что разумъ абсолютныхъ мыслей какъ бы стѣсняется разума умозаключенія, и умозаключеніе кажется приходящимъ въ дѣйствіе разума лишь какъ бы извнѣ. Но очевидно, какъ было только что замѣчено, что логическій разумъ, рассматриваемый какъ формальный, долженъ быть по существу обнаруженъ и въ разумѣ, имѣющемъ дѣло съ какинъ-либо содержаніемъ; даже болѣе: каждое содержаніе можетъ быть разумнымъ лишь черезъ разумную форму. Обратится здѣсь къ весьма обычной рѣчи о разумѣ нельзя потому, что она подвергается отъ объясненія, что слѣдуетъ разумѣ подѣ разумомъ; это долженствующее быть разумнымъ познаніе болѣею частью занимается своими предметами такъ, что оно забываетъ познать самый разумъ и различаетъ и обозначаетъ его лишь посредствомъ обладаемыхъ имъ предметовъ. Если разумъ долженъ быть познаніемъ, знающимъ о Богѣ, свободѣ, правѣ и обязанности, безусловномъ, сверхъестественномъ, или сообщать о всемъ этомъ лишь представленія и чувства, то отчасти послѣдніе суть лишь отрицательные предметы, отчасти же вообще остается нерѣшеннымъ первый вопросъ,

что такое есть во всѣхъ этихъ предметахъ, въ силу чего они разумны. Это зависитъ отъ того, что безконечное въ нихъ есть не пустое отвлеченіе отъ конечнаго, безсодержательная и неопредѣленная общность, но наполненная общность, понятіе, которое опредѣлено и имѣетъ въ немъ свою опредѣленность такимъ истиннымъ образомъ, что оно различаетъ себя внутри себя и есть единство этихъ своихъ разсудочныхъ и опредѣленныхъ различій. Лишь такимъ путемъ разумъ возвышается надъ конечнымъ, условнымъ, чувственнымъ, или какъ оно можетъ быть иначе опредѣлено, и въ этой отрицательности по существу полонъ содержанія, будучи единствомъ опредѣленныхъ крайнихъ терминовъ; но лишь такимъ образомъ разумное есть умозаключеніе.

Ближайшимъ образомъ умозаключеніе, какъ и сужденіе, есть непосредственно; потому его опредѣленія (termini) суть простые, отвлеченныя опредѣленности; оно есть такимъ образомъ умозаключеніе разсудка. Если остановиться на этомъ его видѣ, то разумное, хотя присуще ему и положенное, конечно въ немъ незамыто. Существенное въ немъ есть единство крайнихъ терминовъ, связующій ихъ средній терминъ и сохраняющее его основаніе. Отвлеченіе, поскольку оно удерживаетъ самостоятельность крайнихъ терминовъ, противопоставляетъ имъ это единство также, какъ столь же прочно сущую для себя опредѣленность и такимъ образомъ понимаетъ по-свѣдѣнію скорѣе, какъ не-единство, чѣмъ какъ единство. Выраженіе: средній терминъ (medius terminus) взять изъ пространственнаго представленія и съ своей стороны способствуетъ тому, чтобы опредѣленія оставались одно въ другомъ. Но если умозаключеніе состоитъ въ томъ, что въ немъ положено единство крайнихъ терминовъ, если при томъ это единство понимается, съ одной стороны, какъ частное для себя, а съ другой, какъ лишь внѣшнее отношеніе, и существеннымъ отношеніемъ умозаключенія дѣлается не-единство, то разумъ, коль скоро онъ есть послѣднее, не способствуетъ разумности умозаключенія.

Умозаключеніе существованія, во-первыхъ, въ коемъ опредѣленія опредѣляются столь непосредственно и отвлеченно, обнаруживаетъ въ немъ самоъ, такъ какъ оно, какъ и сужденіе, есть ихъ отношеніе, что оно содержитъ въ себѣ не такіа отвлеченныя опредѣленія, но что каждое изъ нихъ есть отношеніе къ другому, и что въ среднихъ терминѣ частность положена не только въ противоположность опредѣленіямъ крайнихъ терминовъ, но и въ немъ.

Черезъ эту свою диалектику оно обращается въ умозаключеніе рефлексіи, во второе умозаключеніе, — съ опредѣленіями, какъ таковыми, въ коихъ по существу имѣетъ видимость другое, или котораго положены, какъ опосредованныя, какими они и должны вообще быть согласно умозаключенію.

Въ третьихъ, такъ какъ эта видимость или это опосредованіе рефлектируется въ себя само, то умозаключеніе опредѣляется, какъ умозаключеніе необходимости, въ которомъ опосредывающее есть объективная природа вещи. Такъ какъ это умозаключеніе опредѣляетъ крайніе термины понятія также, какъ полноты, то умозаключеніе въ соотвѣтствіи своему понятію

или среднему термину и своему существованию или крайнему различию достигло своей истины и тем самым перешло из субъективности в объективность.

А.

Умоакзакление существования.

1. Умоакзакление, как непосредственное, имеет своими моментами определения понятия, как непосредственных. Они суть тем самым отвлеченная определенности формы, которая еще не дошла через опосредование до конкретности, но суть лишь единичная определенности. Первое умоакзакление потому есть собственно формальное. Формализм умоакзакления состоит в том, чтобы оставаться при определении этого первого умоакзакления. Понятие, раздвоенное на свои отвлеченные моменты, имеет своими крайними терминами единичность и общность, и само является, как находящаяся между ними часть. В силу их непосредственности они суть лишь относящаяся к себе определенности, составляющая вместе одно единичное содержание. Частность образует ближайшим образом средний термин постольку, поскольку она соединяет в себе непосредственно оба момента единичности и общности. Ради ее определенности она, с одной стороны, подчинена общему, а с другой единичное, противоположное общему, подчинено ей. Но эта конкретность есть ближайшим образом лишь одна двусторонность; ради непосредственности, которая свойственна среднему термину в непосредственном умоакзаклении, она есть простая определенность, и образуемое им опосредование еще не положено. Диалектическое движение умоакзакления существование состоит лишь в том, что опосредование, одно образующее умоакзакление, положено в своих моментах.

а. Первая фигура умоакзакления.

*E—B—A*¹⁾ есть общая схема определенного умоакзакления. Единичность через частность сочетается с общностью; единичное общее не непосредственно, но понижается к тому через частность. Эти определения противопоставят одно другому, как крайние термины, и соединятся в различном от них третьем. Оба они суть определения; в этом третьем они тождественны; эта их общая определенность есть частность. Но они также суть крайняя как в противоположность ей, так и в противоположность один другому, ибо каждому свойственна своя непосредственная определенность. Общее значение этого умоакзакления состоит в том, что единичное, которое, как таковое, есть безконечное отношение к себе и тем самым

¹⁾ Буквы *A, B* и *E* суть начальными буквами слов: Allgemeines, Besonderes Einzelnes.—Прим. переводчика.

должно бы было быть внутренним, выступает через частность в существование, как в общность, почему оно уже не принадлежит более лишь самому себе, но стоит во внешней связи; наоборот, так как единичное выдвигается в своей определенности, как частность, то оно в этом отделе есть нечто конкретное и, как отношение определенности к себе самой, нечто общее, относящееся к себе и тем самым постигши единичное; в крайнем термине общности оно из видности переходит внутрь себя. Объективное значение умоакзакления в первом определении положено, еще не как единство, которое составляет сущность умоакзакления. Оно есть еще нечто субъективное, поскольку отвлеченное значение, свойственное его терминам, есть еще не в себе и для себя, а в субъективном сознании, стало быть изолировано. Впрочем отношение единичности, частности и общности есть, как оказалось, необходимое и существенное отношение формы определенной умоакзакления; недостаток состоит не в этой определенности формы, а в том, что не под этой формой каждому единичному определению свойственно вместе с тем большее богатство. Аристотель обращает внимание более на простое отношение включения, когда так излагать природу умоакзакления: если три определения относятся между собой так, что один крайний термин входит полностью в среднее определение, а это среднее определение — полностью в другой крайний термин, то оба эти крайние термина по необходимости образуют вместе заключение. Здесь указано больше лишь на повторение одинакового отношения, включения, одного крайнего термина к среднему, а этого затмив к другому крайнему, тем на взаимную определенность трех терминов. А так как умоакзакление основывается на вышеуказанной взаимной определенности их, то сейчас же оказывается, что другие отношения терминов, свойственных прочим фигурам, могут иметь, как умоакзакления разсудка, достоверность лишь постольку, поскольку они могут быть сведены на это первоначальное отношение; это не различные виды фигур, стоящие рядом с первым, но с одной стороны, поскольку они должны быть правильными умоакзаклениями, они основываются вообще на существенной форме умоакзакления, которая есть первая фигура; а с другой стороны, поскольку они уклоняются от нее, они суть видоизменения формы, в которых необходимо переходить эта первая отвлеченная форма, тем самым определяющая себя далее и к полноте. Сейчас окажется ближайшим образом, что отсюда вытекает.

E—B—A есть таким образом общая схема умоакзакления в его определенности. Единичное подчинено частному, а последнее общему; поэтому единичное также подчинено общему. Или иначе единичному присуще частное, частному же общее; поэтому последнее присуще также единичному. Частное с одной стороны, именно в противоположность общему, есть субъект; в противоположность же единичному первое есть предикат; или иначе в противоположность общему оно есть единичное, в противоположность единичному —

общее. Так как в нем соединены оба определения, то крайние термины связаны этим своим единством. Слово потому является происходящим из субъекта выводом, вытекающим из субъективного соображения отношения общих непосредственных посылок. Так как субъективная рефлексия высказывает оба отношения среднего термина к крайним, как отдельным и при том непосредственным суждениям или предложениям, то и заключение, как опосредованное отношение, есть, конечно, также отдельное предложение, и слово потому или следовательно служит выражением его опосредованности. Но это „*потому*“ должно считаться не некоторым внешним для этого отношения определением, имеющим свое основание в употреблении лишь в субъективной рефлексии, а напротив, обоснованным в природе самих крайних терминов, отношение которых высказывается, как простое суждение или предложение, лишь ради и в силу отвлеченной рефлексии, истинное же их отношение положено, как средний термин. Следовательно *Е* есть *А* — что это есть суждение, это чисто субъективное обстоятельство; умозаключение состоит в том, что это не есть только суждение, т. е. есть отношение, производное не через простую связь или пустое „*есть*“, а через определенный, содержательный средний термин.

Если потому смотреть на умозаключение, только как на состоящее из трех суждений, то это формальный взгляд, не принимающий во внимание того отношения определений, которое единственно существенно для умозаключения. Вообще лишь субъективная рефлексия разделяет отношение терминов на отвлеченные посылки и отличное от них заключение:

Всё люди смертны,

Кай человек,

Следовательно онъ смертенъ.

Сейчас же владеть в скуку, когда слышишь такое умозаключение; это зависит от той бесполезной формы, которая сообщает посредством отдельных предложений видимость различия, в самой вещи немедленно исчезающего. Главным образом, в силу этого субъективного вида умозаключение является субъективным пособием, к которому прибегает разум или рассудок, в тех случаях, когда они не могут познать непосредственно. Но, конечно, природа вещей, разумное, не таково, чтобы, во-первых, была установлена большая посылка, отношение к которой частности из существующему общему, а затем, во-вторых, было найдено отдельное отношение к некоторой единичности к частности, откуда наконец, в-третьих, получилось новое предложение. Этого через отдельные предложения движущий вперед процесс умозаключения есть не что иное, как субъективная форма; природа же вещи состоит в том, что ее различенные определения соединяются в существенном единстве. Эта разумность есть не внешнее средство, но, напротив, в противоположность еще присущей суждению непосредственности отношения объективное; та непосредственность познания есть чисто-субъективное, умозаключение же, напротив, есть истина суждения. Всё вещи суть умозаключение, некоторое

общее, связанное через частность с единичностью; но, конечно, оно в себе состоит из трех предложений целью.

2. В непосредственном умозаключении рассудка термины имеют форму непосредственных определений; с той же стороны, по которой они суть содержание, это умозаключение подлежит теперь рассмотрению. Его можно считать потому качественным умозаключением, как и в суждении существования есть та же сторона качественного определения. Термины этого умозаключения, как и термины упомянутого суждения, суть тем самым единичны определенности, так как определенность положена через ее отношение к себе, как безразличная по форм, следовательно как содержание. Единичное есть какой-либо непосредственный конкретный предмет, частность — нечто единичное из его определенностей, свойств или отношений, общность — опять-таки некоторая еще более отвлеченная, более единичная определенность частного. Так как субъект еще не положен в своем понятии, как нечто непосредственно определенное, то его конкретность не сведена на существенные определения понятий; поэтому его относимость к себе определенность есть неопределенное бесконечное многообразие. Единичное имеет в этой непосредственности бесконечное множество определений, которые входят в состав его частности, и из коих каждая потому может образовать для этого единичного средний термин умозаключения. Но через каждый другой средний термин оно соединяется с иными, которым другим обширнее; через каждое свое свойство оно участвует в некотором другом соприкосновении и связи с существованием. Даже и средний термин есть нечто конкретное сравнительно с общими; он сам содержит многие предикаты, и единичное опять-таки может через тот же самый средний термин быть связано с многими общими. Потому вообще совершенно случайно и произвольно, какое берется из многих свойств вещи, и с каким из них оно связывается в некотором предикате; другие средние термины дают переходы к другим предметам, и даже один и тот же средний термин может для себя составить переход к разным предметам, так как он, как частное, содержит в себе относительно общего много определений.

Но не только для некоторого субъекта равно возможно неопределенное множество умозаключений, и единичное умозаключение по своему содержанию случайно, а и сама эти умозаключения, касающиеся одного и того же субъекта, должны переходить в противоречие. Ибо вообще различие, которое ближайшим образом есть различие, есть по существу столь же противоположное. Конкретное уже не есть нечто просто являющееся, но оно конкретно через единство в понятии противоположностей, определяющих себя, как моменты понятий. Так как по качественной природе терминов в формальном умозаключении конкретное понимается по некоторому единичному присущему ему определению, то в заключении конкретному присваивается предикат, соответствующий этому среднему термину; но так как с другой стороны умозаключение совершается на основании противоположной определен-

ности, то тем самым первое заключение оказывается ложным, хотя для себя его посылаи и вывод из них совершенно правильны. Если исходить от среднего термина, согласно коему стѣна окрашена въ синий цвѣтъ, заключать, что она потому синяя, то это заключение вѣрно; но несмотря на это заключение стѣна можетъ быть зеленою, если она раньше того была окрашена въ желтый цвѣтъ, при чемъ отсюда для себя вытекало бы также слѣдствие, что она желтая. Если отъ среднего термина „чувственное существо“ заключаютъ, что человекъ ни добръ и ни злъ, такъ какъ о чувственномъ нельзя утверждать ни того, ни другого, то умозаключение правильно, а заключение ложно, такъ какъ человекъ, какъ конкретному, столь же присущъ средней терминъ „духовное существо“. Отъ среднего термина титовѣныя планеты, ихъ спутниковъ и кометъ къ солнцу слѣдуетъ правильное заключение, что эти тѣла падаютъ на солнце; но они не падаютъ на него, такъ какъ они равнымъ образомъ для себя суть собственные центры титовѣныя или, какъ говорится, потому что ихъ движетъ центробѣжная сила. Равнымъ образомъ изъ среднего термина „социальности“ можно вывести общность имущества гражданъ; изъ среднего же термина „индивидуальности“, если пользоваться имъ столь же отвѣчно, вытекаетъ распадѣе государства, что и послѣдовало, напримеръ, въ германской имперіи, такъ какъ относительно нея предержавился послѣдствію среднего термина. Поставивъ ничто не можетъ считаться болѣе несостоятельнымъ, чѣмъ такое формальное умозаключение, такъ какъ оно зависитъ отъ случая или произвола въ употребленіи того или иного среднего термина. Какъ бы прекрасно ни протекала такая дедукція чрезъ умозаключенія, и какъ бы ни убедительна была ея правильность, она по меньшей мѣрѣ не приводитъ ни къ чему, такъ какъ всегда остается возможнымъ, что есть другіе средніе терминъ, изъ коихъ столь же правильно можетъ быть выведено совершенно противоположное.

Кантоны аналитическаго разума состоятъ не въ чѣмъ иномъ, какъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ въ основаніе кладется одно опредѣленіе понятія, въ другомъ же столь же необходимо другое. Эта недостаточность и случайность вѣкотораго умозаключенія должна при томъ быть приписана не исключительно содержанию, какъ бы она была независима отъ формы, и послѣдняя одна казалась бы логики. Напротивъ, въ самой формѣ формальнаго умозаключенія дано основаніе того, что содержаніе есть вѣкоторое столь одностороннее качество; содержаніе опредѣляется къ этой односторонности тою отвѣченною формою. Оно есть вѣкоторое единичное качество изъ многихъ качествъ или опредѣленій одного конкретнаго предмета или понятія именно потому, что оно по формѣ должно быть не чѣмъ инымъ, какъ такою непосредственною единичною опредѣленностью. Крайній терминъ единичности, какъ отвѣченная единичность, есть непосредственно конкретное, потому неопредѣленно или неопредѣлимо многообразное, средней терминъ есть столь же отвѣченная частность, слѣдовательно одно единичное изъ этихъ многообразныхъ качествъ; и точно также другой крайній терминъ есть отвѣченное общее. Потому формальное умозаключеніе ради своей формы есть по существу вѣчто совершенно случайное по своему содержанію; и при томъ не постольку, по-

скольку для умозаключенія случайно, имѣетъ ли оно дѣло съ тѣмъ или съ другимъ предметомъ — отъ этого содержанія отвлекаетъ логика, — но поскольку въ основаніи его лежитъ субъектъ, является случайнымъ, какое изъ опредѣленій содержанія получится для него чрезъ умозаключеніе.

3. Опредѣленія умозаключенія суть опредѣленія содержанія, поскольку они суть непосредственныя, отвѣченныя, рефлектированныя въ себя опредѣленія. Но существенное въ нихъ состоитъ, напротивъ, въ томъ, что они суть не такія рефлектированныя въ себя, безразличныя одно къ другому, а суть опредѣленія формы; въ силу того они суть по существу отношенія. Эти отношенія суть, во-первыхъ, отношенія крайнихъ терминоу къ среднему, — отношенія, которыя непосредственны, propositiones praesensae, и именно отчасти частнаго къ общему — propositio major, отчасти единичнаго къ частному — propositio minor. Во-вторыхъ, дано взаимное отношеніе крайнихъ членовъ, которое есть опосредованное, conclusio. Въ непосредственныя отношенія, посылаи, суть вообще предложенія или сужденія и протворятъ природѣ умозаключенія, по которой различныя опредѣленія понятія не соотносятся непосредственно, но ихъ единство также должно быть положено; истина сужденія есть умозаключеніе. Посылки тѣмъ менѣе могутъ оставаться непосредственными отношеніями, что ихъ содержаніе составляютъ непосредственныя опредѣленія, и стало быть онѣ не тождественны непосредственно въ себя и для себя, исключая тѣ случаи, когда онѣ суть чистожественныя предложенія, т. е. пустыя не приводящія ни къ чему тождесловія.

Потому посылаи предъявляется обыкновенно то требованіе, что онѣ должны быть догазаны, т. е. представлены также, какъ заключенія. Дѣй посылаи требуютъ, такимъ образомъ, двухъ новыхъ умозаключеній. Но въ этихъ двухъ новыхъ умозаключеніяхъ, имѣетъ вѣзятыхъ, даны четыре послылаи, требующія четырехъ новыхъ умозаключеній; въ послѣднихъ восьми послылаи, для приводящихъ къ коимъ восьми умозаключеній требуется шестнадцать послылаи съ шестнадцатью умозаключеніями и такъ далѣе въ геометрической прогрессіи до безконечности.

Итакъ, здѣсь снова возникаетъ прогрессъ въ безконечность, который получался въ нижней сферѣ бытія, и котораго нельзя уже было ожидать въ области понятія, абсолютной рефлексіи въ себя изъ конечнаго, въ области свободной безконечности и истины. Въ сферѣ бытія было указано, что въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживается ложная безконечность, убывающая въ этотъ прогрессъ, дано противорѣчіе вѣкотораго качественнаго бытія и вѣкотораго выходящаго за него безсильнаго качественнаго бытія; самый прогрессъ есть повтореніе выступающаго противъ качественности требованія единства и постоянного возврата къ несоотвѣстному этому требованію ограниченію. Въ формальномъ умозаключеніи основаніе служитъ непосредственное отношеніе или качественное сужденіе и опосредованіе умозаключенія, положенное противъ него, какъ высшая истина. Уходящее въ безконечность доказательство постольку не разрѣшаетъ этого противорѣчія, но постоянно возобновляетъ его, и есть повтореніе одного и того же первоначальнаго недостатка.

Истина бесконечного прогресса состоит, напротив, в том, чтобы и она сама, и уже через него определенная, как недостаточная, форма были сняты. Эта форма есть опосредование $E-B-A$. Оба отношения $E-B$ и $B-A$ должны быть опосредованы; если это происходит одинаковым образом, то недостаточная форма $E-B-A$ только удваивается и т. д. до бесконечности. B имет относительно E также формальное определение некоторого общего, а по отношению к A формальное определение некоторого единичного, ибо эти отношения суть вообще суждения. Последние требуют поэтому опосредования, но в силу указанного образа последнего вновь возвращается лишь то же отношение, которое должно быть снято.

Поэтому опосредование должно произойти иным путем. Для опосредования $B-A$ дано E ; поэтому опосредование должно получить вид $B-E-A$.

Для опосредования $E-B$ дано A ; это опосредование дает поэтому, умозаключение

$E-A-B$.

Разсматривая ближе этот переход по его понятию, находим, что во-первых, опосредование формального умозаключения по его содержанию, как было указано выше, случайно. Непосредственно единичное имет в своих определенностях неопределимое множество средних терминов, а последние опять-таки имет вообще столь же много определенностей; так что зависит совершенно от некоторого высшего произвола или, вообще, от некоторого высшего обстоятельства, с каким общим должен быть соединен субъект умозаключения. Поэтому, опосредование не есть по содержанию нечто необходимое или всеобщее, оно не основано на понятии вещи; основание умозаключения, напротив, внешне в нем (основании), т. е. непосредственно; а непосредственное из определенных понятий есть единичное.

Что касается формы, то опосредование также имет своим предположением непосредственные отношения; поэтому она сама опосредована и притом через непосредственное, т. е. единичное. Ближайшим образом через заключение первого умозаключения единичное стало опосредовающим. Заключение есть $E-A$; тьм самым единичное положено, как общее. В одной из посылок, в меньшей посылке $E-B$ оно есть уже частное; оно есть поэтому то, в чем соединены эти оба определения. Или, иначе, заключение в себя и для себя выражает единичное, как общее, и при том не непосредственно, но через опосредование, поэтому как необходимое отношение. Простая частность была средним термином; в заключения эта частность развита, как положенное отношение единичного и общего. Но общее еще есть некоторая качественная определенность, предикат единичного; так как единичное определено, как общее, то оно положено, как общность крайних терминов, или как средний термин; для себя оно есть крайний термин единичности, но будучи определен, как общий, оно есть вместе с тьм единство обоих крайних терминов.

b. Вторая фигура: $B-E-A$.¹⁾

1. Истина первого качественного умозаключения состоит в том, что нечто соединяется с качественной определенностью, как тьм-то общим, не в себя и для себя, а через случайность или в некотором единичном. Субъект умозаключения не возвращается в таком качестве в свое понятие, но понимается лишь в своей вышности; непосредственность составляет основание отношения и тьм самым опосредование; поэтому, единичное есть истина среднего термина.

Но далее отношение умозаключения есть снятие непосредственности; заключение есть не непосредственное отношение, а достигается чрез нечто третье; оно содержит поэтому некоторое отрицательное единство; поэтому опосредование определяется теперь, как содержащее в себя отрицательный момент.

В этом втором умозаключении посылки суть $B-E$ и $E-A$ ²⁾; лишь первая из этих посылок есть еще непосредственная; вторая $E-A$ есть уже опосредованная, именно через первое умозаключение; вторым умозаключением предполагается поэтому первое, равно как наоборот, первым предие полагается второе. Оба крайние термина тьм самым определены один в противоположность другому, как частное и общее; последний из них приобрутает в силу того свое мьсто; он есть предикат; но частное перебрнло свое положение, оно есть субъект или, иначе, положено под определением единичного крайнего термина, равно как единичное положено с определением среднего термина или частности. Поэтому, оба они уже не суть отвлеченны непосредственности, какими они были в первом умозаключении. Однако, они еще не положены, как конкретные; так как каждый стоит на мьсте другого, то он положен и в своем собственном и вместе с тьм, но лишь вышним образом, в другом определении.

Определенный и объективный смысл этого умозаключения состоит в том, что общее не есть в себя и для себя определенное частное, ибо оно есть, напротив, полнота своих частностей; но один из его видов осуществляется так через единичность; другие же его виды исключены из него через непосредственную вышность. Сь другой стороны, частное также не есть непосредственно и в себя и для себя общее, но отрицательное единство отстраняет от него определенность и тьм вознншает его в общность. Единичность относится к частному отрицательно настолько, поскольку она должна быть его предикатом; она не есть предикат частного.

¹⁾ Для понимания учения Гегеля о сизогизме необходимо имет в виду, что вторая фигура она называется ту, которая обычно называется третьем, и наоборот. *Прим. перек.*

²⁾ У Гегеля здесь несомно; во второй (обычно третьей) фигуре умозаключения средний термин есть субъект второй посылки; стало быть схема этого умозаключения есть не $B-E$ и $E-A$, а $E-B$ и $E-A$. Сам Гегель указывает далее, что посылка $B-E$ есть собственно $E-B$ (см. ниже „ $B-E$ или $E-B$ “). *Прим. перек.*

2. Но ближайшим образом термины суть еще непосредственно определенности; они не доразвились сами собою ни до какого объективного значения; наименее положение, приобретенное двумя из них, есть форма, которая для них только видна; потому они, как и в первом умозаключении, суть вообще взаимно безразлично содержание, два качества, связанных не в себя и для себя, а через случайную единичность.

Умозаключение первой фигуры было непосредственное или также умозаключением постольку, поскольку оно в своем понятии есть отвлеченная форма, еще не реализованная в ее определенности. Так как эта чистая форма перешла в другую фигуру, то в этом с одной стороны заключается начало реализации понятия, поскольку отрицательный момент опосредования и тем самым дальнейшая определенность формы положена в ближайшей непосредственной качественной определенности терминов. Выступ с тем это есть превращение в другое (Anderswerden) чистой формы умозаключения; последнее уже не соответствует ей вновь, и положенная в своих терминах определенность различна от того первоначального определения формы. Поскольку умозаключение рассматривается, лишь как субъективное, совершающееся по виднейшей рефлексии, оно считается некоторым видом умозаключения, подлежащим соответствовать роду, именно общей схем $E-B-A$. Но оно ближайшим образом не соответствует ей; его две посылки суть $B-E$ или $E-B$ и $E-A$; поэтому, средний термин оба раза подчинен, или оба раза есть субъект, коему такий образ предстает оба другие термина; поэтому, он не есть такой средний термин, который в одном случае есть подчиняющий или предикат, а в другом случае подчиненный или субъект, или, иначе, которому один термин должен быть присутствовать, и который сам должен быть присутствовать другому термину. Истинный смысл того, что это умозаключение не соответствует общей форме умозаключения, заключается в том, что она перешла в него, так как истина ее состоит в том, чтобы быть субъективным случайным соединением. Если заключение во второй фигуре, (а именно не принимая во внимание имеющее быть только что упомянутое ограничение, дѣлающее его чѣм-то неопределенным) правильно, то оно таково, потому что оно есть для себя, а не потому что оно есть заключение этого умозаключения. Но то же самое имеет место при заключении в первой фигуре; именно эта его истина положена второю фигурю. Тотъ взглядъ, по коему вторая фигура должна быть лишь некоторым видомъ, не принимая во внимание необходимого перехода первой в эту вторую форму и останавливаясь на первой, как на истинной формѣ. Поскольку, поэтому, во второй фигуре (которая по старой привычкѣ безъ дальнѣйшаго основанія излагается, как третья) также должно имѣть мѣсто некоторое въ этомъ субъективномъ смыслѣ правильное умозаключение, то оно должно согласоваться съ первымъ, при чемъ, такъ какъ одна посылка $E-A$ выражаетъ отношение подчиненія средняго термина крайнему, то другая посылка $B-E$ должна приобрести противоположное значеніе и B —быть подчинено E . Но такое отношеніе

было бы снятиемъ определенного сужденія E есть B и могло бы имѣть мѣсто лишь въ неопределенномъ сужденіи, частномъ; потому заключеніе въ этой фигурѣ можетъ быть лишь частное. Частное же сужденіе, какъ замѣчено выше, столь же положительно, сколь и отрицательно; поэтому, такому заключенію нельзя приписывать большой цѣнности. А поскольку и частное, и общее суть крайніе термины и непосредственны взаимно-безразличны определенности, то самое отношеніе ихъ безразлично; можно по желанію принять то или другое какъ за большій, такъ и за меншій терминъ, а потому также и ту или другую посылку за большую или меньшую.

3. Такъ какъ заключеніе можетъ быть какъ положительнымъ, такъ и отрицательнымъ, то оно темъ самымъ есть относительно этихъ определенностей безразлично, стало-быть, общее отношеніе. При ближайшемъ разсмотрѣніи опосредованіе перваго умозаключенія въ себѣ оказалось случайнымъ; во второмъ умозаключеніи эта случайность положена. Темъ самымъ это опосредованіе само себя снимаетъ; опосредованіе имѣетъ определеніе единичности и непосредственности; то, къ чему заключаютъ по этой фигурѣ, должно напротивъ, быть въ себѣ и непосредственно тождественнымъ; ибо его средній терминъ, непосредственная единичность, есть бесконечно-многообразная и виднѣйшая определенность. Поэтому, въ ней, напротивъ, положено виднѣе себя опосредованіе. Но виднѣе единичнаго есть общность; это опосредованіе черезъ непосредственно единичное указываетъ видъ себя на его другое, что происходитъ черезъ общее, или иначе то, что должно быть соединено черезъ второе умозаключеніе, должно быть соединено непосредственно; черезъ непосредственность, лежащую въ его основаніи, не получается определенного заключенія. Непосредственность, на которую онъ указываетъ, есть иная, чѣмъ его снятая первая непосредственность бытія, — стало бытіе, рефлексивноанное въ себя или сущее въ себѣ, отвлеченное общее.

Переходъ этого умозаключенія съ разсмотрѣнной точки зрѣнія былъ позволеніемъ другого (Anderswerden), какъ переходъ бытія, такъ какъ въ основѣ его лежитъ качественное и именно непосредственная единичность. Но по понятію единичности соединяетъ частное и общее постольку, поскольку она снимаетъ определенность частнаго, что представляется, какъ случайность этого умозаключенія; крайніе термины связываются между собою не въ силу ихъ определенного отношенія къ среднему термину; онъ не есть потому ихъ определенное единство, и присутствіе ещѣ ему положительное единство есть лишь отвлеченная общность. Но такъ какъ средній терминъ положенъ въ этой определенности, которая есть его истина, то получается другая форма умозаключенія.

с. Третья фигура: $E-A-B$.

1. Это третье умозаключеніе уже не имѣетъ ни одной непосредственной посылки; отношеніе $E-A$ опосредовано первымъ, отношеніе $B-A$ — вторымъ умозаключеніемъ. Поэтому оно предполагаетъ оба первыя умозаключенія; но наоборотъ, оба они предполагаютъ также его, также какъ вообще каждое

из них предполагается оба другя. Тѣмъ самымъ въ немъ вообще закончено опредѣленіе умозаключенія. Это взаимное опосредованіе именно и приводитъ къ тому, что каждое умозаключеніе, хотя оно для себя есть опосредованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ не есть въ немъ самъ полнота умозаключеній, но имѣетъ въ немъ непосредственность, опосредованіе которой находится внѣ его.

Умозаключеніе $E—A—B$, разсматриваемое въ немъ самомъ, есть истина формальнаго умозаключенія, оно выражаетъ собою, что его опосредованіе есть отвлеченно-общее, и что крайніе термины, получая по ихъ существенной опредѣленности содержаніе не по среднему термину, а лишь по ихъ общности, напротивъ, не приводятъ къ тому заключенію, которое должно было быть опосредовано. Стало бытъ, здѣсь положено то, въ чемъ состоитъ формализмъ умозаключенія, термины коего имѣютъ непосредственное, безразличное къ формѣ содержаніе или, что то же самое, суть такіа опредѣленные формы, которыя еще не рефлектировались въ опредѣленія содержанія.

2. Средній терминъ этого умозаключенія есть, правда, единство крайнихъ терминовъ, но такое, въ которомъ отвлечено отъ ихъ опредѣленности, неопредѣленно общее. Но поскольку это общее имѣетъ съ тѣмъ, какъ отвлеченное, отлечено отъ крайнихъ терминовъ, какъ отъ опредѣленнаго, оно само есть еще опредѣленное относительно нихъ, и дѣло есть умозаключеніе, отношеніе котораго къ его повятію подлежитъ еще разсмотрѣнію. Средній терминъ, какъ общее, есть подчиняющее оба крайнихъ термина или предикатъ и ни въ одной изъ повятокъ не есть подчиненное или субъектъ. Потому поскольку это умозаключеніе, какъ нѣкоторый видъ, должно соответствовать требованію умозаключенія, то это можетъ состояться лишь при томъ условіи, чтобы, такъ какъ $E—A$ уже имѣетъ соответственное отношеніе, его же пріобрѣло и $A—B$. Это совершается въ такомъ сужденіи, въ которомъ субъектъ относится къ предикату безразлично, т. е. въ отрицательномъ сужденіи. Такое умозаключеніе закононо, но его заключеніе по необходимости отрицательное.

При этомъ безразлично также, какое изъ обоихъ опредѣленій заключенія принимается за предикатъ или за субъектъ, и въ самомъ умозаключеніи какой терминъ принимается за единичный или частичный, т. е. за меньшій или за большій. Такъ какъ отъ принятаго въ этомъ случаѣ рѣшенія зависитъ, какая изъ повятокъ должна быть большею или меньшею, то это здѣсь безразлично. Тутъ открывается основаніе обычной четвертой фигуры умозаключенія, которой Аристотель не знаетъ, и которая касается совершенно пустаго, лишненнаго интереса различія. Въ ней непосредственное расположеніе терминовъ обратнo ихъ расположенію въ первой фигурѣ; а такъ какъ субъектъ и предикатъ отрицательнаго заключенія при формальномъ взглядѣ на сужденіе не имѣютъ опредѣленнаго отношенія субъекта и предиката, по каждый изъ нихъ можетъ занять мѣсто другаго, то безразлично, какой терминъ принимается за субъектъ и какой за предикатъ; потому безразлично также, какая повятка принимается за большую, и какая за меньшую. Это безразличіе, которое свойственно и опредѣленію и частности (въ особенности поскольку оно понимается въ широкое своеозначеніи), дѣлаетъ изъ четвертой фигуры нѣчто совершенно бесполезное.

3. Объективное значеніе такого умозаключенія, въ которомъ общее есть средній терминъ, состоитъ въ томъ, что опосредовывающее, какъ единство крайнихъ терминовъ, есть по существу общее. Но такъ какъ общность есть ближайшимъ образомъ общность лишь качественная или отвлеченная, то въ ней не заключается опредѣленности крайнихъ терминовъ, ихъ совпаденіе, если оно должно имѣть мѣсто, должно имѣть свое основаніе также въ нѣкоторомъ лежащемъ внѣ этого умозаключенія опосредованіи и въ отношеніи къ этому основанію столь же совершенно случайно, какъ и въ разсмотрѣнныхъ выше формахъ умозаключеній. Но такъ какъ общее теперь опредѣлено, какъ средній терминъ, который не содержитъ въ себѣ опредѣленности крайнихъ терминовъ, то онъ положенъ, какъ совершенно безразличный и внѣшній. Тѣмъ самымъ, въ силу этой простой отвлеченности, конечно, возникла ближайшимъ образомъ четвертая фигура¹⁾ умозаключенія; именно фигура безотносительнаго умозаключенія: $A—A—A$, отлечающая отъ качественного различія терминовъ и потому имѣющая своимъ опредѣленіемъ лишь ихъ внѣшнее единство, а именно равенство.

d. Четвертая фигура $A—A—A$ или математическое умозаключеніе.

1. Математическое умозаключеніе гласитъ: Если двѣ вещи (или два опредѣленія) равны третьей (третьему), то онѣ равны между собою. Тѣмъ самымъ исключается отношеніе подчиненія или включения.

Третье есть вообще опосредовывающее; но оно лишено какого бы то ни было опредѣленія относительно своихъ крайнихъ терминовъ. Потому каждый изъ трехъ терминовъ можетъ быть одинаково третьимъ опосредовывающимъ терминомъ. Какой изъ нихъ употребляется для того, какое изъ трехъ отношеній считается потому непосредственнымъ, и какое опосредованнымъ, это зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и другихъ условій, именно отъ того, какия два изъ нихъ непосредственно даны. Но это опредѣленіе не касается самого умозаключенія и совершенно внѣшне.

2. Математическое умозаключеніе считается аксіомою въ математикѣ, очевиднымъ въ себѣ и для себя первымъ предложеніемъ, не требующимъ и не допускающимъ никакого доказательства, т. е. никакого опосредованія, не предполагающимъ ничего другаго и не могущимъ быть выведеннымъ изъ него. При ближайшемъ разсмотрѣніи его преимущества—быть непосредственно очевиднымъ—опознается, что оно состоитъ въ формализмѣ этого умозаключенія, отлечающаго отъ всякаго качественного различія опредѣленій и признающаго лишь ихъ количественное равенство или неравенство. Но именно по этому основанію оно не обходится безъ предположеній или опосредованія; то количественное опредѣленіе, которое одно принимается въ помыслѣ соображеніе, возникаетъ лишь черезъ отвлеченіе отъ качественного различія и отъ опредѣленій понятія. Линія, фигуры, положенныя, какъ равныя одна другой, понимаются, лишь какъ величины; треугольникъ полагается равнымъ квадрату, но не какъ треугольникъ—квадрату, а лишь по величинѣ и т. д. Равнымъ

¹⁾ Четвертая у Гегеля, а не въ обычной логикѣ, которая этой фигуры не знаетъ. *Прим. перев.*

образом понятие и его определения не приходят в это умозаключение; оно вообще не понимается; и разумок никогда не имеет перед собою формальных, отмеченных определений понятия; очевидность этого умозаключения основывается потому лишь на том, что оно столь скучно и отвлечено по своему мысленному определению.

3. Но результат умозаключения существования не сводится исключительно к этому отвлечению от всякой определенности понятия; отрицательность непосредственных, отмеченных определений, возникающая таким путем, имеет еще некоторую другую, положительную сторону, состоящую именно в том, что в отвлеченной определенности положено другое этой отрицательности, и что она тем самым стала конкретною.

Во-первых, каждое из умозаключений существования имеет своим предположением оба других, и связанные в заключении крайние термины лишь потому истинны и связаны в себя и для себя, что они соединены некоторым извне обоснованным тожеством; средний термин, каков он есть в выше рассмотренных умозаключениях, должен быть единством их понятия, но он есть лишь некоторая формальная определенность, не положительная, как их конкретное единство. Но это предположенное в каждом из связанных опосредований есть не просто некоторая данная непосредственность вообще, как в математическом умозаключении, а само есть некоторое опосредование, именно для каждого из двух прочих умозаключений. Следовательно то, что позитивно дано, есть опосредование, основанное не на данной непосредственности, а на опосредовании. Это опосредование есть тем самым не количественное, отлагающее от формы опосредования, но опосредование скорее относительное к опосредованию или опосредование рефлексии. Круг взаимного предположения, образуемый взаимною связью этих умозаключений, есть возврат этого предположения в само себя, вследствие чего оно образует собою некоторую полноту, и то другое, на которое указывает каждое отдельное умозаключение, схватывается им не через внешнее отвлечение, а мыслится внутри этого круга.

Далее относительно термина отдельных формальных определений было указано, что в этом ряду формальных умозаключений каждый из них последовательно занял место среднего термина. Непосредственно последний был определен, как единичность и общность. Равным образом каждое из этих определений последовательно заняло места обоих крайних терминов. Чисто отрицательным результатом было исчезание качественных формальных определений в чисто-количественном, математическом умозаключении. Но то, что оказалось позитивным, есть тот положительный результат, что опосредование совершается не через отдельную качественную определенность формы, а через ее конкретное тожество. Недостаток и формализм трех рассмотренных фигур умозаключений состоит именно в том, что такая отдельная определенность должна была составлять в них средний термин. Таким образом опосредование определен-

лось, как безразличие непосредственных или отмеченных определений форм и как положительная рефлексия одних в другие. Тем самым непосредственное умозаключение существования перешло в умозаключение рефлексии.

Примечание. В данном здесь изложении природы умозаключений и его различных форм указано также попутно на то, что в обычных разсмотренных и обработках умозаключений составляет главный интерес, именно на то, как в каждой фигуре получается правильное умозаключение; но при этом приводится лишь главный момент и опущены те случаи и условия, которые возникают тогда, когда принимается в расчет различие положительных и отрицательных суждений вместе с количественным определением, особенно определением частности. Здесь будут уместны некоторые замечания об обычном в логик взгляд на умозаключение и его обработку. Как известно, эта логика разработана до таких подробностей, что ее так называемые тонкости вызвали общую скуку и отвращение. Возставая во всех отраслях духовного образования против лишней субстанциальности форм рефлексии, естественный разумок обращается также против этого искусственного знания форм разума и полагает возможным обойтись без этой науки на том основании, что перечисленные в ней отдельные операции мышления он исполняет сам собою уже от природы без всякого особого изучения. Действительно, если бы условием разумного мышления служило трудное изучение формул умозаключений, то человек по отношению к этому мышлению был бы также в плохом положении, как он (о чем уже было замечено в предисловии) был бы в плохом положении, если бы он не мог ходить и переваривать пищу без изучения анатомии и физиологии. Как изучение этих наук может быть не бесполезно для диетического образа жизни, так и изучению форм разума без сомнения должно приписывать еще более важное значение на правильности мышления; но не вдаваясь здесь в эту сторону дела, которая касается образования субъективного мышления, потому принадлежит собственно педагогик, следует признать, что изучение, имеющее предметом способы действия и законы разума, должно представлять в себя и для себя величайший интерес, но крайней мерой не меньший интерес, чем изучение законов природы и ее частных образований. Если не считается пустяками установление шестидесяти и столытих-то видов популя, ста тридцати семи видов веронки и т. д., то еще менее следует считать пустяками установление форм разума; развй фигура умозаключений не безразлично выше вида популя или веронки!

Но хотя поэтому следует вообще считать только за грубость презренье к познанию форм разума, тем не менее должно согласиться, что обычное изложение умозаключений и его частных видоизменений не есть разумное познание, не есть изложение их, как форм разума, и что синлогистическая премудрость заслужила своею безплодностью испытанное ею пренебрежение. Ее недостаток состоит в том, что она остановилась лишь на рассудочных формах умозаключений, согласно которым определения понятия считаются отвлечениями формальными определениями. Утверждать их, как

отвлеченны качества, тѣмъ болѣе непосредственно, что въ умозаключеніи существенное составляютъ ихъ отношенія, и что включеніе и подчиненіе уже подразумеваютъ, что единичное, такъ какъ ему присуще общее, само есть общее, а общее, такъ какъ ему подчинено единичное, само есть единичное, что умозаключеніе ближайшимъ образомъ рѣшительно полагаетъ именно это единство, какъ средній терминъ, и что его опредѣленіе есть именно опосредованіе, т.-е. что въ немъ опредѣленія понятія уже не такъ, какъ въ сужденіи, сохраняютъ свою взаимную внѣшность, но, напротивъ, ищутъ въ основѣ свое единство. Тѣмъ самымъ въ понятіи умозаключенія выражается недостаточность формальнаго умозаключенія, въ коемъ средній терминъ долженъ устанавливаться, не какъ единство крайнихъ, а какъ нѣкоторое формальное, качественно отличное отъ нихъ, отвлеченное опредѣленіе. Этотъ взглядъ еще потому болѣе правъ по содержанію, что и такія отношенія или сужденія, въ коихъ даже формальныя опредѣленія безразличны, какъ, напримѣръ, отрицательныя и частныя сужденія, которыя потому приближаются къ предложеніямъ, признаются имъ за совершенныя отношенія. А такъ какъ качественная форма Е—В—А признается вообще за послѣднее или абсолютное, то диалектическое разсмотрѣніе умозаключенія совершенно упраздняется, и прочія умозаключенія тѣмъ самымъ получаютъ значеніе не необходимыхъ видовъ внѣшней этой формѣ, но видовъ. При этомъ безразлично, разсматривается ли первое формальное умозаключеніе само, лишь какъ видъ, наряду съ прочими видами, или какъ родъ и видъ вмѣстѣ; послѣднее имѣетъ мѣсто тогда, когда прочія умозаключенія сводятся къ первому. Если это сведеніе и не выражено опредѣлительно, то во всякомъ случаѣ въ основаніи кладется то же самое формальное отношеніе внѣшняго подчиненія, которое выражается въ первой фигурѣ.

Это формальное умозаключеніе содержитъ въ себѣ противорѣчіе, что средній терминъ долженъ быть опредѣленнымъ единствомъ крайнихъ, но не какъ такое единство, а какъ нѣкоторое опредѣленіе, качественно-отличное отъ тѣхъ, единствомъ которыхъ оно должно быть. Такъ какъ умозаключеніе есть это противорѣчіе, то первое въ немъ самое диалектично. Его диалектическое движеніе въ полнотѣ моментовъ его понятія приводитъ къ тому, что моменты заключенія суть нѣчто иное отношеніе подчиненія или частности, но столь же существенно отрицательное единство и общность. Поскольку каждый изъ этихъ моментовъ есть для себя также лишь односторонній моментъ частности, они суть равно несовершенныя средніе терминъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ образуютъ собою ихъ развитыя опредѣленія; все развитіе умозаключенія черезъ его три фигуры выдвигаетъ послѣдовательно средній терминъ въ каждомъ изъ этихъ опредѣленій, и истинный получающійся отсюда результатъ состоитъ въ томъ, что каждый изъ среднихъ терминовъ есть не нѣчто отдѣльное, но ихъ полнота.

Недостатокъ формальнаго умозаключенія заключается поэтому не въ формѣ умозаключенія—она есть, напротивъ, форма разумности,—но въ томъ, что эта форма есть отвлеченная и потому лишняя понятія. Было показано, что отвлеченное опредѣленіе ради его отвлеченнаго отношенія къ себѣ можетъ быть также разсматриваемо, какъ содержаніе; поэтому формальное умозаключеніе

приводитъ лишь къ тому, что нѣкоторое отношеніе данного субъекта къ данному предикату вытекаетъ или не вытекаетъ лишь изъ даннаго средняго термина. Доказательство какого либо предложенія посредствомъ таково умозаключенія не приводитъ ни къ чему; вследствие отвлеченной опредѣленности средняго термина, представляющаго собою лишнее понятія качество, могутъ существовать съ такимъ же правомъ и другіе средніе терминъ, изъ коихъ слѣдуетъ противоположное, равнымъ образомъ изъ того же средняго термина могутъ быть черезъ дальнѣйшія умозаключенія выведены—опять-таки противъ положенія предикаты. Но независимо отъ того, что формальное умозаключеніе даетъ малые результаты, оно есть также нѣчто весьма простое; многія правила, придуманныя для него, обременительны уже потому, что они слишкомъ разогласили съ простою природою дѣла, а также потому что они относятся къ случаямъ, когда формальное содержаніе умозаключенія совершенно оскудѣваетъ вследствие внѣшняго опредѣленія формы, въ особенности формы частности, но крайней мѣрѣ поскольку послѣдняя для этой дѣян должна быть взята въ общій смыслъ, и по самой формѣ получаются лишь совершенно безосодержательные результаты. Но самая справедливая и важная сторона той неясности, съ которою относится къ силлогистикѣ, состоитъ въ томъ, что она есть столь подробное лишнее понятія заглѣтъ такъвъ предметъ, единственное содержаніе котораго есть само понятіе. Многія силлогистическія правила называютъ образъ дѣйствій счетчиковъ, которые также даютъ множество правилъ для арифметическихъ операцій, но всѣ эти правила предполагаютъ отсутствіе понятія операцій. Но числа суть лишнее понятія содержанія, и счетная операція есть внѣшнее соединеніе или раздѣленіе, механической приемы, почему и были изобрѣтены счетныя машины, исполняющія эти операціи; напротивъ всего круче и рѣзче поступаютъ тогда, когда обращаются съ опредѣленными формъ умозаключенія, которыя суть понятія, какъ съ лишнимъ понятія матеріаломъ.

До крайности доведено это чуждое понятія отношеніе къ опредѣленіямъ понятій умозаключенія конечно Лейбницемъ (Опр. т. II р. 1), который подвелъ умозаключеніе подъ ичисленіе комбинацій и опредѣлилъ посредствомъ него, сколько возможно сочетаній умозаключенія, если принимать во вниманіе различія положительныхъ и отрицательныхъ, затѣмъ общихъ, частныхъ, неопредѣленныхъ и единичныхъ сужденій; такихъ сочетаній возможно 2048, изъ коихъ по исключенію непригодныхъ фигуръ пригодныхъ къ употребленію остается 24. Лейбницъ придаетъ большое значеніе полезности комбинирующаго анализа для нахождения не только формъ умозаключенія, но и для сочетаній другихъ понятій. Служащая для того операція такова же, посредствомъ которой вычисляется, сколько соседней буквѣ допускается азбуконъ, сколько возможно сочетаній костей при игрѣ въ кости или комбинаціи при игрѣ l'homme и т. п. Опредѣленія умозаключенія приравниваются здѣсь сочетаніямъ костей или картъ при l'homme, разумное признается чѣмъ-то мертвеннымъ и чуждымъ понятію, и своеобразіе понятія и его опредѣленій—относится, какъ духовная сущность, и черезъ это отношеніе снимать свое непосредственное

определение — оставляется в стороне. Это лейбницево приложение исчисления комбинаций к умозаключению и к сочетанию других понятий не отличалось от пресловутаго искусства Льюлла ничемъ, кромѣ большей методичности со стороны числа комбинацій, вообще же было равно послѣднему по безмысленности. Это предприятие Лейбница состояло въ связи съ его любимой мыслью, къ которой онъ пришелъ еще въ юности, и отъ которой онъ не отказался и впоследствии, несмотря на ея назрѣлость и поверхностность, мыслью объ общей характеристикѣ понятий, — о письменномъ языкѣ, въ которомъ каждое понятие было бы представлено такимъ, каково оно по отношеніямъ, вытекающимъ изъ другихъ къ нему и изъ него къ другимъ; какъ будто въ разумномъ соединеніи, которое по существу диалектично, нѣкоторое содержаніе сохранять еще тѣ же самыя определенія, которыя оно имѣетъ, когда оно фиксировано для себя.

Исчисленіе Пауле, безъ сомнѣнія, представляетъ собою самый послѣдовательный образъ дѣйствія, каковыя только открываются возможность подчинить исчисленію отношеніе умозаключенія. Это исчисленіе состоитъ въ томъ, что въ сужденіи отвлекается отъ отличія отношеній, отъ отдѣленія единичности, частности и общности, и сохраняется отвѣченное тождество субъекта и предиката, въ силу чего между ними устанавливается математическое равенство; отношеніе, которое превращаетъ умозаключеніе въ совершенно безсодержательное и тождественное составленіе предложений. Въ предложеніи: роза красна — предикатъ долженъ означать не красное вообще, но лишь определенное красное розы; въ предложеніи: всѣ христіане люди — предикатъ долженъ означать лишь тѣхъ людей, которые суть христіане; изъ него и изъ предложенія: ерети не христіане слѣдуетъ заключеніе, которое не даю этому силлогистическому исчисленію хорошей рекомендаціи передъ Мендельсономъ: сдѣлательно ерети не люди (именно не тѣ люди, которые суть христіане). Результатомъ своего изобрѣтенія Пауле считаетъ *posse etiam rudem mechanicam totam logicam doceri, uti pueri arithmeticam docentur, ita quidem, ut nulla formidine in ratiociniis suis errandi torqueri, vel fallacis circumveniri possint, si in calculo non errant* ¹⁾. Это заявленіе, что людямъ неучившимся можно посредствомъ исчисленія сообщить всю логику, есть конечно худшее изъ того, что можетъ быть сказано о какомъ-либо изобрѣтеніи въ дѣлѣ изложенія науки логики.

В.

Умозаключеніе рефлексіи.

Развитіе качественного умозаключенія слагаетъ отвлеченность его определеній; терминъ положилъ себя тѣмъ самымъ, какъ такая определенность, въ коей имѣетъ видимость и другое. Кромѣ отвлеченныхъ терминовъ въ умо-

¹⁾ «Чтобы дадо новѣжды могли механически изучитъ всю логику, какъ мальчики изучатъ арифметику, такъ чтобы не мучиться никакимъ опасеніемъ опанбѣтся въ своихъ разсужденіяхъ и имѣть возможность избавиться отъ ошибокъ, если только будутъ править ихъ счеты». *Прим. перев.*

заключенія дано и ихъ отношеніе, и въ заключеніи оно положено, какъ опосредованное и необходимое; потому каждая определенность положена по истинѣ, не какъ отдѣльная для себя, но какъ отношеніе другихъ, какъ конкретная определенность.

Средній терминъ былъ отвлеченною частностью, простою определенностью для себя и среднимъ терминомъ лишь въишіимъ и относительнымъ образомъ въ противоположность крайнимъ. Теперь онъ положенъ, какъ полнота определеній; такимъ образомъ онъ есть положенное единство крайнихъ, ближайшимъ образомъ единство облекающей ихъ рефлексіи; зтогъ захватъ ихъ рефлексію, какъ первое снятіе непосредственности и первое отношеніе определеній, еще не есть абсолютное тождество понатія.

Крайніе терминъ суть определенія сужденія рефлексіи, собственно единичность и общности, какъ определенія отношенія, или многообразное въ облекающей ихъ рефлексіи. Но единично субъектъ содержитъ въ себѣ также, какъ было указано по поводу сужденія рефлексіи, кромѣ простой, принадлежащей формѣ единичности, и определенность, какъ просто рефлексированную въ себѣ общности, какъ предположеніе, т. е. какъ здѣсь еще принятая непосредственно родъ.

Изъ этой определенности крайнихъ терминовъ, принадлежащей развитію определенія сужденія, вытекаетъ ближайшее содержаніе средняго термина, который существуетъ для умозаключенія, такъ какъ онъ отличаетъ его отъ сужденія. Онъ содержитъ въ себѣ 1) единичность, 2) но расширенную въ общности, какъ всѣ и 3) лежащую въ основѣ общности, соединяющую въ себѣ единичность и отвлеченную общности, или рода. Лишь такимъ образомъ умозаключеніе рефлексіи приобретаетъ собственную определенность формы, такъ какъ средній терминъ положенъ, какъ полнота определеній; относительно этого умозаключенія непосредственное умозаключеніе есть неопределенное, потому что средній терминъ въ немъ есть еще отвлеченная частность, въ коей моменты его понятія еще не положены. Это первое умозаключеніе рефлексіи можетъ быть названо умозаключеніемъ всецѣлства (der Schluss der Allheit).

а. Умозаключеніе всецѣлства.

1. Умозаключеніе всецѣлства есть умозаключеніе разсудка въ своемъ полномъ развитіи, но не болѣе того. То обстоятельство, что средній терминъ есть въ немъ не отвлеченная частность, но развитъ въ своихъ моментахъ и потому конкретенъ, есть, правда, существенная прибавка къ понятію, но тѣмъ не менѣе форма всецѣлства объемлетъ единичное въ общемъ ближайшимъ образомъ лишь въишіе, и обратно содержитъ въ себѣ единичное, еще какъ непосредственно сохраняющееся для себя въ общемъ. Отрицаніе непосредственности определеній, бывшее результатомъ умозаключенія существованія, есть лишь первое отрицаніе, а не отрицаніе отрицанія или абсолютная рефлексія въ себѣ. Отдѣльныя определенія въ себѣ лежатъ еще потому въ основѣ той облекающей ихъ общности рефлексіи, или иначе всецѣлство есть общность еще не понятія, а въишія общность рефлексіи.

Умоаключеніе существованія было потому случайно, что его средней терминъ, какъ отдѣльная опредѣленность конкретнаго субъекта, допускаетъ неопредѣленное множество другихъ среднихъ терминовъ, вслѣдствіе чего субъектъ можетъ быть въ заключеніи соединенъ съ неопредѣленнымъ количествомъ другихъ, даже противоположныхъ предикатовъ. Но такъ какъ отнынѣ средней терминъ содержитъ въ себѣ единичность и тѣмъ самымъ самъ конкретенъ, то онъ можетъ связывать съ субъектомъ лишь одинъ предикатъ, присущій ему, какъ конкретному. Если, напр., изъ средняго термина зеленый должно заключить, что картина пріятна, такъ какъ зеленое пріятно для глаза, или что стихотвореніе, строеніе и т. д. прекрасны, такъ какъ они обладаютъ правильностью, то тѣмъ не менѣе картина можетъ быть отвратительна по другимъ своимъ опредѣленіямъ, изъ которыхъ можно заключать къ этому послѣднему предикату. Напротивъ, если средней терминъ имѣетъ опредѣленіе всащества, то онъ содержитъ въ себѣ зеленое и правильность, какъ нѣчто конкретное, которое именно потому не есть отвлеченность нѣкотораго только зеленаго, правильнаго и т. д.; съ этимъ конкретнымъ могутъ быть соединены лишь такіе предикаты, которые соответствуютъ полнотѣ конкретнаго. Въ сужденіи: зеленое или правильное пріятно субъектъ есть лишь отвлеченіе отъ зеленаго, правильности; напротивъ, въ сужденіи: все зеленое или правильное пріятно субъектомъ служатъ всѣ дѣйствительные конкретные предметы, которые зелены или правильны, и которые, слѣдовательно, служатъ, какъ конкретные, со всѣми ихъ свойствами, какія только присущи имъ независимо отъ зелены или правильности.

2. Но это рефлективное несовершенство умоаключенія тѣмъ самымъ дѣлаетъ его лишь обманчивымъ призракомъ. Средній терминъ имѣетъ опредѣленность: всѣ; имъ непосредственно принадлежитъ въ верхней послылкѣ предикатъ, отъ коего имѣетъ съ субъектомъ ведется умоаключеніе. Но всѣ суть всѣ единичны; поэтому единичный субъектъ имѣетъ этотъ предикатъ уже непосредственно, а не приобретаетъ его лишь черезъ умоаключеніе. Или иначе, субъектъ получаетъ черезъ заключеніе предикатъ, какъ слѣдствіе; но верхняя послылка уже содержитъ въ себѣ это заключеніе; поэтому, или верхняя послылка неправильна для себя, или она не есть непосредственное, предложенное сужденіе, но сама уже предполагаетъ то заключеніе, основаніемъ которому она должна служить.

Въ излюбленномъ совершенномъ умоаключеніи:

Всѣ люди смертны,
Кай — человекъ,
Слѣд., Кай смертенъ,

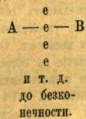
верхняя послылка правильна лишь потому и постольку, постольку правильно заключеніе; если бы случилось такъ, что Кай не былъ бы смертенъ, то верхняя послылка была бы неправильна. Предложеніе, которое должно служить заключеніемъ, должно быть уже непосредственно правильно для себя, ибо иначе верхняя послылка не обнимала бы собою все единичное; прежде, чѣмъ верхняя послылка можетъ быть признана правильною, возникаетъ предварительный вопросъ, не служитъ ли самое это заключеніе инстанціею противъ нея.

3. При разсмотрѣніи умоаключенія существованія изъ понятія умоаключенія вытекаетъ, что послылка, какъ непосредственная, противорѣчитъ заключенію, т. е. требуюму понятіемъ умоаключенія опосредованія, что потому первое умоаключеніе предполагаетъ другія, и наоборотъ, эти другія предполагаютъ его. Въ умоаключеніи же рефлексія положена въ ней самомъ, что верхняя послылка предполагаетъ свое заключеніе, такъ какъ въ ней содержится то соединеніе единичныхъ съ предикатомъ, которое именно и должно быть заключеніемъ.

То, что дано здѣсь въ дѣйствительности, можетъ, стало быть, ближайшимъ образомъ быть выражено такъ: умоаключеніе рефлексіи есть лишь видѣнная пустая видимость умоаключенія; сущность послѣдняго основывается на субъективной единичности; она тѣмъ самымъ образуетъ средней терминъ и должна быть положена, какъ таковая, — какъ единичность, которая есть, какъ таковая, и лишь видѣннымъ образомъ обладаетъ общностью. Или иначе, при ближайшемъ разсмотрѣніи содержанія умоаключенія рефлексія оказалось, что единичное состоитъ въ непосредственномъ, не выведенномъ отношеніи къ своему предикату, и что большая послылка, соединеніе нѣкотораго частнаго съ нѣкоторымъ общимъ или ближе — нѣкотораго формальнаго общаго съ нѣкоторымъ общимъ въ себѣ, опосредовано черезъ отношеніе единичности, присущимъ тому общему, единичности, какъ совокупности. Но это умоаключеніе есть умоаключеніе наведенія.

b. Умоаключеніе наведенія.

1. Умоаключеніе всащества подчинено схемѣ второй фигуры: $E-B-A$; умоаключеніе наведенія — схемѣ второй фигуры $A-E-B$, такъ какъ оно вновь имѣетъ единичность среднимъ терминомъ, не отвлеченную единичность, но подлугу, т. е. положенную съ противоположнымъ ей опредѣленіемъ съ общностью. Одинъ изъ крайнихъ терминовъ есть какой-либо предикатъ, который свойственъ всѣмъ этимъ единичнымъ; его отношеніе къ нимъ образуетъ непосредственная послылка, изъ коихъ одна должна быть нѣкоторымъ заключеніемъ предшествовавшаго умоаключенія. Другой крайній терминъ можетъ быть непосредственнымъ рогомъ, каковъ онъ въ среднемъ терминѣ предыдущаго умоаключенія или въ субъектѣ общаго сужденія, который (родъ) очерчиваетъ въ совокупности единичныхъ или видовъ средняго термина. Потому умоаключеніе имѣетъ такой видъ:

2. Вторая фигура формальнаго умоаключенія потому не соответствуетъ этой схемѣ, что въ одной изъ послылокъ E , образующее средней терминъ, не есть подчиняющее или предикатъ. Въ наведеніи этотъ недостатокъ устраняется;

предложение $A-E$, которое выделяет объективно-общее или родъ въ крайній терминъ и содержитъ его, какъ субъектъ, имѣть предикатъ, по меньшей мѣрѣ равнаго съ нимъ объема, и тѣмъ самымъ тождественный съ нимъ для вышней рефлексии. Левъ, слонъ и т. д. составляютъ собою родъ четвероногихъ животныхъ; различіе, полагающее то же самое содержаніе въ одномъ случаѣ въ единичности, въ другомъ — въ общности, есть тѣмъ самымъ совершенно безразличное опредѣленіе формы, — безразличіе, положенное какъ положеній въ умозаключеніи рефлексии результатъ формальнаго умозаключенія, сдѣлательна какъ равенство объема.

Поэтому наведеніе есть не умозаключеніе простого воспріятія или случайнаго существованія, какъ соответствующая ему вторая фигура, по умозаключенію опыта, субъективнаго соединенія единичныхъ въ родъ и совпаденія рода съ нѣкоторыми общими опредѣленіемъ вслѣдствіе причастности послѣдняго всѣмъ единичнымъ. Это умозаключеніе имѣетъ также то объективное значеніе, что непосредственный родъ опредѣляетъ себя черезъ полноту единичности, какъ общее свойство, имѣетъ свое существованіе въ объемѣ отношеній или признаковъ. Но объективное значеніе этого, какъ и другихъ, умозаключенія есть лишь его внутреннее понятіе и здѣсь еще не положено.

3. Наведеніе есть еще, напротивъ, по существу нѣкоторое субъективное умозаключеніе. Средніе терминъ суть единичны въ ихъ непосредственности, соединеніе ихъ въ родъ черезъ совокупность есть нѣкоторая вышняя рефлексия. Въ виду существующей непосредственности единичныхъ и вытекающей отсюда вышности общности есть лишь полнота или, правильнѣе, остается задачей. Въ ней проявляется вновь прогрессъ въ ложную безконечность; единичности должна быть положена, какъ тождественная общности, но такъ какъ единичныя положены также, какъ непосредственныя, то ихъ единство остается лишь постолькимъ должествованіемъ; оно есть единство равенства; то, что должно быть тождественнымъ, должно имѣть съ тѣмъ не быть тождественнымъ. Лишь продолженія въ безконечность a, b, c, d, e образуютъ родъ и даютъ законченный опытъ. Поэтому заключеніе наведенія остается проблематическимъ.

Но такъ какъ оно выражаетъ собою то, что воспріятіе для того, чтобы стать опытомъ, должно быть продолжено въ безконечность, то наведеніе предполагаетъ, что родъ въ себѣ и для себя совпадаетъ съ его опредѣленностью. Оно тѣмъ самымъ предполагаетъ собственно свое заключеніе, какъ нѣчто непосредственное, также, какъ умозаключеніе совокупности предполагаетъ заключеніе, какъ одну изъ своихъ посылокъ. Опытъ, основанный на наведеніи, считается законнымъ, хотя воспріятіе по общему признаку не закончено; достаточно лишь признать, что не можетъ быть никакой инстанціи противъ этого опыта, поскольку онъ истиненъ въ себѣ и для себя. Поэтому умозаключеніе посредствомъ наведенія, правда, основывается на нѣкоторой непосредственности, но не на той, на которой оно должно бы было основываться, не на сущей непосредственности единичности, а на непосредственности, сущей въ себѣ и для себя или общей. Основное опредѣленіе наведенія со-

стоитъ въ томъ, что оно есть умозаключеніе; если бы единичность принималась за существовавшее, а общность лишь за вышнее опредѣленіе средняго терминъ, то онъ распался бы на двѣ безсвязныя части, и никакого умозаключенія не получилось бы; эта вышность свойственна, напротивъ, крайнимъ терминамъ.

Единичность можетъ быть среднимъ терминомъ, лишь какъ непосредственно тождественная съ общностью; такая единичность есть собственно объективная, родъ. На это можно смотрѣть еще такъ: общность въ опредѣленіи единичности, лежащей въ основаніи наведенія, имѣетъ характеръ вышній, но существенный; такое вышнее есть столь же непосредственно ей противоположность, внутреннее. Поэтому истная умозаключенія наведенія есть умозаключеніе, имѣющее среднимъ терминомъ нѣкоторую единичность, которая непосредственно въ себѣ самой есть общность — умозаключеніе аналогій.

с. Умозаключеніе аналогій.

1. Это умозаключеніе имѣетъ свою отвлеченную схему третью фигуру непосредственнаго умозаключенія: $E-A-B$. Но его средній терминъ не есть уже какое-либо отдѣльное качество, а нѣкоторая общность, которая есть рефлексія въ себя нѣкотораго конкретнаго, стало быть, его природа; и наоборотъ, такъ какъ она есть общность нѣкотораго конкретнаго, она есть имѣть съ тѣмъ сама это конкретное. Здѣсь, сдѣлательно, средній терминъ есть нѣчто единичное, но по своей общей природѣ; дажѣ крайній терминъ есть другое единичное, имѣющее съ первымъ одну и ту же общую природу. Напр.:

Земля имѣетъ обитателей,
Луна есть нѣкоторая земля,
Слѣдов., луна имѣетъ обитателей.

2. Аналогія тѣмъ поверхностнѣе, чѣмъ въ большей степени то общее, въ которомъ объединяются оба единичныя, и на основаніи котораго одно становится предикатомъ другого, есть только качество или, принявъ качество субъективно, тотъ или иной признакъ, если, стало-быть, тождество обоихъ признается за простое сходство. Но съ такого рода поверхностностью, къ которой форма разсудка или разума приводится тѣмъ, что она понижается въ сферу простого представленія, логика не должна бы была имѣть никакого дѣла. Равнымъ образомъ неправомерно называть верхнюю посылку этого умозаключенія такъ, чтобы она гласила: то, что сходно съ какии-либо объектомъ въ нѣкоторыхъ признакахъ, сходно съ нимъ и въ другихъ признакахъ. Такимъ путемъ форма умозаключенія выражается въ видѣ нѣкотораго содержанія, и эмпирическое, собственное должествованное быть такъ названнымъ держанію, и эмпирическое, собственное должествованное быть такъ названнымъ содержаніе въ своей совокупности переносится въ меньшую посылку. Такимъ образомъ вся форма, напр., перваго умозаключенія могла бы быть выражена, какъ его большая посылка: тому, что подчинено нѣкоторому другому, коему присуще третье, присуще также это третье, слѣдов., и т. д.

Но самое умозаключение не касается эмпирического содержания, и обращать его собственную форму въ содержание ѣкоторой большой послыки столь же безразлично, какъ это было бы и относительно всякаго иного эмпирическаго содержания. Но поскольку при умозаключеніи аналогіи идетъ рѣчь не о томъ содержаніи, которое содержитъ въ себѣ лишь своеобразную форму умозаключенія, то и при первомъ умозаключеніи также идетъ рѣчь не о немъ, т.-е. не о томъ, что дѣлаетъ умозаключеніе умозаключеніемъ. О чемъ идетъ рѣчь, есть именно форма умозаключенія, все равно имѣть ли оно эмпирическимъ содержаніемъ ее самою или ѣчто другое.

Такимъ образомъ умозаключеніе аналогіи есть ѣкоторая своеобразная форма, и ѣтъ основанія не считать ее таковою лишь потому, что его форма можетъ быть отдѣлена содержаніемъ или матеріею ѣкоторой большой послыки, матеріи же де логика не касается. При умозаключеніи аналогіи также показуѣ, какъ и при умозаключеніи наведенія, къ этой мысли можно придти потому, что въ нихъ средній, а равно и крайніе терминъ болѣе опредѣлены, чѣмъ въ чисто формальномъ умозаключеніи, и потому опредѣленіе формы, такъ какъ оно уже не просто и не отвлечено, должно явиться также опредѣленіемъ содержанія. Но то обстоятельство, что форма, такимъ образомъ, опредѣляетъ себя, какъ содержаніе, зависитъ, во-первыхъ, отъ необходимаго развитія формы и потому существенно касается природы умозаключенія; но потому же, во-вторыхъ, это опредѣленіе содержанія не можетъ считаться такимъ же, какъ ѣкоторое другое эмпирическое содержаніе, и быть отъ него отвлеченнымъ.

Если при разсмотрѣніи формы умозаключенія аналогіи его большая послыка понимается такъ, что коль скоро два предмета совпадаютъ въ одномъ или также въ ѣсколькихъ свойствахъ, то одному изъ нихъ присуще и ѣкоторое иное свойство, принадлежащее другому, то можетъ казаться, что это умозаключеніе содержитъ въ себѣ четыре опредѣленія, *quaternio terminorum*,—обстоятельство, которое затрудняло бы приведеніе аналогіи къ формѣ формальнаго умозаключенія. Въ немъ дано два единичныхъ, въ-третьихъ, одно непосредственно принимаемое за общее свойство и въ-четвертыхъ, другое свойство, присущее одному единичному непосредственно, другое же—лишь черезъ умозаключеніе. Это зависитъ отъ того, что, какъ оказалось, въ умозаключеніи аналогіи средній терминъ положенъ, какъ единичность, но непосредственно также, какъ его истинная общность. Въ наведеніи кромѣ двухъ крайнихъ терминовъ средній есть неопредѣленное множество единичныхъ; потому въ этомъ умозаключеніи слѣдовало бы принимать безконечное множество терминовъ. Въ умозаключеніи совокупности общность средняго термина есть лишь высшее формальное опредѣленіе совокупности; въ умозаключеніи же аналогіи она есть существенная общность. Въ приведенномъ примѣрѣ средній терминъ—земля—принимается за ѣчто конкретное, которое по своей истинѣ есть столь же ѣкоторая общая природа или родъ, сколько и ѣчто единичное.

Разсматриваемое съ этой стороны *quaternio terminorum* аналогіи не должно бы было дѣлать ее несовершеннымъ умозаключеніемъ. Но она ста-

новится имъ съ другой стороны; ибо хотя одинъ субъектъ имѣть ту же общую природу, какъ и другой, не остается неопредѣленнымъ, присуща ли одному субъекту та опредѣленность, которая въ заключеніе приписывается другому, въ силу его природы или въ силу его частности, напр., имѣть ли земля обитателей, какъ мировое тѣло вообще, или какъ именно это частное мировое тѣло. Аналогіи есть еще постолку умозаключеніе рефлексіи, поскольку единичность и общность непосредственно соединены въ ее среднемъ терминѣ. Въ силу этой непосредственности ей еще присуща вышность единства рефлексіи; единичное есть лишь въ себѣ родъ, оно не положено въ той отрицательности, черезъ которую его опредѣленность стала бы собственной опредѣленностью рода. Потому тотъ предикатъ, который приносится единичному средняго термина, не есть тѣмъ самымъ уже предикатъ другаго единичнаго, хотя оба они принадлежатъ одному и тому же роду.

3. *E—B* (луна имѣть обитателей) есть заключеніе; но одна изъ послылокъ (земля имѣть обитателей) есть такое же *E—B*; и поскольку *E—B* должно быть заключеніемъ, то тутъ дано требованіе, чтобы и эта послыка имѣла такой же характеръ. Это умозаключеніе есть тѣмъ самымъ заключающееся въ немъ самою требованіе вопреки содержащейся въ немъ непосредственности; или иначе оно предполагаетъ свое заключеніе. Одно умозаключеніе существовало имѣть свое предположеніе въ другихъ умозаключеніяхъ существованія; въ толькѣ что разсмотрѣнныхъ умозаключеніяхъ это предположеніе входитъ внутрь ихъ, такъ какъ они суть умозаключенія рефлексіи. Потому такъ какъ умозаключеніе аналогіи есть требованіе его опосредованія, то оно требуетъ снятія непосредственности, которая присуща его опосредованію, то оно требуетъ снятія момента единичности. Такимъ образомъ на долю средняго термина приходится объективно-общее, родъ, очищенный отъ непосредственности. Родъ въ дѣлѣ умозаключенія аналогіи былъ моментомъ средняго термина, лишь какъ непосредственное предположеніе; такъ какъ самое умозаключеніе требуетъ снятія предположенной непосредственности, то отрицаніе единичности и тѣмъ самымъ общее уже есть не непосредственное, а положенное. Умозаключеніе рефлексіи содержитъ въ себѣ лишь первое отрицаніе непосредственности; теперь получается второе, и тѣмъ самымъ высшая общность рефлексіи опредѣляется, какъ сущая въ себѣ и для себя. Разсматриваемое съ положительной стороны заключеніе оказывается тождественнымъ съ послылкою, опосредованіе—совпадающимъ съ его предположеніемъ, и тѣмъ самымъ получается тождество общности рефлексіи, въ силу чего она становится высшею общностью.

Обозрѣвая ходъ умозаключенія рефлексіи, находимъ, что опосредованіе есть вообще положенное или конкретное единство опредѣленной формы крайнихъ терминовъ; рефлексія состоитъ въ этомъ положеніи одного опредѣленія въ другомъ; опосредованіе есть такимъ образомъ совокупность. Для общности же единичному существенно, чтобы оно было приводимымъ въ заключенію среднимъ терминомъ; потому оно должно быть признаваемо за сущее въ себѣ общее. Но единичное соединено съ общностью не только истинъ просто положительнымъ образомъ, а снято въ ней и есть отрицательный моментъ; та-

как образом общее есть сущее в себе и для себя, положенный родъ, и единичное, как непосредственное, есть скорее видимость послѣдняго или крайній терминъ. Умоаключение аналогично, вообще говоря, подчинено схемъ $B-E-A$, единичное есть в немъ еще такое существенное опредѣленіе средняго термина; но такъ какъ его непосредственность сила себя, и средній терминъ опредѣлился, какъ сущая вь себя и для себя общность, то умоаключение подчинилось схемѣ $E-A-B$, и умоаключение рефлексія перешло въ умоаключение необходимости.

С.

Умоаключение необходимости.

Опосредняющее опредѣлилось теперь, 1. какъ простая опредѣленная общность, каковою бываетъ частность въ умоаключеніи существованія; но 2. какъ объективная общность, т.-е. такая, которая содержитъ въ себѣ всю опредѣленность различенныхъ крайнихъ терминовъ, какъ это свойственно совокупности въ умоаключеніи рефлексія; наполненная, но простая общность, общая природа вещи, родъ.

Это умоаключение содержательно, такъ какъ, хотя отвлеченный средній терминъ умоаключенія существованія полагалъ себя, какъ опредѣленное различіе, каковоимъ бываетъ средній терминъ умоаключенія рефлексія, но это различіе вновь рефлексировало себя въ простое тождество. Это умоаключение есть потому умоаключение необходимости, такъ какъ его средній терминъ есть не какое либо иное непосредственное содержаніе, а рефлексія въ себя опредѣленности крайнихъ терминовъ. Послѣдніе имѣютъ въ среднемъ терминѣ свое внутреннее тождество, опредѣленія содержанія котораго суть опредѣленія формы крайнихъ терминовъ. Тѣмъ самымъ то, чѣмъ различаются термини, есть видимость и несущественная форма, и они суть моменты ив- котораго необходимаго существованія.

Ближайшимъ образомъ это умоаключение есть непосредственное и потому столь формальное, что связь терминовъ есть существенная природа, какъ содержаніе, и послѣднее имѣетъ въ различныхъ терминахъ лишь различенную форму, крайніе же термини имѣютъ для себя лишь несущественное существованіе. Осуществленіе этого умоаключенія должно опредѣлять его такъ, чтобы крайніе термини были положены какъ эта полнота, которая есть ближайшимъ образомъ средній терминъ, а необходимость отношенія, которое ближайшимъ образомъ есть лишь субстанціальное содержаніе, была отношеніемъ положенной формы.

а. Категорическое умоаключение.

1. Категорическое умоаключение имѣетъ одно или обаими своими посылками категорическое сужденіе. Здѣсь съ отъикъ умоаключеніемъ, какъ и съ сужденіемъ, связывается то опредѣленное значеніе, что его средній терминъ есть

объективная общность. При поверхностномъ разсмотрѣніи и категорическое умоаключение считается не болѣе, какъ только умоаключеніемъ вывлеченія.

Категорическое умоаключение по своему содержательному значенію есть первое умоаключеніе необходимости, въ которомъ субъектъ связывается съ нѣкоторымъ предикатомъ черезъ свою субстанцію. Но субстанція, повышенная въ сферу понятія, есть общее, положенное въ такое бытіе въ себя и для себя, что форма ея бытія есть не акцидентальность, какъ въ ея своеобразномъ отношеніи, а опредѣленіе понятія. Ея различіе суть потому крайніе термини умоаключенія, опредѣленіе—общность и единичность. Первая есть въ противоположность роду, какъ былъ ближайше опредѣленъ средній терминъ, отвлеченная общность или общая опредѣленность; акцидентальность субстанціи есть простая опредѣленность, но объявляющая собою существенное различіе, специфическую разницу. Единичность же есть действительное, есть въ себѣ конкретное единство рода и опредѣленности, но здѣсь, какъ и въ непосредственномъ умоаключеніи, ближайшимъ образомъ непосредственная единичность, сосредоточенная въ форму сущаго для себя существованія акцидентальности. Отношеніе этого крайняго термина къ среднему образуетъ нѣкоторое категорическое сужденіе; но поскольку и другой крайній терминъ согласно вышеприведенному опредѣленію выражаетъ специфическую разницу рода или ея опредѣленный принципъ, то и эта посылка категорична.

2. Это умоаключеніе, какъ первое и тѣмъ самымъ непосредственное умоаключеніе необходимости, подчинено схемѣ перваго формальнаго умоаключенія $E-B-A$. Но такъ какъ средній терминъ есть существенная природа единичнаго, а не какое-либо изъ его опредѣленій или свойствъ, и равнымъ образомъ крайній терминъ общности есть не какое-либо отвлеченное общее или опять-таки лишь нѣкоторое опредѣленное качество, а общая опредѣленность, специфическое различіе рода, то уравнивается та случайность, въ силу коей къ какому-либо качеству субъекта заключаются лишь черезъ посредство какого-либо средняго термина. Такъ какъ тѣмъ самымъ и отношеніямъ крайнихъ терминовъ къ среднему свойственна не такая видимость непосредственности, какъ умоаключенію существованія, то и требованіе доказательства не имѣетъ того смысла, какой имѣлъ тамъ жѣсто и приводилъ къ безконечному прогрессу.

Далѣе это умоаключеніе не предполагаетъ, какъ нѣкоторое умоаключеніе рефлексія, для истинны посылку истину заключенія. Вълѣдствіе субстанціальнаго содержанія термини находятся въ тождественномъ, въ себѣ и для себя сущемъ взаимномъ отношеніи; дана одна проникающая три термина сущность, въ которой опредѣлены единичности, частности и общности суть лишь формальные моменты.

Поэтому категорическое умоаключеніе уже не субъективно; имѣетъ съ указаннымъ выше тождествомъ возмнать объективности; средній терминъ есть содержательное тождество своихъ крайнихъ терминовъ, которые содержатъ въ немъ, какъ самостоятельныя, ибо ихъ самостоятельность и есть эта субстанціальная общность, родъ. Субъективность же умоаключенія состоитъ въ безразличномъ отношеніи крайнихъ терминовъ къ понятію или къ среднему термину.

3. В этом умозаключении однако субъективно еще то, что тождество есть еще субстанциальное или тождество содержания, а не тождество вместе с тем формы. Поэтому тождество понятия есть еще внутренняя связь и тем самым еще отношение необходимости; общность среднего термина есть упреченное, положительное содержание, а не есть также отрицательность его крайних терминов.

Ближайшим образом непосредственность этого умозаключения, которое еще не положено, как то, что оно есть в себя, таково. Непосредственное в умозаключении есть собственно единичное. Последнее подчинено своему роду, как средний термин; но роду подчинены также еще другие неопредѣленно многа единичныя; поэтому оказывается случайным, что лишь это единичное положено, как подчиненное роду. Но эта случайность свойственна даже не только внешней рефлексии, которая находит случайным входящее в состав умозаключения единичное по сравнению с другими; напротив, так как оно само отнесено к среднему термину, как к своей объективной общности, оно положено, как случайное, как субъективная действительность. С другой стороны, так как субъект есть некоторое непосредственное единичное, то он содержит в себя определения, которые не содержатся в среднем термине, как в общей природе; тем самым субъект имеет некоторое безразличное к последнему, определенное для себя осуществление, обладающее своеобразным содержанием. Поэтому и наоборот, этот другой термин имеет относительно первого безразличную непосредственность и отдельное осуществление. Это же отношение имеет также кто между средним и другим крайним термином; ибо последнему также свойственно определение непосредственности, стало-быть, некоторого случайного бытия относительно своего среднего термина.

То, что тем самым положено в категорическом умозаключении, суть с одной стороны крайние термины в таком отношении к среднему, что они в себя обладают объективной общностью или самостоятельной природою и вместе с тем суть непосредственныя, следовательно, взаимно безразличныя действительности. С другой же стороны они также случайны, или иначе их непосредственность определяется, как сытая в их тождестве. Но последнее в силу связанной самостоятельности и полноты действительности есть лишь формальное, внутреннее; тем самым умозаключение необходимости определило себя, как условное (гипотетическое).

в. Условное умозаключение.

1. Условное суждение содержит в себя лишь необходимое отношение без непосредственности того, что соотносится. Если есть *A*, то есть *B*; или иначе бытие *A* есть также бытие некоторого другого, *B*; тем самым еще не сказано, есть ли *A* и есть ли *B*. Условное умозаключение присоединяет к суждению эту непосредственность бытия:

Если есть *A*, то есть *B*.

A есть,
Следовательно есть *B*.

Меньшая посылка для себя высказывает непосредственное бытие *A*. Но не только это присоединилось к суждению. Умозаключение содержит в себя отношение между субъектом и предикатом, не как отвлеченную связь, но как полное содержание опосредствующее единство. Бытие *A* должно быть признаваемо потому не за простую непосредственность, а по существу за средний термин умозаключения. Это должно быть рассмотрено ближе.

2. Ближайшим образом отношение условного суждения есть необходимость или внутреннее субстанциальное тождество при внешнем различии осуществления, или же взаимное безразличие являющихся бытия; тождественное содержание, внутренне лежащее в основании. Обь стороны суждения суть потому не непосредственное, но заключенное в необходимость бытия, следовательно вместе с тем сытое или лишь являющееся бытие. Даже как стороны суждения, обь относятся между собою, как общность и единичность; поэтому одна из них есть сказанное содержание, как полнота условия, а другая — как действительность. Впрочем, безразлично, какая из сторон принимается за общность, и какая за единичность. Именно поскольку условия суть еще внутреннее, отвлеченное относительно некоторой действительности, они суть общее, и то, через что они выступают в действительность, есть сочетание их в некоторую единичность. Наоборот, условия суть также отдельное, порозненное явление, которое приобретает единство и значение, а также имевшее общую силу существования лишь в действительности.

Ближайшее отношение, которое должно быть признано здесь между обими сторонами за отношение условия к обусловленному, может, однако, также считаться отношением причины и действия, основания и следствия; это здесь безразлично; но отношение обусловленности потому ближе соответствует отношению, присущему условному суждению и умозаключению, что условие есть по существу безразличное осуществление, основание же и причина есть, напротив, нечто переходящее через само себя; равным образом, условие есть более общее определение, так как оно обнимает обь стороны этого отношения, ибо действие, следствие и т. д. суть столь же условия причины, основания, сколько вторыя суть условия первых.

A есть обуславливающее бытие, поскольку оно, во-первых, есть некоторое непосредственное бытие, безразличная действительность, а, во-вторых, поскольку оно есть также в себя самым случайное, снимающее себя бытие. То, что переводит условия в действительность нового образа, условия которой они суть, состоит в том, что они суть небытие, как отвлеченное непосредственное, бытие в его понятии, ближайшим образом становление; но так как понятие уже не есть переход, то они суть определенная единичность, относящаяся к себе отрицательное единство. Условия суть порозненные, ожидающий и требующий своего употребления мате-

риала; эта отрицательность есть опосредывающее, свободное единство понятия. Оно определяет себя, как деятельность, так как этот средний термин есть противоречие объективной общности или полноты тождественного содержания и безразличной непосредственности. Поэтому этот средний термин есть уже нечто внутренняя, но сущая необходимость; объективная общность содержит в себя отношение к себе самой, как простую непосредственность, как бытие; в категорическом умозаключении этот момент есть ближайшим образом определение крайних терминов, но в противоположность объективной общности среднего термина он определяет себя, как случайность и тем самым как нечто лишь положенное и также снятое, т.-е. возвратившееся в понятие или в средний термин, как единство, которое само в своей объективности есть также бытие.

Заключение следовательно *B* есть выражает собою то же противоречие, что *B* есть нечто непосредственно сущее, но также сущее через другое или опосредованное. По своей форме оно есть поэтому то же самое понятие, как и средний термин; они отличаются, лишь как необходимое от необходимости, в совершенно поверхностном противопоставлении единичности к общности. Абсолютное содержание *A* и *B* одно и то же; это лишь два различных названия одной и той же основы для представления, поскольку последнее сохраняет явление различного образа существования и различает необходимое от его необходимости; но если последняя должна бы была отделяться от *B*, то оно не было бы необходимым. Тем самым тут дано тождество опосредывающего и опосредованного.

3. Условное умозаключение представляет собою ближайшим образом необходимое отношение, как связь посредством формы или отрицательного единства, между тем как категорическое умозаключение есть упреченное через положительное единство содержание, объективная общность. Но необходимость совпадает с необходимыми; формальная деятельность перехода обуславливающей действительности в обусловленную есть в себе единство, в коем сняты рабство того освобожденны в безразличное существование определенности, и различие *A* и *B* стало пустым словом. Оно есть поэтому рефлектированное в себя единство и тем самым некоторое тождественное содержание, и оно таково нечто в себе, но оно через это умозаключение также положено, так как бытие *A* есть также не свое собственное, а бытие *B*, и наоборот, вообще бытие одного есть бытие другого, и именно в заключении непосредственное бытие или безразличная определенность есть нечто опосредованное, следовательно ивнность сила себя, и положено ее возвратившееся в себя единство.

Опосредование умозаключений определило себя тем самым, как единичности, непосредственности и относящаяся к себе отрицательность или различающее себя и изъ этого различия совпадающее с собою тождество,—как абсолютная форма и именно потому объективная общность, тождественное себе содержание. В этом определении умозаключение есть раздельное умозаключение.

с. Раздельное умозаключение.

Как условное умозаключение подводится вообще под схему второй фигуры $A - E - B$, так раздельное подводится под схему третьей фигуры формального умозаключения $E - A - B$. Но средний термин есть наполненная формой общность; она определила себя, как полноту, как развитую объективную общность. Средний термин есть поэтому столько же общность, как и частность и единичность. Как первая, оно есть, во-первых субстанциальное тождество рода, а во-вторых, такое тождество, в которое принята частность, но как равная общности; стало быть, она есть общая сфера, содержащая полноту своих частных, род, раздвинутый на свои виды: *A*, которое есть и *B*, и *C*, и *D*. Но разделение на частности есть также различие или—или, *B*, *C* и *D*, отрицательное единство, взаимное исключение определений. Далее это исключение есть нечто взаимное, и определение есть нечто относительное, но равным образом по существу относящееся к себе определение; частное, как единичность, с исключением других.

A есть или *B*, или *C*, или *D*,
но *A* есть *B*,
следовательно *A* не есть ни *C*, ни *D*.

Или также:
A есть или *B*, или *C*, или *D*,
но *A* не есть ни *C*, ни *D*,
следовательно оно есть *B*.

A есть субъект только в обоих посылах, но и в заключении. В первой посылке он есть общая и раздвинутая в своем предикате на полноту своих видов сфера; во второй он положен, как определенное или некоторый вид; в заключении, как исключительная единичная определенность. Или иначе он положен положительно уже в нижней посылке, как исключительная единичность, а в заключении, как то определенное, что он есть.

То, что тем самым является вообще, как опосредованное, есть общность *A*, соединенная с единичностью. Опосредывающее же есть то *A*, которое составляет общую сферу своих частных, и нечто определенное, как единичное. То, что есть истина условного умозаключения, единство опосредывающего и опосредованного, положено тем самым в раздельное умозаключение, которое поэтому уже не есть больше умозаключение. *A* именно средний термин, который положен в нем, как полнота понятия, сам содержит в себе оба крайних термина в их полной определенности. Крайние термины в отличие от этого среднего термина суть лишь положение, коему не присуща никакая собственная определенность относительно среднего термина.

Если рассматривать сказанное с принятым в более определенное изображение условного умозаключения, то оказывается, что ему было присуще в-

которое субстанциальное тождество, как внутренняя связь необходимости, и в которое отягчено от посредства отрицательное единство, именно деятельность или форма, переводящая одно существование в другое. Раздвигательному же умозаключению свойственно вообще определение общности, его средний термин есть А, как родъ и как нечто вполне определенное; через это единство то прежде бывшее внутренним содержанием теперь положено, и наоборот, положение или форма есть не внешнее отрицательное единство в противоположность некоторому безразличному существованию, но тождественно с темъ вполне определенным содержанием. Все формальное определение понятия положено в его определенном различии и вместе в простом тождестве понятия.

Темъ самым сняты теперь как формализм умозаключения, так вместе с темъ и субъективность умозаключения и понятия вообще. Это формальное или субъективное состояло в томъ, что опосредующее средние термины есть понятие, как отвлеченное определение, и потому отлично отъ тѣхъ, чье единство оно составляет. Напротивъ, при полномъ развитии умозаключения, при которомъ положены как объективная общность, так и полнота формальныхъ определений, отличие опосредующаго и опосредованнаго отпало. То, что опосредовано, само есть существенный моментъ своего опосредующаго, и каждый моментъ есть полнота опосредованнаго.

Фигуры умозаключения представляютъ собою каждую определенность понятия в отдельности, как средний терминъ, который вместе с темъ есть понятие, как должествование, как требование того, чтобы опосредующее было своею полнотою. Различные же роды умозаключений представляютъ собою ступени наполнения содержаниемъ или увеличения конкретности среднего термина. В формальномъ умозаключении средний терминъ положенъ, как полнота, лишь черезъ то, что все определенности, на каждой в отдельности, проходятъ функцию опосредования. В умозаключенияхъ рефлексии средний терминъ есть единство, внешнимъ образомъ связующее определения крайнихъ терминовъ. В умозаключении необходимости онъ определяетъ себя также, какъ развитый и двусторонний, какъ простое единство, и вслѣдствие того форма умозаключений, состоявшая изъ различия среднего термина отъ его крайнихъ, снята.

Темъ самымъ понятие вообще реализовалось; выражалась определенность, оно приобрѣло ту реальность, которая есть объективность. Ближайшая реальность состояла в томъ, что понятие, раздвигаясь, какъ отрицательное внутри себя единство и какъ сужденіе, полагаетъ свои определения в определенныхъ и безразличныхъ различіяхъ, а в умозаключении противопоставляетъ имъ само себя. Такъ какъ оно такимъ образомъ есть лишь внутреннее этой своей внешности, то черезъ развитие умозаключений эта внешность совпадаетъ съ внутреннимъ единствомъ; различныя определения черезъ опосредование, в коемъ они ближайшимъ образомъ объединяются лишь въ некоторомъ третьемъ, возвращаются въ это единство, и внешность тѣмъ самымъ представляетъ собою понятие въ ней самой, понятие, которое поэтому также уже не отличается отъ нея, какъ внутреннее единство.

Но определение понятия, разсматриваемое, какъ реальность, есть, наоборотъ, также некоторое положение. Ибо не только этотъ результатъ представляетъ собою, какъ истину понятия, тождество его внутренности и внешности, но уже моменты понятия въ сужденіи остаются также въ ихъ взаимномъ безразличіи, определенными, имѣющими значеніе лишь въ ихъ отношеніи. Умозаключение есть опосредование, полное понятие въ своемъ положеніи. Его движенье есть снятие этого опосредования, въ коемъ нѣтъ ничего въ себѣ и для себя, а каждое есть лишь черезъ посредство другого. Поэтому результатъ есть некоторая непосредственность, возникающая черезъ снятие опосредования, бытіе, которое различнымъ образомъ тождественно съ опосредованиемъ, которое есть понятие, возстановившее само себя изъ своего ничтогья и въ своемъ ничтогьи. Это бытіе есть поэтому некоторая вещь (Sache), сущая въ себѣ и для себя,—объективность.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Объективность.

Въ первой книгѣ объективной логики отвлеченное бытіе было изображено, какъ переходящее въ существованіе, но также возвращающееся въ сущность. Во второй сущность оказывается определенною, какъ основаніе, тѣмъ самымъ переходящее въ осуществленіе и реализуемое въ субстанцію, опять-таки всвращающуюся въ понятие. Теперь относительно понятия ближайшимъ образомъ показано, что оно определяетъ себя, какъ объективность. Само собою ясно, что этотъ послѣдній переходъ по своему определению тождественъ тому, что въ прежнее время допускалось въ метафизикѣ, какъ умозаключение отъ понятия, именно отъ понятия Бога въ его существованіи, или какъ такъ называемое онтологическое доказательство бытія Бога. Известно также, что возвышеннѣйшая мысль Декарта, что Богъ есть то, понятие чего включаетъ въ себя Его бытіе, послѣ того, какъ она появилась до плохой формы формального умозаключенія, именно до формы этого доказательства, была побѣждена критикою разума и тою мыслью, что существованія нельзя выколуцать изъ понятия. Нѣчто касающееся этого доказательства было объяснено уже ранѣе въ первой книгѣ; такъ какъ бытіе исчезло въ своей ближайшей противоположности — небытіи, и истинно обоихъ оказалось становленіе, то было обращено вниманіе на смѣшеніе, возникающее в томъ случаѣ, если при некоторомъ определенномъ существованіи имѣть въ виду не его бытіе, а его определенное содержаніе, и потому полагаютъ, что при сравненіи этого определенного содержанія, напр., ста талеровъ, съ некоторымъ другимъ определеннымъ содержаніемъ, напр., съ контекстомъ моего воспріятія, составленнымъ моего имущества, можетъ быть различно, совпадаетъ или нѣтъ первое содержаніе

сь вторымъ: какъ будто въ этомъ случаѣ говорится о различіи бытія и небытія или даже о различіи бытія и понятія. Далѣе тамъ же и во второй книгѣ было объяснено входящее въ онтологическое доказательство опредѣленіе совокупности всѣхъ реальностей. Но существеннаго предмета этого доказательства, связи понятія и существованія, касается только-что законченное раскрытіе понятія и всего развитія, черезъ которое оно опредѣлило себя, какъ объективность. Понятіе, какъ абсолютно тождественная себѣ отрицательность, есть опредѣляющее само себя; было замѣчено, что уже поскольку оно рѣшается быть единичностью сужденія, оно полагаетъ себя, какъ реальное, сущее; эта еще отвлеченная реальность завершаетъ себя въ объективности.

Если бы могло показаться, что переходъ понятія въ объективность есть нѣчто иное, чѣмъ переходъ понятія Бога въ Его существованіе, то надлежало бы съ одной стороны сообразить, что опредѣленное содержаніе, Богъ, ни въ чемъ не измѣняетъ хода логическаго развитія, и что онтологическое доказательство есть лишь прирѣзанный этого хода логическаго развитія къ тому частному содержанію. Съ другой стороны, существу важно припомнить сдѣланное выше замѣчаніе о томъ, что субъектъ лишь въ своемъ предикатѣ пріобрѣтаетъ опредѣленности и содержаніе, а ранѣе того, чѣмъ бы первый ни былъ для чувства, воззрѣнія и представленія, онъ есть для познанія черезъ понятіе лишь одно названіе; въ предикатѣ же вмѣстѣ съ опредѣленностью возникаетъ и реализація вообще. Предикаты же должны быть понимаемы, какъ сами еще заключенные въ понятіе, стало-быть, какъ нѣчто субъективное, съ коимъ еще не совершается выхода къ существованію; потому съ одной стороны конечно реализація понятія еще не завершена въ сужденіи. Но, съ другой стороны, и опредѣленіе нѣкотораго предмета только черезъ предикаты, безъ того, чтобы оно было вмѣстѣ съ тѣмъ реализаціею и объективированіемъ понятія, есть нѣчто столь субъективное, что оно также еще не есть истинное познаніе и опредѣленіе понятія предмета; нѣчто субъективное въ смыслѣ отвлеченной рефлексіи и чуждымъ пониманію представленій. Богъ, какъ живой Богъ и еще болѣе какъ абсолютный духъ, поимается лишь въ Его дѣяніи. Человку уже равно дано указаніе познать Его въ Его дѣлахъ; изъ нихъ лишь могутъ проистекать тѣ опредѣленія, которыя именуется Его свойствами, равно какъ также лишь въ нихъ содержится Его бытіе. Такимъ образомъ понимающее познаніе Его дѣянія, т. е. Его самого, схватываетъ понятіе Бога въ Его бытіи и Его бытіе въ Его понятіи. Бытіе для себя или даже существованіе есть столь бѣдное и ограниченное опредѣленіе, что трудность найти послѣднее въ понятіи можетъ произойти лишь отъ того, что не принимается въ соображеніе, что же такое есть само бытіе или существованіе. Бытіе, какъ вполнѣ отвлеченное, непосредственное отношеніе къ себѣ самому, есть не что иное, какъ отвлеченный моментъ понятія, который есть отвлеченная общность, приводящая къ тому, что и то, что требуется отъ бытія, находится внѣ понятія; ибо хотя она есть моментъ понятія, по она есть также различіе, отвлеченное сужденіе о немъ, какъ противопоставленномъ самому себѣ. Понятіе, даже формальное, уже непосредственно содержитъ въ себѣ

бытіе въ истинной и болѣе богатой содержаніемъ формѣ, поскольку понятіе есть относящаяся къ себѣ отрицательность, единичность.

Но конечно непродолима трудность найти въ понятіи вообще и равнымъ образомъ въ понятіи Бога бытіе, если послѣднее должно быть такимъ, какое должно быть чѣмъ-то присущимъ контексту внѣшняго опыта или формѣ чувственнаго воспріятія, какъ сто талеровъ въ составѣ моего имущества, чѣмъ-то схватываемымъ рукою, а не духомъ, видимымъ по существу внѣшнему, а не внутреннему оку; если именуется бытіемъ, реальностью, истинною то, что свойственно вещамъ, какъ чувственнымъ, временнымъ и преходящимъ. Если философствованіе о бытіи не возмущается надъ чувственностью, то оно осложняется тѣмъ, что и въ понятіи оно не освобождается отъ мысли лишь отвлеченной, которая противоположна бытію.

Уже примѣча принимать понятіе за нѣчто столь одностороннее, какъ отвлеченная мысль, можетъ служить прелестнѣе къ признанію того, что предположено ранѣе, именно къ переходу отъ понятія Бога въ Его бытію, какъ приложенію изложеннаго логическаго процесса объективированія. Но если, какъ дѣлается обыкновенно, согласиться съ тѣмъ, что логическое, какъ формальное, составляетъ форму для познанія всякаго опредѣннаго содержанія, то слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ допустить это отношеніе, если только вообще не остановиться, какъ на чѣмъ-то окончательномъ, на противоположеніи понятія объективности, на ложномъ понятіи и столь же ложной реальности. Однако, при изложеніи чистаго понятія было еще далѣе указано, что оно есть само абсолютное, Божеское понятіе, такъ что понятіемъ тутъ имѣло бы мѣсто не отношеніе нѣкотораго приложенія, но сказанный логическій процессъ былъ бы непосредственнымъ изображеніемъ самоопредѣленія Бога къ бытію. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что поскольку понятіе должно быть изображено, какъ понятіе Бога, оно должно быть понимаемо, уже какъ принятое въ идею. Это чистое понятіе протеваетъ конечныя формы сужденія и умозаключенія потому, что оно въ себѣ и для себя еще не положено, какъ единое съ объективностью, но понимается еще, какъ становленіе послѣдней. Такимъ образомъ и эта объективность не есть еще осуществленіе Бога, показывающаяся въ идеѣ реальность. Но все же объективность настолько же содержательнѣе и выше бытія или существованія въ онтологическомъ доказательствѣ, насколько чистое понятіе содержательнѣе и выше, чѣмъ та метафизическая пустота совокупности всѣхъ реальностей. Однако и оставая до другаго раза ближайшее раскрытіе того многообразнаго недоразумѣнія, которое внесено логическимъ формализмомъ въ онтологическое, равно какъ и въ другія такъ называемыя доказательства существованія Бога, также какъ и въ другія такъ важныя, равно какъ восстановленіе цѣнности и важности ея основныхъ мыслей черезъ обнаруженіе ея истиннаго значенія.

Какъ было упомянуто, уже имѣли мѣсто иныя формы непосредственности, но въ различныхъ опредѣленіяхъ. Въ сферѣ бытія она есть самое бытіе и существованіе; въ сферѣ сущности — осуществленіе и затѣмъ дѣятельность и субстанціальность, въ сферѣ же понятія, кромѣ непосредственности,

186 м. 1890

как отвлеченной общности, она оказывается теперь объективностью. Эти выражения могли бы, если бы не имела в виду точность философского различения понятий, быть употребляемы, как синонимы; сказанные определения вытекают из необходимости понятия. Бытие есть вообще первая непосредственность, а существование — она же с первой определенностью. Осуществление и вещь есть непосредственность, возникающая из основания, из снимающего себя опосредования простой рефлексии сущности. Действительность же и субстанциальность есть непосредственность, происходящая из снятого различия еще несущественного осуществления, как явления, и его сущности. Наконец, объективность есть непосредственность, к коей понятие определяет себя через снятие своей отвлеченности и опосредования. Философия имеет право выбирать из языка повседневной жизни, создаваемого для мира представлений, такие выражения, которые кажутся близко подходящими к определениям понятия. Нет надобности стремиться к доказательству того, что с выбранными из языка повседневной жизни словом в этой же жизни связано то же понятие, для коего его употребляет философия, ибо повседневная жизнь имеет не понятия, а представления, и сама философия должна познать понятие того, что в ней есть только представление. Поэтому должно довольствоваться тем, если для представления при тех его выражениях, которые употребляются для философских определений, предносится нечто приблизительно означавшее различия последних, ибо при таких выражениях может быть много то, что в их отгнанных знаменит представлений, более близко относящихся к соответствующим из понятиям. Вить может многим труднее допустить, что нечто может быть без того, чтобы осуществляться; но по меньшей мере не стану, напр., скрывать бытие, как связку суждения, с выражением осуществляться и говорить: этот товар осуществляется, как дорогой, пригодный и т. д., деньги осуществляют, как металл¹⁾; а бытие и явление, явление и действительность, равно как простое бытие в противоположность действительности, также конечно различаются, а еще более все эти выражения отличаются от объективности. Но если следует также употреблять синонимы, то философия и помимо того должна иметь право пользоваться такими пустыми избытком языка для своих различий.

По поводу диалектического суждения, в котором, как в завершении развития суждения, субъект утрачивает свою противоположную предикату определенность, было упомянуто о вытекающей из того двойном значении субъективности, именно как понятия, а также как противоположных ему видности и случайности. Таким же образом и для объективности является двойное значение — противостоять самостоятельному понятию, но быть

¹⁾ В одном французском отчете, в котором начинаешь сообщать, что он ожидает обычно около утра подниматься у острова вьтра для того, чтобы прийти к берегу, является выражение *le vent ayant été longtemps sans exister*; здесь это различие возникает по прямому ирочих оборотов речи, напр. *il a été longtemps sans s'exister*.

также сущее в себя и для себя. Так как объект в этом смысле слова противопоставляется высказываемому в субъективном идеалам, как абсолютная истина, $x=y$, то объект есть многообразный мир в его непосредственном существовании, с коим я или понятие полагает себя лишь в безконечной борьбе, дабы через отрицание этого ничтожного в себя другого первой очевидности себя самого достигнуть действительной истины своего равенства с собой. Таким образом в более неопределенном смысле слова объект означает вообще предмет для какого-либо интереса и деятельности субъекта.

Но в противоположном смысле слова объективное означает такое сущее в себя и для себя, которое свободно от ограничения и противоположности. Разумны основоначала, совершенны произведения искусства и т. д. называются объективными постольку, поскольку они свободны и выше всякой случайности. Хотя разумны теоретический или нравственный основоначала принадлежат лишь субъективному сознанию, тем не менее то, что в них есть в себя и для себя, имеют объективным; познание истины полагается в познании объекта свободным от привнес субъективной рефлексии, а праведное действие в следовании объективным законам, которые способны влиять без субъективного происхождения и без воздействия, связанного с произволом и его необходимостью.

Съ теперешней точки зрения нашего изложения объективность имеет ближайшим образом значение в себя и для себя сущаго бытия понятия, понятия, которое в своем самоопределении само положенное опосредование в непосредственном отношении к самому себе. Тем самым эта непосредственность сама непосредственна и совершенно проникнута понятием, равно как ее полнота непосредственно тождественна его бытию. Но так как далее понятие также должно восстановить свободное бытие в себя своей субъективности, то в которое отношение последней приводит к объективности, как чье, при чем непосредственность объективности становится относительно последней отрицательной и определяемой через ее деятельность и тем самым получает иное значение — бытия, само по себе ничтожное, поскольку оно противопоставлено понятию.

Теперь, во-первых, объективность есть в ее непосредственности, моменты коей ради полноты всех моментов находятся в самостоятельном безразличии, как объекты один в другом и в ее отношении обладают субъективным единством понятия, лишь как внутренним или как вьшним; механизм. Но так как в нем

во-вторых, это единство оказывается имманентным законом самих объектов, то его отношение становится его своеобразным основанным через его закон, различием и отношением, в коем снимает себя его определенная самостоятельность; химизм.

Во-третьих, это существенное единство объектов положено именно, как отличное от их самостоятельности; оно есть субъективное понятие, но положено, как относящееся в самом себе и для себя к объективности, как чье; телеология.

Так как цель есть понятие, положенное, как относящееся к нему самому к объективности и снимающее через себя свой недостаток субъективности, то ближайшим образом вышняя цельсообразность через реализацию цели становится внутренней или идеею.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Механизмъ.

Так как объективность есть возратившаяся к свое единство полнота понятия, то тем самым положено нечто непосредственное, которое есть к себе и для себя такая полнота, а также положено, как такая, но в котором отрицательное единство понятия еще не отделилось от непосредственности этой полноты; или иначе в котором объективность еще не положена, как суждение. Поскольку она имеет имманентно внутри себя понятие, то ей присуще и различие послѣдняго; но ради объективной полноты различное составляет полные и самостоятельные объекты, которые потому в их взаимоотношении относятся, как самостоятельные и остаются во всяком соединении вышними один относительно другого. Характер механизма составляет то, что какое бы отношение ни имело мѣста между тѣм, что соединено, это отношение ему вышнее, не соответствует его природѣ, и если оно даже связано съ видностью некоторого единства, оно остается лишь сочетаниемъ, смѣсью, кучей и т. д. Какъ матеріальный механизмъ, такъ и духовный состоитъ въ томъ, что соотносится въ духѣ остается и взаимно и относительно него самого вышнимъ. Механической образъ представленія, механическая память, привычка, механической образъ дѣйствія означаютъ, что тому, кто что-либо воспринимаетъ или дѣлаетъ, недостаетъ своеобразнаго духовнаго проникновенія и участія. Правда, хотя его теоретической или практической механизмъ не можетъ иметь мѣста безъ его самостоятельности, безъ некотораго стремленія и сознанія, но имъ однако не хватаетъ свободы индивидуальности, и такъ какъ она тутъ не обнаруживается, то такое дѣйствие является лишь вышнимъ.

А.

Механической объектъ.

Объектъ, какъ выяснилось, есть умозаключеніе, опосредованіе котораго разуршено и потому стало непосредственнымъ тождествомъ. Онъ есть въ себѣ и для себя общее; общее не въ смыслѣ некоторой совѣстности качества, но такое, которое проникаетъ собою частностъ и есть въ послѣдней непосредственная единичность.

1. Поэтому, прежде всего въ объектѣ не различимы матерія и форма, такъ чтобы первая была самостоятельнымъ обинимъ объекта, а вторая — его частностью и единичностью; такого отвлеченнаго различія единичности и общности въ немъ по его понятію не существуетъ, если онъ рассматривается, какъ матерія, то онъ долженъ считаться матеріею, оформленною въ себѣ и для себя. Равнымъ образомъ онъ можетъ быть опредѣленъ, какъ вещь съ ея свойствами, какъ цѣлое, состоящее изъ частей, какъ субстанція съ акциденціями, и по прочимъ отношеніямъ, вообще отношеніямъ рефлексіи; но эти отношенія уже слились въ понятіе; поэтому объектъ не имеетъ ни свойствъ, ни акциденцій, ибо онъ отдѣлимъ отъ вещи или субстанціи, въ объектѣ же частностъ совершенно рефлексирована въ полноту. Частямъ некотораго цѣлага, правда, присуща та самостоятельность, которая свойственна различіямъ объекта, но эти различія сами по существу суть объекты, полноты, не вышние относительно цѣлага такой опредѣленности, какъ части.

Поэтому объектъ ближайшимъ образомъ есть неопредѣленное, поскольку въ немъ нѣтъ никакой опредѣленной противоположности; ибо онъ есть возратившаяся въ непосредственное тождество опосредованіе. Поскольку понятіе есть по существу опредѣленное, объектъ имеетъ въ немъ хотя полноту, но все же неопредѣленную, т. е. безотносительную множественность, образующую собою ближайшимъ образомъ столь же неопредѣлимую далью полноту; стороны, части, могущія быть въ немъ различными, принадлежать некоторой вышней рефлексіи. Поэтому то совершенно неопредѣленное различіе состоитъ лишь въ томъ, что даны многіе объекты, изъ коихъ каждый содержитъ въ себѣ свою опредѣленность, лишь какъ рефлексированную въ своей общности, а не показывающую во внѣ. Такъ какъ для объекта существенна эта неопредѣленная опредѣленность, то онъ внутри себя самого есть такая множественность и долженъ считаться сложнымъ, агрегатомъ. Но онъ не состоитъ изъ атомовъ, ибо послѣдніе, не будучи полнотами, не суть объекты. Лейбницаева монада скорѣе заслуживаетъ названіе объекта, такъ какъ ей присуща полнота представленія міра, но замкнутая въ своей интенсивной субъективности она должна быть по существу по меньшей мѣрѣ единымъ внутри себя. Однако, монада, опредѣленная, какъ исключающее единое, есть лишь очерченный изъ рефлексіи принципъ. Но она есть объектъ отчасти постольку, поскольку основаніе ея многообразныхъ представленій, развитыхъ, т. е. положенныхъ опредѣленій ея лишь въ себѣ сущей полноты лежитъ внѣ ея, отчасти постольку, поскольку для монады также безразлично образовать вмѣстѣ съ другими монадами некоторый объектъ; тѣмъ самымъ она въ дѣйствительности не есть нечто исключающее, опредѣленное для самого себя.

2. А такъ какъ объектъ есть полнота опредѣленности, но въ силу своей неопредѣленности и непосредственности не есть ея отрицательное единство, то объекты безразличны къ опредѣленіямъ, какъ единичные, опредѣленные въ себѣ и для себя, равно какъ одинъ къ другому. Изъ одного объекта потому не могутъ быть поняты другіе, равно какъ одинъ изъ дру-

того; его полнота есть форма общего рефлективного бытия его многообразия в неопределенной в самой себе единичности вообще. Правда, ему присущи определенности, которые он имеет в нем; но форма, образующая различие объектов и соединяющая их в некоторое единство, есть внешняя, безразличная; она есть некоторое опосредование, или даже некоторый порядок, известное распределение (Arrangement) частей и сторон; это сочетание, безразлично для того, что соотносится.

Тем самым объект, как некоторое существование вообще, имеет определенность своей полноты вне его, в других объектах, эти последние опять-таки вне их и т. д. до бесконечности. Возврат в себя этого движения в бесконечность правда, также должен быть признан и представлен, как некоторая целостность, как мир, который однако есть не что иное, как замкнутая в себя посредством неопределенной единичности общность, некоторая вселенная.

Поскольку таким образом объект в своей определенности равным образом безразличен относительно нея, он через самого себя указывает на свое определенное бытие вне себя, дабы быть определяющим для объектов, относительно коих он однако точно также безразличен. Поэтому, здесь нигде не имеет места принцип самоопределения; детерминизм — точка зрения, на которой стоит познание, поскольку для него истинное есть объект, каковы он тут ближайшим образом оказался, — дает для каждого его определения определение некоторого другого объекта, но это другое также безразлично как относительно своей определенности, так и относительно своей активности. Поэтому сам детерминизм также столь же неопределен в своем движении в бесконечность; он может быть по произволу остановлен на любом пункте и удовлетвориться этим, так как объект, к которому он перешел, замкнут в себя, как формальная целостность, и безразличен относительно своей определенности чьм-либо другим. Вследствие того объяснение определения некоторого объекта и совершенное для этой цели движение вперед этого представления есть лишь пустое слово, так как в другом объекте, к которому оно переходит, нет никакого самоопределения.

3. Поскольку же определенность некоторого объекта заключается в некотором другом, то между ними не существует никакого определенного различия; определенность есть лишь двойная, сначала в одном, затем в другом объекте, нечто просто лишь тождественное, и объяснение или понимание тем самым тавтологическое. Эта тавтология есть внешнее, пустое движение туда и сюда; так как определенность не получает от взаимно безразличных объектов никакого своеобразного различения и потому лишь тождественна, то существует лишь одна определенность; и в том, что она двойная, именно и выражается эта внешность или ничтожество различия. Но вместе с тем объекты самостоятельно противопоставят один другому, поэтому они остаются в этом тождестве просто внешними. Тем самым дано противоречие между полным взаимным безразличием объектов и между

тождеством их определенности или их полной внешностью в тождестве их определенности. Это противоречие есть таким образом отрицательное единство многих просто отталкивающихся в нем объектов, — механический процесс.

V.

Механический процесс.

Если объекты рассматриваются, лишь как замкнуты в себя целы, то они не могут воздействовать один на другой. В этом определении они то же, что монады, которая именно потому мыслится, как лишением какого-либо взаимодействия. Но именно вследствие того понятие монады есть ошибочная рефлексия. Ибо, во-первых, она есть определенное представление ее лишь в себя сущей целостности; как известная степень развития и как положение своего мировоззрения, она есть нечто определенное; но так как она есть замкнутая в себя целостность, то она равным образом безразлична к этой определенности; эта определенность есть потому не ее собственная, а положенная через другой объект. Во-вторых, она есть вообще непосредственное, поскольку она должна быть чьм-то лишь представляющим; ее отношение к себе есть потому отвличная общность; тем самым она есть некоторое открытое для других существование. Для достижения свободы субстанции недостаточно представлять ее, как целостность, как полную внутри себя, ничего не получающую извне. Напротив, именно чуждое понятие, только представляющее отношение к себе самой, есть пассивность относительно другого. Равным образом и определенность, понимаемая ли она, как определенность некоторого сущаго или представляющего, как степень собственного внутри возникающего развития, есть нечто внешнее; степень, достигаемая развитием, имеет свою границу в некотором другом. Даже перенесение взаимодействия субстанций в некоторую представленную гармонию сводится лишь к тому, чтобы превращать его в некоторое предположение, т. е. в нечто лишнее понятия. Потребность уклониться от признания воздействия на субстанции основывалась на момент абсолютной самостоятельности или первоначальности, положенной в основание. Но так как этому бытию в себе не соответствует положение, степень развития, то именно потому оно имеет свое основание в некотором другом.

Об отношении субстанциальности было в свое время сказано, что оно переходит в отношение причинности. Но сущее имеет здесь определение уже не некоторой субстанции, а некоторого объекта; отношение причинности перешло в понятие первоначальности одной субстанции относительно другой обвнуждалась, как некоторая видимость, ее действие, — как переход в противоположное ей. Вследствие того это отношение не имеет никакой объективности. Потому поскольку некоторый объект положен в форме субъективного единства, как действующая причина, то это должно считаться

уже не первоначальным определением, а чьей-то опосредованным, действующий объект имеет это свое определение лишь через посредство некоторого другого объекта. Механизм, так как он принадлежит к сфере понятий, положил в нем то, что оказалось истинно причинного отношения, именно что причина, долженствующая быть сущей в себя и для себя, есть по существу также действие, положение. Потому в механизм причинности объекта есть непосредственно первоначальность; он безразличен относительно этого своего определения; что он есть причина, есть потому для него нечто случайное. В силу того можно бы было также сказать, что причинность субстанции есть лишь нечто представляемое. Но именно эта представляемая причинность и есть механизм, так как он состоит из того, что причинность, как тождественная определенность различных субстанций и тем самым как переход их самостоятельности в это тождество, есть простое положение; объекты безразличны относительно этого единства и сохраняются вопреки ему. Но и эта их безразличная самостоятельность есть также простое положение; потому они способны сшиваться и образовывать агрегаты и, как агрегаты, становятся одним объектом. Через это безразличие как в их переходе, так и в их самостоятельности, субстанции именно и суть объекты.

а. Формальный механический процесс.

Механический процесс есть положение того, что содержится в понятии механизма, стало-быть, ближайшим образом противоречия.

1. Действие объектов на основании вышеуказанного понятия оказывается таким, что оно есть положение тождественного отношения объектов. Это отношение состоит лишь в том, что той определенности, которая определена, дается форма общности; это образует собой сообщение (Mittheilung) без перехода в противоположное. Духовное сообщение, совершаемое независимо от того в элемент, который есть общее в форме общности, есть для себя самого некоторое идеализованное отношение, в коем некоторая определенность продолжается непрерывно от одного лица в другое, и становится общо без всякого изъятия подобно тому, как благоухание свободно распространяется в нескрывающей сопротивлении атмосфере. Но и при сообщении между материальными объектами их определенность также распространяется, так сказать, столь же идеализованным способом; личность обладает бесконечно более интенсивной твердостью, чьей объект. Формальная чуждость объекта, которая вообще безразлична к определенности и потому не есть самоопределение, деляет его неопределимым от другого и потому его воздействие ближайшим образом — беспрерывным непрерывным продолжением определенности одного в другом.

В духовной же области способ к сообщению бесконечно разнообразное содержание, которое, принятое в интеллект, получает ту форму общности, в коей оно становится сообщаемым. Но общее не только по форм, а также

в себя и для себя, есть объективное, как таковое, как в духовной, так и в телесной области, в противоположность коему единичность как вышних объектов, так и лиц, есть несущественное, не могущее оказать ему никакого сопротивления. Законы, нравы, разумные представления вообще суть в духовной области такое сообщаемое, которое проникает недвильных сознательным путем и оказывается на них воздействием. В телесной же области таковы движение, теплота, магнетизм, электричество и т. под., которые, если их даже желают представлять себе, как вещества или материи, должны быть определены, как несвойные деятели, — деятели, не обладающие тем свойством материальности, которое обосновывает ее определенность.

2. Но если во взаимодействии объектов прежде всего положена их тождественная общность, то равно необходимо положить и другой момент понятия, частности; потому объекты доказывают также свою самостоятельность, сохраняют себя, как взаимно вышние, и восстанавливают в этой общности единичность. Это восстановление есть противодействие (реакция) вообще. Во-первых, его не следует понимать, как простое снятие действия и собственной определенности; сообщенное, как общее, есть положительное в частных объектах и становится частным лишь в их различии. Таким образом, сообщенное остается тем, что оно есть; только оно распределяется между объектами или определяется их частностями. Причина переходит в свое другое, в действие, деятельность причиняющей субстанции терется в своем действии; но действующий объект становится лишь некоторым общим; его действие есть ближайшим образом не потеря его определенности, а некоторая партикуляризация, через которую оно, бывшее первоначально целою, единичною в нем определенностью, положено теперь некоторым ее видом, а лишь тем самым определенность положена некоторым общим. То и другое, повышение единичной определенности в общность путем сообщения и партикуляризация или понижение ее, бывшей до того лишь единой, в некоторый вид, в распределение, есть одно и то же.

Противодействие же равно действию. Это является прежде всего так, что другой объект принял внутрь себя все общее и есть теперь деятельное относительно первого. Таким образом, его противодействие есть то же, что действие, — взаимное отталкивание толчка. Во-вторых, сообщенное есть объективное; оно остается таким образом субстанциальным определением объектов при предположении их различия; общее тем самым имеет с тем специфичность в них, и каждый объект не только отдает потому обратно все действие, а имеет и свое специфическое участие. Но, в-третьих, противодействие есть постольку совершенно отрицательное действие, постольку каждый объект через эластичность своей самостоятельности отталкивает положение в нем другого и сохраняет свое отношение к себе. Та специфическая частность сообщенной определенности в объектах, которая ранее была названа видом, переходит обратно в

единичность, и объект сохраняет свою вышность против сообщенной ему общности. Действие переходит через то в покой. Оно обнаруживается, как вкособорое лишь поверхностное, переходящее изменение в замкнутой в себя безразличной члбности объекта.

3. Этого возврат образует собор продукт механического процесса. Непосредственно объект предположен, как единичный, даде как частный относительно других, а в-третьих, как безразличный к своей члбности, как общий. Продукт есть эта предположенная члбность понятия, теперь уже как положенная. Онъ есть заключение, в коемъ со-общенное общее связывается сь единичностью через посредство члбности объекта; но вмстѣ сь тѣмъ вь покой положено опосредование, какъ связанное себя, или какъ состоящее изъ томъ, что продуктъ безразличенъ къ этой своей опредѣленности, и получена вь немъ опредѣленность есть вышняя.

Такимъ образомъ продуктъ есть то же, что входящій вь процессъ объектъ. Но вмстѣ сь тѣмъ онъ опредѣленъ лишь черезъ это движение; механический объектъ есть вообще объектъ, лишь какъ продуктъ, ибо то, что онъ есть, есть вь немъ лишь черезъ опосредование вькоторымъ другимъ. Итакъ, какъ продуктъ, онъ есть то, чѣмъ долженъ быть быть вь себѣ и для себя, нѣчто связанное, сѣшанное, известный порядокъ и аранжировка частей, вообще нѣчто такое, опредѣленнае котораго есть не само-опредѣленіе, а нѣчто положенное.

Съ другой стороны результатъ механического процесса равнымъ образомъ не данъ уже передъ нимъ самимъ; его конца нѣтъ вь его началѣ, какъ то имѣетъ мѣсто при члбн. Продуктъ есть вькоторая опредѣленность вь объектѣ, какъ положенная вышнимъ образомъ. Поэтому по понятию этотъ продуктъ, правда, есть то же, что есть объектъ уже сначала. Но вь началѣ есть лишь вышняя, еще не положенная опредѣленность. Тѣмъ самымъ результатъ есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ первое существование объекта, есть нѣчто для него совсѣмъ случайное.

в. Реальный механический процессъ.

Механический процессъ переходитъ вь покой. А именно опредѣленность, получаемая отъ него объектомъ, есть лишь вышняя. Столь же вышней для него и самый этотъ покой, такъ какъ эта опредѣленность, хотя и противоположна действию объекта, но обѣ эти опредѣленности для объекта безразличны; на покой можно потому смотреть также, какъ на произведенный вькоторомъ вышней причиной, поскольку для объекта безразлично быть действующимъ.

А такъ какъ даде опредѣленность есть положенная, и понятие объекта возвратилось къ себѣ самому черезъ опосредование, то объектъ имѣетъ опредѣленность, какъ рефлектированную вь немъ вь себя. Поэтому теперь объекты вь механическомъ процессѣ и онъ самъ имѣютъ ближе опредѣленное отношение. Они не только просто различны, но опредѣленно различены одинъ отъ другого. Результатъ формального процесса, который есть сь одной сто-

роны лишенный опредѣленія покой, есть тѣмъ самымъ сь другой стороны рефлектированная вь себя опредѣленность, распределение противоположности, которую вообще объектъ имѣетъ вь немъ, между многими механически соотносящимися объектами.

Объектъ, сь одной стороны, лишенный опредѣленія, относимый, какъ не—эластический и несамостоятельный, сь другой стороны обладаетъ непроницаемю для другого эту болѣе опредѣленную противоположность самостоятельной единичности и несамостоятельной общности. Ближайше различіе можетъ быть понято, какъ просто количественное различіе величинъ массы тѣлъ, или напряженности, или разнообразіемъ другимъ образомъ. Но вообще оно не удерживается прочно только вь этой отвлеченности; какъ объектъ, онъ суть также положительное самостоятельное.

Первый моментъ этого реального процесса есть, какъ и раше того, сообщеніе. Слабѣйшее можетъ быть охвачено и провинуто сильнѣйшимъ, лишь поскольку первое воспринимаетъ вь себя то же самое и образуетъ сь нимъ одну сферу. Какъ вь матеріальной области слабое обозначено противъ несоизмѣримо сильнаго (какъ, напр. свободно висющая вь воздухѣ прогитна не пробивается ружейною пулею, или слабая органическая восприимчивость не возбуждается вь той же мѣрѣ сильными, какъ и слабыми возбуждательными средствами), также и вполне слабый духъ болѣе обозначенъ противъ сильнаго, чѣмъ такой, который ближе къ послѣднему; если представить себѣ нѣчто совсѣмъ глупое, неблагоприятное, то высшій разумъ или благородство не могутъ произвести на него никакого впечатлѣнія; единственно дѣятельнае средство противъ разума состоитъ вь томъ, чтобы совсѣмъ не связываться сь нимъ. Поскольку самостоятельное не можетъ идти вмстѣ сь самостоятельнымъ, и между ними не можетъ быть никакого сообщенія, послѣднее не можетъ оказывать первую и никакого сопротивленія, т.-е. специфировать для себя сообщенное общее. Если бы они не находились вь одной сферѣ, то отношение между ними было бы безконечнымъ сужденіемъ, и никакой процессъ между ними не былъ бы возможенъ.

Сопротивленіе есть ближайшій моментъ продолженія одного объекта другимъ, при чемъ оно есть начальный моментъ распределения сообщеннаго общаго и положенія относимой къ себѣ отрицательности, возстаюющей единичности. Сопротивленіе продолжается, поскольку его опредѣленность несоизмѣрна сообщаемому общему, воспринимаемому объектомъ и долженствующему сингуляризоваться вь послѣднемъ. Его относительная несамостоятельность проявляется вь томъ, что его единичность не обладаетъ вышностью для сообщаемаго и потому размывается послѣднимъ, такъ какъ оно не можетъ продолжаться вь этомъ общемъ, какъ субъектъ, сдѣлать оно своимъ предикатомъ. Насиліе надъ объектомъ лишь сь этой другой стороны есть нѣчто чуждое ему. Сила становится насиліемъ такимъ путемъ, что она, какъ вькоторая объективная общность, тождественна природѣ объекта, а ея опредѣленность или отрицательность не есть та его собственная отрицательная

рефлексія въ себя, по которой онъ есть нѣчто единичное. Поскольку отрицательность объекта не рефлектируетъ себя въ себя въ силѣ, и сила не есть его собственное отношеніе къ себѣ, она есть относительно него лишь отвѣчательная отрицательность, проявленіе коей есть уничтоженіе.

Сила, какъ объективная общность и насиліе противъ объекта есть то, что именуется судьбою;—понятіе, которое относится къ сферѣ механизма, поскольку судьба именуется слѣпною, т.-е. поскольку ея объективная общность не познается субъектомъ въ ея специфическомъ способѣ. Чтобы сообщить кое что по этому предмету, должно сказать, что судьба живущаго вообще есть родъ, который проявляется черезъ переходѣе живущихъ недѣлимыхъ, свойственно имъ въ ихъ дѣйствительной единичности, какъ отличной отъ рода. Просто какъ объектъ, живнаго существа, какъ и прочія вещи, находящіяся на низшихъ ступеняхъ, не имѣютъ судьбы; то, что имъ противодействуетъ, есть случайность; но они въ ихъ пошатнѣ, какъ объекты, виѣшны; поэтому чуждая имъ сила судьбы есть вполнѣ лишь ихъ собственная непосредственная природа, виѣшность и случайность, какъ таковая. Собственно судьбу имѣть лишь самосознаніе, такъ какъ оно свободно и потому въ единичности своего и есть просто въ себѣ и для себя и можетъ противостоять своей объективной общности и стать чуждымъ ей. Но чрезъ самое это отдѣленіе оно вызываетъ противъ себя механическое отношеніе нѣкоторой судьбы. Поэтому для того, чтобы послѣдняя могла оказать надъ нимъ насиліе, должна имѣть нѣчто нѣкоторая опредѣленность противъ существенной общности, совершится нѣкоторое дѣйствіе. Тѣмъ самымъ самосознаніе сдѣлало себя чѣмъ-то частнымъ, и это его существованіе, какъ отмеченная общность, представляетъ собою нѣмѣтъ съ тѣмъ открытую сторону для сообщенія ему своего отчужденнаго отъ него существа; по этой сторонѣ оно увлекается въ процессъ. Бездѣятельный народъ свободенъ отъ порицанія; онъ погруженъ въ объективную, нравственную общность и разрѣшенъ въ ней безъ того, чтобы индивидуальность, дважда неподвижная, сообщила себѣ нѣкоторую опредѣленность во имъ и нѣкоторую отдѣленную отъ объективной отчужденности общности, въ силу чего однако и субъектъ становится чѣмъ-то отчужденнымъ отъ своего существа, нѣкоторымъ объектомъ, и вступаетъ въ отношеніе виѣшности противъ своей природы и въ отношеніе механизма.

с. Продуктъ механическаго процесса.

Продуктъ формальнаго механизма суть объектъ вообще, безразличная цѣлостность, въ которой опредѣленность положена. Такъ какъ тѣмъ самымъ объектъ вступилъ въ процессъ, какъ опредѣленное, то съ одной стороны съ прекращеніемъ послѣдняго результатъ есть покой, какъ первоначальный формализмъ объекта, отрицательность его опредѣленности для себя. Но съ другой стороны оказывается снятіе опредѣленности, какъ ея положительная рефлексія въ себя, возвратившаяся въ себя опредѣленность или положенная цѣлостность понятія и истинная единичность объекта. Объектъ, сна-

чала въ своей неопредѣленной общности, даѣе какъ частное, опредѣленъ теперь, какъ объективно единичное, такъ что въ немъ снята та виѣшность единичности, которая есть лишь нѣкоторая противопологающая себя субстанціальной общности самостоятельность.

Эта рефлексія въ себя есть теперь, какъ оказалось, объективное битіе объекта, какъ одного, которое есть индивидуальная самостоятельность,—центръ. Во-вторыхъ, рефлексія отрицательности есть общность, которая не есть нѣчто противоположающее опредѣленности, а опредѣленная внутри себя разумная судьба,—общность, которая порозниваетъ себя въ ней самой, спокойное въ несамо-стоятельности порозниваніи объекта и устойчивое въ его процессѣ различеніе, законъ. Этотъ результатъ есть истина и тѣмъ самымъ также основа механическаго процесса.

С.

Абсолютный механизмъ.

а. Центръ.

Пустое многообразіе объекта теперь, во-первыхъ, собрано въ объективную единичность, въ простое самоопредѣляющее средоточіе. Поскольку, во-вторыхъ, объектъ, какъ непосредственная цѣлостность, удерживаетъ свое безразличіе противъ опредѣленности, то послѣдняя дана въ немъ, какъ несущественная или какъ взаимная виѣшность многихъ объектовъ. Первая, существенная опредѣленность образуетъ собою, напротивъ, реальную средину между многими механически взаимодействующими объектами, чрезъ которую они замкнуты имѣть въ себѣ и для себя; она есть ихъ объективная общность. Общность оказалась сначала въ отношеніи сообщенія, какъ данная лишь чрезъ положеніе; но какъ объективная, она есть проникающая, имманентная сущность объектовъ.

Въ матеріальномъ мірѣ таково центральное тѣло, которое есть и родъ, и индивидуальная общность единичныхъ объектовъ и ихъ механическаго процесса. Несущественная единичность тѣла относится между собою, какъ сталкивающіяся и давящія; такого отношенія нѣтъ между центральнымъ тѣломъ и объектами, сущность которыхъ оно составляетъ; ибо ихъ виѣшность уже не образуетъ ихъ основнаго опредѣленія. Ихъ тожество съ нимъ есть, сдѣдовательно, скорѣе покой, именно битіе въ ихъ центрѣ; это единство есть ихъ въ себѣ и для себя сущее понятіе. Оно (единство) остается однако лишь нѣ-которымъ должествованіемъ, такъ какъ положенная чрезъ сообщеніе общность, оно образуетъ собою истинный, подлинно конкретный, не извѣтъ положенный покой, въ который долженъ возвратиться процессъ несамо-стоятельности. Поэтому слѣдуетъ считать пустою отвлеченностью, когда въ механикѣ принимаютъ, что приведенное въ движеніе тѣло вообще двигалось бы по прямой линіи въ безконечность, если бы оно не утрачивало своего движенія вслѣд-

стве высшего сопротивления. Трение или какой-либо иная форма сопротивления есть лишь явление центральности, последнее абсолютно возвращается к себе тѣло; ибо то, обо что трется движущееся тѣло, либѣтъ силу сопротивления исключительно через свое единение съ центромъ. Въ духовной области центръ и единение съ нимъ принимаютъ высшія формы; но единство понятія и его реальности, составляющее здѣсь ближайшимъ образомъ механическую центральность, должно такъ считаться основнымъ опредѣленіемъ.

Такимъ образомъ центральное тѣло перестало быть простымъ объектомъ, такъ какъ въ послѣднемъ опредѣленности есть несущественное; ибо это тѣло обладаетъ уже нѣсколько бытіемъ въ себя, но и бытіемъ для себя объективной цѣлостности. Оно можетъ поэтому считаться недѣлимимъ. Его опредѣленность по существу отлична отъ простаго порядка или арражировки и высшего сочетанія частей; какъ опредѣленность, судимъ въ себя и для себя, она есть некоторая имманентная форма, самоопредѣляющій принципъ, кому присущи объекты, и черезъ который они связаны въ некоторое истинное одно.

Но это центральное недѣлимо есть лишь такой средній терминъ, который еще не имѣетъ никакого истинно крайняго; но какъ отрицательное единство цѣлаго понятія, оно раздѣляется на такіе крайніе. Или иначе: первоначально несамостоятельные, высшіе себя объекты черезъ возвратъ понятія опредѣляются также къ тому, чтобы быть недѣлимими; тожество центрального тѣла съ собою, которое есть еще стремленіе, поражено вышнностью, которой, такъ какъ оно принимается въ своей объективной единичности, сообщено это тожество. Черезъ эту собственную центральность объекты, поставленные въ этого перваго центра, суть сами центры для самостоятельныхъ объектовъ. Эти вторые центры и самостоятельные объекты связаны вмѣстѣ черезъ этотъ абсолютный средній терминъ.

Но и относительныя центрально недѣлимия сами образуютъ средній терминъ изъ котораго втораго умозаключенія, который съ одной стороны подчинивъ высшему крайнему термину, объективной общности и силѣ абсолютнаго центра, а съ другой стороны подчинивъ самостоятельные объекты, сосредоточивая въ себя ихъ поверхностное или формальное пороженіе. Эти самостоятельные объекты также суть средній терминъ третьяго, формальнаго умозаключенія, такъ какъ они образуютъ связь между абсолютною и относительною центральною индивидуальностью постолку, поскольку послѣдняя имѣетъ въ нихъ свою вышнность, въ силу коей отношеніе къ себѣ есть выѣтъ съ тѣмъ стремленіе къ некоторому абсолютному средоточію. Формальные объекты обладаютъ въ своей сущности тожествомъ тѣмъ тѣмъ своего непосредственнаго центрального тѣла, коему они причастны, какъ ихъ субъекту и крайнему термину ихъ единичности; черезъ образуемую имъ вышнность онъ подчинивъ абсолютному центральному тѣлу; онъ суть потому формальный средній терминъ, средоточивающій и сохраняющій въ себя внутри—бытіе относительнаго недѣльнаго и его вышнность. Такъ напримѣръ нравственность, гражданскія недѣлимия и потребности или высшія жизнь единичныхъ людей суть

три термина, изъ коихъ каждый есть средній терминъ двухъ прочихъ. Правительство есть абсолютный центръ, въ коемъ сосредоточиваются крайніе терминъ единичныхъ недѣлимыхъ и ихъ высшія существованія; равнымъ образомъ единичныя недѣлимия суть средніе терминъ, которые осуществляютъ высшее существованіе этого общаго недѣльнаго и переводятъ свою нравственную сущность въ действительность. Третье умозаключеніе есть формальное, умозаключеніе видности того, что единичныя недѣлимия черезъ свои потребности и свое высшее существованіе связаны съ этимъ общему абсолютному индивидуальности; умозаключеніе, которое, какъ только субъективное, переходитъ въ другія и находитъ въ нихъ свою истину.

Эта цѣлостность, моменты которой сами суть полныя отношенія понятій, умозаключенія, въ коихъ каждый изъ трехъ различныхъ объектовъ протекаетъ опредѣленіе средняго и крайняго термина, образуетъ собою свободный механизмъ. Въ немъ различные объекты имѣютъ своимъ основнымъ опредѣленіемъ объективную общность, проникающее въ пороженіе и остающееся тожествомъ тѣмъ тѣмъ. Отношенія давленія, толчка, притяженія и т. под. также, какъ агрегированія или смѣшенія, принадлежатъ отношенію вышнности, обосновывающему третій изъ составленныхъ выше умозаключеній. Порядокъ, который есть чисто высшія опредѣленность объектовъ, переходитъ въ ихъ имманентное и объективное опредѣленіе; послѣднее есть законъ.

в. Законъ.

Въ законѣ проявляется болѣе опредѣленное различіе идеализованной объективной реальности въ противоположность вышней. Объектъ, какъ непосредственная цѣлостность понятія, обладаетъ вышнностью, еще не отличною отъ понятія, которое еще не положено для себя. Такъ какъ объектъ черезъ понятіе вошелъ внутрь себя, то возникла противоположность простой центральности и некоторой вышнности, которая опредѣлена, какъ вышнность, т. е. не положена, какъ сущее въ себя и для себя. Это присущее индивидуальности тожество идеализации въ силу отношенія къ вышнности есть некоторое должествованіе. Но индивидуальность въ себя и для себя есть конкретный принципъ отрицательнаго единства, и, какъ таковая, сама есть цѣлостность; единство, которое раздѣляется на опредѣленныя различія понятія и остается въ нихъ равною самою общностью, а тѣмъ самымъ въ своей чистой идеализации расширеннымъ черезъ различіе средоточіемъ. Эта реальность, соответствующая понятію, идеализована, отлична отъ другой, только стремлейшей; отличіе, которое есть ближайшимъ образомъ некоторое множество объектовъ, принятое въ свою сущность и въ чистую общность. Эта реальная идеализация есть душа развитой выше объективной цѣлостности, въ себя и для себя опредѣленное тожество системы.

Объективное бытіе въ себя и для себя оказывается поэтому въ своей цѣлостности опредѣленнѣе, какъ отрицательное единство центра, которое раздѣляется на субъективную индивидуальность и высшію объектив-

ности, содержит в последней вершину и определяет ее в идеализованном различии. Это самоопределяющее, абсолютно возвращающее внешнюю объективность в идеализацию единства, есть принцип самодвижения; определенность этого одушевленного, которое есть различие самого понятия, есть закон. Мертвый механизм был выше рассмотренным механическим процессом объектов, которые непосредственно являлись самостоятельными и имели свой центр вв себя; этот процесс, переходящий в покой, проявляет или случайность и неопределенное неравенство, или формальное единообразие. Это единообразие есть, пожалуй, правило, но не закон. Лишь свободный механизм обладает законом, собственным определением чистой индивидуальности или сущаго для себя понятия; как различение в себе самом, закон есть настоящий источник самого себя возбуждающего движения; и так как он относится в идеализации своего различия только к себе, — свободная необходимость.

с. Переход механизма.

Однако, душа еще погружена в свое тьму; определенное отныне, но внутреннее понятие объективной чуждости есть свободная необходимость в том смысле, что закон еще не наступил против своего объекта; закон есть конкретная центральность, как непосредственно в ее объективности распространяемая общность. Эта идеализация не различается по этому определению на самые объекты; она есть самостоятельная неделимая этой чуждости или иваче, если мы бросим обратный взор на формальную ступень, еще не индивидуальную, внешние объекты. Закон, правда, имманентен им и образует их природу и силу; но его различие замкнуто в его идеализацию, и объекты сами не различены в идеализованном различии закона. Но объект имеет свою существенную самостоятельность исключительно в идеализованной центральности и ее законе; объект не обладает потому силой оказывать сопротивление суждению понятия и самосохраняться в отвлеченной, неопределенной самостоятельности и замкнутости. Вследствие идеализованного имманентного его существования есть положительная через понятие определенности. Таким образом его несамостоятельность есть уже стремление не к центральному пункту, относительно которого он, поскольку его отношение есть лишь стремление, есть еще явление некоторого самостоятельного внешнего объекта, но к определению противоположному ему объекту; равно как и центр к объективированную противоположность.

Центральность есть потому теперь отношение этих одна относительно других отрицательных и напряженных объективностей. Таким образом, свободный механизм определяет себя, как химизм.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Химизм.

Химизм в общем состав объективности образует собою момент суждения ставшей объективно разницы и процесса. Так как уже в начале служит определенность и положение, и так как химический объект есть вместе с тем объективная чуждость, то его ближайший ход развития прост и вполне определен своим предположением.

A.

Химический объект.

Химический объект отличается от механического тем, что последний есть некоторая чуждость, безразличная относительно определенности; напротив, природу химического процесса свойственна определенности, тем самым отношением к другому и роду и способу этого отношения. Эта определенность есть вместе с тем по существу порождение, т.е. принята в общность; таким образом, она есть принцип, —общая определенность не только некоторого единичного объекта, но также и другого. В нем отличается потому его понятие, как внутренняя чуждость общих определенностей, от той определенности, которая составляет природу единичного объекта в его внешности и существовании. Так как он таким образом в себе есть чуждое понятие, то он обладает в нем самою необходимостью и стремлением свести противоположное ему одностороннее существование и сдвигать тем реальным чуждым в существовании, наком он по своему понятию.

Об употреблении выражения химизм для обозначения отношения различия объективности, как оказалось, можно кроме того заметить, что здесь оно не должно быть понимаемо так, как будто это отношение проявляется лишь в той форме природы элементов, которая именуется собственно так называемым химизмом. Уже на метеорологическое отношение слѣдует смотреть, как на процесс, части которого имеют более природу физических, тем химических элементов. В живых существах под эту схему подходит отношение полов, равно как она составляет формальную основу для духовных отношений любви, дружбы и т. д.

При ближайшем рассмотрении химический объект, как некоторая самостоятельная чуждость, есть нечто рефлектированное в себя и тем самым отличное от своего рефлектирования во вв, — как некоторое безразличное основание, которое не есть еще различно определенное неделимое; и личность есть также такое лишь к себе относящееся основание. Имманентная же

определенность, образующая различие химического объекта, во-первых, такс рефлектирована в себя, что это сятие отношения во вшь есть лишь формальная отвлеченная общность; таким образом это отношение к вышнему есть определение его непосредственности и осуществления. Сь этой стороны он не возвращается в нем самом в индивидуальную целостность, и отрицательное единство содержит оба момента его противоположения в духе отдельных объектах. Поэтому некоторый химический объект не может быт. познать из себя самого, и бытие одного есть бытие иного другого. Но, во-вторых, определенность абсолютно рефлектирована в себя и есть конкретный момент индивидуального понятия цѣлаго, которое (понятие) есть общая сущность, реальный родъ частного объекта. Химический объект, будучи тем самым противорѣчимъ своего непосредственного положения и своего имманентного индивидуального понятия, есть некоторое стремление снять определенность своего существования и осуществить объективную целостность понятия. Хотя онъ есть также нечто самостоятельное, но такс, что онъ противится тому своею собственною природою и самоопредѣляющим образом начинать процессъ.

В.

Процессъ.

1. Онъ начинаетъ еь того предположенія, что напряженные объекты, поскольку они противоположны себѣ самимъ, ближайшимъ образомъ темъ самымъ противоположны одинъ другому; отношение, именуемое ихъ средствомъ. Такъ какъ каждый изъ нихъ по своему понятию находится вь противорѣчій сь собственною односторонностью своего осуществления и потому стремится снять се, то темъ самымъ непосредственно положено стремление снять и односторонность другого и черезъ это взаимное приравнение и соединеніе положить реальность соответственно тому понятию, которое содержатъ вь себѣ оба момента.

Поскольку каждый объектъ положенъ, какъ вь немъ самомъ противорѣчащій себѣ и снимающій себя, то они удерживаются лишь вышнимъ слогомъ во взаимномъ отдѣленіи и отъ ихъ взаимнаго восполненія. Средній терминъ, черезъ который связываются эти крайніе терминъ, есть, во-первыхъ, сущая вь себѣ природа обоихъ, цѣлостное держащее ихъ внутри себя понятие. Но, во-вторыхъ, такъ какъ они противоположны одинъ другому вь ихъ осуществленіи, то ихъ абсолютное единство есть также отличный отъ нихъ, какъ осуществленный, еще формальный элементъ,—элементъ того сообщенія, вь которомъ они вступаютъ между собою во вышній союзъ. Такъ какъ реальное различие свойственно крайнимъ терминамъ, то этотъ средній терминъ есть лишь отвлеченная нейтральность, реальная ихъ возможность; какъ бы теоретическій элементъ осуществления химическихъ объектовъ, ихъ процесса и его результата; вь тѣлахъ функцію этого посредника исполняетъ вода; вь духовной области, поскольку вь ней имѣетъ мѣсто подобіе такого отношенія, имъ считается вообще знакъ и ближайшимъ образомъ языкъ.

Отношеніе объектовъ, какъ простое сообщеніе черезъ этотъ элементъ, есть сь одной стороны спокойное совпаденіе, а сь другой вь той же мѣрѣ отрицательное отношеніе, при чемъ составляющее ихъ природу конкретное понятие полагается черезъ сообщеніе, какъ реальное, и темъ самымъ реальное различіе объектовъ сводится къ единству ихъ понятия. Ихъ предшествовавшая самостоятельная определенность темъ самымъ снимается вь соединеніи, соответствующемъ тому понятию, которое вь обоихъ нихъ одно и то же, при чемъ ихъ противоположность и напряженіе притуляются; вслѣдствіе того ихъ стремленіе достигать вь этомъ взаимномъ восполненіи своей спокойной нейтральности.

Процессъ этимъ путемъ угаснулъ; такъ какъ противорѣчіе понятия и реальности приравнено, то крайніе терминъ умозаключенія утратили свою противоположность и темъ самымъ перестали быть крайними, какъ одинъ относительно другого, такъ и относительно средняго термина. Продуктъ есть нечто нейтральное, т.-е. такое, вь чемъ составныя части, уже не могущія быть названными объектами, уже не обладаютъ своею напряженностью, а стало-быть и свойствами, которыя были имъ присущи, какъ напряженнымъ, при чемъ вь нихъ, однако, сохранилась способность ихъ прежней самостоятельности и напряженности. А именно, отрицательное единство нейтральнаго (продукта) исходитъ отъ некотораго предположеннаго различія; определенность химическаго объекта тождественна сь его объективностью, она первоначальна. Черезъ широкосмѣранный процессъ это различіе снято лишь непосредственно; поэтому определенность еще не рефлектирована вь себя абсолютно, и вслѣдствіе того продуктъ процесса есть лишь формальное единство.

2. Вь этомъ продуктѣ, правда, угасли напряженности противоположности и отрицательное единство, какъ дѣятельность процесса. Но такъ какъ это единство существенно для понятия и имѣетъ сь темъ само достигну осуществленія, то оно еще имѣетъ мѣсто, хотя выступило вь нейтральнаго объекта. Процессъ не возбуждается вновь самъ собою, такъ какъ онъ имѣлъ различіе лишь своимъ предположеніемъ, а не позлагалъ его самъ. Эта вышняя объекту самостоятельная отрицательность, осуществленіе отвлеченной единичности, бытіе для себя которой имѣетъ свою реальность вь безразличнои объектѣ, сама внутри себя напрягается противъ своей отвлеченности, есть внутри себя безпокойная дѣятельность, разрушающая себя вь своемъ напряженіи во вшь. Она относится непосредственно къ объекту, спокойная нейтральность котораго есть реальная возможность ея противоположности; послѣдняя есть теперь средній терминъ болшею раніе того только формальною нейтральности, самъ внутри себя конкретный и определенный.

Ближайшее непосредственное отношеніе крайняго термина отрицательнаго единства къ объекту состоитъ вь томъ, что послѣдній имъ определяется и вслѣдствіе того раздѣляется. Это раздѣленіе можетъ ближайшимъ образомъ признаваться за возстановленіе той противоположности напряженнаго объекта, сь которой начался химизмъ. Но это определѣненіе образуетъ собою другою крайнюю терминъ умозаключенія, а входитъ вь непосредственное отно-

шение порознивающего принципа к среднему термину, которому оно сообщает эту свою непосредственную реальность; это та определенность, которую имеют с тем обладать в раздвигательном умозаключении средний термин независимо от того, что он выражает собою общую природу предмета, через что последний есть столько же объективная общность, сколько и определенная частность. Другой крайний термин умозаключения противопоставляет внешнему самостоятельному среднему термину единичности; он есть потому также самостоятельный средний термин общности; раздвигание, испытываемое в нем, поэтому реально нейтральностью среднего термина, состоит в том, что оно разложено не на взаимно различные, но на безразличные моменты. Эти моменты суть тем самым с одной стороны, отвлеченное, безразличное основание, а с другой — его одухотворяющий принцип, приобретающий через свое отдвигание от основания также форму безразличной объективности.

Это раздвигательное умозаключение есть полнота химизма, в которой изображено то же самое объективное ядро, как самостоятельное отрицательное единство, давшее в среднем термине, как реальное единство, наконец и химическая реальность, разложенная на ее отвлеченные моменты. В последних определенность не так, как в нейтральном, достигла в некотором другом своей рефлексии в себя, но возвратилась в себя к своей отвлеченности, к первоначально определенному элементу.

3. Тем самым эти элементарные объекты освобождены от химической напряженности; в них через реальный процесс положены первоначально основой того предположения, с которого начался химизм. А поскольку далее, с одной стороны, его внутренняя определенность, как таковая, есть по существу противоречие его простому безразличному существованию и есть его определенность и стремление во вид, которое раздвигается, полагая напряженность в его объект и в некотором другом, чтобы иметь нечто такое, к чему он мог бы относиться как к различному, тем самым он мог бы нейтрализоваться и тем самым сообщить своей простой определенности существующую реальность, то, вследствие того, химизм возвратился к своему началу, в коем противоположно-напряженные объекты ищут друг друга и затѣм соединяются через формальный, внешний средний термин в нечто нейтральное. С другой стороны химизм снимает себя через этот возврат в свое понятие и переносит в некоторую высшую сферу.

С.

Переход химизма.

Уже обычная химия обнаруживает признаки таких химических изменений, при которых, напр., некоторое тело сообщает части своей массы более высокую степень окисления и тем самым понижает степень окисления другой ее части, которая может затѣм войти в нейтральное соединение с приближенным к ней другим отличным от нее телом, что было бы невозможно при сохранении первой непосредственной степени окисления. То, что здесь про-

исходить, состоит в том, что объект относится к некоторому другому не по непосредственной, односторонней определенности, но по внутренней целостности некоторого первоначального отношения полагает предположение, потребное для осуществления из некоторого реального отношения, и тем самым образует для себя некоторый средний термин, через который связывает свое понятие со своею реальностью; это в себя и для себя определенная единичность, конкретное понятие, как принцип раздвигания на крайние термины, обратное соединение коих их есть действие того же самого отрицательного принципа, который тем самым возвращается к своему первому определению, но уже как объективированный.

Сам химизм есть первое отрицание безразличной объективности и внешней определенности; таким образом, ему еще присущи непосредственная самостоятельность объекта и видимость. Поэтому он еще не есть для себя та полнота самоопределения, которая протенсует из него, и в которой он собственно снимается. Три полученных выше умозаключения образуют собою его полноту; первое имеет средним термином формальную нейтральность и крайними — напряженные объекты; второе имеет средним термином продукт первого, реальную нейтральность, крайними — раздвигательную деятельность и ее продукт, безразличный элемент; третье же есть реализующее себя понятие, то полагашее себя предположение, которое обуславливает процесс его реализации, — умозаключение, сущность которого есть общее. Но в виду непосредственности и видности, кои в этом определении свойственны химической объективности, эти умозаключения еще остаются взаимно видными. Первый процесс, продукт которого есть нейтральность напряженных объектов, угасает в своем продукте и есть извнѣм приходящее дифференцирование, вновь прекращающее его; будучи обусловлен некоторым непосредственным предположением, он исчерпывается последним. Равным образом выделение различных крайних терминов из нейтральной среды, а также их разложение на их отвлеченные элементы, исходить от извнѣм приходящих условий и возбуждений к деятельности. Но поскольку оба существенных момента процесса, с одной стороны нейтрализация, а с другой — раздвигание и редукция, связаны в одном и том же процессе, а соединение и ослабление напряженных средних терминов есть также раздвигание в них, то в силу лежащей еще в основе видности они образуют собою двѣ стороны; крайние термины, которые выделяются в одном и том же процессе, суть иные объекты или материи, чем те, которые в нем соединяются; и поскольку первые опять таки выходят из того различия, они должны обратиться во вид; их новая нейтрализация есть иной процесс, чем та, которая имела место в первом процессе.

Но эти различные процессы, оказавшиеся необходимыми, составляют столько же ступеней, через которыя снимается видимость и обусловленность, вследствие чего понятие выступает, как определенное в себя и для себя и как не обусловленная видностью целостность. В первом процессе снимается видимость образующих собою всю реальность различных проти-

воложных крайних терминов или различие сущего в себя определенного понятия от его существующей определенности; во втором снимается видимость реального единства, соединение, как только нейтральное; ближайшим образом формальная деятельность снимается в столь же формальных основаниях или безразличных определенностях, внутреннее понятие которых есть теперь возвратившаяся к себе, абсолютная деятельность, реализующая себя в ней самой, т. е. полагающая в себя определенности различия и стирющая себя через это опосредование, как реальное единство, — опосредование, которое тем самым есть собственное опосредование понятия, его самоопределение и в виду его рефлексии в себя имманентное предположение. Третье уязвление, которое, с одной стороны, есть восстановление предшествовавшего процесса, с другой, снимает еще оставшийся последний момент безразличных оснований, — вплоть отвлеченную видимость непосредственности, которая, таким образом, становится собственным моментом опосредования понятия самим собою. Понятие, которое тем самым свело все моменты своего объективного существования, как видимость, и положило их в свое простое единство, вследствие того совершенно освободилось от объективной видимости, к которой оно относится, лишь как в несущественной реальности; это объективное свободное понятие есть идея.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Телеология.

Там, где воспринимается целесообразность, признается, как ее источник, разумок, т. е. для цели требуется субъективное, свободное осуществление понятия. Телеология противопоставляется, главным образом, механизму, при котором положена в объект определенность, как видимость, но существу есть такая, в которой не обнаруживается никакого самоопределения. Противоположность *causam efficientium* и *causam finalem*, только действующих и конечных причин, относится к тому различию, к которому, потому в конкретной форме, сводится также исследование того, следует ли понимать абсолютную сущность мира, как слбой природный механизм или как самоопределяющуюся по целям разумок. Антония фатализма вместе с детерминизмом и свободой также касается противоположности механизма и телеологии; ибо свободное есть понятие в своем осуществлении.

Прежняя метафизика обращалась с этими понятиями также, как и с прочими; она отчасти предполагала некоторое представление мира и пыталась доказать, что ему соответствует то или другое из этих понятий, противоположное же ему неудовлетворительно, так как из последнего он необходим; отчасти же не исследовала при этом, какое из понятий, механической ли причинности или цели, содержит истину в себе и для себя. Если это установлено для себя, то пусть объективный мир представлять собою и ме-

ханически, и конечная причина; их осуществление не есть хрило истины, но напротив, истинное есть критерий того, какое из этих осуществлений по истине принадлежит миру. Как и субъективный разумок обнаруживается в нем (разумок) заблуждения, так и объективный мир обнаруживает такие стороны и ступени истины, которая для себя лишь односторонни, неполны и суть только отношения явлений. Если механизм и целесообразность противоположны, то именно потому их нельзя считать равноценными, каждое понятие правильным для себя, имевшим такую же видимость, как и другое, при чем все дело сводилось бы лишь к тому, к чему может быть приложено то или другое из них. Эта равноценность обоих понятий зависит лишь от того, что они суть, что мы имеем их оба. Но так как они противоположны, то необходимый первый вопрос состоит в том, которое из них есть истинное; а настоящий высший вопрос состоит в том, не есть ли их истина нечто третье, или одно из них есть истина другого. Но отношение цели оказалось истинным механизмом. То, что представляло собою химизм, совпадает с механизмом постольку, поскольку цель есть понятие в свободном осуществлении, и поскольку вообще постольку противостоит несвобода химизма, его погружение во видимость; оба, механизм и химизм объективны природною необходимостью, так как в первой не осуществляется объект, ибо в нем, как в механическом, нет самоопределения, а во втором понятие или достигает лишь напряженного, одностороннего осуществления, или, поскольку оно выступает, как единство, напрягающее нейтральный объект к осуществлению, оно, снимая себя в этом раздвении, вытесняет себя самому.

Чем теснее телеологический принцип связывается с понятием некоторого всемирного разумка и потому вызывает благоприятное отношение к себе со стороны благочестия, тем более он, понимаясь, отклоняется от истинного исследования природы, стремящегося познать свойства природы, не как чужды ей, но как имманентны ей определенности, и признающему лишь такое познание пониманием. Но так как цель есть само понятие в своем осуществлении, то может показаться странным, что познание объектов из их понятия является незаконным выходом из некоторой природной адементы, а напротив, механизм, для которого определенность объекта есть определенности, положенная в нем видимым образом и через другое, считается более имманентным взглядом, чем телеология. Механизм, во крайней мере обичный, несободный, равно как и химизм, правда, должны считаться некоторым имманентным принципом, поскольку определяющее видение есть само опять-таки лишь такой объект, нечто видимым образом определенное и безразличное к такой определенности, или в химизме другой объект есть нечто также химически определенное, вообще, поскольку существенный момент цельности всегда лежит в некотором видении. Потому эти принципы остаются в границах той же самой природной формы конечности; но хотя они, разным образом, не хотят превзойти конечного и приводят явления лишь к конечным причинам, ко-

торы сами требуют дальнейшего движения (мысли), но они, вместе с тем, расширяют в формальную члестность отчасти в понятиях силы, причины и т. под. определенных рефлексии, при чем последние должны выразить собою первоначальность; отчасти же через отвлеченную общность — во всеобщности силы, в полноте взаимодействующих причин. Тем самым механизм сам проявляет себя, как стремление к члестности, которое старается познать природу для себя, как некоторое целое, не требующее для своего познания ничего другого, кроме члестности, не находящей себя в члесте и в связанном с нею вынужденном расудке.

Итак, члестобразность проявляется прежде всего, как высшее вообще; как расудок, который определяет, вышним образом, многообразие объектов посредством некоторого в себя и для себя сущаго единства, так что безразличны определенности объектов становятся через это отношении существенными. В механизме он становится таким через простую форму необходимости, при чем их содержание безразлично, ибо он должен оставаться вышним и ими удовлетворяется лишь расудок, как таковой, познавая таким путем свою связь, отвлеченное тождество. Напротив, в телеологии становится важным содержание, так как она предполагает некоторое понятие, нечто определенное в себя и для себя и тем самым самоопределяющее и, следовательно, отличает от отношения различия и их взаимного определения, от форм, рефлектированное в себя единство, нечто определенное в себя и для себя и, стало быть, некоторое содержание. Но если последнее конечно и неважительно, то оно противоречит тому, члест оно должно быть, ибо члест по своей форме есть внутри себя бесконечная деятельность, в особенности, если совершающееся по члестам действие признается за абсолютную волю и расудок. Телеология потому навлекла на себя столь многие упреки в истинности, что члест, которая она указывала, были то значительные, то ничтожные, и отношение члестей объектов должно было часто представляться игрою, ибо это отношение являлось столь вышним и потому случайным. Напротив, механизм оставляет за определенности объектов по их содержанию значение случайностей, к которым объекты безразличны, и которые ни для самих себя, ни для субъективного расудка не должны иметь большого значения. Потому этот принцип, связывая собою вышнюю необходимость, сообщает сознание бесконечной свободы в противоположность телеологии, которая выдвигает, как нечто абсолютное, маловажное и даже презрительное, только бесконечно стесняя тем самым общую мысль, которая может даже вызывать отвращение.

Формальный недостаток, ближайшим образом свойственный этой телеологии, состоит в том, что она приводит лишь к вышней члестобразности. Так как понятие тем самым полагается, как нечто формальное, то ее содержание есть также нечто вышним образом данное в многообразии объективного мира, данное в тем же определенностях, которые составляют содержание и механизма, но как нечто вышнее, случайное.

Всякосте такой общности содержания форма члестобразности составляет для себя исключительно существенное в телеологии. В виду сего, даже если не принимать еще во внимание различия вышней и внутренней члестобразности, отношение члесте оказалось вообще в себя и для себя истинною механизмом. Телеологии свойственны вообще более высокой принцип — понятие в своем осуществлении, которое в себя и для себя есть бесконечное и абсолютное; принцип свободы, совершенно утверченный в своем самоопределении и абсолютно освобожденный от механизма.

Одна из величайших заслуг Канта в философии состоит в различении, которое он устанавливает между относительной или вышней и внутренней члестобразностью; к последней он отнес понятие жизни, идею, и тем самым положительно возвысил философию над определенными рефлексии и относительным миром метафизики, что критика разума сдвинула лишь несовершенно, в весьма прератном направлении и только отрицательно. Уже было упомянуто, что противоположность телеологии и механизма есть ближайшим образом более общая противоположность свободы и необходимости. Кант провозгласил противоположность в этой форме при изложении антиномии разума и именно, как третье противоречие трансцендентальных идей. Я приведу его изложение, на которое было уже указано ранее, совершенно кратко, так как существенное в нем столь просто, что не требует подробного изложения, и так как вид и способ кантовых антиномий подробно разъяснены в другом месте.

Тезис рассматриваемой здесь антиномии гласит: причинность по законам природы не есть единственная, из коей могут быть выведены все явления мира. Необходимо еще для их объяснения признавать причинность, действующую посредством свободы.

Антитезис: нет никакой свободы, но все во мире совершается исключительно по законам природы.

Доказательство, как и при прочих антиномиях, происходит, во-первых, аналогически, через допущения противоположности каждого тезиса; во-вторых для обнаружения противоречивости этого допущения принимается наоборот и предполагается правильным противоположное ему, т.-е. доказуемое предложение. Без всего обхода доказательства можно бы было потому обойтись; оно состоит не в чем ином, как в асерторическом утверждении обеих противоположных предложений.

А именно для доказательства тезиса надлежит прежде всего предположить: нет никакой иной причинности, кроме действующей по законам природы, т.-е. по механической необходимости вообще, включая в нее и химия. Это предложение противоречит себе, так как закон природы состоит именно в том, что ничто не происходит без достаточной а priori определенной причины, которой потому свойственна абсолютная самодельность, т.-е. противоположное тезису допущение противоречиво потому, что оно противоречит тезису.

Для доказательства антитезиса следует предположить: существует

свобода, как некоторый особый вид причинности, такое состояние, с которого просто начинается ряд его последствий. Но так как такое начало предполагает состояние, не имевшее со своим предшествовавшим никакой причинной связи, то оно противоречит закону причинности, который делает единственно возможным единство опыта а самый опыт; т.е. допущение свободы, противоречащее антигену, невозможно потому, что оно противоречит антигену.

Та же самая антиномия возвращается по существу в критикъ телеологической силы суждения, как противоположность того взгляда, по которому всякое произведение материальных вещей совершается по чисто механическим законамъ, и того, по которому некоторое их произведение по этимъ законамъ невозможно. Кантовое разрешение этой антиномии таково же, как и общее разрешение прочих антиномий; а именно оно состоитъ в томъ, что разум не может доказать ни того ни другого предложения, так как мы по чисто эмпирическимъ законамъ природы не можемъ имѣть никакого определяющаго принципа а priori о возможности вещей; что поэтому дабы оба они должны считаться не объективными предложениями, а субъективными правилами; что я, сь одной стороны, долженъ постоянно рефлексировать о всѣхъ событияхъ природы по принципу чистаго механизма природы, но что это не прештвуетъ по случайному поводу обезумять некоторые природныя формы по другому правилу, именно по принципу конечныхъ причинъ; какъ будто эти два правила, долженствующия служить пра томъ лишь для человеческого разума, не состоятъ между собою въ той же противоположности, какъ и вышеупомянутыя предложения. При такой точкѣ зрѣнія, какъ указано выше, связъ не изслѣдуется именно то, что единственно представляетъ собою философскій интересъ, именно какому изъ обоихъ принциповъ въ себя и для себя присуща истина; а при такомъ взглядѣ на дѣло нѣтъ никакой разницы въ томъ, должны ли эти принципы считаться объективными, что значитъ здѣсь—вышнее осуществляющимися определениями природы, или просто правилами субъективнаго познания; все это познание собственно говоря субъективно, т.е. случайно, такъ какъ оно по случайному поводу пробѣгаетъ то къ одному, то къ другому правилу, смотря по тому, какое изъ нихъ считается подходящимъ для даннаго объекта, вообще же не спрашиваетъ объ истинѣ самихъ этихъ опредѣлений, все равно суть ли они опредѣленія объектовъ или познания.

Но какъ ни неудовлетворительно по своей существенной точкѣ зрѣнія кантовое разсмотрѣние телеологическаго принципа, во всякомъ случаѣ достойно вниманіе то положеніе, какое Кантъ отводитъ этому принципу. Принимая его рефлектирующей силѣ сужденія, онъ дѣлаетъ его некоторымъ связующимъ среднимъ членомъ между общностью разума и единичностью воззрѣнія; дабы онъ различаетъ эту рефлектирующую силу сужденія отъ определяющей, которая просто подчиняетъ частное общему. Такое общее, которое есть только подчиняющее, есть отвлеченное, становящееся конкретнымъ лишь въ некоторомъ другомъ, въ частности. Напротивъ дѣль есть

конкретное общее, имѣющее въ немъ самомъ моментъ частности и вышности, и которое поэтому есть дѣятельность, стремленіе отталкивать себя отъ самого себя. Понатіе, какъ дѣль, есть, конечно, некоторое объективное сужденіе, одно опредѣленіе котораго есть субъектъ, т.е. конкретное понатіе, опредѣленное черезъ себя самого, а другое—не только предикатъ, но и вышняя объективность. Но отношеніе дѣли не есть еще потому некоторое рефлектирующее сужденіе, разсматривающее вышние объекты лишь съ точки зрѣнія некотораго единства, какъ будто какой-то разумъ далъ ихъ въ потребу нашей познавательной способности; оно есть въ себя и для себя сущее истинное, судящее объективно и абсолютно опредѣляющее вышнюю объективность. Отношеніе дѣли есть тѣмъ самымъ нѣчто большее, чѣмъ сужденіе, оно есть умозаключеніе самостоятельнаго свободнаго понатія, совпадающаго съ самимъ собою черезъ объективность.

Дѣль оказался третьимъ относительно механизма и химіама; она есть ихъ истина. Такъ какъ она сама находится еще внутри сферы объективности или непосредственности идеальнаго понатія, то она еще причастна вышности, какъ таковой, и ей противостоитъ некоторый объективный миръ, съ коимъ она соотносится. Съ этой стороны механическая причинность, обьявляющая собою вообще и химіамъ, является передъ этимъ отношеніемъ дѣли, которое вышнее, но подчиняетъ себя ее (причинности), снатовъ въ себя и для себя. Что касается ближайшаго за сямъ отношенія, то механической объектъ, какъ непосредственная дѣятельность, безразлична къ своему опредѣленію, а тѣмъ самымъ и къ тому, чтобы быть опредѣляющимъ. Эта вышняя опредѣленность теперь доразвивалась до самоопредѣленія, и тѣмъ самымъ отнынѣ положено въ объектъ лишь внутреннее или, что то же самое, лишь вышнее понатіе; дѣль есть ближайшимъ образомъ само это вышнее относительно механизма понатіе. Такимъ образомъ и относительно химіама дѣль есть самоопредѣляющее, которое возвращаетъ обуславливающее его вышнее становленіе опредѣленія къ единству понатія. Отсюда явствуетъ природа подчиненія обьявляющихъ предидущихъ формъ объективнаго процесса; то другое, которое было для нихъ беззачетнымъ прогрессомъ, есть ближайше вышнимъ образомъ положенное для нихъ понатіе, которое и есть дѣль; субстанція есть не только понатіе, но и вышность есть существенный для нихъ, составляющій ихъ опредѣленность моментъ. Механическая или химическая техника по характеру своему—быть опредѣленною вышн—сама предлагаетъ себя на службу отношенію дѣли, которое теперь и должно—быть раскрыто ближе.

A.

Субъективная дѣль.

Въ центральности объективной сферы, которая есть безразличіе къ опредѣленности, субъективное понатіе ближайшимъ образомъ вновь нашло и положило отрицательный объединяющій пунктъ; въ химіамъ же—объективность опредѣленія понатія, только черезъ которую оно положено,

как конкретное объективное понятие. Отныне его определенность и его простое различие имеют в нем самую определенность видности, и его простое единство есть тем самым единство, отталкивающее себя от самого себя и тем самым сохраняющееся. Потому цель есть субъективное понятие, в смысле существенного стремления и побуждения положить себя в видный образок. Тем самым она избавлена от гибели. Она не есть ни самообнаруживающаяся сила, ни некоторая субстанция и причина, представляющая себя в акциденциях и действиях.

Сила есть лишь нечто отвлеченно-внутреннее, пока она не обнаружилась себя; иначе сказать, она имеет существование лишь в том обнаружении, в котором она должна быть возбуждена. То же справедливо о причинах и субстанциях; так как они живут действительность лишь в акциденциях и в действиях, то их деятельность есть переход, против которого они не сохраняют своей свободы. Правда цель может также быть определена, как сила и причина, но эти выражения сохраняют здесь лишь небольшую часть своего значения; если они высказываются о ней по своей истине, то это может быть сделано лишь таким способом, который снимает их понятие; она есть некоторая сила, которая сама возбуждает себя к обнаружению, некоторая причина, которая есть причина самой себя, или действие которой есть непосредственно причина.

Ели цельсообразное приписывается некоторому разсудку, как было упомянуто выше, то при этом принимается во внимание определенность содержания. Но последнее должно быть вообще понимаемо, как разумное в своем осуществлении. Оно потому обнаруживает разумность, что оно есть конкретное понятие, удерживающее объективное различие в своем абсолютном единстве. Потому оно есть по существу умозаключение в нем самом. Оно есть равное себе общее, и именно как содержащее отталкивающее себя от себя отрицательность, ближайшим образом оно есть общая и тем самым еще неопределенная деятельность; но так как последняя есть отрицательное отношение к себе самой, то она непосредственно определяет себя и сообщает себе момент частности, который, как равным образом рефлексированная в себя полнота формы, есть содержание в противоположность к положенному различию формы. Также непосредственно эта отрицательность через свое отношение к самой себе есть абсолютная рефлексия формы в себя и единичность. С одной стороны — рефлексия во вид; и тем самым цель есть еще нечто субъективное, и деятельность ее направлена к видной объективности.

А именно цель есть объективности возвратившаяся к себе самому понятие; определенность, которую она дает себе в ней, есть определенность объективного безразличия и видности определения; ее отталкивание от себя есть отрицательность потому такова, что моменты ее, поскольку они суть лишь определения самого понятия, имеют также форму взаимного объективного безразличия. В формальном суждении субъект и предикат

уже определялись один относительно другого, как самостоятельные; но их самостоятельность была пока лишь отвлеченною общностью; теперь же она достигла определения объективности; но как момент понятия, это совершенное различие включено в простое единство понятия. Поскольку же цель есть эта полная рефлексия объективности в себя и при том непосредственно, то, во-первых, отличается самоопределение или частности, как простая рефлексия в себя от конкретной формы, и образует собою некоторое определенное содержание. Цель потому конечна, хотя она по своей форме есть также безконечная субъективность. Во-вторых, так как ее определенность имеет форму объективного безразличия, этой определенности свойственен вид некоторого предположения, и конечность или с этой стороны состоит в том, что она имеет перед собою некоторый объективный механический и химический мир, к которому ее деятельность относится, как к данному; таким образом ее самоопределяющая деятельность в своем тождестве непосредственно видна самой себе и есть столько же рефлексия в себя, сколько и рефлексия во вид. Потому ей свойственно некоторое по истине видное осуществление, именно поскольку ей противостоит эта объективность, также как последняя, напротив, противостоит цели, как механическое и химическое, еще не определенное и не проникнутое целью целью.

Потому движение цели может теперь быть выражено так, что оно направляется к снятию ее предположения, т.е. непосредственности объекта, и определяет его к положению через понятие. Это отрицательное отношение к объекту есть равным образом отрицательное отношение и к себе, снятие субъективности цели. Положительная реализация цели, именно соединение с нею объективного бытия, так что последнее, которое, как момент цели, есть непосредственно тождественная ей определенность, оказывается видным, и наоборот, объективность полагается скорее, как предположение, чем как определенная через понятие. Цель есть внутри ее самой стремление к своей реализации; определенность моментов понятия есть видность; их простота в единстве понятия не соответствует, однако, тому, что есть это единство, и потому понятие отталкивает себя от себя самого. Это отталкивание есть решение вообще, отношение отрицательного единства к себе, в силу коего оно есть исключительная частности; но через это исключение оно решается или включает себя в себя, так как самоопределение есть положение себя самого. С одной стороны, так как субъективность определяет себя, она обращает себя в частности, дает себе содержание, которое, будучи включено в единство понятия, есть еще внутреннее; но это положение, эта простая рефлексия в себя, есть, как оказалось, иметь с тем непосредственно некоторое предположение; и в том моменте, в коем определять себя субъект или, он вошел в отношение к безразличной видной объективности, которая сделана из равного этой внутренней определенности, т.е. должна быть положена, как нечто определенное через понятие, ближайшим образом как средство.

В.

Средство.

Въ цели первое непосредственное положение есть *вѣсть* съ тѣмъ положеніе чего-то внутренняго, т. е. опредѣленнаго, какъ положенное, и *вѣсть* съ тѣмъ предположеніе нѣкотораго объективнаго міра, безразличнаго относительно опредѣленія цели. Но субъективность цели есть абсолютно отрицательное единство; потому ея второе опредѣленіе есть вообще снѣтіе этого предположенія; это снѣтіе есть возвратъ внутрь себя, поскольку имъ снимается тотъ моментъ перваго отрицанія, положеніе противоположнаго субъекту отрицательнаго, т. е. вѣшняго объекта. Но противоположно предположенію или непосредственности опредѣленія объективному міру, только первое, само непосредственное и потому вѣдѣнное отрицаніе. Это положеніе есть еще потому не сама выполненная цель, но лишь ея начало. Такъ опредѣленный объектъ есть пока средство.

Цель черезъ средство соединяется съ объективностью и въ послѣдней съ самой собою. Средство есть средній терминъ умозаключенія. Цѣль для своего выполненія нуждается въ нѣкоторомъ средствѣ, такъ какъ она конечна; въ средствѣ, т. е. въ среднѣмъ терминѣ, имѣющемъ вѣсть съ тѣмъ относительно самой цели видъ чего-то вѣшняго, а относительно ея выполненія — видъ безразличнаго существованія. Абсолютное понятіе имѣть въ себѣ самою опосредованіе такимъ образомъ, что его первое положеніе не есть предположеніе, основнымъ опредѣленіемъ объекта котораго была бы безразличная вѣдѣнность; но міръ, какъ твореніе, имѣетъ лишь форму такой вѣдѣнности, отрицательности и положенности которой составляютъ собственно его основное опредѣленіе. Конечность цѣль состоитъ потому въ томъ, что ея опредѣленіе вообще вѣдѣе себя самою и тѣмъ самымъ его первое, какъ мы видѣли, распадается на нѣкоторое положеніе и нѣкоторое предположеніе; потому отрицаніе этого опредѣленія есть, съ одной стороны, уже рефлексія въ себя, а съ другой, оно есть скорее лишь первое отрицаніе; или, иначе, рефлексія въ себя сама также вѣдѣе себя и есть рефлексія во вѣдь.

Средство есть потому формальный средній терминъ нѣкотораго формальнаго умозаключенія; оно есть нѣчто вѣдѣнное относительно крайняго термина субъективной цели, равно какъ также въ силу того относительно крайняго термина объективной цели; какъ частію въ формальномъ умозаключеніи есть безразличныя *medius terminus*, нѣчто коего могутъ заступити и другіе. Какъ далѣе послѣдній есть средній терминъ лишь вълѣдствіе того, что онъ относительно одного крайняго термина есть опредѣленности, а относительно другаго — общее, и слѣдовательно, его опосредованное опредѣленіе есть лишь относительно, черезъ другое, такъ и средство есть опосредованнѣйшій средній терминъ, во-первыхъ, лишь потому, что онъ есть нѣкоторый непосредственный объектъ, а, во-вторыхъ, потому, что онъ есть средство въ силу

вѣшняго ему отношенія къ крайнему термину цели; каково отношеніе есть для него нѣкоторая форма, къ коей онъ безразличенъ.

Понятіе и объективность связаны потому въ средствѣ лишь вѣдѣннымъ образомъ; постольку оно есть просто механической объектъ. Отношеніе объекта къ цели есть нѣкоторая послышка или непосредственное отношеніе, которое въ разсужденіи цели, какъ было указано, есть рефлексія въ самого себя; средство есть присущій цели предикатъ; его объективность подчинена опредѣленію цели, которая ради ея конкретности есть общность. Черезъ это опредѣленіе цели, которое есть въ ней, цель имѣетъ подчиняющее положеніе и относительно другаго крайняго члена, — первоначально еще неопредѣленной объективности. Наоборотъ, средству, какъ непосредственной объективности принадлежитъ относительно субъективной цели общность существованія, которое еще чуждо субъективной единичности цели. Такъ какъ потому цель ближайшимъ образомъ есть лишь вѣдѣнная опредѣленности для средства, то она сама, какъ вѣдѣнное единство, находится въ средства, поскольку средство есть механической объектъ, которому цѣль присуща, лишь какъ нѣкоторая опредѣленность, а не какъ простая конкретность въ ней полноты. Но какъ объединяющее, средство должно само быть полнотою цели. Было указано, что опредѣленіе цели въ средствѣ есть вѣдѣть и рефлексія въ себя само; постольку средство есть формальное отношеніе въ себя, такъ какъ опредѣленность положена, какъ реальное безразличіе, какъ объективность средства. Но именно потому эта, съ одной стороны, чистая субъективность есть вѣдѣть съ тѣмъ также дѣятельность. Въ субъективной цели отрицательное отношеніе къ себѣ самою еще тождественно съ опредѣленностью, какъ таковою, съ содержащемъ и вѣдѣностью. Но въ возникающемъ объективированіи цели, въ становленіи простаго понятія другимъ, выступаютъ отдѣльно эти моменты, или, наоборотъ, именно въ этомъ и состоитъ это становленіе другимъ или самая вѣдѣнность.

Этотъ средній терминъ въ его члности есть тѣмъ самымъ самъ полнота умозаключенія, въ коемъ отвлеченная дѣятельность и вѣдѣнное средство составляютъ крайніе терминъ, а средній терминъ есть та опредѣленность объекта цѣлю, черезъ которую (опредѣленность) онъ есть средство. Но далѣе общность есть отношеніе цѣлесообразной дѣятельности и средства. Средство есть объектъ, онъ есть въ себѣ полнота понятія; средство не имѣетъ противъ цели никакой силы сопротивленія, какову оно ближайшимъ образомъ имѣетъ противъ каковаго-либо другаго непосредственнаго объекта. Относительно цели, которая есть положенное понятіе, оно потому совершенно пронцаемо и воспримчиво къ ея увѣнченію, такъ какъ оно въ себѣ тождественно ей. Но отъишъ оно также положено, какъ пронцаемое для понятія, ибо въ центральности (въ механизмѣ) оно есть (лишь) стремящееся къ отрицательному единству; равнымъ образомъ въ хлннѣишъ оно стало, какъ нейтральное, а также какъ различное, чѣмъ-то несамостоятельнымъ. Его несамостоятельность состоитъ именно въ томъ, что оно лишь въ себѣ есть полнота понятія; послѣднее же есть бытіе для себя. Потому характеръ объекта относительно цели состоитъ въ томъ, чтобы

быть бессильным и служить ей; она есть его субъективность или душа, ищущая в нем свою вышнюю сторону.

Объект, непосредственно таким образом подвластный цели, не есть один из крайних терминов умозаключения, но это отношение составляет одну из посылок последнего. Но средство имеет также одну сторону, по которой оно обладает еще самостоятельностью относительно цели. Связанная с последней из средств объективность, так как она только непосредственная, еще вышняя относительно цели; и потому предположение еще остается из сил. Дятельность цели через средство потому еще направлено против этого предположения, и цель есть именно потому дятельность, а не только побуждение или стремление, что в средств момент объективности положен в своей определенности, как общее, и простое единство понятия имеет ее, как таковую, лишь в себе.

C.

Выполненная цель.

1. В своем отношении к средству цель уже рефлексирована в себя; но ее объективный возврат в себя еще не положен. Дятельность цели через средство еще направлена против объективности, как первоначального предположения; она именно в том и состоит, чтобы быть безразлично к определенности. Поскольку дятельность состояла бы опять только в том, чтобы определять непосредственную объективность, то продукт снова был бы лишь средством и т. д. в безконечность; отсюда получалось бы лишь целесообразное средство, но не объективность самой цели. Потому дятельность через свое средство цель должна определять непосредственный объект, не как нечто вышнее, и, стало быть, совпадать с ним через себя саму в единств. понятие; или, иначе, эта вышняя дятельность цели через ее средство должна определять себя, как обоснование, и снять саму себя.

Отношение дятельности цели через средство к вышнему объекту есть ближайшим образом втора посылка умозаключения, — непосредственное отношение среднего термина к другому крайнему. Оно непосредственно, так как средний термин имеет в нем вышний объект, а другой крайний термин есть такой же объект. Средство дятельно и сильно над собой, так как его объект связан с самоопределяющей дятельностью, а для этого последнего объекта присуща ему непосредственная определенность безразлична. Процесс в этом отношении не иной, чем механической или химической; в этой объективной вышности выступают предыдущие отношения, но под властью цели. Но эти процессы сами собой, как то указано по поводу их, возвращаются к цели. Потому если ближайшим образом отношение средства к обрабатываемому им вышнему объекту есть непосредственное, то оно уже ранее было изображено, как некоторое умозаключение, так как цель оказалась его истинным средним термином и единством. Следовательно, так как средство есть объект, стоящий в сто-

роне цели и ищущий внутри себя ее дятельность, то ищущий здесь имеет механизм есть иметь с тем возврат объективности в себя саму, в понятие, предположенное уже, однако, как цель; отрицательное отношение целесообразности дятельности к объекту тем самым не вышнее, но есть изменение и переход объективности внутри его в ней самой.

То, что цель непосредственно относится к объекту и обращает его в средство, а также то, что она через него определяет нечто другое, может считаться насильем (Gewalt), поскольку цель является совсем другою природою, чем объект, и каждый из объектов есть равным образом относительно другого самостоятельным полноту. А то, что цель полагает себя в посредствующем отношении к объекту и составляет между собой и им некоторый другой объект, может считаться хитростью (List) разума. Конечность разумности имеет, как упомянуто, ту сторону, что цель относится к предположению, т. е. к вышности объекта. В непосредственном отношении к нему она сама входила бы в состав механизма или химизма и тем самым была бы подвержена случайности и нарушению ее определенности — быть понятием, сущим в себе и для себя. А таким путем она выставляет объект, как средство, допускает вышнюю обработку его вместо себя, предоставляет его уничтожению и сохраняет себя за ним от механического насилия.

Так как цель конечна, то она далее имеет конечное содержание; тем самым она не есть нечто абсолютное или совершенно разумное в себе и для себя. Средство же есть вышний средний термин умозаключения, каковым служить выполнению цели; в последнем проявляется потому разумное внутри ее, как такое, которая сохраняет себя в этом вышнем другом и именно через эту вышность. Поскольку средство есть нечто высшее, чем конечная цель вышней целесообразности; вдруг момент, чем те непосредственные наслаждения, которая подготовляются им и служат целями. Орудие сохраняется, между тем как непосредственные наслаждения переходят и забываются. В своих орудиях человек обладает силою над вышней природою, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей.

Но цель не только стоит вне механического процесса, а также сохраняется в нем и есть его назначение. Цель, как понятие, которое осуществляется свободно вопреки объекту и его процессу и представляет собою самоопределяющуюся дятельность, совпадает в нем лишь сама с собою, так как она есть также в себе и для себя сущая истина механизма. Власть цели над объектом есть это сущее для себя тождество, и ее дятельность есть обнаружение последнего. Цель, как содержание, есть в себе и для себя сущая определенность, которая в объекте безразлична и вышняя, а дятельность ее есть, с одной стороны, истина процесса и, как отрицательное единство, снятие видности вышности. После отвлечения безразличная определенность объекта также вышнее замывается другою; но простая отвлеченность определенности есть в ее истинн. полнота отрицания, конкретное и полагающее вышность внутри себя понятие.

Содержание цели есть ее отрицательность, как простая рефлектированная в себя частность, отличенная от ее полноты, как форма. В силу этой простоты, определенность которой есть в себе и для себя полнота понятия, содержание является, как тождественно сохраняющееся в реализации цели. Телеологический процесс есть перевод в объективность понятия, отчетливо осуществленного, как понятие. Оказывается, что этот перевод в предположенное другое есть совпадение понятия через себя само с самим собою. Содержание цели есть именно это в форме тождественного осуществленного тождества. При всяком переводе понятие сохраняется, напр., когда причина становится действием, то причина лишь совпадает с собою в действии; при телеологическом же переводе понятие как таковое уже осуществленное в причине, есть абсолютное относительно объективности и ее вышней определенности свободное конкретное единство. Вышность, к которой переводит себя цель, как мы видели, сама уже положена, как момент понятия, как форма своего отличия. Поэтому цель имеет во вышности свой собственный момент; а содержание, как содержание конкретного единства, есть ее простая форма, которая не только в себя остается равною себе в различных моментах цели, как субъективная цель, как средство и опосредованная деятельность, и как объективная, но и осуществляется, как саморваная.

О телеологической деятельности можно поэтому сказать, что в ней конец есть начало, следствие — основание, действие — причина, что она есть становление становящегося, что в ней приходит к осуществлению лишь то, что уже осуществлено, и т. д.; т. е. что вообще вся определенная отношений, принадлежащая к сфере рефлексии или непосредственного бытия, утратила здесь свои различия, и что то, что высказывалось, как другое, как-то конец, следствие, действие и т. п., в отношении цели не имеет уже определенности и которого другого, но скорее положено, как тождественное с простым понятием.

2. При ближайшем же рассмотрении продукта телеологической деятельности оказывается, что в нем цель вышняя, поскольку она есть абсолютное предположение в противоположность субъективной цели, поскольку именно останавливаются на том, что целеобразная деятельность относится к объекту через средство лишь механически и вместо безразличной определенности объекта полагает другую, столь же вышнюю ему. Такая определенность, какую сообщать какому-либо объекту цель, отличается от другой, просто механической, тем, что тот момент единства, хотя оно для объекта и вышнее, внутри самого себя все же не просто вышнее. Объект, обнаруживающий такое единство, есть некоторое целое, относительно коего его части, его собственная вышность, безразличны; это определенное, конкретное единство, объединяющее внутри себя различные отношения и определенности. Это единство, не могущее быть понятым из специфической природы объекта, и по определенному содержанию нечто иное, чем своеобразное содержание объекта, для самого себя есть не механическая определенность, но в

объект оно еще носит механический характер. Как в этом продукт целеобразной деятельности содержание цели и содержание объекта вышние одно другому, также относятся взаимно и в других моментах умозаключения его определения, — в приводящем к умозаключению среднем термине целеобразная деятельность и объект, служащий средством, а в субъективной цели, другом крайнем термине, безконечная форма, как полнота понятия, и его содержание. По тому отношению, которое связывает субъективную цель и объективность в умозаключении, как одна послыла, именно отношение определенного, как средство, объекта к еще вышнему объекту, так и другая — именно отношение субъективной цели к объекту, ставшему средством, есть отношение непосредственное. Это умозаключение страдает потому тем недостатком формального умозаключения вообще, что отношения, из коих оно состоит, не суть сами послылы или опосредования, но что они скорее уже предположены, как заключения, средствами получения которого они должны служить.

Если мы рассмотрим одну из послылок, непосредственное отношение субъективной цели к объекту, становящемуся через то средство, то окажется, что цель не может непосредственно относиться к объекту; ибо последний есть нечто столь же непосредственное, как непосредственное другого крайнего термина, в котором цель должна быть выполнена через опосредование. Поскольку они таким образом положены, как различные, между этой объективностью и субъективной целью должно быть вставлено средство их отношения; но это средство есть также уже определенный целью объект, между объективностью и субъективной целью должно быть вставлено новое средство и т. д. до безконечности. Тем самым положен безконечный прогресс опосредования.

То же самое имеет место относительно другой послылки, отношения средства к еще неопределенному объекту. Так как они совершенно самостоятельны, то они могут быть соединены лишь в некотором третьем и т. д. до безконечности. Или, наоборот, так как послыла уже предполагает заключение, то последнее, будучи таковым, через эти лишь непосредственные послылки может быть лишь несовершенным. Заключение или продукт целеобразного действия есть не что иное, как некоторый определенный какому-либо вышнему ему целью объект; оно есть тем самым нечто то же, что средство. Поэтому в таком продукте самом получилось лишь некоторое средство, а не некоторая выполненная цель; или иначе — цель не достигла в нем никакой истинной объективности. Поэтому совершенно безразлично, смотреть ли на определенный вышнее целью объект, как на выполненную цель или лишь как на средство; это есть лишь относительно, вышнее самому объекту, но объективно определенное. Таким образом вся объективн., из коих выполняется некоторая вышняя цель, суть также лишь средства для цели. То, что должно быть употреблено для выполнения цели и по существу считается средством, есть средство, которое по своему определению подлежит трате. Но и объект, содержащий в себе выполненную цель и долженствующий изображать собою ее объективность, есть нечто

преходящее; онъ также выполняетъ свою цѣль не путемъ спокойнаго само-сохраняющагося существованія, но лишь поскольку онъ тратится, ибо лишь постольку онъ соответствуетъ единству понятія, въ коемъ онъ снимаетъ свою вышность, т. е. свою объективность. Дожь, часы могутъ являться цѣлями относительно употребленныхъ для ихъ произведенія орудій; но камни, бабки, или колеса, оси и т. п. образующіе собою дѣятельность цѣли, выполняютъ ее лишь черезъ претерпяемое ихъ давленіе, черезъ химическіе процессы, происходящіе въ нихъ дѣйствіемъ воздуха, свѣта, воды или черезъ отпаденіе послѣднихъ отъ человѣка путемъ тренія и т. п. Они выполняютъ такимъ образомъ свое назначеніе лишь черезъ ихъ употребленіе и исползованіе и соотвѣтствуютъ тому, чѣмъ они должны быть, лишь черезъ ихъ отрицаніе. Они не соединены съ цѣлью положительно, такъ какъ они имѣютъ въ нихъ самоопредѣленіе лишь вышнимъ образомъ и суть лишь относительныя цѣли или собственно лишь средства.

Эти цѣли, какъ указано, имѣютъ вообще лишь ограниченное содержаніе; ихъ форма есть безконечное самоопредѣленіе понятія, которое черезъ это содержаніе ограничивается, какъ вышняя единичность. Ограниченное содержаніе дѣлаетъ эти цѣли не соответствующими безконечности понятія и нарушаетъ его истину; такая опредѣленность предава становленію и измѣненію и есть нѣчто переходящее уже черезъ причастіе сферъ необходимости и бытія.

3. Тѣмъ самымъ получается тотъ результатъ, что вышняя цѣлесообразность, будучи лишь формою телеологіи, достигаетъ собственно лишь средствъ, а не нѣкоторой объективной цѣли,—такъ какъ субъективная цѣль остается вышнимъ субъективнымъ опредѣленіемъ,—или, иначе, поскольку эта цѣль дѣтельна и выполняетъ себя, хотя бы лишь въ видѣ нѣкотораго средства, она еще непосредственно связана съ объективностью, погружена въ нее; она сама есть объектъ, и можно сказать, что цѣль постольку не достигаетъ средства, поскольку послѣднее уже заранее требуетъ выполненія цѣли прежде, чѣмъ она осуществляется черезъ нѣкоторое средство.

Въ дѣятельности же результатъ есть не только нѣкоторое вышнее отношеніе цѣли, но его истина, внутреннее отношеніе цѣли и нѣкоторая объективная цѣль. Самостоятельная относительно понятія вышности объекта, которая предполагается цѣлью, положена въ этомъ предположеніи, какъ несущественная видимость, а также уже сята въ себя и для себя; дѣятельность цѣли есть потому собственно лишь изображеніе этой видимости и сятіе ея. Какъ выяснилось чрезъ понятіе, первый объектъ черезъ сообщеніе становится средствомъ, такъ какъ оно есть въ себя полнота понятія и его опредѣленность, которая есть не что иное, какъ составляющая въ самой цѣли ея собственный моментъ, а не нѣчто самостоятельное относительно него. Въ дѣйствіе того опредѣленіе объекта, какъ средства, совершенно непосредственно. Потому субъективная цѣль не нуждается ни въ какомъ насиліи или иномъ усиліи противъ его, кромѣ усилія себя самой, чтобы онъ сталъ средствомъ. Рѣшеніе, обнаруженіе, это опредѣленіе себя самого есть лишь положенная вышность

объекта, который тѣмъ самымъ непосредственно подчиняетъ цѣли и не имѣетъ относительно нея никакого иного опредѣленія, кромѣ ничтожества его бытія въ себя и для себя.

Второе сятіе объективности черезъ объективность отличается отъ перваго тѣмъ, что первое, какъ первое, есть цѣль въ объективной непосредственности, и потому второе есть сятіе не только первой непосредственности, но и того, и другою—объективнаго, какъ чего-то только положеннаго, и непосредственнаго. Отрицательность возвращается такимъ путемъ въ себя саму такъ, что она есть равнымъ образомъ возстановленіе объективности, но какъ тождественной съ нею, и тѣмъ самымъ имѣетъ положеніе объективности, какъ опредѣленной лишь цѣлью, вышней. Чрезъ послѣднее этотъ продуктъ остается, какъ былъ раньше, также средствомъ; чрезъ первое онъ есть тождественная понятію объективности, реализованная цѣль, въ которой та сторона, по коей она есть средство, есть реальность самой цѣли. Въ выполненной цѣли средство исчезаетъ, потому что оно было лишь непосредственно подчиненная цѣли объективности, которая въ реализованной цѣли есть возвратъ цѣли въ саму себя; при этомъ дагѣе и самое опосредованіе, которое есть нѣкоторое отношеніе вышнато, исчезаетъ отчасти въ конкретномъ тождествѣ объективной цѣли, отчасти въ немъ же, какъ отвлеченномъ тождествѣ и непосредственности существованія.

Тутъ также содержится опосредованіе, которое требуется для первой послыки, для непосредственнаго отношенія цѣли къ объекту. Вышленная цѣль есть также средство, и наоборотъ, истина средства состоитъ равнымъ образомъ въ томъ, чтобы быть самою реальною цѣлью, и первое сятіе объективности есть также уже и второе, какъ обнаружилось, что второе содержитъ въ себя также первое. А именно, понятіе опредѣляетъ себя, его опредѣленность есть вышнее безразличіе, которое въ рѣшеніи опредѣлено непосредственно, какъ сятіе, именно какъ внутреннее, субъективное и имѣетъ съ тѣмъ какъ предложенный объектъ. Дальнѣйшій выходъ изъ себя, явившійся именно, какъ непосредственное сообщеніе и подчиненіе подъ него предложеннаго объекта, есть имѣть съ тѣмъ сятіе той внутренней, заключенной въ понятіе, т. е. положенной, какъ сятая, определенности вышности, а равнымъ образомъ, предположенія объекта; тѣмъ самымъ это, повидимому, первое сятіе безразличной объективности есть также уже и второе, нѣкоторая прошедшая черезъ опосредованіе рефлексія въ себя и выполненія цѣли.

Такъ какъ понятіе тутъ въ сферѣ объективности, въ которой его опредѣленность имѣетъ форму безразличной вышности, находится во взаимодѣйствіи съ самимъ собою, то изложеніе его развитія становится здѣсь двойнымъ труднымъ и запутаннымъ, такъ какъ оно непосредственно есть само двойное, и первое всегда есть также второе. Понятіе для себя, т. е. въ своей субъективности, есть различіе себя отъ себя, какъ непосредственной цѣльности для себя; но такъ какъ здѣсь его опредѣленность есть безразличная вышность, то тѣмъ самымъ тождество съ самимъ собою есть также непосредственно опятъ-таки отталкиваніе отъ себя, такъ что опредѣленное, какъ вышнее и безразличное относительно него, есть скорѣе оно само, и оно, какъ оно само, какъ

рефлектированное в себя, есть скорее его другое. Лишь поскольку это установлено, может быть понятие объективный возврат понятия в себя, т.е. его истинное объективирование, может быть понято, что каждый из единичных моментов, через которые протекает это опосредование, есть самъ полное умопознание последняго. Такимъ образомъ, восстанавливается первоначальная внутренняя и видимость понятия, через которую оно есть отталкивающее себя от себя единство, цѣль и стремление последняго къ объективированію, непосредственное положение или предположение и некотораго видимаго объекта; самоопредѣленіе есть также предположение и некотораго неопредѣленнаго через понятие видимаго объекта; и наоборотъ, оно есть самоопредѣленіе, т.е. снятія, положенная, какъ внутренняя, видимость, или увѣренность въ несуществованности видимаго объекта. () вторымъ отношеніемъ, объ опредѣленіи объекта, какъ средства, уже было указано, каковыя образомъ оно изъ него самомъ есть опосредование цѣли съ собою въ объектѣ. Равнымъ образомъ третье, механизмъ, протекающей подъ господствомъ цѣли и снимающей объектъ черезъ объектъ, есть съ одной стороны снятіе средства, объекта, положеннаго, уже какъ снятій, и тѣмъ самымъ второе снятіе и рефлексія въ себя, а съ другой стороны первое опредѣленіе видимаго объекта. Последній, какъ было замѣчено, есть въ выполненной цѣли снова лишь произведение средства; такъ какъ субъективность конечнаго понятія прерывательно отбрасываетъ средство, то она въ своей цѣли не достигаетъ ничего лучшаго. Но та рефлексія, черезъ которую цѣль достигнута въ средствѣ, и въ выполненной цѣли сохранены средство и опосредование, есть последній результатъ видимаго отношенія цѣли, въ коемъ оно само себя сняло, и которое оно изображало, какъ свою истину. Разсматриваемое непосредствъ третье умопознание отличается тѣмъ, что оно есть, во-первыхъ, субъективная цѣлесообразная дѣятельность предшествовавшаго умопознания, но равнымъ образомъ и снятіе видимой объективности, и потому и видимости вообще, черезъ себя само, стало быть, цѣлостности въ ея положеніи.

Послѣ того, какъ мы теперь усмотрѣли, что субъективность, бытіе для себя понятія, перешла въ его бытіе въ себя, въ объективность, то дальѣ въ последней вновь возникла отрицательность его бытія для себя; понятие такъ опредѣлило себя въ ней, что его частность есть видима объективность или простое конкретное единство, видимость коего есть ея самоопредѣленіе. Движеніе цѣли достигло теперь того, что моментъ видимости уже не положенъ только въ понятіи, что оно есть не только долженствованіе и стремленіе, но, какъ конкретная цѣлостность, тождества съ непосредственною объективностью. Это тождество есть, съ одной стороны, простое понятіе и, равнымъ образомъ, непосредственная объективность, а съ другой, по существу также опосредование и лишь черезъ послѣднее, какъ снимающее само себя опосредованіе, эта простая непосредственность; такимъ образомъ, понятіе состоитъ въ томъ, чтобы быть отличеннымъ, какъ сущее для себя тождество, отъ своей сущей въ себя объективности и тѣмъ самымъ имѣть видимость, но въ этой видимости бытіе ея самоопредѣляющимъ тождествомъ. Такимъ образомъ, понятіе есть теперь идея.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Идея.

Идея есть адекватное понятіе, объективно-истинное или истинное, какъ таковое. Если нѣчто имѣть истину, то имѣть ее черезъ свою идею, или, иначе, нѣ что имѣть истину, лишь поскольку оно есть идея. Впрочемъ, выраженіе идея часто употреблялось въ философіи, какъ и въ обычной жизни, въ смыслѣ понятія, даже въ смыслѣ простаго представленія; „я еще не имѣю никакой идеи объ этомъ судопроизводствѣ, зданіи, объ этой странѣ“ имѣть въ виду выразить лишь представленіе. Кантъ снова закричалъ за выраженіемъ идея смыслъ понятія разума. Понятіе разума должно по Канту быть понятіемъ безусловнаго, въ отношеніи же явленія — трансцендентнаго, такъ какъ оно не имѣть никакого адекватнаго ему эмпирическаго употребленія. Понятія разума должны служить для разумнаго пониманія (Begreifen), понятія разсудка — для разсудочнаго пониманія (Verstehen) воспріятій. Въ действительности, однако, если послѣднія суть дѣйствительно понятія, то они суть понятія, черезъ нихъ совершается разумное пониманіе, и разсудочное пониманіе воспріятій черезъ понятія разсудка становится разумнымъ пониманіемъ. Но если разсудочное пониманіе есть лишь опредѣленіе воспріятій черезъ, напр., цѣлю, силу, причину и т. п., то оно означаетъ лишь опредѣленіе черезъ рефлексію, равно какъ и разсудочнымъ пониманіемъ можетъ быть подразумѣваемо лишь опредѣленное представленіе совершенно опредѣленнаго чувственнаго содержанія; такъ, если кто-либо, кому узнавать, что дорога въ концѣ дѣся поворачиваетъ лѣво, отвѣчаетъ: я понимаю, то это пониманіе не означаетъ ничего большаго, какъ усвоеніе представленія и памяти. Но и понятіе разума есть нѣсколько незловое выраженіе, ибо понятіе есть вообще нѣчто разумное; и поскольку отличаютъ разумъ отъ разсудка и понятія, какъ таковаго, онъ (разумъ) есть полнота понятія и объективности. Въ этомъ смыслѣ идея есть разумное; она есть безусловное, такъ какъ лишь то имѣть условія, что существенно относится къ некоторой объективности, но не такой, которая опредѣлена имъ самимъ, а такой, которая еще противорѣчитъ ему въ формѣ безразличія и видимости, свойственной идее видимой цѣли.

Такъ какъ выраженіе идея сохраняется для обозначенія объективнаго или реальнаго понятія, и идея отличается отъ самаго понятія, а тѣмъ болѣе отъ простаго представленія, то дальѣ, тѣмъ болѣе должна быть отброшена та оцѣнка идеи, по которой идея признается тѣмъ-то лишь недѣйствительнымъ, и объ истинныхъ мысляхъ говорится, что онѣ только идеи. Если мысли суть нѣчто объективное и случайное, то, конечно, онѣ не имѣть никакой дальнѣйшей цѣли, но вслѣдствіе того онѣ не становятся ниже вре-

менных и случайных действительностей, которые также не имеют иной дальнейшей цели, кроме цели случайностей и явлений. Если же, напротив, идея, наоборот, не должна считаться за истинную потому, что она по отношению к явлениям трансцендентна, что в чувственном мире не может быть дано никакого совпадающего с нею предмета, то это должно считаться странным недоразумением, так как от идеи отрицается объективное значение потому, что ей не хватает именно того, что образует собою явление, неистинное бытие объективного мира. По отношению к практическим идеям Кант признает, что «нельзя найти ничего более вредного и недостойного философа, чем собственная черта мысли на яко бы противоречащий идею опыта. Этой мысли даже не существовало бы, если бы напр., государственные учреждения были своевременно устроены по идеям, и всякое доброе начинение не было пресечено замкновением в идеям, и всякое доброе начинение не было пресечено замкновением в идеям, и всякое доброе начинение не было пресечено замкновением в идеям, и всякое доброе начинение не было пресечено замкновением в идеям».

Но так как получился тот результат, что идея есть единство понятия и объективности, истинное, то на нее нельзя смотреть, только как на цель, к которой должно приближаться, но которая сама постоянно остается в некотором виде потусторонности, а следует признать, что все действительное лишь постольку есть, поскольку оно имеет внутри себя и выражает идею. Предмет, объективный и субъективный мир, не только должен совпадать с идею, но он сам есть совпадение понятия и реальности; та реальность, которая не соответствует понятию, есть просто явление, субъективное, случайное, произвольное, не истинно. Если говорится, что на опыте нет предмета, воплотившего совпадающего с идею, то последняя противопоставляется действительному, как в которое субъективное хранило; но чем бы должно было повлечь быть нечто действительное, если бы его понятия не было в нем, и его объективность совсем не соответствовала этому понятию, это нельзя выразить словом; ибо это было бы ничто. Механический и химический объект, равно как бездушный субъект и сознаний лишь конечное, а не свою сущность, дух, правда, по своей различной природе, имеют свое понятие осуществленным не в своей собственной форме. Но они могут вообще быть чем-либо истинным лишь постольку, постольку они суть соединение их понятия и реальности, их души и тела. Цели, как государство, церковь, перестают существовать, если разрушается единство их понятия и их реальности; человек, живое, мертвое, если душа и тело разделяются в нем; мертвая природа, механический и химический мир, если именно мертвое принимается за неорганический мир, ибо иначе оно не могло бы никакого положительного значения, — мертвая природа, если она разделена на свое понятие и свою реальность, есть не что иное, как субъективная отвлеченность в некоторой мыслительной форме и в некоторой безформенной материи. Дух, который не был бы идею, единством самого понятия с

собой, понятие, которое имело бы своею реальностью самое понятие, были бы мертвыми, бездушными духом, материальными объектом.

Бытие достигло значения истинным, так как идея есть единство понятия и реальности; бытие есть отныне лишь то, что есть идея. Конечные вещи постольку конечны, поскольку они невольны иметь в них самих реальность их понятия, но нуждаются для того в других; или наоборот, поскольку они предположены, как объекты и тем самым имеют понятие, как вышнее в них определение. Выше, до чего они достигают по сторонам этой конечности, есть вышняя целесообразность. Что действительные вещи не совпадают с идею, — это сторона их конечности, не-истины, по которой объекты, каждый в своей различной сфере и в отношениях объективности, определены механически, химически или через в которую вышнюю идею. Что идея невольна перерабатывает свою реальность, невольна подчинять ее понятию, — от этого зависит возможность того, что идея сама имеет ограниченное содержание, что она, будучи по существу единством понятия и реальности, столь же по существу есть также их различие; ибо лишь объект есть непосредственное, т. е. лишь в себе существующее единство. Но если бы в который предмет, напр., государство, совсем не соответствовало своей идею, т. е. если бы идеи государства вовсе не было, если бы его реальность — самостоятельная недальняя — совсем не соответствовала понятию, то его душа и тело разделились бы; первая отошла бы в отдаленные области мысли, а последнее распалось бы на единичных недальних; но так как понятие государства составляет столь существенно их природу, то это понятие составляет в них столь сильное стремление, что они вынуждены перевести его в реальность или дать ему осуществиться хотя бы лишь в форме вышней целесообразности, ибо иначе они должны бы были погибнуть. Даже худшее из государств, реальность которого наименее соответствует понятию, есть, поскольку оно еще осуществляется, еще идея, недальняя подчиняется еще в нем властвующему понятию.

Но идея имеет не только общий смысл истинного бытия, единства понятия и реальности, но и более определенный смысл субъективного понятия и объективности. А именно понятие, как таковое, есть само уже тождество себя и реальности, ибо неопределенное выражение реальность означает вообще не что иное, как определенное бытие; последнему же при случае понятие в его частности и единичности. Равным образом далее объективность есть возвратившееся из своей определенности в тождество с собою цельное понятие. В той субъективности определенность или различие понятия, присущий ему предикат, есть в некоторой видимость, которая непосредственно снята и возвратилась в бытие для себя или в отрицательное единство. А в этой объективности определенность положена, как непосредственная цельность, как вышнее целое. Идея обнаружила себя теперь, как вновь освобожденное из субъективности от непосредственности, в которую оно было погружено в объект, понятие, которое отличает себя от своей объективности, но при этом равным образом определено ею и имеет свою субстанциальность лишь в этом понятии.

Это тождество правильно определено, как субъектъ—объектъ; оно есть столь же формальное или субъективное понятие, сколь и объект, как таковой. Но это должно быть достигнуто определением. Понятие, так как оно по истинѣ достигло своей реальности, есть то абсолютное суждение, субъектъ котораго отличается, как относящееся къ себѣ отрицательное единство, от своей объективности, и есть ее бытіе въ себя и для себя или по существу относится къ ней через себя самого,—есть самоцѣль или побужденіе; объективность же именно потому не имѣет непосредственно субъекта въ немъ, так как иначе онъ былъ бы лишь утраченная въ ней цѣльность объекта, как такового, но она есть реализация цѣли, нѣкоторая через дѣятельность цѣли положенная объективность, которая, как бытіе въ положеніи, имѣет свое существованіе и свою форму, лишь как проникнутая ею субъектомъ. Как объективность, она имѣет въ ней моментъ внѣшности понятія и есть потому вообще сторона конечности, измѣчивости и явленія, находящая, однако, свое уничтоженіе въ обратномъ переходѣ въ отрицательное единство понятія; отрицательность, через которую ее безразличное выбитіе обнаруживается, как несущественное и положенное, и есть само понятие. Потому идея, несмотря на эту объективность, совершенно проста и нематериальна, так как внѣшность определена лишь через понятие и принята въ свое отрицательное единство; поскольку она существуетъ, лишь как безразличная внѣшность, она вообще не только предана на жертву механизма, но есть лишь проходящее и неистинное. Имѣет ли идея, такимъ образомъ, также свою реальность въ нѣкоторой материальности,—ослѣдствіе все же не есть нѣкоторое отличное, противоположное понятію бытіе для себя, а лишь становленіе через отрицательность безразличнаго бытія, как простая определенность понятія.

Отсюда вытекаютъ слѣдующія ближайшія опредѣленія идеи. Она есть, во-первыхъ, простая истина, тождество понятія и объективности, какъ общее, въ коемъ противоположность и существованіе частнаго разрешено въ свою тождественную себѣ отрицательность и есть равенство съ самимъ собою. Во-вторыхъ, она есть отношеніе сущей для себя субъективности простаго понятія и отличенной отъ него объективности; первая есть по существу побужденіе снять это раздѣленіе, а вторая—безразличное положенное бытіе, въ себя и для себя уничтоженное существованіе. Какъ это отношеніе, идея есть процессъ, направленный къ раздѣленію на индивидуальность и на ее неорганическую природу, къ подчиненію послѣдней вновь власти субъекта и къ возврату къ первой простой общности. Тождество идеи съ самой собою есть одно съ процессомъ; мысль, освобождающая дѣятельность отъ видимости безцѣльной измѣчивости и простирающая ее въ идею, должна представлять эту истинную дѣятельность, не какъ мертвый покой, не какъ простую образъ, тусклый, безъ побужденія и движенія, не какъ нѣкотораго гения, или число, или отвлеченную мысль; идея, въ силу свободы, которой достигаетъ въ ней понятіе, имѣетъ въ себѣ также упорнѣйшую противоположность; ее покой состоитъ въ невозможности и увѣренности, съ коими она вѣчно производитъ и вѣчно продолжаетъ и совпадаетъ въ ней (противоположности) съ самой собою.

Но ближайшимъ образомъ идея опять-таки лишь непосредственна или есть къ ее понятію; объективная реальность хотя и соответствуетъ понятію, но еще не освободилась въ понятіе, и послѣднее еще не осуществлено для себя, какъ понятіе. Такимъ образомъ, понятіе, правда, есть душа, но душа въ образѣ нѣкотораго непосредственнаго, т. е. ее определенность еще не есть она сама, она еще не постигла себя, какъ душу, не есть еще въ ней самой ее объективная реальность; понятіе есть нѣкоторая душа, которая еще не полна душою.

Такимъ образомъ, идея есть, во-первыхъ, жизнь,—понятіе, которое, отличное отъ своей объективности, просто проникаетъ внутри себя свою объективность, и, какъ самоцѣль, имѣетъ въ ней свое средство и полагаетъ ее, какъ свое средство, но въ этомъ средствѣ имманентно и образуетъ въ ней реализованную тождественную себѣ цѣль. Въ силу своей непосредственности идея имѣетъ тутъ формою своего осуществленія единичность. Но рефлексія ее абсолютнаго процесса въ себя самого есть снятіе этой непосредственной единичности; тѣмъ самымъ понятіе, которое въ ней, какъ общность, есть внутреннее, обращаетъ внѣшность въ общность или полагаетъ свою объективность, какъ равенство съ самимъ собою. Такимъ образомъ, идея есть,

во-вторыхъ, идея истиннаго и добраго, какъ познанія и воли. Ближайшимъ образомъ она есть конечное познаніе и конечная воля, въ которыхъ истинное и доброе еще различны, и оба суть цѣли. Понятіе ближайшимъ образомъ освободило себя въ себя само и установило, какъ реальность, отвлеченную объективность. Но процессъ этихъ конечныхъ познанія и дѣянія обращаетъ первоначально отвлеченную общность въ цѣльность, и дѣйствіе чего она становится полною объективностью. Или иначе разсматриваемый съ другой стороны конечный, т. е. субъективный духъ образуетъ предположеніе нѣкотораго объективнаго міра, каковое уже имѣетъ жизнь; но дѣятельность духа состоитъ въ томъ, чтобы снять это предположеніе и сдѣлать его положеннымъ. Такимъ образомъ, реальность духа есть для него объективный міръ, или, наоборотъ, объективный міръ есть идеальность, въ которой духъ познаетъ самъ себя.

Во-третьихъ, духъ познаетъ идею, какъ свою абсолютную истину, сущую въ себя и для себя,—безконечную идею, въ коей познаніе и дѣйствіе приравнялись, и которая есть абсолютное знаніе ее самой.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Жизнь.

Идея жизни касается столь конкретнаго и, если угодно, реальнаго предмета, что по обычному представленію о логикѣ можетъ показаться, будто, вступая въ эту область, логика выходитъ за свои границы. Конечно, если бы логика должна была содержать въ себѣ лишь пустяки, жертвы формы мысли,

то в ней вообще не могло бы идти речи ни о каком таком содержании, как идея или жизнь. Но если предмет логики есть абсолютная истина, а истина, как таковая, по существу заключается в познании, то по крайней мере познание должно бы было быть рассматриваемо в логикѣ. Потому обыкновенно за такъ называемой чистой логикой даютъ слѣдовать нѣкоторую прикладную логикѣ, — логикѣ, имѣющей дѣло съ конкретными познаниями; не говоря уже о большомъ количествѣ психологич. и антропологич. выведеніе котораго въ логику часто признается нужнымъ. Но антропологическая и психологическая сторона познания касается его явленія, въ которомъ понятие для себя самого еще не таково, чтобы имѣть равную ему объективность, т. е. имѣть объектомъ само себя. Та часть логики, которая его рассматриваетъ, не принадлежитъ къ прикладной логикѣ, какъ таковой; такимъ путемъ можно бы было включить въ логику всякую науку, ибо каждая наука есть постольку прикладная логика, поскольку она (наука) состоитъ въ томъ, чтобы усвоить свой предметъ въ формахъ мысли и понятія. Субъективному понятію свойственны предположенія, изображаемая въ психологической, антропологической или иной формѣ. Логикѣ же принадлежать лишь предположенія чистаго понятія, поскольку они имѣютъ форму чистой мысли, отвлеченныхъ сущностей, опредѣленій бытія и сущности. Разнымъ образомъ изъ состава познания, самопознания понятія, должны быть рассматриваемы въ логикѣ не какіе бы то ни было виды его предположенія, а лишь то, которое составляетъ самую идею; послѣднее же рассматривается въ ней необходимо. А это предположеніе есть непосредственная идея; ибо хотя познание есть понятіе, но поскольку оно для самого себя, какъ субъективное, находится въ отношеніи къ объективному, то оно относится къ идѣе, какъ предположенной или непосредственной. Непосредственная же идея есть жизнь.

По силѣ сазаннаго необходимости рассматривать въ логикѣ идею жизни основывалася бы на также признанной уже необходимости рассматривать здѣсь конкретное понятіе познания. Но эта идея выдвигаетъ себя и по внутренней необходимости понятія; идея, истинное въ себѣ и для себя, есть по существу предметъ логики; но такъ какъ она прежде всего должна быть рассматриваема въ своей непосредственности, то она должна быть понятая и познана въ той опредѣленности, въ коей она есть жизнь, дабы ея рассмотрѣніе не было чѣмъ-то пустымъ и лишнимъ опредѣленіемъ. Можно только обратить вниманіе на то, насколько взглядъ логики на жизнь долженъ отличаться отъ взгляда на послѣднюю другихъ наукъ; однако, здѣсь должно говорить не о томъ, какъ рассматривается жизнь въ философии науками, а лишь о томъ, какъ должна быть отличена жизнь въ логикѣ, какъ чистая идея, отъ природной жизни, составляющей предметъ философіи природы, и отъ жизни, поскольку она связана съ духомъ. Первая, какъ жизнь природы, есть жизнь, поскольку она выброшена во вѣдѣнность существованія, имѣть свое условіе въ неорганической природѣ и, какъ моментъ идеи, есть многообразіе дѣйствительныхъ образованій. Жизнь въ идѣе свободна отъ такихъ предположеній, которая суть образы дѣйствительности; ея предположеніе есть по-

нате, рассматриваемое, съ одной стороны, какъ субъективное, съ другой — какъ объективное. Въ природѣ жизнь является, какъ высшая ступень, которой, исходя отъ своей вѣдѣнности, природа достигаетъ тѣмъ, что она переходитъ въ себя и снимаетъ себя въ субъективности. Въ логикѣ же простое бытіе внутри себе достигло въ идѣе жизни своей по истинѣ соответствующей ему вѣдѣнности; понятіе, выступающее ранѣе, какъ субъективное, есть душа самой жизни; оно есть побужденіе, опосредствующее свою реальность черезъ объективность. Такъ какъ природа достигаетъ этой идеи изъ своей вѣдѣнности, то она переходитъ за себя, ея конецъ не есть ея начало, но ея граница, въ коей она снимаетъ себя саму. Точно также и въ идѣе жизни моменты ея реальности не сохраняютъ образа вѣдѣнной дѣйствительности, но остаются заключенными въ форму понятія.

Во духъ же жизнь является отчасти его противоположностью, отчасти, какъ положенная въ единствѣ съ ничемъ, и это единство вновь порождено чисто имъ. А именно, здѣсь жизнь должна быть вообще понимаема въ собственномъ ея смыслѣ, какъ природная жизнь, ибо то, что именуется жизнью духа, какъ духа, есть его особенность, противопоставляемая жизни просто; подобно тому, какъ говорится „по природѣ духа“, хотя духъ есть не природное, а скорее противоположность природѣ. Стало быть жизнь, какъ таковая, есть для духа лишь средство, и такимъ образомъ онъ противопоставляетъ ее себѣ; онъ есть отчасти живое недѣлимое, и жизнь — его тѣло, отчасти же это единство его съ его живое тѣлесность рождается изъ него самого, какъ идеаль. Ни одно изъ этихъ отношеній къ духу не касается жизни въ логикѣ, гдѣ она не должна быть рассматриваема ни какъ средство нѣкотораго духа, ни какъ его живое тѣло, ни какъ моментъ идеала и красоты. Въ обоихъ случаяхъ, какъ природная и какъ состоящая въ отношеніи съ духомъ, жизнь обладаетъ нѣкоторомъ опредѣленностью своей вѣдѣнности, такъ вслѣдствіе предположеній, которая суть другія образованія природы, здѣсь же вслѣдствіе дѣяль и дѣятельности духа. Идея жизни для себя свободна отъ той предположенной и обусловливающей объективности также, какъ отъ отношенія къ той субъективности.

Жизнь, рассматриваемая ближе въ ея идѣе, есть въ себѣ и для себя абсолютная общность; объективность, которую она имѣетъ въ ней, вполне проникнута понятіемъ, имѣетъ субстанцію лишь его. То, что отличается, какъ часть, или на основаніи иной вѣдѣнной рефлексии, принадлежитъ всему понятію внутри себя самого; понятіе есть тутъ вслѣдствіе душа, остающаяся простираетъ отношеніемъ къ себѣ самой и единомъ въ многообразіи, присущемъ объективному бытію. Это многообразіе, какъ вѣдѣнная себѣ объективность, обладаетъ безразличнымъ существованіемъ, которое въ пространствѣ и во времени, если здѣсь можно уже упоминать о нихъ, совершенно вѣдѣнно во взаимномъ отношеніи своихъ частей. Но вѣдѣнность есть въ жизни имѣть съ тѣмъ простая опредѣленность понятія послѣдней такъ, что душа, какъ вслѣдствіе, является въ это многообразіе и при томъ остается совершенно простираетъ единствомъ конкретнаго понятія съ самимъ собою. Въ жизни, въ этомъ единствѣ ея понятія, въ объективной вѣдѣнности, въ абсолютномъ множествѣ атомической матеріи, мышленіе, которое держится за опредѣленія

отношений рефлексии и формального понятия, совершенно терять всё свои мысли; ведьпричастие простого в многообразной вышности есть для рефлексии абсолютное противоречие, и поскольку она вместе с тем должна усвоить его из восприятия жизни и, стало быть, признать действительность этой идеи,—непонятная тайна, ибо рефлексия не схватывает понятия, и для нея понятие не есть субстанция жизни. Но простая жизнь не только ведьпричастна, а есть совершенно существование и имманентная субстанция своей объективности, однако, как субъективная субстанция,—побуждение и при том специфическое побуждение частного различия, а также по существу единое и общее побуждение того специфического, которое возвращает эти частности к единству и сохраняет их в нем. Жизнь есть относящаяся к себе, сущая для себя жизнь, душа, лишь как это отрицательное единство своей объективности и своего порождения. Тем самым она есть по существу единичное, относящееся к объективности, как к некоторому другому, к некоторой неживой материи. Первоначальное суждение жизни состоит потому в том, что она отделяет себя, как индивидуальный субъект, от объективности, и завлаивает себя, как отрицательное единство понятия, образуя предположение некоторой непосредственной объективности.

Потому жизнь должна быть рассматриваема, во-первых, как живое недѣльное, сущая для себя субъективная целостность, предположенная безразлично относительно противостоящей ей, как безразличная, объективности.

Во-вторых, она есть жизненный процесс, направленный к тому, чтобы сваять свое предположение, положить противостоящую ей безразличную объективность, как отрицательную, и осуществить себя, как ее мощь и отрицательное единство. Тем самым жизнь обращает себя в общее, которое есть единство ее самой и ее другого. Жизнь есть потому,

в-третьих, процесс рода, направленный к тому, чтобы сваять свою единичность и относиться к своему объективному существованию, как себя самому. Этот процесс есть тем самым, с одной стороны, возврат к своему понятию и повторение первого различия, становление некоторой новой и смерть первой непосредственной индивидуальности; а с другой стороны, возвратившаяся внутрь себя понятие жизни есть становление относящего к себе самому, осуществленного для себя, как общее и свободное понятие, переход к познанию.

А.

Живое недѣльное.

1. Понятие жизни или общая жизнь есть непосредственная идея, понятие, которому соответствует его объективность; но она соответствует ему лишь постольку, поскольку оно есть отрицательное единство этой вышности, т. е. поскольку оно полагает себя, как соответствующее. Безконечное отношение понятия к самому себе, как отрицательность, есть самоопределение, разделение себя внутри себя, как субъективная единичность, и внутри себя,

как безразличная общность. Лишь идея жизни в ее непосредственности есть творческая общая душа. В силу этой непосредственности первое непосредственное отношение идеи внутри себя самой, самоопределение ее, как понятия, есть положение в себя, которое и есть, как возврат в себя, бытие для себя, творческое предположение. Через это самоопределение общая жизнь есть нечто частное; тем самым она раздвоилась на два крайних термина суждения, ставшего непосредственным умозаключением.

Определения противоположности суть общия определения понятия, ибо именно понятию присуще раздвоение; но восполнение последнего есть идея. Одно единство есть единство понятия и реальности, которое есть идея, как непосредственная, разве только обнаружившая себя, как объективность. Но здесь это единство имеет иное определение. Там оно было единством понятия и реальности, поскольку понятие перешло в последнее и существует, лишь как потерянное в ней; оно не было ей противоположно, или, иначе, так как оно есть в ней лишь внутреннее, оно есть для нея лишь в-которая вышняя рефлексия. Потому эта объективность есть непосредственным образом само непосредственное. Напротив, здесь оно есть лишь возникшее из понятия так, что его сущность есть бытие в положении, что оно есть отрицательное. На него следует смотреть, как на сторону общности понятия, а тем самым как на отвлеченную общность, присущую по существу лишь субъекту и безразличную относительно него в той форме непосредственного бытия, которое положено для себя. Полнота понятия, существенная объективности, есть тем самым как бы заимствованная; остаток самостоятельности, сохраняющийся в ней относительно субъекта, есть то бытие, составлявшее по своей истине лишь момент понятия, которое есть предполагающее, в первой определенности некоторого сущего в себе положении, не извонного еще характера положения рефлектированного в себя единства. Возникая таким образом из идеи, самостоятельная объективность есть непосредственное бытие, лишь как предикат суждения, коим самоопределяется понятие, бытие, хотя отличное от субъекта, но вместе с тем по существу положенное, как момент понятия.

По содержанию эта объективность есть познота понятия, которая однако противопоставила себя его субъективности или отрицательному единству, составляющему истинную центральность, свое свободное единство с самим собой. Этот субъект есть идея в форме единичности, как простое, но отрицательное тождество с собою,—живое недѣльное.

Последнее есть во-первых жизнь, как душа, как понятие себя самой, вплоть определенное внутри себя, как давший начало, самодвижущий принцип. Понятие в своей простоте содержит заключенную внутри себя определенную вышность, как простой момент. Но далее эта душа в ее непосредственности непосредственно вышняя и имеет некоторую объективное бытие в себе самой; подчиненная цели реальность, непосредственное средство есть ближайшим образом объективность, как предикат субъекта, но далее она есть также средней термин умозаключения; тлзность души

есть то, чѣмъ она вводится въ указывающее съ вѣншею объективностью. Живое имѣетъ тѣлесность, ближайшимъ образомъ, какъ непосредственно тождественную понатію реальность, т.-е. вообще по природѣ.

А такъ какъ эта объективность есть предикатъ недѣлимаго и принята въ субъективное единство, то ей не присущи прежнія опредѣленія объекта, механическое и химическое отношенія, и тѣмъ болѣе отвлеченныя рефлективныя отношенія цѣлаго и частей и т. п. Какъ вѣншею, она, правда, способна къ этимъ отношеніямъ, но лишь постольку, поскольку она не есть живое существованіе; если живое понимается, какъ цѣлое, состоящее изъ частей, какъ такое, на которое влѣаютъ механическія или химическія причины, какъ механический или химическій продуктъ, или просто какъ таковой, или опредѣленный вѣншею цѣлью, то понатію ему вѣнше, оно (живое) признается за мертвое. Такъ какъ понатіе ему именитно, то цѣлесообразность живого должна быть понимаема, какъ внутренняя; понатіе есть въ живомъ, понатіе опредѣленное, отличное отъ своей вѣншею и въ своемъ отличіи пропиающее его и тождественное себѣ. Эта объективность живого есть организмъ; она есть средство и орудіе цѣли, вполнѣ цѣлесообразное, такъ какъ понатіе составляетъ ее субстанцію; но именю потому это средство и орудіе есть сама выполненная цѣль, въ коей, потому, субъективная цѣль включена вмѣстѣ съ самою собою. По вѣншею организма она есть многообразие въ частей, а членовъ, которые, какъ таковые, а, существовать лишь въ индивидуальности; они отдѣльны одна отъ другой, поскольку они вѣнши и могутъ быть понаты въ этой вѣншею; но поскольку они отдѣльны, они возвращаются въ механическія и химическія отношенія обычной объективности. В., Ихъ вѣншею противноложна отрицательному единству живой индивидуальности; поэтому послѣдняя есть побужденіе въ тому, чтобы полагать отвлеченный моментъ опредѣленности понатія, какъ реальное отличіе; такъ какъ это отличіе непосредственно, то это есть побужденіе каждого единичнаго, специфическаго момента производить его, а равнымъ образомъ, повинать свою частію въ общность, снимать другіе вѣншею ему моменты, осуществлять себя на ихъ счетъ, но также снимать самого себя и дѣлать себя средствомъ для другихъ.

2. Этотъ процессъ живой индивидуальности ограниченъ ею самою и заключенъ совершенно внутри нея. Въ умозаключеніи вѣншею цѣлесообразности первая его послыла, относящаяся къ объективности и дѣлющая ее средствомъ, разсматривалась ранѣе такъ, что хотя въ ней цѣль остается равной себѣ и возвратилась въ себя, но объективность въ ней самой еще не сняла себя, и поэтому цѣль въ ней не есть въ себѣ и для себя, а это достигается лишь въ заключеніи. Процессъ, совершавшійся въ живомъ самъ съ собою, есть эта послыла, но поскольку она есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключеніе, постольку непосредственное отношеніе субъекта къ объективности, которая тѣмъ самымъ становится средствомъ въ немъ самомъ; цѣль въ этой своей вѣншею осуществляетъ себя такимъ образомъ, что цѣль есть ее субъективная мощь и тотъ процессъ, въ которомъ она (вѣншею) обнаруживаетъ свое саморазложеніе и свой воз-

вратъ въ это свое отрицательное единство. Безпокойство и измѣчивость вѣншею стороны живого есть прозалеіе понатія въ немъ, понатія, которое имѣетъ объективность, лишь какъ отрицательность въ себѣ самой, поскольку ее безразличное существованіе обнаруживается, какъ снимающее себя. Такимъ образомъ, понатіе черезъ свое побужденіе производитъ себя такъ, что продуктъ, будучи его сущностью, есть самъ производящее, именю, что онъ есть продуктъ, лишь какъ полагаящая себя также отрицательною вѣншею или какъ процессъ произведенія.

3. Только что разсмотрѣнная идея есть понатіе живого субъекта и его процесса; опредѣленія, находящіеся здѣсь во взаимномъ отношеніи, суть относящиеся къ себѣ отрицательное единство понатія и объективности, которая есть его средство, но въ которой оно возвратилось въ само себя. Но такъ какъ это суть моменты идеи жизни внутри ее понатія, то они не суть опредѣленные моменты понатія живого недѣлимаго въ его реальности. Его объективность или тѣлесность есть конкретная полнота; ее моменты суть тѣ стороны, изъ коихъ образуется тѣлесность; потому, они не суть моменты этой уже черезъ идею образованной жизненности. Тѣлесная же объективность недѣлимаго, какъ таковая, такъ какъ она одушевлена понатіемъ и имѣетъ его своею субстанціею, имѣетъ въ ней такія существенныя отличія, которыя суть ее опредѣленія,—общность, частность и единичность; тотъ видъ, въ коемъ она различна вѣншею образомъ, раздѣленъ потому или разсѣченъ (insectum) сообразно имъ.

Тѣмъ самымъ она есть, во-первыхъ, общность, лишь въ себѣ самою совершавшееся содроганіе жизненности, чувствительность. Понатіе общности, какъ оно вышло выше, есть простая непосредственность, которая есть однако таковая, лишь какъ абсолютная отрицательность въ себѣ. Это понатіе абсолютнаго различія, поскольку его отрицательность разложилась въ простоту и равна самой себѣ, дана возривію въ чувствительности. Она есть бытіе внутри себя, не какъ отвлеченная простота, но какъ безконечная опредѣлимая воспримчивость, которая въ своей опредѣленности не становится чѣмъ-то многообразнымъ и вѣншею, но просто рефлектирована въ себя. Опредѣленность есть въ этой общности простой принципъ; единичная вѣншею опредѣленность, т. наз. впечатлѣніе, возвращается изъ своего вѣншею и многообразнаго опредѣленія въ эту простоту самочувствія. Чувствительность можетъ тѣмъ самымъ быть разсматриваема, какъ существованіе сущей внутри себя души, такъ какъ первая принимаетъ въ себя всю вѣншею, но возвращаетъ ее въ полноту простоты равной себѣ общности.

Второе опредѣленіе понатія есть частность, моментъ положеннаго отличія, раскрытіе отрицательности, которая замкнута въ простомъ самочувствіи или, иначе, есть въ немъ идеализованная, еще не реальная опредѣленность,—раздражительность. Чувство есть побужденіе въ силу отвлеченности своей отрицательности; оно опредѣляетъ себя; самоопредѣленіе живого есть его сужденіе или обращеніе его въ конечное, вслѣдствіе чего оно относится къ вѣншею, какъ къ нѣкоторой предположенной объективности, и находится во взаимодействіи съ нею. По своей частности оно есть отчасти видъ на-ряду

сь другими видами живого; формальная рефлексия в себя этого безразличного различия есть формальный родъ и его систематизация; но индивидуальная рефлексия состоит в томъ, что частность есть отрицательность ея определенности, какъ въ некоторомъ направлении во внѣ, которое есть относящаяся къ себѣ отрицательность понятия.

По этому третьему опредѣленію живое есть единичное. Ближайше эта рефлексия в себя опредѣляетъ себя такъ, что живое въ раздражительности есть внѣшность себя относительно себя самой, относительно объективности, которую оно обладаетъ непосредственно въ немъ, и которая опредѣляетъ внѣшнимъ образомъ. Рефлексия в себя снимаетъ эту непосредственность, — съ одной стороны, какъ теоретическая рефлексія, поскольку именно отрицательность есть простой моментъ чувствительности, разсматриваемый въ ней и составляющий чувство; съ другой же стороны, какъ реальная (рефлексія), такъ какъ единство понятія въ своей внѣшней объективности полагаетъ себя, какъ отрицательное единство, воспроизведеніе. Оба первыхъ момента, чувствительность и раздражительность, суть отвлеченныя опредѣленія; въ воспроизведеніи же жизнь есть конкретное, жизненность, она имѣетъ въ ней, какъ свою истину, лишь теперь, также чувство и силу сопротивления. Воспроизведеніе есть отрицательность, какъ простой моментъ чувствительности, а раздражительность есть лишь живая сила сопротивления, находящаяся въ отношеніи къ внѣшнему воспроизведенію и индивидуальному тождеству съ собою. Каждый изъ единичныхъ моментовъ есть по существу полнота всѣхъ ихъ, ихъ различіе образуетъ собою идеализованную опредѣленность формы, которая положена въ воспроизведеніи, какъ конкретная полнота цѣлаго. Это цѣлое есть, потому, съ одной стороны, третье, именно противоположено отъ изъ опредѣленнымъ полнотамъ, какъ реальная полнота, а съ другой стороны, оно есть ихъ сущая въ себѣ существенность и вмѣстѣ съ тѣмъ то, въ чемъ соединяются онѣ, какъ моменты, и въ чемъ онѣ имѣютъ свой субъектъ и свою устойчивость.

Вмѣстѣ съ воспроизведеніемъ, какъ моментомъ единичности, живое полагаетъ себя, какъ действительную индивидуальность, какъ относящаяся къ себѣ бытіе для себя; но воспроизведеніе есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, реальное отношеніе къ внѣшнему, рефлексія частности или раздражительности въ противоположность въ некоторому другому, объективному міру. Заключенный внутри недѣлимаго процессъ жизни переходитъ въ отношеніи къ предположенной объективности, какъ таковой, такимъ путемъ, что такъ какъ недѣлимое полагаетъ себя, какъ субъективную полноту, то моментъ его опредѣленности, какъ отношеніе къ внѣшности, становится также полнотой.

В.

Процессъ жизни.

Образу себя внутри себя самого, живое недѣлимое тѣмъ самымъ представляетъ себя своему первоначальному предположенію и, какъ въ себѣ и для себя сущій объектъ, — предположенному объективному міру. Субъектъ есть

самъ себѣ цѣль, понятие, имѣющее свое средство и субъективную реальность въ подчиненной ему объективности; тѣмъ самымъ онъ образуетъ, какъ въ себѣ и для себя сущая идея и какъ по существу самостоятельное, относительно котораго предположенный внѣшній міръ имѣетъ значеніе лишь отрицательнаго и несамостоятельнаго. Въ своемъ самочувствіи живое обладаетъ этою увѣренностью въ сущемъ для себя ничтожествѣ противостоящаго живому инобытія. Побужденіе живого есть потребность снять это инобытіе и сообщить себѣ истину сказанной увѣренности. Недѣлимое, лишь какъ субъектъ, есть прежде всего понятіе идеи жизни; его субъективный процессъ внутри себя, въ коемъ оно покидаетъ самъ себя, и непосредственная объективность, которую оно полагаетъ, какъ естественное средство сообразно своему понятію, опосредованы процессомъ, относящимся къ исполнѣнной внѣшности, къ безразлично стоящей на-ряду съ нимъ объективной полнотѣ.

Этотъ процессъ начинается съ потребности, т.-е. съ того момента, въ коемъ живое, во-первыхъ, опредѣляетъ себя, тѣмъ самымъ полагаетъ себя, какъ объективность, подлежащую отрицанію, и тѣмъ самымъ, относясь къ некоторой другой, безразличной объективности; но, во-вторыхъ, оно не терпитъ въ этой потерѣ себя, сохраняется въ ней и остается тождествомъ равному самому себѣ понятію; тѣмъ самымъ оно есть побужденіе положить равнымъ себѣ и снять тотъ иной ему міръ для себя и объективировать себя. Въ результатѣ того его самоопредѣленіе имѣетъ форму объективной внѣшности и то, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ тождествомъ себѣ, есть абсолютное противорѣчіе. Непосредственное образованіе есть идея въ ея простомъ понятіи, соответствующая понятію объективности; такимъ образомъ, она по природѣ добра. Но такъ какъ ея отрицательный моментъ реализованъ въ объективную частность, т.-е. существенные моменты ея единства каждый для себя — въ полноту, то понятіе раздвигается въ абсолютное неравенство себя съ собою; и такъ какъ оно, равнымъ образомъ, есть въ этомъ раздвоеніи абсолютное единство, то живое есть для самого себя это раздвоеніе и имѣетъ чувство этого противорѣчія, которое (чувство) есть боль. Потому, боль есть преимущество живыхъ существъ, ибо они суть осуществленное понятіе, въ некоторой действительности той безконечной силы, отрицательность ихъ самихъ внутри себя и эта ихъ отрицательность состоятъ для нихъ, состоящая въ томъ, что они сохраняютъ себя въ ихъ инобытіи. Если говорить, что противорѣчіе немалого, то именно въ боль живого оно имѣетъ даже действительное осуществленіе.

Это раздвоеніе живого внутри себя есть чувство, при чемъ оно принято въ простую общность понятія, въ чувствительность. Съ боли начинаются потребность и побужденіе, составляющая переходъ, который состоитъ въ томъ, что недѣлимое, будучи отрицаемъ себя для себя, становится также тождествомъ для себя, — тождествомъ, которое есть лишь отрицаніе этого отрицанія. Тождество, присутствующее побужденію, какъ таковому, есть субъективная достоянность себя самого, согласно которой недѣлимое относится къ своему внѣшнему, безразлично осуществленному міру, какъ въ явленію, къ чуждой въ себѣ понятію и несущественной действительности. Оно должна получать понятіе

внутри себя лишь через субъекта, который есть имманентная цель. Безразличие объективного мира к определенности, а тем самым и к цели, и составляет его видную способность быть соответствующим субъекту; каки бы прочии спецификации он ни имел в нем, его механическая определенность, недостаток свободы имманентного понятия составляет его бессилие сохранять себя вопреки живому. Поскольку объект есть в противоположность живому ближайшим образом некоторое безразличное видение, он может действовать на живое механически; но он действует таким образом, не как на нечто живое; поскольку он относится к последнему, он действует не как причина, а возбуждает оное. Так как живое есть побуждение, то видность приходит в него и внутрь его, лишь поскольку она уже есть внутри его в себя и для себя; воздействие на субъект состоит потому лишь в том, что он соответствующим образом находит представляющую ему видность; — если она и не соответствует его полноте, то по крайней мере она должна соответствовать некоторой частной его стороне, и возможность этого заключается в том, что он, как относящийся видным образом, есть нечто частное.

Итак, субъект, поскольку он, как определенный в своей потребности, относится к видному и потому сам есть видное или орудие, оказывается в силе над объектом. Частный характер субъекта, его конечность вообще, обнаруживается в более определенном явлении этого отношения. Видное в последнем есть вообще процесс объективности, механизм и химизм. Но этот процесс непосредственно прерывается, и видность превращается во внутреннее. Видная цельсообразность, возникающая ближайшим образом через действительность субъекта в безразличном объекте, снимается тем, что объект по отношению к понятию не есть субстанция, и что поэтому понятие не может быть его высшей формой, но должно положить себя, как его сущность и имманентное, пропущающее определение, сообразно своему первоначальному тождеству.

Вместе с подчинением объекта механической процесс переходит по этому во внутренний, через который видное усваивает себя объект так, что оно лишает его своеобразного состояния, делятся его своим средством и сообщает ему, как субстанцию, свою субъективность. Эта ассимиляция совпадает тем самым с вышерассмотренным процессом воспроизведения видного; в этом процессе оно ближайшим образом познрует себя, для себя объект своим собственную объективность; механической и химической конфликт его членов с видными величинами есть один из его объективизации живого. Так как жизнь есть истина этих процессов, и тем самым проникает их, как их общность, и ее мощь, то жизнь захватывает их. Это их превращение в живую индивидуальность составляет возврат их в себя самих, так что произведение, которое, как таковое, было бы переходом в нечто другое, становится воспроизведением, в коем живое для себя полагает себя тождественным с собой.

Непосредственная идея есть также непосредственное, не для себя сущее тождество понятия и реальности; через объективный процесс живое сообщает себя свое самочувствие; ибо оно полагает себя в последнем, как то, что есть в себя и для себя, в своем положении, как безразличное инобытие, тождество с самим собою, отрицательным единством отрицательного. В этом совпадении видного со своим первоначально предположенным, как безразличная ему, объективностью, равным образом с одной стороны в образовании из себя действительной единичности, оно снимает свою частность и повышается до общности. Его частность состояла в раздвоении, через которое жизнь полагала, как свои виды, индивидуальную жизнь и видную ей объективность. Через видный процесс жизни живое тем самым положила себя, как реальную, общую жизнь, как род.

С.

Род.

Живое видное, выделенное ранее того из общего понятия жизни, есть некоторое предположение, еще не оправданное через себя само. Через процесс с предположенным вместе с тем миром видное положило само себя для себя, как отрицательное единство своего инобытия, как основу себя самого; оно есть таким образом действительности, как ранее оно производило себя теперь из действительности, как ранее оно происходило лишь из понятия, и что его происхождение, которое было некоторым предположением, теперь есть его собственное произведение.

Но дальнейшее определение, коему оно достигло через снятие противоположности, состоит в том, чтобы быть родом, как тождеством себя со своим прежним безразличным инобытием. Так как эта идея видного есть это сущностное тождество, то она есть по существу порождение себя самой. Это ее разделение в силу полноты, из которой оно возникает, есть раздвоение видного, — предположение некоторой объективности, тождественной с ним, и отношение живого к себе самому, как некоторому другому живому.

Это общее есть третий ступень, истина жизни, поскольку она еще замкнута внутри своей сферы. Эта ступень есть относящийся к себе процесс видного, в коем (процесс) видность есть его имманентный момент; во-вторых эта видность, как живая полнота, есть сама некоторая объективность, какою для видного служить оно само, и в которой процесс имеет достоверность самого себя не как святой, но как существующий (bestehend).

А так как отношение рода есть тождество индивидуального самочувствия в том, что вместе с тем есть другое самостоятельное видное, то это отношение есть противоречие; тем самым живое есть вновь побуждение. Род есть, правда, завершение идеи жизни, но ближайшим образом он находится еще внутри сферы непосредственности; поэтому эта общность имеет действительность в единичном образе; это понятие, реальность которого имеет форму непосредственной объективности. Поэтому хотя видное

*Дополнение
к главе II, 10*

есть в себѣ родъ, но оно не есть для себя родъ; то, что есть для него, есть лишь другое живое недѣлимое; отличное отъ себя понятие имѣетъ тождественнымъ себѣ предметомъ не себя, какъ понятие, а нѣкоторое понятие, которое, какъ живое, имѣетъ вѣсть съ тѣмъ вѣншнюю объективность для него, нѣкоторую форму, которая поэтому непосредственно противоположна ему.

Тождество съ другимъ, общность недѣлимаго, есть тѣмъ самымъ лишь внутренняя или субъективная; недѣлимое имѣетъ поэтому стремление положить ее и реализовать себя, какъ общее. Но это побуждение къ роду можетъ реализовать себя лишь черезъ снятие еще взаимно различныхъ, единичныхъ индивидуальностей. Поскольку ближайшимъ образомъ онъ въ себѣ вообще удовлетворяетъ напряженность своего стремления и растворяется въ общность своего рода, то ихъ реализованное тождество есть отрицательное единство рефлектирующаго въ себя изъ своего раздвоения рода. Онъ суть въ силу того индивидуальность самой жизни, породившая не изъ ея понятию, а изъ дѣйствительной идеи. Ближайшимъ образомъ она есть сама лишь понятие, которое еще должно себя объективировать, но дѣйствительное понятие, — зародышъ нѣкотораго живого недѣлимаго. Въ этомъ зародышѣ дано ordinarily воспріятію то, что есть понятие, и то, что субъективное понятие имѣетъ вѣншнюю дѣйствительность. Ибо зародышъ живого есть полная конкретность индивидуальности, содержащая въ свои различныя стороны, свойства и членораздѣльныя различія въ ихъ полной опредѣленности, которая ближайшимъ образомъ просто и нечувственно есть нематериальная, субъективная полнота; такимъ образомъ зародышъ есть все живое во внутренней формѣ понятию.

Рефлексія рода въ себя есть съ этой стороны то, чѣмъ сохраняется дѣйствительность, такъ какъ въ ней полагается моментъ отрицательнаго единства и индивидуальности, — разное живыхъ существъ. Идея, которая, какъ жизнь, имѣетъ еще форму непосредственности, возвращается тѣмъ самымъ въ дѣйствительность, и эта ея рефлексія есть лишь повтореніе и безконечный прогрессъ, въ коемъ она не освобождается отъ конечности своей непосредственности. Но это возвращеніе идеи къ ея первоначальному понятию имѣетъ и ту болѣе высокую сторону, что идея нѣсколько прошла опосредованіе своего процесса, погруженная въ непосредственность, а также снята при этомъ послѣднимъ и тѣмъ самымъ повысилась въ болѣе высокую форму своего существованія.

А именно процессъ рода, въ коемъ отдѣльныя недѣлимая взаимно снимаютъ свое безразличное, непосредственное осуществленіе и уничтожаются въ этомъ отрицательномъ единствѣ, имѣетъ далѣе другою стороною своего процесса реализованный родъ, положившій себя тождественнымъ съ понятиемъ. Въ процессъ рода исчезаютъ отдѣльныя единичности индивидуальной жизни; отрицательное тождество, въ которомъ родъ возвращается внутрь себя, съ одной стороны порождаетъ единичность, а съ другою снимаетъ ее, и стало бытъ есть совмѣшивъ съ собою родъ, ставшая сущеемъ для себя общность идеи. Въ оплодотвореніи уничтожается непосредственность живой индивидуальности; смерть этой жизни есть возникновеніе духа. Идея, которая, какъ родъ, есть въ себѣ, есть для себя, такъ какъ она сняла свою частность, присутую

живымъ существамъ, и тѣмъ самымъ сообщила себѣ нѣкоторую реальность, которая есть сама простая общность; такимъ образомъ она есть идея, которая относится къ себѣ, какъ идея, общее, имѣющее общность своею опредѣленностью и существованіемъ; — идея познанія.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Идея познанія.

Жизнь есть непосредственная идея или идея, какъ ея еще не реализованное въ самомъ себѣ понятие. Въ ея сужденіи она есть познаніе вообще.

Понятие есть, какъ понятие, для себя, поскольку оно осуществляется свободно, какъ отвлеченная общность или какъ родъ. Такимъ образомъ оно есть свое чистое тождество съ собою, которое такъ различаетъ себя въ себѣ самымъ, что различное не есть нѣкоторая объективность, но равнымъ образомъ освобождено въ субъективность или форму простого равенства съ собою, и тѣмъ самымъ есть предметъ понятию, самое понятие. Его реальность вообще есть форма его существованія; вся суть состоитъ въ опредѣленіи этой формы: на ней основывается различіе того, что понятие есть въ себѣ или какъ субъективное, что оно есть, какъ погруженное въ объективность, и затѣмъ въ идею жизни. Въ послѣдней оно, правда, отличается отъ своей вѣншной реальности и положено для себя, но имѣетъ это бытіе для себя, лишь какъ тождество, которое есть отношеніе къ себѣ, какъ погруженное въ свою подчиненную ему объективность, или къ себѣ, какъ присущей ему субстанціальной формѣ. Возвышеніе понятию надъ жизнью состоитъ въ томъ, что его реальность есть освобожденная въ общность форма понятию. Черезъ это сужденіе идея раздвигается на субъективное понятие, реальность котораго есть оно само, и на объективное, которое есть жизнь. Мышленіе, духъ, самосознаніе суть опредѣленія идеи, поскольку она имѣетъ предметомъ саму себя, и поскольку ея существованіе, т. е. опредѣленность ея бытія, есть ея собственное отличіе отъ себя самой.

Метафизика духа или, какъ говорится часто иначе, душа прараслась около опредѣленій субстанціи, простоты, нематериальности; опредѣленій, для которыхъ было принимаемо въ основу представленіе духа, какъ субъекта, почеркнутое изъ эмпирическаго сознанія, и затѣмъ сдѣлалось, какіе предикаты согласуются съ воспріятіями; пріемъ, который не могъ идти далѣе, чѣмъ пріемъ физики — подвести міръ явленій подъ общіе законы и опредѣленія рефлексіи, такъ какъ въ основаніи этого пріема лежалъ духъ также лишь въ его явленіи; этотъ пріемъ приводилъ даже къ еще меньшей научности, чѣмъ въ физикѣ, такъ какъ духъ нѣсколько безконечно богаче, чѣмъ природа, но и такъ какъ абсолютное единство противоположнаго въ понятию оставляетъ также сущность духа; такимъ образомъ въ своемъ явленіи и отношеніи къ вѣншности онъ проявляетъ противорѣчіе въ его высшей опредѣленности, и поэтому для každого изъ противоположныхъ опредѣленій рефлексія должнъ бытъ

произведен опыт, или от опытов должен быть сделан вывод в противоположном определении путем формального умозаключения. Так как непосредственно являющему предмету ближайшим образом принадлежат еще опытной психологии, то для метафизического соображения остается собственно лишь совершенно скучная определенная рефлексия. Кант в своей критикé умозрительной психологии признает эту метафизику прочно стоящую на том, что, поскольку она должна быть умозрительной наукой, то малейшая почернутая из восприятия прибавка к общему представлению самосознания превратила бы эту науку в опытную и погубила бы ее умозрительную чистоту и независимость от всякого опыта. Поэтому не остается ничего кроме простого, совершенно пустого для себя по содержанию представления я, о котором нельзя даже сказать, что оно есть понятие, в которое есть простое сознание, сопровождающее всё понятие. Через это я или через то (ту вещь), что мыслят, по дальнейшим выводам Канта представляется лишь трансцендентальный субъект мысли—*x*, который познается только через мысли, составляющие его предикаты, и о котором в его отдаленности мы никогда не можем иметь ни малейшего понятия; при том же это я по собственному выражению Канта имеет те неудобства, что для какого-либо суждения о нем мы постоянно должны уже пользоваться имъ; ибо оно не есть некоторое представление, служащее для отнесения какого-либо особого объекта, а форма последнего вообще, поскольку оно должно быть названо познанием. Таким образом парадоксизм, в который впадает рациональная психология, состоит в том, что модуль самосознания в мышлении обращается в понятие разсудка о некотором объекте, что это я мысль принимается за некоторое мыслящее существо, за некоторую вещь в себя; таким путем из того, что я в сознании всегда присутствует, как субъект, и именно как единичный, при всем многообразии представлений тождественный и отличающийся меня от этого многообразия, как вышнего ему, неправомерноводится, что я есть некоторая субстанция, да еще нечто качественно простое, единое и существующее независимо от пространственных и временных вещей.

Я привел и это изложение более подробно потому, что оно определенно знакомит с природою прежней метафизики души, а также в частности увлеченной души; она исходила при этом первоначально от восприятия и превращала его эмпирическую общность и вообще вышнее рефлексивное определение единичности действительно в форму завершенных определений сущности. Кант вообще имел при этом в виду лишь состояние современной ему метафизики, которая останавливалась, главным образом, на таких увлеченных, односторонних определениях без какой-либо диалектики; истинно умозрительных идей более старых философов о понятии духа он не принимал во внимание и не наследовал. В своей критикé этих определений он просто следовал жюовой скептической манере, а именно, твердо стоял на том, каким является я в самосознании, отбрасывая

из него, так как надлежало познать его, как сущность, как вещь в себя, все эмпирическое; таким образом, не оставалось ничего, кроме этого явления я мысль, которое сопровождает всё представление, и о котором мы не имеем ни малейшего понятия. Без сомнения, следует согласиться с тем, что ни о я, ни о чем бы то ни было, даже о понятии не имеется ни малейшего понятия, покуда люди не понимают, а останавливаются на простом, неподвижном представлении и названии. Странна мысль — если только ее можно назвать мыслью, — что я уже должен пользоваться я, чтобы судить о я; я, которое пользуется самосознанием, как некоторым средством суждения, есть конечно некоторый *x*, о коем, равно как об отношении такого пользования, нельзя иметь ни малейшего понятия. Но без сомнения можно назвать неудобством и, как нечто ошибочное, кругом то свойство самосознания, что я мыслить само себя, что нельзя мыслить я, если нет я, которое мыслит; отношение, через которое в непосредственности эмпирическом самосознании обнаруживается абсолютная, влыва природа я и его понятия, обнаруживается в силу того, что самосознание именно и есть существующее, следовательно, эмпирически воспринимаемое чистое понятие, абсолютное отношение к себе самому, которое, как разделяющее суждение, делает себя своим предметом и одно способно быть самым образом себя в круг. Какому не свойственно это неудобство; если о нем думать, или если нужно судить о нем, то он при этом не представляет сам себя пути; ему чуждо затруднение пользоваться для этого самим собой; этот труд должен прийти на себя нечто другое, находящееся вне его.

Недостаток, находящийся этими заслуживающими название варварских представлениями, в том, что при мысли о я последнее не может быть опущено, как субъект, является за смк в таком виде, что я дано лишь, как субъект сознания, или что я может употреблять себя лишь в качестве субъекта суждения, и что нет такого возвращенья, через которое оно было бы дано, как объект; между тем понятие я, которая может существовать, лишь как субъект, не приводит еще за собою никакой объективной реальности. Но если для объективности требуется вышнее, определенное во времени и пространстве возвращенья, и оно однако отсутствует, то ясно, что под объективностью разумется лишь та чувственная реальность, возвышение над которой есть условие мышления и истины. Но конечно если я при отсутствии понятия признается только простым представлением, так, как мы высказываем я в обдуманном сознании, то оно есть отвлеченное определение, а не являющее само себя предметом отношения себя самого; оно есть, таким образом, лишь один из крайних терминов, односторонний субъект без своей объективности и было бы также лишь неудобство без субъективности, если бы тут не встрчалось именно упомянутого неудобства — необходимости от я, как объекта, мыслящего субъекта. Но в действительности то же самое неудобство иметь место и при первом определении, определении я, как субъекта; ибо я мыслить нечто, себя или что-либо другое, это переадресовать духу форм, в которых оно противопоставляет себя себе

самому, составляет собственную природу его понятия и понятия, как такового; она есть именно то, что желает удержать Кант, дабы прочно сохранить неразличающее себя въ себя и потому лишь чуждое понятию представление. Такое чуждое понятие представление, правда, может сжело быть противопоставлено отвлеченным определенным рефлексии или категориям прежней метафизики; ибо оно стоит съ ними наравнѣ по односторонности, хотя оно выше его по мысли. Напротивъ, тѣмъ болѣе скуднымъ и пустымъ является оно сравнительно съ болѣе глубокими идеями древней философіи о понатіи души или мышленія, наприимр съ истинно-указательными идеями Аристотеля. Если философія Канта изслѣдовала эти опредѣленія рефлексіи, то тѣмъ болѣе она должна бы была изслѣдовать прочно усвоенную отвлеченность пустого я, лишая идею вещи въ себя, которая оказывается совершенно ложною именно въ-дѣствіе ея отвлеченности; оицъ этого вызывающаго жалобу неудобства самъ есть эмпирический фактъ, въ чемъ и высказывается истинность этой отвлеченности.

Кантова критика указательнаго психологіи упоминаетъ лишь нецелесоувно доказательство безмергіи души; и я привожу здѣсь его опроверженіе еще въ виду достоверности того, что ему противопоставляется. Это доказательство основывается на простотѣ души, въ-дѣствіе которой (простога) душа неспособна къ измѣненію, къ переходу въ нѣчто другое во времени. Качественная простота есть выше разсмотрѣнная форма отвлеченія вообще; какъ качественная опредѣленность, она изслѣдована въ сферѣ бытія, и такъ было доказано, что качественное, какъ таковое, есть отвлеченно относима къ себѣ опредѣленность и именно потому діалектично и есть лишь переходъ въ нѣчто другое. Относительно же понатія было показано, что разсматриваемое съ точки зрѣнія простоты, неистребности и неуничтожаемости оно, напротивъ, потому есть сущее въ себѣ и для себя и въ-чужое, что оно есть не отвѣченная, а конкретная простота, не отвлеченно относимая къ себѣ опредѣленое бытіе, но единство себя самого и своего другаго, въ которое оно, стало бытіе, не можетъ перейти такъ, чтобы оно въ немъ измѣнилось, именно потому что друго, опредѣленное бытіе есть оно само, и потому въ такомъ переходѣ оно переходитъ лишь къ себѣ самому. Между тѣмъ Кантова критика противопоставляетъ этому качественному опредѣленію единства понатія количественное. Хотя душа не есть двѣ выше многообразное, не имѣетъ протяженной величины, тѣмъ не менѣе, сознание имѣетъ нѣкоторую степень, и душа, какъ все существующее, есть интенсивная величина; тѣмъ самымъ положена возможность перехода въ ничто черезъ постепенное исчезновеніе. Но что же такое это опроверженіе, какъ не приписаніе къ духу категоріи бытія, интенсивной величины?—опредѣленіе, лишнее въ себѣ всякой истини и уже снятое въ понатіи.

Метафизика, даже та, которая ограничивалась неподвижными понатіями разсудка и не возмншалась до умозрѣнія и до природы понатія и идеи, имѣла свою цѣль познаніе истини и изслѣдовала свои предметы въ видахъ обнаруженія того, суть ли они нѣчто истинное или нѣтъ, субстанціи или явленія. Побѣда же надъ нею кантовой критики сводится, напротивъ, къ тому, чтобы устранивъ изслѣдованіе, имѣющее цѣль истинное и самую эту цѣль; она

(критика) вовсе не задаетъ того единственно интереснаго вопроса, имѣетъ ли нѣкоторый опредѣленный субъектъ, въ данномъ случаѣ отвлеченное я представление, въ себѣ и для себя истину. Но останавливаясь на явленіяхъ и на томъ, что въ послѣдовательномъ сознаніи оказывается просто представленіемъ, значить отказываться отъ понатія и отъ философіи. То, что превосходитъ это представление, признается кантовой критикою за нѣчто превышающее наше познаніе, за нѣчто такое, къ чему намъ разумъ вовсе не уполномоченъ. Дѣйствительно, понятие возмншается надъ лишеннымъ понатіи, и ближайшимъ оправданіемъ такого пренебреженія служить, съ одной стороны, оно само, а съ другой, отрицательной стороны,—неистинность явленія и представления, а также и таинхъ отвлеченностей, какъ вещи въ себѣ и то я, которое не должно быть объектомъ себѣ.

По совокупности этого логическаго изложенія идея жизни оказалась тѣмъ, изъ чего проистекла идея духа, или что то же самое, изъ истини котораго послѣдняя доказала себя. Какъ такой результатъ, эта послѣдняя идея имѣетъ въ себѣ и для себя самой свою истину, съ коею затѣвъ можетъ быть сравнено эмпирическое или явленіе духа, въ видахъ выясненія, согласуется ли оно съ нею; само же эмпирическое можетъ быть постигнуто лишь черезъ идею и изъ нея. Относительно жизни мы видѣли, что она есть идея, но при этомъ имѣетъ съ тѣмъ оказалось, что жизнь еще не есть истинное изображеніе или истинный родъ и способъ существованія идеи. Ибо въ жизни реальность идеи есть единичное, а общность или родъ есть внутреннее; истинна жизни, какъ абсолютное отрицательное единство, состоитъ потому въ томъ, чтобы снать отвлеченную, или что то же самое, непосредственную единичность и, какъ тождественное, быть тождественнымъ себѣ, какъ родъ, быть равнымъ самому себѣ. Эта идея и есть духъ. Но при этомъ можно еще замѣтить, что онъ разсматривается здѣсь въ той формѣ, кака присуща идеѣ, какъ логической. А именно, она имѣетъ еще другіе виды, которые могутъ быть здѣсь упомянуты лишь попутно и въ коихъ ее должны разсматривать конкретныи науки о духѣ,—души, сознанія и духа, какъ такового.

Названіе душа привнчалось собственно вообще къ единичнымъ, конечнымъ духамъ, и указательная или опытная наука о духѣ должна была означать то же, что наука о духѣ. При выраженіи душа намъ предносится представление, будто она есть нѣкоторая вещь, какъ другія вещи; спрашивается о ея употребленіи, и пристрастивенномъ опредѣленіи дѣйствія ея силы; еще болѣе о томъ, какии образомъ эта вещь неуничтожима, подержена условіямъ временности и, однако, неизмѣнна. Система конадъ повышаетъ матерію въ нѣчто подобное духѣ, душа есть по этому представленію нѣкоторый атомъ, какъ и атомъ матеріи вообще; атомъ, выходящій, какъ паръ, изъ чашки кофе, по счастливому степеню обстоятельствъ былъ бы способенъ развиться въ душу, и лишь большая смутность его представления отличаетъ его отъ нѣкоторой такой вещи, которая является душою. Сущему для самого себя понатію необходимо причастно и непосредственное существованіе; въ этомъ субстанціальномъ тождествѣ съ жизнью, въ своемъ погруженіи въ свою внѣшность оно должно быть разсматриваемо въ

антропологии. Но и здесь должно чудиться той метафизики, по которой эта форма непосредственности приравнивается духу, как вещи, впрочем атому, атомам материи. Антропологии должна быть предоставлена лишь та темная область, в которой дух, как это говорилось раньше, находится под звездами и земными влияниями, живешь, как природный дух, в симпатии с природою, узнаешь ее изменения в грезах и чаяниях, присущь мозгу, сердцу, нервным узлам, печени и т. п., которым по Платону Бог, дабы и неразумная часть пользовалась его милостью и была причастна высшему, даровал дар предсказания, надь коньк самосознательный человек возмывается. Къ этой неразумной сторонѣ принадлежит даѣже отношение представления и высшихъ духовныхъ дѣятельностей, поскольку онъ въ единичномъ субъектѣ преданъ иѣбъ совершенно случайныхъ тѣлесныхъ состояній, вѣншихъ вланий и единичныхъ обстоятельствъ.

Это инаше изъ конкретныхъ образованій, въ коемъ духъ погруженъ въ материальность, имѣть свое непосредство внаше въ сознаниі. Въ этой формѣ свободное понятие, какъ сущее для себя и, удалается изъ объективности, отпоскас къ ней, однако, какъ къ своему другому, какъ въ противоположенію ему предмету. Такъ какъ духъ здѣсь есть уже не душа, но въ достовѣрности его самого непосредственность бытія имѣть скорѣе значеніе чего-то для него отрицательнаго, то тожество, въ коемъ онъ состоитъ въ предметности съ самимъ собою, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь видимость, такъ какъ предметное имѣть также еще форму сущаго въ себѣ. Эта ступень есть предметъ феноменологии духа, науки, которая стоитъ между наукою о природномъ духѣ и духѣ, какъ таковомъ, и разсматриваетъ сущій для себя духъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его отношеніи къ его другому, которое тѣмъ самымъ, какъ упомянуто, опредѣляется, и какъ сущій въ себѣ объектъ, и какъ отрицательное, а духъ, такимъ образомъ, изображается, какъ являющийся въ противоположности себѣ самому.

Но высшая истина этой формы есть духъ для себя, для котораго данный сознанию сущій въ себѣ предметъ имѣть форму собственного опредѣленія духа, представленнаго вообще; этотъ духъ, дѣйствующій на опредѣленія, какъ на свои собственные, на чувства, представления и мысли, тѣмъ самымъ внутри себя и въ своей формѣ безопеченъ. Разсмотрѣніе этой ступени принадлежитъ ученію о духѣ въ собственномъ значеніи этого слова, которое обнимало бы то, что составляетъ предметъ обычной опитной психологии, но которое, дабы быть наукою о духѣ, должно исполнять свое дѣло не эмпирически, а быть понимаемо научно. Духъ на этой ступени есть конечный духъ, поскольку содержаніе его опредѣленности есть непосредственно данное; наука о немъ должна указать путь, который освобождаетъ его отъ этой его опредѣленности и ведетъ къ постиженію его истины, безопечнаго духа.

Напротивъ, идея духа, составляющая предметъ логики, находится уже внутри чистой науки; потому она не должна разсматривать его, какъ проходящій тотъ путь, на которомъ онъ сжигаетъ съ природою, съ непосредственною опредѣленностью или съ своимъ матеріаломъ или представленіемъ, — это раз-

сматривается въ упомянутыхъ трехъ наукахъ; она имѣть этотъ путь уже за собою или, что то же самое, скорѣе передъ собою, — первое поскольку логика признается послѣднею наукою, второе поскольку она признается первою, изъ коей идея только переходитъ въ природу. Потому въ логической идѣе духа и есть точнѣе же, что обнаружилось изъ понятія природы, какъ ея истины, свободное понятие, которое въ своемъ сужденіи есть предметъ для самого себя, понятие, какъ его идея. Но и въ этомъ видѣ идея еще не завершена.

Такъ какъ хотя она есть свободное, иѣвнѣе себя само предметомъ понятие и, стало быть непосредственно, но именно потому, что она непосредственна, она есть идея еще въ своей субъективности и потому вообще въ своей конечности. Она есть дѣль, которая должна реализовать себя, или сама абсолютная идея еще въ своемъ явленіи. То, чего она ищетъ, есть истинное, тожество самого понятія и реальности, но она только ищетъ его, ибо здѣсь, будучи еще во-первыхъ, она есть еще нѣчто субъективное. Предметъ, сущій для понятія, есть здѣсь потому хотя также данный, но онъ не выступаетъ, какъ воздѣйствующій объектъ или какъ такой предметъ, который, какъ таковой, существуетъ для себя или какъ представленіе въ субъектѣ, но послѣдній преобразуетъ его въ нѣкоторое опредѣленіе понятія; въ предметѣ осуществляется понятие, относится въ предметъ къ себѣ и тѣмъ самымъ, что оно сообщаетъ себѣ въ объектѣ свою реальность, находитъ истину.

Идея есть сдѣловательно ближайшимъ образомъ одинъ изъ крайнихъ терминовъ нѣкотораго умозаключенія, какъ понятие, которое, какъ дѣль, ближайшимъ образомъ, имѣть само себя субъективною реальностью; другой крайній терминъ есть предѣль субъективнаго, объективнаго міра. Оба крайнихъ термина тождественны въ томъ, что они суть идея; ихъ единство есть, во-первыхъ, единство понятія, которое въ одномъ изъ нихъ есть лишь для себя, въ другомъ — лишь въ себѣ; во-вторыхъ, реальность въ одномъ отвлеченна, въ другомъ имѣть конкретную вѣнжность. Это единство положено черезъ познание; оно есть, ибо оно субъективная идея, исходящая отъ себя, какъ дѣль, ближайшимъ образомъ средней терминъ. Познающее черезъ опредѣленность своего понятія и именно отвлеченное бытіе для себя правда относится къ вѣншему міру, но въ абсолютной достовѣрности себя самого для того, чтобы возвыситься свою реальность въ себѣ самомъ, эту формальную истину, въ истину реальную. Оно имѣть въ своемъ понятіи всю существенность объективнаго міра; его процессъ состоитъ въ томъ, чтобы положить ея конкретное содержаніе для себя, какъ тождественное съ понятіемъ, и наоборотъ — послѣднее, какъ тождественное съ объективною.

Непосредственно идея явленія есть теоретическая идея, познание, какъ таковое. Ибо непосредственно объективный міръ имѣть форму непосредственности или бытія для сущаго въ себѣ понятія, равно какъ послѣднее есть прежде всего лишь отвлеченное, еще замкнутое въ немъ понятие себя самого; оно есть потому лишь форма; его реальность, которую оно имѣть въ немъ самомъ, составляетъ лишь его простая опредѣленія общности и частности; единичность же или опредѣленную опредѣленность, содержаніе, эта форма получаетъ назвѣ.

А.

Идея истинного.

Субъективная идея есть ближайшим образом побуждение. Ибо она есть противоречие понятия—иметь себя предметом и быть своей реальностью без того, чтобы предмет был все же другим противоположным понятию самостоятельным, или чтобы различие себя самого от себя имело вместе с тем существенное определение различия и безразличного существования. Поэтому побуждение состоит в определенности—снять свою собственную субъективность, сделать свою еще отвлеченную реальность конкретной и наполнить ее содержанием предложенного своею субъективностью мира. Сь другой стороны, побуждение тем самым определяет себя так: понятие есть, правда, абсолютная достоверность себя самого; но его бытию для себя противостоит предположение имъ некоторого сущаго въ себя мѣра, безразличное и бытие котораго для самостоятельности понятия имѣетъ значеніе лишь чего-то несущественнаго; такимъ образомъ оно есть побужденіе снять это и бытіе и созерцать въ объектѣ тождество съ самимъ собою. Поскольку эта рефлексія въ себя есть снятая противоположность и положенная, осуществленная для субъекта единичность, которая является ближайшимъ образомъ, какъ предположенное бытіе въ себя, послѣднее есть восстановленное изъ противоположности тождество формъ съ самой собою,—тождество, которое темъ самымъ определено, какъ безразличное относительно формъ въ ея различности, и которое есть содержаніе.

Это побужденіе есть поэтому побужденіе къ истинѣ, поскольку она есть въ познаніи, стало быть къ истинѣ, какъ теоретической идеѣ, въ ея собственномъ смыслѣ. Если объективная истина есть сама идея, какъ соответствующая понятию реальность, и предметъ въ этомъ смыслѣ въ немъ самомъ имѣетъ истину или не имѣетъ ея, то, наоборотъ, болѣе определенный смыслъ истины состоитъ въ томъ, что она такова для субъективнаго понятія или въ немъ, въ знаніи. Она есть отношеніе сужденія понятія, обнаружившагося, какъ формальное сужденіе истины; а именно въ этомъ сужденіи предвѣщать есть фетально объективность понятія, но относительное сравненіе понятія вещи и ея дѣйствительности. Эта реализація понятія теоретична, поскольку оно, какъ форма, имѣетъ определеніе чего то субъективнаго или определеніе бытія для субъекта его определеніемъ. Такъ какъ познаніе есть идея, какъ идея или какъ субъективная, то отрицаніе предположеннаго сущаго въ себя мѣра есть первое отрицаніе; поэтому заключеніе, коимъ объективное положено въ субъективное, имѣетъ ближайшимъ образомъ лишь то значеніе, что сущее въ себя есть лишь субъективное, или что оно лишь положено въ определеніе понятія, а потому не таково въ себя и для себя. Темъ самымъ заключеніе приводитъ лишь къ некоторому нейтральному единству или некоторому синтезу, т. е. къ единству того, что первоначально

раздѣлено и кажется соединеннымъ лишь внѣшнимъ образомъ. Такъ какъ поэтому въ этомъ познаніи понятіе полагаетъ объектъ, какъ свой, то идея ближайшимъ образомъ даетъ себя лишь то же содержаніе, основа котораго дана, и въ которомъ снята лишь форма внѣшности. Такимъ образомъ это познаніе еще сохраняетъ конечность въ своей вышелевшей дѣли, оно не достигло еще вместе съ темъ ея въ ней и въ своей истинѣ еще не пришло къ истинѣ. Ибо поскольку въ результатѣ содержаніе имѣетъ еще определеніе чего-то даннаго, то предположено въ противоположность понятию бытіе въ себя еще не снято; темъ самымъ равнымъ образомъ въ этомъ результатѣ еще не содержится единства понятія и реальности, истины. Страннымъ образомъ въ новое время эта сторона конечности сохранена и признана за абсолютное отношеніе познанія, какъ будто конечное, какъ таковое, должно было быть абсолютнымъ. Сь этой точки зрѣнія объекту приписывается некоторая невѣдомая вещьность въ себя за пределами познанія, и послѣднее, равно какъ и истина, разсматривается, какъ нечто абсолютно потустороннее для познанія. Определенія мысли вообще, категоріи, определенія рефлексіи, а также формальное понятіе и его моменты, получили въ немъ не такое положеніе, какъ будто онъ въ себя и для себя суть конечныя определенія, а такое, будто онъ таковъ въ томъ смыслѣ, что онъ суть нечто субъективное въ противоположности этой пустой вещьности въ себя; признаніе этого отношенія истинны познанія за истину есть ставшее общимъ мнѣніемъ новаго времени заблужденіе.

Изъ этого определенія конечнаго познанія непосредственно явствуетъ, что оно есть некоторое противоречіе, которое само себя снимаетъ; противоречіе некоторой истины, которая вместе съ темъ не должна быть истинною; некотораго познанія того, что есть, которое (познаніе) вместе съ темъ не познать вещи въ себя. Въ сопоставленіи этого противоречія его содержаніе, субъективное познаніе и вещь въ себя, также совпадаютъ, т. е. оказываются не-истиннымъ. Но познаніе должно собственнымъ движеніемъ разрѣшить свою конечность и съ темъ вместе свое противоречіе; то соображеніе, въ которое мы о немъ вдемся, есть некоторая внѣшняя рефлексія; оно же само есть понятіе, имѣющее себя целью, которое стало быть осуществлять себя черезъ свою реализацію и именно въ этомъ осуществленіи снимать свою субъективность и предположенное бытіе въ себя. Надлежитъ поэтому разсмотрѣть его въ немъ самомъ въ его положительной дѣятельности. Такъ какъ эта идея есть, какъ показано, побужденіе понятія реализовать себя для самого себя, то его дѣятельность состоитъ въ томъ, чтобы определить объектъ и черезъ это определеніе отнестись въ немъ къ себе, какъ тождественное съ нимъ. Объектъ есть вообще просто определенное, и въ идеѣ онъ имѣетъ ту существенную сторону, чтобы не быть въ себя и для себя противоположнымъ понятію. Такъ какъ это познаніе еще, конечно, не умозрительно, то предположенная объективность не имѣетъ еще для него такого вида, будто она есть въ ней самой просто понятіе и не содержитъ ничего особаго для себя въ противоположность ему. Но темъ самымъ, что она признается за сущую въ себя потусторонность, для нея существенно то определеніе определенности черезъ понятіе, что

идея есть сущее для себя понятие и просто безконечное в себя, в чем объект в себя снимается, и цель состоит только еще в том, чтобы снять его для себя; потому хотя объект предполагается идею познания, как сущий в себя, но по существу в таком отношении, что уверенность в самой себе и в ничтожестве этой противоположности она приходит к реализации своего понятия в нем.

В заключение, связываем субъективную идею с объективностью, первая попытка есть та же форма непосредственного овладения объектом понятием и отношения к нему понятия, какую мы видели в отношении цели. Определяющее воздействие понятия на объект есть непосредственное сообщение и свободное от сопротивления распространение первого на второй. Понятие остается тут в чистом единстве с самим собою; но эта его непосредственная рефлексия в себя имеет равным образом определение объективной непосредственности; то, что для понятия есть его собственное определение, есть также некоторое бытие, ибо оно есть первое отрицание предположения. Положенное определение считается потому также лишь найденным предположением, высказыванием некоторого данного, в котором деятельность понятия проявляется скорее лишь в том, чтобы быть отрицательным относительно самого себя, воздерживать себя и дѣлать себя пассивным относительно данного, дабы последнее могло показать себя, не как определенное субъектом, но каково оно внутри себя самого.

Это познание является потому в этих послышках, не как некоторое приложение логических определений, но как восприятие и высказывание их, как предначертанных, и его деятельность является ограниченной тем, чтобы удалить лишь субъективное прелитствие, некоторую оболочку предмета. Это познание есть аналитическое.

а. Аналитическое познание.

Различение аналитического и синтетического познания иногда сводится к тому, что первое движется от известного к неизвестному, а второе — от неизвестного к известному. Но если ближе рассмотреть это различие, то трудно обнаружить в нем некоторую определенную мысль, а тем более — некоторое понятие. Можно сказать, что познание вообще начинается с неизвестного, ибо того, что уже известно, нечего познать. Но, наоборот, оно начинается и с известного; это тождественное предположение; то, с чего познание начинается, стало быть то, что оно действительно познает, есть именно тем самым известное; то, что еще не познано и лишь впоследствии должно быть познано, есть еще неизвестное. Должно таким образом сказать, что познание, раз оно началось, всегда движется от известного к неизвестному.

Отличительный признак аналитического познания определился так, что ему еще не свойственно опосредование, как первая попытка него умозаключения, но что оно есть непосредственное, еще не содержащее в себя инстинкта сообщения понятия, в котором деятельность познания совлекается своего отри-

цiana. Но эта непосредственность отношения есть сама опосредование в силу того, что она есть отрицательное отношение понятия к объекту, которое однако само себя уничтожает и тем самым дѣлает себя простым и тождественным. Эта рефлексия в себя есть лишь нечто субъективное, так как в опосредованном различии дано еще только, как предположенное сущее в себя, как различие объекта внутри себя самого. Определение, которое поэтому возникает через это отношение, есть форма некоторого тождества, отличенной общности. Поэтому аналитическое познание имеет вообще это тождество своим принципом, и переходит в другое, связь различного, исключены из него самого, из его деятельности.

При ближайшем же рассмотрении аналитического познания оказывается, что оно начинается с некоторого предполагаемого, тем самым единичного, конкретного предмета, все равно, есть ли он уже готовый для представления, или некоторая задача, т. е. дан лишь в своих обстоятельствах и условиях, еще не вывечен из них для себя и не представлен в простой самостоятельности. Его анализ не может состоять в том, что он разбирается в те отдельные представления, которые могут в нем содержаться; такое разделение и его усвоение есть занятие, которое не относится к познанию, но касается лишь некоторого ближайшего ознакомления, некоторого определения внутри сферы представления. Так как анализ имеет в основании понятие, то для осуществления анализа существенно определения понятий, и именно таких, которые содержатся непосредственно в предмете. Из природы идеи познания выяснилось, что за деятельность субъективного познания с одной стороны слѣдует смотреть, как на развитие того, что уже есть в объекте, так как сам объект есть не что иное, как полнота понятия. Столь же односторонне представлять себя анализ так, как будто в предмете нет ничего, что не вложено в него, сколь односторонне полагать, будто получающиеся определения его берутся лишь из него. Первое представление высказывается, как известно, субъективным идеализмом, который признает деятельность познания в анализе исключительно за одностороннее положение, за которым скрывается вещь в себя; второе представление принадлежит т. наз. реализму, который понимает субъективное понятие, как пустое тождество, принимающее в себя мысленные определения извне. Так как аналитическое познание, превращение данной материи в логически определения, как оказалось, есть анализ и то, и другое, некоторое положение, определяющее себя также непосредственно, как предположение, то в виду последнего логического может явиться чем-то готовым в предмете, равно как в виду первого — продукт некоторой чисто-субъективной деятельности. Но эти два момента не должны быть раздѣлены; в своей отличенной формѣ, в коей оно проявляется в анализе, логическое, конечно, дано лишь в познании, равно как, наоборот, оно есть столько нечто положенное, но и нечто сущее в себя.

Поскольку аналитическое познание есть вышеуказанное превращение, оно не требует никакого дальнейшего среднего термина, но его определение

непосредственно, и потому смысл его состоит именно в том, чтобы принадлежать собственно предмету в себя и, стало быть, быть понимаемому из него без субъективного опосредования. Но познание должно быть даже также движением вперед, в некоторым развитии различаемого. Так как оно, однако, по присущему ему здесь определению чуждо понятию и не-диалектично, то ему свойственно в некоторое данное различие, и его движение вперед совершается только через определения его материи. Оно кажется лишь постольку избыточным в некоторое имманентное движение вперед, поскольку выводимы мысленны определения могут стать анализируемыми вновь, поскольку они суть еще нечто конкретное; высший и последний результат этого анализирования есть отвлеченная высшая сущность или отвлеченное субъективное тождество и в противоположность ему — различие. Это движение вперед есть, однако, не что иное, как только повторение одного первоначального действия анализа, именно повторное определение того, что уже принято в отвлеченную форму понятия, как чего-то конкретного, и затѣм его анализ, а потом снова определение вытекающего из него отвлеченного, как конкретного и т. д. Но мысленны определения кажутся содержаниями в них самих также в некоторый переход. Если предмет определяется, как целое, то, конечно, отсюда совершается переход к другому определению, части, отъ причины — к другому определению, действию и т. д. Но здѣсь нѣтъ движения вперед, так как целое и часть, причина и действие суть отношения и при томъ для этого формального познания столь готовы отношения, что одно определение преднаходится, как существенно связанное съ другимъ. Предметъ, определяемый, какъ причина или какъ часть, тѣмъ самымъ определяется уже всѣмъ отношениемъ, уже обѣими его сторонами. Хотя бы эта связь въ себѣ была чѣмъ-то синтетическимъ, все же она для аналитического познания есть также нечто данное, как и всякая другая связь его материи, и потому не есть его собственное произведение. Есть ли эта связь вообще нечто априорное или апостериорное, это безразлично, так как она понимается, какъ нечто предзаданное, или, какъ говорится также, какъ фактъ сознания, состоящий въ томъ, что съ определениемъ чѣла связано определение части и т. д. Установимъ глубокое замѣчаніе о синтетическихъ основоположеніяхъ а priori и открывъ ихъ корень въ единствѣ самосознанія, въ тождествѣ понятий съ собою, Кантъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что определяющая связь, понятий отношений и сами синтетическія основоположенія для формальной логики даны; выводъ ихъ долженъ былъ бы быть изображениемъ перехода отъ простого единства самосознанія въ такіа ихъ определения и различенія; но отъ указанія этого по истинѣ синтетическаго движенія вперед, этого производящаго само себя понята, Кантъ уклонился.

Какъ известно, арифметика и болѣе общія науки о дискретной величинѣ носят по преимуществу названіе аналитической науки и анализа. Способъ ихъ познания дѣйствительно наиболее имманентно аналитичен, и надлежитъ посмотреть вразцѣ, на чѣмъ это основывается. Прочее аналитическое познание начинается съ вѣкоторой конкретной материи, избыточной въ себѣ слу-

чайное многообразіе; все различіе содержанія и движенье вперед къ дальнѣйшему содержанию зависятъ отъ него. Напротивъ, арифметическая и алгебраическая матерія есть совершенно отвлеченно и неопредѣленно нечто уже сдѣланное, въ коемъ погашено всякое своеобразие отношенія, и для коего тѣмъ самымъ всякое определенье и связь суть нечто внѣшнее. Таковъ принципъ дискретной величины, одно. Изъ этого безотносительнаго атона можетъ быть образовано вѣкоторое множество, оно можетъ быть внѣшнимъ образомъ определѣно и соединѣно въ вѣкоторое определѣнное число, но такое множенье и ограниченіе есть чуждое движенье вперед и дѣйствіе определѣнія, остающагося при томъ же принципѣ отвлеченнаго одного. Какимъ образомъ числа сочетаются и отдѣляются другъ отъ друга, это зависитъ исключительно отъ совершаемаго познающимъ положенія. Величина есть вообще та категория, внутри коей совершаются эти определѣнія; что представляетъ собою ставше безразличною определѣнность, такъ что предметъ не имѣетъ никакой определенности, которая была бы ему имманентна, т.-е. была бы дана познанію. Поскольку познаніе ближайшимъ образомъ установило въ себѣ случайное различіе чиселъ, они и образуютъ матерію для дальнѣйшей обработки и разнообразныхъ отношеній. Такія отношенія, ихъ изобрѣтеніе и обработка, правда, кажутся неимманентными аналитическому познанію, но случайными и данными ему, равно какъ эти отношенія и относящаяся къ нимъ дѣйствія обыкновенно излагаются послѣдовательно, какъ различныя, безъ указанія какой-либо внутренней связи. Тѣмъ не менѣе легко указать тутъ руководящія принципы; и именно они состоятъ въ имманентности аналитическаго тождества, которое является въ различномъ, какъ равенство; чтобы дать принципъ изъ основныхъ дѣйствій, укажу, что сложенье есть сочетаніе случайно совершенно неравныхъ чиселъ, умноженіе напротивъ — равныхъ, при чѣмъ за сими слѣдуетъ еще отношеніе равенства определяемаго числа и единицы и отношеніе степенное.

А такъ какъ определенность предмета и отношеній (арифметики) есть положенная, то дальнѣйшія дѣйствія надъ ними совершенно аналитичны, и этой аналитической наукѣ свойственны, потому, нѣсколько теоремъ, сколько задачъ. Аналитическая теорема содержитъ въ себѣ задачу, уже какъ рѣшенную для себя, и совершенно внѣшнее различіе, приходящее къ обѣимъ сторонамъ, которыя полагаются имъ равными, тѣмъ самымъ неусловно, такъ что такая теорема была бы лишь вѣкоторымъ тривиальнымъ тождествомъ. Кантъ, правда, признавъ предложеніе $5 + 7 = 12$ за синтетическое, такъ какъ одна сторона равенства изображаетъ то же самое въ формѣ множества, 5 и 7, а другая въ формѣ одного, 12. Но если только аналитическое должно означать не совершенно отвлеченно — тождественное и тождественное $12 = 12$, и если въ немъ вообще должно быть вѣкоторое движенье вперед, то между этими двумя сторонами должно быть какое-либо различіе, во только такое, которое основывается не на качествахъ, не на определенности рефлексии и тѣмъ болѣе не на определенности понята. $5 + 7$ и 12 суть совершенно одно и то же содержаніе; первая сторона равенства также выражаетъ требованіе, чтобы 5 и 7 были сочетаны въ одномъ выраженіи, т.-е. чтобы, какъ пять есть

нѣчто сосчитанное, остановка на коемъ была совершенно произвольна и вполнѣ допускаетъ дальнѣйшій счетъ, то такимъ же образомъ должно считать дальнѣе съ тѣмъ опредѣленіемъ, чтобы число прибавленныхъ однихъ было семь. 12 есть, стало быть, результатъ 5 и 7 и нѣкотораго дѣйствія, которое, положенное уже по своей природѣ, есть дѣйствіе совершенно вѣншнее, чуждое мысли, и потому могущее быть исполненнымъ даже машиною. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго перехода въ какое-либо другое; это простое продолженіе, т.е. повтореніе того же дѣйствія, черезъ которое прозошли 5 и 7.

Доказательство такой теоремы—его требовалъ онъ, если бы это было синтетическое предложеііе—состоило бы лишь въ дѣйствіи опредѣленнаго черезъ 7 дальнѣйшаго счета, начиная отъ 5-ти, и въ познаніи совпаденія результата этого дальнѣйшаго счета съ тѣмъ, что вообще называется 12-ю, и что опять-таки есть не что иное, какъ именно этотъ опредѣленный дальнѣйшій счетъ. Потому вѣншо формы теоремы избирается сейчасъ же форма задачи, требованіе дѣйствія, т.е. высказывается лишь одна сторона уравненія, долженствовавшего будто бы составить теорему, другая сторона коего должна быть найдена. Задача имѣетъ содержаніе и приводить къ опредѣленному дѣйствію, которое должно быть произведено надъ этимъ содержаніемъ. Это дѣйствіе не ограничено никакою рѣзою очерченною, обладающею специфическими отношеніями матерію, но есть вѣншнее, субъективное дѣйствіе, опредѣленія котораго матерія, въ которой они положены, принимаетъ безразлично. Все различіе поставленныхъ въ задачі условий и результата ея рѣшенія состоятъ лишь въ томъ, что въ этомъ результатѣ дѣйствительно опредѣленнымъ образомъ соединено или раздѣлено то, что дано въ условіяхъ.

Потому оказывается въ высшей степени излишнимъ принимать здѣсь форму геометрическаго метода, относящагося къ синтетическимъ предложеііямъ, и крошкѣ рѣшенія задачи присоединять къ нему еще какое-либо доказательство. Последнимъ можетъ быть высказано лишь то тождество, что рѣшеніе вѣрно, такъ какъ дѣйствіе было произведено такъ, какъ было задано. Если задана задача, то должно сложить нѣсколько цифръ; таково рѣшеніе; ихъ складываютъ; доказательство указываетъ, что рѣшеніе вѣрно, такъ какъ вслѣдствіе того, что было задано сложить, было произведено сложение. Если задача содержитъ въ себѣ болѣе сложныя опредѣленія и дѣйствія, напр. если нужно перемножить десятичная дробь, а рѣшеніе не даетъ ничего, крошкѣ механическаго приема, то, правда, требуется доказательство; но последнее состоятъ лишь въ анализѣ этихъ опредѣленій и дѣйствія, изъ которыхъ само собою вытекаетъ рѣшеніе. Черезъ это отдаленіе рѣшенія, изъ которыхъ само собою вытекаетъ рѣшеніе. Черезъ это отдаленіе рѣшенія, изъ которыхъ само собою вытекаетъ рѣшеніе. Черезъ это отдаленіе рѣшенія, изъ которыхъ само собою вытекаетъ рѣшеніе. Черезъ это отдаленіе рѣшенія, изъ которыхъ само собою вытекаетъ рѣшеніе.

ственныя и зависящіе отъ опредѣленностей понатій отношенія дискретныхъ величинъ, задачи и теоремы, правда, содержать въ себѣ синтетическія опредѣленія; тамъ должны быть принимаемы за средніе термы другія опредѣленія и отношенія, чѣмъ тѣ, которыя непосредственно даны задачами и теоремами. Сверхъ того и эти вспомоgetельныя опредѣленія должны быть таковы, чтобы быть обоснованными черезъ соображеніе и развитіе одной стороны задачи или теоремы; синтетическій видъ возникаетъ лишь оттого, что въ задачі или теоремѣ эта сторона сама уже не упоминается. Напр., задача—найти сумму степеней корней какого-либо уравненія рѣшается черезъ рассмотреніе и затѣмъ соединеніе функций, служащихъ въ уравненіи коэффициентами корней. Здѣсь вспомоgetельное опредѣленіе функций коэффициентовъ и ихъ соединеній не выражено въ самой задачі; въ прочтхъ же отношеніяхъ самое рѣшеніе совершенно аналитично. Такъ рѣшеніе уравненія $x^n - 1 = 0$ при помощи синуса, а также immagинетно, какъ извѣстно, найденное Гауссомъ алгебраическое рѣшеніе черезъ рассмотреніе остатка отъ дѣленія $x^{n-1} - 1$ на m и n наз. первоначальныхъ корней—одно изъ важнѣйшихъ расширеній анализа новаго времени, есть синтетическое рѣшеніе, такъ какъ вспомоgetельныя опредѣленія, синусъ и рассмотреніе остатковъ, не суть опредѣленія самой задачи.

О природѣ этого анализа, который рассматриваетъ т. наз. безконечныя разности переменныхъ величинъ дифференціального и интегрального исчисленія, было болѣе подробно сказано въ первой части этой логики. Тамъ было показано, что здѣсь лежитъ въ основѣ качественное опредѣленіе величинъ, которое одно можетъ быть достигнуто понатіемъ. Переходъ къ этому опредѣленію отъ величинъ, какъ таковыхъ, уже не аналитиченъ; потому математикѣ до сего времени не удалось оправдать переходъ себя саму, т.е. математически, тѣ дѣйствія, которыя основываются на этомъ переходѣ, такъ какъ онъ не математической природы. Лейбницъ, которому приписывается слава обратити исчисленіе съ конечными разностями въ вычисленіе, прозвалъ этотъ переходъ, какъ показано столь же, самымъ недопустимымъ, столь же совершенно чуждымъ понатію, какъ и нематематическимъ способомъ; но разъ предположить этотъ переходъ,—а при современномъ состояніи науки онъ есть не болѣе, какъ нѣкоторое предположеніе,—то дальнѣйшій путь есть лишь рядъ обычныхъ аналитическихъ дѣйствій.

Было упомянуто, что анализъ становится синтетическимъ, поскольку онъ пользуется опредѣленіями, которыя уже не положены самими задачами. Общій же переходъ отъ аналитическаго къ синтетическому познанію состоятъ въ необходимомъ переходѣ отъ формы непосредственности къ опосредованію, отъ отчужденнаго тождества къ различію. Аналитическое останавливается въ своей дѣятельности вообще на опредѣленіяхъ, поскольку они относятся къ себѣ самимъ; но черезъ свою опредѣленность она по существу имѣетъ также то свойство, что они относятся къ нѣкоторому другому. Уже было упомянуто, что, доходя даже до отношеній, которыя суть не данныя, вѣншнимъ образомъ, матерія, а мысленныя опредѣленія, аналитическое познаніе остается все же аналитическимъ, поскольку для него самыя эти отношенія суть данныя.

Но так как отвлеченное тождество, которое одно признает это познание за свое, есть по существу тождество различенного, то и для последнего это познание, как таковое, должно быть своим, и для субъективного понятия также должно положить связь и стать тождественным с нею.

в. Синтетическое познание.

Аналитическое познание есть первая посылка всего умозаключения, — непосредственное отношение понятия к объекту; потому тождество есть определение, признаваемое этим познанием за свое, и это познание есть лишь усвоение того, что есть. Синтетическое же познание направляется к познанию того, что есть, т.-е. к охватыванию многообразия определений в его единств. Оно есть потому вторая посылка умозаключения, которое направлено к приведению в отношение различия, как такового. Его цѣль есть таким образом необходимость вообще. Соединены различныя части соединены в некотором отношении, в коем они столь же соотносительны, сколь и взаимно безразличны и самостоятельны; части же связаны в понятия, которые есть их простое, но определенное единство. Поскольку же синтетическое познание есть ближайшим образом переход от отвлеченного тождества к отношению или от бытия к рефлексии, то, что понятие познает в своем предмете, не есть абсолютная рефлексия понятия; сообщаемая им себе реальность есть ближайшая ступень, именно выставленное тождество различных, как таковых, которое потому имеет с темъ есть еще внутреннее и только необходимое, а не субъективное, сущее для себя, потому еще не понятие, как таковое. Потому, хотя синтетическое познание имеет своим содержанием также и определения понятия, и хотя объект в них положен, но они находятся еще во взаимном отношении или в непосредственном единствѣ, однако при этомъ не в томъ, через которое понятие есть субъектъ.

Отсюда проистекает конечность этого познания; такъ какъ эта реальная сторона идеи имеет в немъ тождество, еще какъ внутреннее, то ее определения еще видны себѣ; такъ какъ она не есть субъективность, то тому своеобразию, которое составляет предметъ понятия, еще не хватаетъ единичности, и хотя ему соответствуетъ в объектѣ уже не отвлеченная, а определенная форма, т.-е. частное понятие, но единичное познание есть еще в некоторомъ данномъ содержании. Потому хотя это познание превращает объективный миръ в понятие, но оно сообщаетъ ему лишь соответствующую определенную определенности; оно само еще не есть определяющее. Равнымъ образом оно находитъ предложения и законы и донашиваетъ необходимость, но необходимость не вещи в себѣ и для себя самой, а познания, которое движется в данныхъ определенияхъ, в различенныхъ явленияхъ и признаетъ для себя единство в отношении или изъ явлений—ихъ основание.

Теперь должны быть рассмотрены ближайшіе моменты синтетического познания.

1. Определение (Definitio) ¹⁾.

Еще данная объективность прежде всего превращается в простую или первую форму, темъ самымъ в форму понятия; моменты этого усвоения суть потому не что иное, какъ моменты понятия: общность, частность и единичность. Единичное есть самъ объект, какъ непосредственное представление, то, что должно быть определено (definitum). Общее этого объекта въ определении объективного суждения или суждения необходимости оказалось родомъ и при томъ ближайшимъ, именно общимъ различия частного. Это различие предметъ имеетъ в видовой особености, которая делаетъ его определеннымъ видомъ и обосновываетъ его отделение отъ прочихъ видовъ.

Определение, которое такимъ образомъ возвращаетъ предметъ къ его понятию, касается его видности, необходимой для его осуществления; оно отталкивается отъ того, что приходитъ къ понятию при его реализации, черезъ что оно выступаетъ, во-первыхъ, какъ идея, а во-вторыхъ, какъ видное осуществление. Описание имеетъ значение для представления и принимаетъ в себя это дальнейшее принадлежанье реальности содержанию. Определение же сводитъ это богатство многообразныхъ определений наглядного существования къ простейшимъ моментамъ; какова форма этихъ простыхъ элементовъ, и какъ они взаимно определены, это содержится в понятии. Темъ самымъ предметъ, какъ указано, понимается, какъ общее, которое есть имеетъ с темъ по существу определенное. Самый предметъ есть третье, единичное, в которомъ родъ и частность положены в одно, и ничто непосредственное, положенное вѣдь понятия, такъ какъ последнее еще не есть самоопределяющее.

Въ этихъ определенияхъ, въ различии формы определения, понятие находитъ само себя и имеетъ в нихъ соответствующую ему реальность. Но такъ какъ рефлексия моментовъ понятия в самихъ себя, единичность, еще не содержится в этой реальности, такъ какъ при этомъ объект, поскольку онъ находится в познании, еще не определенъ, какъ субъективный, то наоборотъ, познание есть нечто субъективное и имеетъ в некоторомъ видномъ начале, или иначе есть нечто субъективное в силу своего видного начала въ единичномъ. Содержание понятия потому есть нечто данное и случайное. Конкретное понятие само есть темъ самымъ нечто случайное в двухъ отношенияхъ, во-первыхъ, по своему содержанию вообще, а во-вторыхъ, смотря потому, какия определения содержания разнообразныхъ качествъ, свойственныхъ предмету въ его видномъ существовании, избираются для понятия и должны составить его моменты.

Въ последнемъ отношении требуется ближайшее рассмотрение. А именно такъ какъ единичность, какъ определенное бытие в себѣ и для себя, ле-

¹⁾ Уже въ первой части логики была категория определения (Bestimmung); перевести слово definitio какою-либо другимъ русскимъ словомъ невозможно и потому приходится снова пользоваться имъ, но только въ другомъ значении. *Прим. первое.*

жить вид своеобразного определения понятия синтетического познания, то нет никакого принципа, решающего вопрос о том, какие стороны предмета должны рассматриваться, как принадлежащие к определению его понятия, и какие, как принадлежащие лишь вышней реальности. В этом заключается некоторая трудность при определениях, нейтральная для сказанного познания. Но при этом следует сделать некоторое различие. Во-первых, для продуктов самостоятельной целсообразности легко найти определение, так как цель, которой они должны служить, есть некоторое определение, происходящее из субъективного решения и составляющая существенную часть, ту форму осуществляющегося, о которой тут единственно идет речь. Прочая природа их материала или других вышних свойства, поскольку они соответствуют цели, содержащая в его определениях, остальны же несущественны.

Во-вторых, геометрические предметы суть отвлеченные пространственные определения; лежащая в основе их отвлеченность, так называемое абсолютное пространство, утратила все дальнейшие конкретные определения и содержит в себе далее лишь такие образы и фигуры, какие в ней положены; потому они по существу есть то, чем они должны быть; определения их понятий вообще и ближайшим образом видная особенность есть в них их простая несканная реальность; в этом отношении они таковы же, как и продукты вышней целсообразности, равно как сходны в этом с предметами арифметики, основание коих составляет также лишь то определение, которое в них положено. Пространство имеет, правда, еще дальнейшие определения, тройственность своих измерений, свою непрерывность и длину, которые полагаются в нем не через вышнее определение. Но они принадлежат к заранее принятому материалу и суть непосредственные предположения; лишь связь и сплетение этих субъективных определений с этою своеобразною природою той почвы, на которую они перенесены, порождают синтетические отношения и законы. Так как в основании определений здесь лежит простой принцип одного, то их связь и дальнейшее определение есть совершенно только нечто положенное; напротив, определения пространства, которое есть для себя непрерывная вышность, протекают далее и имеют отличную от их понятия реальность, уже принадлежащую однако к непосредственному определению.

Но, в-третьих, с определениями конкретных объектов как природы, так и духа, дело обстоит совсем иначе. Такие предметы суть вообще для представления вещи со многими свойствами. Здесь ближайшим образом вопрос состоит в том, чтобы обнаружить их ближайший род и видовую особенность. Поэтому надлежит определять, какое из многих свойств принадлежит предмету, как род, и какое, как вид, далее какое из этих свойств существенно; а для последнего требуется познать, в какой связи они состоят одно с другим, положено ли уже одно из них вместе с другим. Но для этого еще нет никакого иного критерия, кроме самого существования. Существенность свойства для определения, в коем оно должно быть положено, как простая неразвитая определенность, есть его

общность. Но последняя в существовании вполне эмпирична, общность во времени, если данное свойство сохраняется, между тем как прочие обнаруживаются как переходящие, при устойчивости цели; или общность, происходящая из сравнения с другими конкретными целями и тем самым не идущая далее того, что предше им всем. Если сравнение всего общего характера, как оно представляется эмпирически, и дает для того общую основу, то все же рефлексия должна объединить его в одно простое мысленное определение и усвоить простой характер такого делаго. Но удостоверение в том, что некоторое мысленное определение или некоторое единичное непосредственное свойство составляет простую и определенную сущность предмета, может состоять лишь в некотором выводе такого определения из конкретного состава. А это требовало бы некоторого анализа, превращающего непосредственный состав в мысли и сводящий его конкретность к чему-либо простому; анализа, который выше только что рассматриваного, так как первый должен бы был быть не отвлекающим, но еще сохранять в общем определенность конкретного, объединять ее и указывать ее зависимость от простого мысленного определения.

Но отношения разнообразных определений непосредственного существования к простому понятию были бы теоремами, которые требовали бы доказательства. Определение же, как первое, еще не развитое понятие, поскольку оно (определение) должно усвоить простую определенность предмета, и это усвоение должно быть чем-то непосредственным, может воспользоваться для того лишь одним из своих непосредственных так называемых свойств, — определением чувственного существования или представления; из выделение посредством отвлечения и образует простоту, а для приобретения понятием общности и сущности его отсылает к эмпирической общности, к сохранению при изменении условий, и к рефлексии, которая ищет определения понятия во вышнем существовании и в представлении, т. е. там, где понятия нельзя найти. Потому определение тем самым отказывается от настоящих определений понятия, которые были бы по существу принципами предметов, и довольствуется признаками, т. е. определениями, в которых существование для самого предмета безразлично, и которая имеют лишь целью быть значками для некоторой вышней рефлексии. Такая единичная вышняя определенность слишком не соответствует конкретной целостности и природе ее понятия, для того, чтобы быть избранною для себя и принятою в том виде, чтобы конкретное целое нашло в ней свое истинное выражение и определение. Наприм., по замечанию Валуменбаха мочка уха есть нечто, отсутствующее в прочих животных, и потому согласно обычному способу речи об общих и отличительных признаках могущее считаться с полным правом отличительным признаком при определении физического человека. Но насколько такое чисто вышнее определение оказывается сейчас же несоответствующим представлению всего общего характера физического человека и тому требованию, чтобы определения понятия было нечто существенное! Дало чистого случая, бывають ли принятые в

определение признаки такими чисто вспомогательными прибавками или более приближаются к природе и некоторого принципа. Вследствие их вышности усматривается также, что с их помощью ничего нельзя начать в познании понятия; напротив, находясь родов в природе и духе предшествует смутное чувство, неопределенное, но глубокое видение, чаше существенного, и затем уже ищется для разума определенная вышность. Понятие, вышняя в существовании во вышность, раскрывается в своих различиях и не может быть совершенно связано с такими отдельными свойствами. Свойства, как вышность вещи, вышны самим себе; в сфере явления по поводу вещи с многими свойствами было показано, что именно потому они по существу становятся даже самостоятельными материями; рассматриваемый с точки зрения явления дух становится агрегатом многих самостоятельных сил. Отдельное свойство или сила сами собою перестают при этой точке зрения, которая подлагает их безразлично к другим, быть характеризующим принципом, причем вообще исчезает и определенность, как определенность понятия.

В конкретных вещах выступают еще наряду с взаимным различием свойств и различие между понятием и его осуществлением. Понятие находит себя в природе и духе вышнее изображение, в котором его определенность проявляет себя, как зависимость от вышнего, как превосходность и несоответствие. При этом, правда, обнаруживается нечто действительное в себе, как и оно должно быть, но согласно отрицательному суждению понятия может также показаться, что действительность лишь невольно соответствует этому понятию, что она дурна. А так как определение должно выражать определенность понятия в одном непосредственном свойстве, то нет такого свойства, против которого нельзя бы было привести никакой инстанции, в которой весь общий характер, хотя и дает познать определяемое конкретное, но которое, будучи выбрано для указания этого характера, оказывается незрлым или искаженным. В плохом растении, плохом роде животных, в достойном презривши человека, в плохом государстве осуществлены недостаточно или совершенно заглушены те стороны, которые иначе могли бы быть взяты для определения, как различающая и как существенная определенность осуществления такого конкретного. Но плохое растение, животное и т. д. все же остается растением, животным и т. д. Поэтому если и дурное должно быть принято в определение, то от эмпирических поисков усложняют все свойства, которые они считали существенными, вследствие инстанций лишенных их уродств, напр., сущность мозга для физического человека вследствие инстанций безголовых, сущность для государства защиты жизни и имущества вследствие инстанций деспотических государств и тираннических правительств. Если понятие удерживается против этих инстанций и на его основании оно считается плохими экземплярами, то удовлетворением понятия служить уже не явление. Но самостоятельность понятия противоречит смыслу определения, которое должно быть непосредственным понятием, а потому может почерпнуть признаки предметов лишь из непосредственности существования и оправдывать

вать себя лишь тем, что предявлено (в предмет). Есть ли его содержание в себе и для себя истина или случайность, это лежит вне его сферы; но формально истинно, согласно субъективно положенного в определении понятия и некоторого вне его действительного предмета нельзя поэтому пренебречь, так как единичный предмет может быть и дурен. Содержание определения берется вообще из непосредственного существования, и так как оно непосредственно, то оно не имеет оправдания; вопреки о его необходимости устраняется его происхождением; тем, что оно высказывает понятие, как нечто просто непосредственное, отказываются понятие его само. Оно представляет собой потому не что иное, как определение формы понятия при некотором данном содержании, без рефлексии понятия в себя само, т. е. без его бытия для себя.

Но непосредственность вообще возникает лишь из опосредования и потому должна перейти в последнее. Или, иначе, определенность содержания, содержащаяся в определении, есть потому, так как она есть определенность, не только нечто непосредственное, но и опосредованное своим другим; вследствие того определение может схватить свой предмет лишь через противоположное определение и потому должно перейти в разделение.

2. Разделение.

Общее должно разделяться на частности; тем самым в общем заключена необходимость разделения. Но так как определение само уже начинается с частного, то необходимость перехода к разделению заключается в частном, которое для себя указывает на некоторое другое частное. Наоборот, тем самым частное отделяется от общего, так как потребность в различии его определенности поддерживается другим, именно общим; последнее таким образом предполагается для разделения. Потому, хотя движение получается тут такое, что единичное содержание определения восходит через частное к крайнему термину общности, но последняя должна теперь быть принята, как объективная основа, и от нее исходить изображение разделения, как расчленения общего, в смысл первого.

Тем самым наступает переход, который совершается от общего к частному, определен форм понятия. Определение для себя есть нечто единичное; какая-либо множественность определенной принадлежит многим предметам. Присущее понятие движение от общего к частному есть основа и возможность синтетической науки, системы и систематического познания.

Первое требование, как указано, состоит тут в том, чтобы начать с предмета в форме некоторого общего. Если в действительности, будь то в природе или в духе, субъективно, естественному познанию дана, как первая, конкретная единичность, то, напротив, в познании, которое есть по меньшей мере постольку некоторое понимание, поскольку оно имеет основой форму понятия, первым должно быть простое, выделенное из конкретного, ибо предмет лишь в этой форме имеет форму относи-

чагося къ себѣ общаго и по понятію непосредственнаго. Противъ этого научнаго пути можно, правда, возразить, что, такъ какъ воззрѣніе легче познания, то и воззрительное, т.-е. конкретная дѣйствительность, должно быть сдѣлано началомъ науки, и что этотъ путь сообразнѣе съ природою, чѣмъ тотъ, который начинается съ предмета въ его отвлеченности и движется отъ нея обратно къ ея частностямъ и конкретной единичности. Но такъ какъ должно быть познано, то сравненіе съ воззрѣніемъ должно быть рѣшительно оставлено; можно лишь задать вопросъ, что должно быть первымъ въ предѣлахъ познания, и каково его слѣдствіе; требуется путь сообразный уже не съ природою, а съ познаниемъ. Если же спрашивается только о легкости, то независимо сего само собою явствуетъ, что познанию легче схватывать отвлеченное простое мысленное опредѣленіе, чѣмъ конкретное, которое есть многообразное сочетание такихъ мысленныхъ опредѣленій и ихъ отношеній; и что познание должно схватывать такимъ образомъ, а уже не такъ, какъ дано воззрѣнію. Въ себѣ и для себѣ общее есть первый моментъ понятія, ибо оно есть простое, а частное лишь послѣдующій моментъ, ибо оно есть опосредованное; и обратно простое есть болѣе общее, а конкретное, какъ различенное въ себѣ, стало быть опосредованное, есть то, что уже предполагаетъ переходъ отъ нѣкотораго перваго. Это замѣчаніе касается не только порядка движенія опредѣленныхъ формъ опредѣленій, раздѣленій и предположеній, но также порядка познания вообще, и вообще имѣетъ силу просто въ зависимости отъ различія отвлеченнаго отъ конкретного. Потому напр. при обученіи чтенію разумнымъ образомъ начинаютъ не съ чтенія цѣлыхъ словъ или даже слоговъ, но съ элементовъ словъ и слоговъ и съ обозначенія отвлеченныхъ звуковъ; по отношенію къ буквенному шрифту анализъ конкретного слова на его отвлеченные звуки и ихъ обозначеніе уже оказывается произведеннымъ, и тѣмъ самымъ обученіе чтенію является первымъ занятіемъ отвлеченными предметами. Въ геометріи слѣдуетъ начинать не съ нѣкотораго конкретного пространственнаго образа, а съ точки или линіи и затѣмъ съ плоскихъ фигуръ, а изъ послѣднихъ не съ многоугольниковъ, а съ треугольниковъ, изъ кривыхъ же линій—съ круга. Въ физикѣ нужно освободить отъ дѣльныхъ свойства природы или матеріи изъ ихъ многообразныхъ сочетаній, въ коихъ онѣ находятся въ конкретной дѣйствительности, и представить ихъ въ простыхъ необходимыхъ условіяхъ: они также, какъ и пространственные фигуры, суть нечто воззрительное, но ихъ воззрѣніе должно быть подготовлено такъ, чтобы они сначала явились освобожденными отъ всякихъ видоизмѣненій тѣми обстоятельствами, которыя вѣщаютъ ихъ собственнымъ опредѣленіямъ, и были прочно установлены. Магнетизмъ, электричество, виды газовъ и т. д. суть такіе предметы, познание коихъ пріобрѣтается опредѣленностью лишь такимъ образомъ, чтобы они были усвоены выдѣленными изъ тѣхъ конкретныхъ состояній, въ которыхъ они являются въ дѣйствительности. Опытъ конечно представляетъ ихъ воззрѣнію въ нѣкоторомъ конкретномъ случаѣ; но чтобы быть научнымъ, опытъ долженъ отчасти брать для того лишь необходимые условія, отчасти разнообразиться, дабы показать несущественный харак-

теръ неотдѣлкой конкретной стороны этихъ условій, обнаруживъ, что въ нѣкоторомъ другомъ и вновь другомъ конкретномъ видѣ они опять являются, и чтобы такимъ образомъ для познания сохранилась лишь ихъ отвлеченная форма. Еще для примѣра можно упомянуть, что могло казаться естественнымъ и разумнымъ разсматривать цвѣтъ, прежде всего какъ конкретное явленіе животнаго субъективнаго чувства, за тѣмъ видъ субъекта, какъ нѣкоторое призракобразное, пошлосее явленіе и наконецъ, какъ фиксированный въ объектахъ внѣшней дѣйствительности. Но для познанія общаго и тѣмъ самымъ истиннѣйшей формы есть средняя изъ названныхъ, по которой цвѣтъ стоитъ на порогѣ между субъективностью и объективностью, какъ известный прирѣзокъ, еще безъ всякаго свѣщенія съ субъективными и объективными обстоятельствами. Эти обстоятельства ближайшимъ образомъ лишь нарушаютъ чистое разсмотрѣніе природы этого предмета, такъ какъ они относятся къ нему, какъ дѣйствующія причины, и потому оставляютъ нерѣшеннымъ, чему надлежитъ приписать тѣ опредѣленные вѣщанія, переходы и отношенія цвѣта, собственной ли его специфической природѣ, или скорѣе болѣзненнымъ специфическимъ свойствамъ этихъ обстоятельствъ, здоровьемъ или болѣзненнымъ особеннымъ эффектамъ и дѣйствіямъ органовъ субъекта, или же химическимъ, растительнымъ, животнымъ силамъ объекта. Можно привести много и другихъ примѣровъ изъ области познанія органической природы и духа; повсюду отвлеченное должно составлять начало и элементъ, въ которомъ и отъ котораго распространяется частности и богатые образы конкретного.

При раздѣленіи или при частномъ, правда, выступаетъ собственно различіе его отъ общаго, но общее само есть уже опредѣленное и тѣмъ самымъ членъ нѣ котораго раздѣленія. Потому для него существуетъ высшее общее, для этого опять высшее и т. д. до безконечности. Для разсматриваемаго здѣсь познанія имѣть низаго имманентной граница, такъ какъ оно исходитъ отъ даннаго, а форма отвлеченной общности свойственна ея началу. Слѣдовательно, какой-либо предметъ, обладающій повидному элементарною общностью, дѣлается предметомъ нѣ которой опредѣленной науки и составляетъ нѣ которое абсолютное начало постольку, поскольку предполагается знакомство съ нимъ представленія, и онъ признается для себя не нуждающимся ни въ какомъ выводѣ. Опредѣленіе принимается его за ничто непосредственное.

Дальнѣйшее движеніе отъ него есть ближайшимъ образомъ раздѣленіе. Только для этого движенія требуется нѣ который имманентный принципъ, т.-е. начало отъ общаго и отъ понятія; между тѣмъ разсматриваемое здѣсь познание лишено такового принципа, такъ какъ оно слѣдуетъ лишь за опредѣленіемъ формы понятія безъ его рефлексій въ себя и потому беретъ опредѣленность содержанія изъ того, что дано. Для частнаго, входящаго въ составъ раздѣленія, имѣть никакого собственного основанія ни въ разсужденіи того, что составляетъ основаніе самого раздѣленія, ни въ разсужденіи того опредѣленнаго взаимнаго отношенія, которое должно быть свойственно членамъ раздѣленія. Дѣло познанія можетъ поэтому состоять здѣсь лишь въ томъ, чтобы отчасти приводить въ порядокъ найденныя въ эмпирическихъ матеріалѣ част-

ности, отчасти же находить их общи определения путем сравнения. Эти определения и считаются затѣм основаниями раздѣленія, которыя могутъ быть разнообразны также, какъ могутъ имѣть мѣсто столь же разнообразныя раздѣленія по этимъ основаниямъ. Взаимное отношеніе членовъ нѣкотораго раздѣленія, видовъ, имѣетъ лишь то общее опредѣленіе, что они опредѣлены одинъ относительно другаго по принятому основанію раздѣленія; если бы ихъ различіе основывалось на иномъ соображеніи, то они не были бы координированы въ этомъ порядкѣ.

Въ виду отсутствія принципа опредѣленности для самого себя законы этого раздѣленія могутъ состоять лишь въ формальныхъ, пустыхъ правилахъ, не приводящихъ ни къ чему. Такъ мы находимъ установленнымъ за правило, что раздѣленіе должно исчерпывать понятіе; но въ дѣйствительности каждый отдѣльный членъ раздѣленія долженъ исчерпывать понятіе. Имѣется собственно въ виду опредѣленность послѣднего, которая должна быть исчерпана; но при эмпирическомъ, самомъ по себѣ безразличномъ многообразіи видовъ исчерпываніе понятія не достигается тѣмъ, найдено ли ихъ болѣе или менѣе; напр. прибавилась ли къ 67-ми видамъ полуга еще дюжина, для исчерпыванія понятія безразлично. Требованіе исчерпыванія можетъ выражать собою лишь то тожесловное предположеніе, что все виды должны быть перечислены вполне. Но при расширеніи опытныхъ знаний легко можетъ случиться, что окажется виды, не подходящія подъ принятое опредѣленіе рода, такъ какъ послѣдній часто устанавливается болѣе на основаніи слухаго предствленія всего общаго характера, чѣмъ на основаніи тѣхъ или иныхъ единичныхъ признаковъ, должнствующихъ служить для опредѣленія рода. Въ такомъ случаѣ родъ долженъ бы былъ быть измѣненъ, и было бы оправдано призваніе нѣкотораго другаго числа видовъ видами нѣкотораго другаго рода, т.-е. нѣкоторый родъ опредѣлялся бы тѣмъ, что по какому-либо соображенію было бы соединено вмѣстѣ по призванію его за единство; это соображеніе само стало бы тогда основаніемъ раздѣленія. Наоборотъ, если держаться за ранѣе принятое опредѣленность, какъ за особенность рода, то исключается тотъ матеріалъ, который желали включить въ родъ, какъ виды, вмѣстѣ съ прежними видами. Это колебаніе понятія, которое то принимаетъ нѣкоторую опредѣленность за существенный моментъ рода и сообразно тому то включаетъ частное въ родъ или исключаетъ изъ послѣднего, то начинается съ частнаго и въ его составленіи опять такъ руководствуется какою-либо иномъ опредѣленностью, кажется игрою произвола, отъ котораго зависитъ удержатъ ту или другую сторону конкретнаго и руководствоваться ею. Физическая природа сама собою представляетъ такую случайность въ принципахъ раздѣленія; вслѣдствіе ея зависимой, высшей дѣйствительности она находится въ разнообразной одинаково данной ей связи; оттого-то оказывается множество принциповъ, съ которыми она можетъ согласоваться, при чемъ въ одномъ ряду формъ она слѣдуетъ одному, въ другихъ—другимъ принципамъ, ровно какъ производитъ и смѣшанныя промежуточныя образованія, одновременно представляющія разныя стороны. Отсюда происходитъ то, что въ одномъ ряду природныхъ вещей вы-

ступаютъ, какъ весьма характерныя и существенныя, такіе признаки, которые въ другихъ оказываются неважными и безцѣльными, вслѣдствіе чего становится невозможнымъ слѣдовать одному принципу дѣленія этого вида.

Общая опредѣленность эмпирическихъ видовъ можетъ состоять лишь въ томъ, что они вообще различаются одинъ отъ другаго, не будучи противоположными. Раздѣленіе понятій было ранѣе того найдено въ его опредѣленности; если частію принимается, какъ непосредственная и данная, безъ отрицательнаго единства понятія, то различіе остается лишь при ранѣе рассмотрѣнной рефлексивной формѣ различія. Вышнѣе, которая преобладаетъ въ понятіи природы, приводитъ за собою полное безразличіе различенія; для раздѣленія избирается потому часто опредѣленіе числа.

Такъ какъ вообще частное относительно общаго, а потому и раздѣленіе, здѣсь случайны, то можно приписать нѣкоторому инстинкту разуму, если это познаніе находить такіе основанія раздѣленія и сама раздѣленія, которыя, насколько то допускается чувственными свойствами, болѣе соответствуютъ понятію. Напр. относительно животныхъ, широко распространеннымъ основаніемъ раздѣленія служатъ въ системахъ органы принятія пищи, зубы и когти; они прежде всего принимаются лишь за такія стороны, признаки которыхъ всего легче обозначаются для субъективной цѣли познанія. Но въ дѣйствительности въ этихъ органахъ заключается не только такое различіе, которое свойственно высшей рефлексіи, а они составляютъ жизненный пунктъ животной индивидуальности, въ кожемъ она полагаетъ сама себя передъ иными бытіемъ высшей для нея природы, какъ относящаяся къ себѣ и выдѣляющаяся изъ непрерывности съ другимъ единичности. Въ растеніяхъ органы оплодотворенія образуютъ тотъ высшій пунктъ растительной жизни, которымъ она указываетъ на переходъ къ новому различію и тѣмъ самымъ въ индивидуальную единичность. Потому система съ полнѣе правомъ обращается къ этому пункту, какъ, хотя не исключительно, но широко захваченному основанію раздѣленія, и тѣмъ самымъ кладетъ въ основаніе такую опредѣленность, которая есть нѣтолько опредѣленность для сравненія путемъ высшей рефлексіи, но есть въ себѣ и для себя высшая изъ всѣхъ, къ какому-либо способу растенія.

3. Теорема (Lehrsatz).

1. Третья ступень этого направляющагося къ опредѣленію понятія познанія есть переходъ отъ частности къ единичности; эта ступень составляетъ содержаніе теоремы. Слѣдовательно то, что здѣсь подлежатъ разсмотрѣнію, есть относящаяся къ себѣ опредѣленность, различіе предмета въ себѣ самомъ и взаимное отношеніе различенныхъ опредѣленностей. Опредѣленіе содержитъ въ себѣ лишь одну опредѣленность, раздѣленіе—опредѣленность противъ другой; въ переходѣ къ единичности предметъ вышелъ въ отношеніе извънутри себя самого. Между тѣмъ какъ опредѣленіе останавливается на общемъ понятіи, въ теоремахъ предметъ познается напротивъ въ своей реальности, въ условіяхъ и формахъ своего реального существованія. По-

этому онъ вмѣстѣ съ опредѣленіемъ изображаетъ собою идею, которая есть единство понятія и реальности. Но рассматриваемое здѣсь, еще погруженное въ исканіе познания не доходитъ до этого изображенія постольку, поскольку реальность при немъ не протекаетъ изъ понятія, и стало быть ея зависимость отъ послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ самое ихъ единство еще не познается.

Но только что приведенному опредѣленію теорема есть въ собственномъ смыслѣ слова синтетическое въ предметъ, поскольку отношеніе ея опредѣленности необходимо, т.-е. обосновано на внутреннемъ тождествѣ понятія. Синтетическое въ опредѣленіи и раздѣленіи есть нѣкоторая внѣшнимъ образомъ принимаемая связь; то, что найдено, приводится въ форму понятія, но, какъ найденное, все содержаніе только показывается; теорема же должна быть доказана. Такъ какъ это познание не выводитъ содержанія своего опредѣленія и основанія раздѣленія, то, казалось бы, что оно можетъ обойтись и безъ доказательства тѣхъ отношеній, которыя выражаются теоремою, и въ этомъ смыслѣ также довольствоваться воспріятіемъ. Но то, что отличаетъ познание отъ простого воспріятія и представленія, есть форма понятія вообще, сообщаемая имъ содержанію; это достигается опредѣленіемъ и раздѣленіемъ; но такъ какъ содержаніе теоремы протекаетъ изъ момента понятія единичности, то оно состоитъ въ опредѣленныхъ реальности, отношенія которыхъ уже не принадлежатъ простымъ и непосредственнымъ опредѣленіямъ понятія; въ единичности понятія перешло въ множителю, въ реальность, въ силу чего стало идею. Синтезъ, заключающийся въ тождествѣ, тѣмъ самымъ уже не оправдывается формою понятія; онъ есть связываніе различныхъ; еще не положенное при этомъ единство должно быть еще указано, и потому доказательство необходимо тутъ для самого сказаннаго познания.

Ближайшимъ образомъ при этомъ возникаетъ затрудненіе опредѣлено различить, какія изъ опредѣленій предмета должны быть приняты въ опредѣленія, и какія отнесены въ теорему. Здѣсь не можетъ быть установлено никакого принципа; онъ кажется заключающимся лишь въ томъ, что то, что непосредственно присуще нѣкоторому предмету, входитъ въ составъ опредѣленія; для прочаго же, какъ опосредованнаго, должно быть сначала найдено опосредованіе. Но содержаніе опредѣленія есть вообще опредѣленное и тѣмъ самымъ само по себѣ опосредованное; содержаніе имѣетъ лишь нѣкоторую субъективную непосредственность, т.-е. субъектъ совершаетъ произвольное начало и сообщаетъ предмету значеніе предположенія. А поскольку предметъ конкретенъ внутри себя и долженъ быть также раздѣленъ, то получается множество опредѣленій, по своей природѣ опосредованныхъ и признаваемыхъ за непосредственныя и недозависимыя не по принципу, а лишь по субъективной условности. И у Евклида, который неохотно признавалъ мастеровъ въ этомъ синтетическомъ видѣ познания, подъ названіемъ аксіомъ встрѣчается нѣкоторое предположеніе о параллельныхъ линіяхъ, которое считалось требующимъ доказательства, и недостаточность котораго пробовали различными способами восполнять. Во многихъ другихъ теоремахъ думали находить предположенія, которыя должны быть не признаваемыми непосредственно, а доказы-

ваемыми. Что касается той аксіомы о параллельныхъ линіяхъ, то по этому поводу можно замѣтить, что именно тутъ Евклидъ обнаруживаетъ правильное пониманіе дѣла, точно оцѣнивъ и элементъ и природу своей науки; доказательство этой аксіомы должно бы было быть ведено изъ понятія параллельныхъ линій; но такое доказательство столь же мало относится на долю своей науки, какъ и выводъ ея опредѣленій, аксіомъ и вообще ея предмета, самото пространства и его ближайшихъ опредѣленій, измѣреній; ибо такой выводъ можетъ быть сдѣланъ только изъ понятія; а такъ какъ послѣднее лежитъ внѣ сферъъназванной науки, то это для нея есть необходимо предположеніе, т.-е. относительно первое.

Аксіомы, — чтобы упомянуть о нихъ по этому поводу, — принадлежатъ къ тому же классу. Неправильно считать ихъ обычно за абсолютно-первое, не требующее въ себѣ и для себя никакого доказательства. Если бы такъ было въ дѣйствительности, то онѣ были бы просто тождествами, такъ какъ лишь въ отвлеченномъ тождествѣ нѣтъ никакого различія, стало быть для него не требуется никакого опосредованія. Если же аксіомы суть что-то большее, чѣмъ тождество, то онѣ суть предположенія изъ какой-либо другой науки, такъ какъ для той науки, которой онѣ служатъ аксіомами, онѣ должны быть предположеніями. Потому онѣ суть собственно теоремы и при томъ по большей части относящіяся къ логикѣ. Аксіомы геометріи суть также леммы, логическія предположенія, которыя впрочемъ потому приближаются къ тождествамъ, что онѣ касаются лишь величинъ, и потому качественныя различія въ нихъ упущены; о главной аксіомѣ, о чисто-количественномъ упоминаніи, была рѣчь уже выше. Потому аксіомы также, какъ опредѣленія и раздѣленія, разсматриваемыя въ себѣ и для себя, требуютъ нѣкотораго доказательства и лишь потому не превращаются въ теоремы, что, какъ относительно первые, для извѣстной точки зрѣнія признаются предположеніями.

По поводу содержанія теоремъ слѣдуетъ сдѣлать то ближайшее различіе, что такъ какъ оно состоитъ въ нѣкоторомъ отношеніи опредѣленностей реальности понятія, то эти отношенія могутъ быть какъ болѣе или менѣе неполными и единичными отношеніями предмета, такъ и такими отношеніемъ, которое охватываетъ все содержаніе реальности и выражаетъ собою его опредѣленное отношеніе. Но единство полныхъ опредѣленностей содержанія тождественно понятію; содержащее его предположеніе есть само по этому опять таки опредѣленіе, которое однако выражаетъ собою нѣсколько непосредственно усвоенное, но и развитое въ его опредѣленныхъ, реальныхъ различіяхъ понятіе или полное существованіе послѣдняго. То и другое вмѣстѣ представляетъ собою идею.

При ближайшемъ сравненіи теоремъ какой-либо синтетической науки, и именно геометріи, получается то различіе, что нѣкоторыя изъ ея теоремъ содержатъ въ себѣ лишь единичныя отношенія предмета; другія же — такія отношенія, въ коихъ выражена полная опредѣленность предмета. Очень поверхностность тотъ взглядъ, по которому всѣ эти предположенія считаются равноцѣнными на томъ основаніи, что каждое вообще содержитъ въ себѣ нѣкоторую

истину и в формальном ходѣ изложенія, въ связи доказательства, равно существенно. Различіе содержанія теоремъ само тѣмъ самымъ образомъ связано съ этимъ ходомъ; и въ томъ дальнѣйшія замѣчанія о нихъ послужатъ къ тому, чтобы ближе осветить какъ это различіе, такъ и природу синтетическаго познанія. Прежде всего уже искони прославляется порядокъ расположенія теоремъ въ евклидовой геометріи, которая должна служить представительницею синтетическаго метода, представляющаго самый совершенный его образецъ; въ ней каждой теоремѣ всегда предшлуютъ, какъ ранее доказанныя, тѣ предположенія, которыя требуются для построенія и доказательства этой теоремы. Но это обстоятельство касается формальной послѣдовательности; какъ ни важна послѣдняя, оно все же касается болѣе вышняго расположенія и сама по себѣ не имѣетъ отношенія къ существенному различію понятія и идеи, въ коемъ заключается болѣе выскій принципъ необходимаго движенія впередъ. А именно опредѣленія, съ которыхъ начинаютъ, берутъ чувственный предметъ, какъ непосредственно данный, и опредѣляютъ его по его ближайшему роду и видовой особенности, которые также суть простыя непосредственныя опредѣленности понятія, общность и частность, отношеніе коихъ далѣе не развивается. Теоремы, служащія началомъ, сами по себѣ и не могутъ опираться ни на что иное, кромя такихъ непосредственныхъ данныхъ, какія заключаются въ опредѣленіяхъ; равнымъ образомъ ихъ взаимная зависимость ближайшимъ образомъ можетъ состоять лишь въ томъ общемъ, что одна вообще опредѣлена другою. Такимъ образомъ первыя предположенія Евклида о треугольникахъ касаются лишь совпаденія, т. е. вопроса о томъ, сколько частей какого бы то ни было треугольника должно быть опредѣлено, чтобы вообще были опредѣлены прочія части одного и того же треугольника или иначе весь треугольникъ. Что два треугольника сравниваются одинъ съ другимъ, и совпаденіе полагается въ покрѣтій одного другимъ,—это осязательный путь, котораго требуетъ методъ, долженствующій пользоваться чувственнымъ покрѣтѣмъ вмѣсто мысли: опредѣленность. Независимо сего, разсматриваемая для себя, эти теоремы содержатъ сами двѣ части, изъ коихъ одна должна считаться понятіемъ, а другая — реальностью, восполняющею первую въ реальность. А именно полное опредѣленіе, напр., двѣ стороны и заключенный между ними уголъ, есть уже для разсудка цѣлый треугольникъ; оно ни въ чемъ не нуждается далѣе для полной опредѣленности треугольника; прочіе два угла и третья сторона есть избытокъ реальности надъ опредѣленностью понятія. Поэтому послѣдніе этихъ теоремъ состоятъ собственно въ томъ, что онѣ сводятъ чувственный треугольникъ, требующій во всякомъ случаѣ трехъ сторонъ и трехъ угловъ, къ его простѣйшимъ условіямъ; опредѣленіе (definitio) вообще упоминаетъ лишь о трехъ линияхъ, замыкающихъ плоскую фигуру и образующихъ изъ нея треугольникъ; и эта теорема содержитъ въ себѣ выраженіе опредѣленности угловъ въ силу опредѣленности сторонъ, прочія же теоремы — зависимость остальныхъ трехъ частей отъ упомянутыхъ трехъ частей. Но полная опредѣленность величинъ треугольника по его сторонамъ содержитъ внутри себя самой пифагорову теорему; лишь послѣдняя есть уравненіе

сторонъ треугольника, такъ какъ разсмотрѣніе двухъ вышеуказанныхъ сторонъ треугольника приводитъ за собою вообще только взаимную опредѣленность его сторонъ, а не какое-либо уравненіе. Поэтому пифагорова теорема есть полное реальное опредѣленіе треугольника, именно ближайшимъ образомъ прямоугольнаго, простѣйшаго въ своихъ различіяхъ и потому наиболѣе правильнаго. Евклидъ заканчиваетъ эту теорему первую книгу, такъ какъ она (теорема) есть дѣйствительно достигнутая полная опредѣленность. Также точно послѣ того, какъ онъ передъ тѣмъ сводитъ непрямоугольный треугольникъ, коимъ преслужилъ большая неправильность, къ равноугольному, прямоугольному, онъ заканчиваетъ вторую книгу сведеніемъ прямоугольника къ квадрату, — уравненіемъ между саморавнымъ, квадратомъ, и несаморавнымъ, прямоугольникомъ; такимъ же образомъ гипотенуза, соответствующая прямому углу, саморавному, составляетъ въ пифагоровой теоремѣ одну часть уравненія, а два катета, несаморавные, — другую. Сказанное уравненіе между квадратомъ и прямоугольникомъ ложится въ основаніе второго опредѣленія круга, — которое опять таки есть пифагорова теорема, поскольку катеты принимаются за переименныя величины; первое уравненіе круга находится въ томъ же отношеніи чувственной опредѣленности къ уравненію, въ какомъ вообще находится между собою два различныхъ опредѣленія конического сѣченія.

Это по-истинѣ синтетическое движеніе впередъ есть переходъ отъ общаго къ единичности, именно къ опредѣленному въ себѣ и для себя или къ единству предмета внутри себя самого, поскольку предметъ въ своихъ существенныхъ реальныхъ опредѣленностяхъ выходитъ изъ себя и различается. Но иногда несовершенство, общее движеніе въ другихъ наукахъ допускается тогда, когда началомъ, правда, служатъ общее, но переходъ отъ него къ единичному и конкретному есть лишь приложеніе общаго къ привходящему откуда-то извнѣ материалу; собственное единичное идея есть такимъ образомъ и въ некоторой эмпирической прибавкѣ.

Но каюе бы, несовершенное или совершенное, содержаніе ни имѣла теорема, она должна быть доказана. Она есть отношеніе реальныхъ опредѣленій, не обладающихъ отношеніемъ опредѣленій понятій; если они и имѣютъ послѣднія (опредѣленія), какъ можетъ быть указано относительно предположеній, которыя мы назвали вторыми или реальными опредѣленіями, то послѣднія именно потому суть съ одной стороны тѣ опредѣленія, которыя именуются definitioes; но такъ какъ ихъ содержаніе имѣетъ съ тѣмъ состоитъ изъ отношеній реальныхъ опредѣленій, а не просто изъ отношеній и въ томъ общаго и простой опредѣленности, то они по сравненію съ первыми такимъ definitio также требуютъ доказательства и допускать его. Какъ реальныя опредѣленія, они имѣютъ форму существующихъ безразлично и различно; по этому они не суть непосредственно одно, надлежитъ въ дѣйствіе того указать ихъ опосредованіе. Непосредственное единство въ первомъ опредѣленіи есть то, въ силу котораго частное включается въ общее.

2. Опосредованіе, которое должно теперь быть рассмотрѣно ближе, можетъ быть или простымъ, или проходить черезъ многія опосредованія.

Опосредствующие члены связаны с опосредуемыми; но так как то, из чего вытекают в этом познании опосредование и теорема, и чему вообще чужд переход в противоположное, не есть понятие, то опосредующая определенная, без понятия связи, должны быть замкнуты откуда то извне, как предварительный материал для остова доказательства. Эта подготовка есть построение.

Из числа отношений содержания теоремы, которая могут быть весьма разнообразны, должны быть выбраны и сданы наглядными те, которые служат цели; сам по себе он является сближим и лишенижки понятия. За сие при доказательствах, правда, усматривается, что целесообразно дава в геометрической фигуре такую наприм. прибавочную линию, какал дава в построении, но само последнее должно быть выполняемо сию; поэтому для себе это действие чуждо разсудка, так как руководящая им цель еще не высказана. Безразлично, предпринимается ли оно ради теоремы в собственно смысле этого слова или ради задачи; какиж оно являются ближайшим образом до доказательства, оно не есть нечто, выводимое из данных в теореме или задач определен, и потому есть бессмысленное действие для того, кто еще не знает его цели; оно есть всегда нечто руководимое только некоторой вышней целью.

Это первоначально скрытое проявляется в доказательстве. Последнее, как указано, содержит в себе опосредование того, что связано высказано в теореме; лишь через это опосредование связанная связь является необходимой. Как построение для себя лишено субъективности понятия, так доказательство есть некоторая субъективная определенности. А именно так как определенности содержания действия без объективности, состоящая в разнообразных вышних взаимных отношениях, то необходимость присуща лишь формальному, вышнему понятию. Доказательство же есть некоторый генезис отношений, составляющего содержание теоремы; его необходимость существует лишь для нашего разумения, а все доказательство— для субъективной надобности познания. Доказательство есть потому вообще некоторая вышняя рефлексия, идущая извне внутрь, т. е. заключающаяся от вышних обстоятельств к внутреннему составу отношения. Обстоятельства, изображения построения, суть следствия природы представляюща отношения. Средний термин, третье, чье связанное в теореме представляется в своем единстве, и что составляет нерв доказательства, потому лишь таково, что в нем эта связь является и оказывается вышней. Так как следствие, протекующее из этого доказательства, есть скорее обратное природу вещи, то то, что из доказательство принимается за основание, есть субъективное основание, из которого природа вещи протекать только для познания.

Из связанного является необходимая граница этого познания, часто понимаемая неправильно. Блестящий пример синтетического метода есть наука

геометрии,—но несоответственным образом он применяется и к другим наукам, даже к философии. Геометрия есть наука о величинах, и потому для нее всего пригоднее формальное умозаключение; так как в ней рассматривается только количественное определение, и отдаленность от качественного, то она может держаться в границах формального тождества, чуждая понятию единства, которое есть равенство и принадлежит вышней отдаленной рефлексии. Ее предмет, пространственные определения, уже настолько отдалены, что подготовлены для цели—жить вполне конечную, вышнюю определенности. Всеобщие отдаленности ее предмета этой науке с одной стороны свойственна та возвышенность, в силу которой в этом пустом безмолвном пространстве погасает цель, а также исчезают и другие чувственные свойства, а равно сколмает и всякий иной интерес, связанный с живо индивидуальностью. С другой стороны, этот отдаленный предмет все же есть еще пространство,—нечто нечувственно чувственное; возвращение возмущается в своей отдаленности, пространство есть некоторая форма воззрения, но само воззрение,—есть чувственное, вышняя форма самой чувственности, ее чистое отсутствие понятия. В последние время достаточно говорили о превосходстве геометрии в этом отношении; то обстоятельство, что в ее основании лежит чувственное воззрение, объявлял ее высшим преимуществом и полагал даже, что ее высокая научность основывается именно на этом, и что ее доказательства покоятся на воззрении. Против этой плоскости необходимо прибегнуть к столь же плоскому напоминанию, что всякая наука осуществляется не через воззрение, а только через мышление. Только наглядность, свойственная геометрии в силу оставшегося еще в ней чувственного материала, сообщает ей ту сторону очевидности, которую вообще имеют чувственное для невысшего духа. Заслуживает порицания потому, что эту чувственность материала, которая заменяет собою скорее низменность точки зрения геометрии, считают ее преимуществом. Лишь отвлеченности ее чувственного предмета обязана она своею способностью к более высокой научности и большим преимуществом перед теми собраниями сведений, которая также склонны называть науками, и которая имеют своим содержанием конкретное, осязаемое чувственное, и лишь путем порядка, который они пытаются туда внести, обнаруживают отдаленное чаше требований понятия и намека на них.

Лишь вследствие того, что геометрическое пространство есть отвлеченность и пустота вышности, становится возможным такое начертание фигур в его неопределенности, что их определения остаются одни из других в устойчивом покои и не имеют никакого перехода в свою противоположность. Эта наука есть тем самым наука конечного, которое сравнивается не с личным, и единство которого есть вышнее, равенство. Но так как при этом начертании фигур вместе с тем исходят от различных сторон и принцип, и различные фигур возникают для себя, то при их сравнении обнаруживается также качественное неравенство и несимметричность. Ими геометрии выводится из конечности, в которой она движется столь пра-

нливо и уверенно, в безконечность, к приравнению того, что качественно различно. Здесь превращается ее очевидность, так как в основе ее вообще лежит устойчивая конечность, и ее нечего дѣлать съ понятием и его логическим, сказанным переходомъ. Конечная наука достигаетъ здѣсь своей границы, такъ какъ необходимость и опосредование синтетическаго основываются тутъ уже не только на положительномъ, но и на отрицательномъ тождествѣ.

Если геометрія, какъ и алгебра, скоро останавливается при своихъ отвлеченныхъ, чисто рассудочныхъ предметахъ у своей границы, то въ другихъ наукахъ синтетическій методъ уже съ самаго начала обнаруживаетъ себя недостаточнымъ, всего же недостаточнѣе онъ въ философіи. Относительно опредѣленія и раздѣленія это уже обнаружено; здѣсь слѣдовало бы говорить только о теоремахъ и доказательствахъ, но независимо отъ того, что само доказательство уже требуетъ опредѣленій и раздѣленій и предполагаетъ ихъ, самое положеніе ихъ относительно теоремъ вообще неудовлетворительно. Это положеніе особенно достоятельно въ опытныхъ наукахъ, напр., въ физикѣ, если имъ хотятъ придать форму синтетическихъ наукъ. Этотъ приѣмъ состоитъ въ томъ, что рефлексивнаа опредѣленія одѣльныхъ силъ или иныхъ внутреннихъ и существенныхъ формъ, которыя вытекаютъ изъ способа анализа, ставятся во главѣ, дабы образованъ собою общія основы, затѣмъ принимаемыя къ единичному и обнаруживаемыя въ немъ. Такъ какъ эти общія основы не имѣютъ для себя никакой опоры, то ихъ приходится принимать пока произвольно; но лишь при выводѣ изъ нихъ слѣдствій замѣчаютъ, что послѣдніи составляютъ настоящее основаніе этихъ основъ. Такъ называемое объясненіе и доказательство содержащихся въ теоремахъ конкретного оказывается отчасти тождественнымъ, отчасти искаженіемъ истиннаго отношенія; отчасти же это искаженіе приводило къ тому, чтобы прикрыть заблужденіе познанія, односторонне познаваемаго опыта, единственно изъ котораго оно могло почерпнуть свои простыя опредѣленія и основоположенія, и тѣмъ самымъ устранить основанное на опытѣ опроверженіе, обнаруживъ, что оно изъ данного случая принимало и объявляло опытъ не въ его конкретной полнотѣ, а лишь какъ примѣръ и притомъ съ его благоприятной для гипотезъ и теорій стороны. Въ этомъ подчиненіи конкретного опыта предположеннымъ опредѣленіямъ основа теоріи затеняется и показывается лишь со стороны, подтверждающей теорію; равно, какъ вообще тѣмъ самымъ становится крайне затруднительнымъ разсматривать конкретнаа воспріятія безпристрастно для себя. Лишь сдѣлавъ совершенно обратнымъ весь ходъ познанія, мы сообщаемъ цѣлому правильное отношеніе, при коемъ можно оборотить связь основанія и слѣдствія и правильность преобразованія воспріятія въ мысли. Одна изъ главныхъ трудностей при изученіи такихъ наукъ состоитъ потому въ томъ, чтобы проникнуть въ нихъ; этого можно достигнуть лишь путемъ слѣпотаго принятія предположеній и запечатлѣній въ памяти безъ возможности образованія нѣкотораго понятія, часто даже едва ли опредѣленнаго представленія, по большей же мѣрѣ случайнаго образа фантазіи, опредѣленій признаваемыхъ силъ, матерій и ихъ типо-

тетическихъ фигуръ, направленій и вращеній. Если же потребовать для принятія и оцѣнки гипотезъ выясненія изъ необходимости и повятія, то оказывается невозможнымъ двигаться далѣе начала.

О неправоильности приложенія синтетическаго метода къ строго аналитическимъ наукамъ былъ уже поводъ говорить выше. Вольфъ распространилъ это приложеніе на всевозможные роды знаній, отнесенныхъ или къ философіи и математикѣ, — знаній, которыя отчасти имѣютъ совершенно аналитическую природу, отчасти же носятъ характеръ совершенно случайнаго и чисто ремесленнаго. Контрастъ между такимъ усвоеннымъ, по природѣ своей неспособнымъ ни къ какой строгой и научной обработкѣ матеріаломъ и натупными научными изворотами по поводу его и его внѣшней оболочкою уже самъ по себѣ показалъ несладость такого приложенія и лишилъ послѣднее кредита ¹⁾. Но върн въ пригодность и существованіе этого метода для пріданія научной строгости философіи это злоупотребленіе имъ не могло уничтожить; примѣръ изложенія Спинозою его философіи еще долго выдавался за образецъ. Однако въ дѣйствительности Кантъ и Якоби опровергли весь способъ дѣйствія прежней метафизики, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея методъ. Кантъ по-своему показалъ относительно содержанія этой метафизики, что черезъ строгое доказательство оно приводитъ къ антиноміамъ, характеръ которыхъ былъ въпрочемъ развѣшенъ въ соответствующемъ мѣстѣ; но о самой природѣ этого доказательства, которое связало съ нѣкоторыми конечнымъ содержаніемъ, онъ не рефлексировалъ; между тѣмъ одно должно надѣть вмѣстѣ съ другимъ. Въ своихъ Начальныхъ основаніяхъ естествознанія онъ самъ далъ примѣръ обработки нѣкоторой науки, которую онъ такимъ путемъ думалъ сдѣлать философскою, какъ науку рефлексіи и по ея методу. Если Кантъ навадалъ на прежнюю метафизику болѣе съ точки зрѣнія ея содержанія, то Якоби производилъ это нападеніе преимущественно со стороны способа ея доказательства; онъ самымъ легкимъ и глубокимъ образомъ выдѣлилъ пунктъ, въ коемъ вся

¹⁾ Напр. въ Начальныхъ основаніяхъ строительнаго искусства Вольфа восьмая теорема гласитъ: Окно должно имѣть такую ширину, чтобы два лица могли удобно лежать на немъ рядомъ.

Доказательство. Ибо часто делаютъ еще на окошко вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, дабы осмотрѣться. А такъ какъ строителъ долженъ во всемъ удовлетворить главныя измѣренія хлѣвъ строенія (§ 1), то онъ долженъ и окошко сдѣлать настолько широкимъ, чтобы два лица могли удобно лежать на немъ рядомъ. Что и т. д.

Его же Начальныя основанія фортификаціи, вторая теорема: Если неприятель расположился въблизи, и предполагается, что онъ будетъ пытаться освободить крѣпость посредствомъ поданія ей помощи, то возвратъ всей крѣпости должна быть устроена циркумвалляціоннаа линія.

Доказательство. Циркумвалляціоннаа линія препятствуетъ кому бы то ни было проникать въ лагерь нѣмъ (§ 31). Но тѣ, которые желаютъ освободить крѣпость, стремятся проникнуть въ лагерь нѣмъ. Поэтому для удержанія ихъ отъ того должна быть воздѣлана линія устроена циркумвалляціоннаа линія. Посему она неприятель расположился въблизи, и предполагается, что онъ будетъ пытаться освободить крѣпость посредствомъ поданія ей помощи, то лагерь долженъ быть замкнутъ въ циркумвалляціоннаа линія. Что и т. д.

тѣмъ самымъ нѣчто конечное и ограниченное; самоопредѣленіе есть по существу частность, такъ какъ рефлексія воли въ себя, какъ отрицательное единство, есть вообще также единичность въ смыслъ исключенія и предположенія нѣкотораго другаго. Но частность содержанія ближайшимъ образомъ безконечна въ силу формы понятія, собственную опредѣленность котораго она составляетъ, и которое имѣетъ въ немъ отрицательное тождество себя съ самимъ собою и тѣмъ самымъ есть нѣчто частное, но обладаетъ своею безконечною единичностью. Вышеупомянутая конечность содержанія въ практической идеѣ означаетъ тѣмъ самымъ то, что она есть ближайшимъ образомъ еще невыполненная идея; понятіе для него есть сущее въ себѣ и для себя; оно есть здѣсь идея въ формѣ для себя самой сущей объективности; съ одной стороны субъективное есть потому уже нѣчто нѣчто положенное, произвольное или случайное, но нѣчто абсолютное; но съ другой стороны эта форма осуществленія, бытіе для себя, не имѣетъ еще также формы бытія въ себѣ. То, что является по формѣ, какъ таковой, какъ противоположенію, является въ рефлексированной въ простое тождество формъ понятія, т. е. въ содержаніи, какъ его простая опредѣленность; добро, хотя бы и имѣющее значеніе въ себѣ и для себя, есть въ силу того какаго-либо частная цѣль, которая однако не должна приобрести свою истину лишь черезъ реализацію, а есть истинное уже для себя.

Самое умозаключеніе непосредственной реализаціи не требуетъ здѣсь нѣзкого ближайшаго изложенія; оно есть лишь разсмотрѣнное выше умозаключеніе въ высшей цѣлесообразности; различіе касается лишь содержанія. Во высшей цѣлесообразности, какъ формальной, послѣднее было вообще неопредѣленнымъ конечнымъ содержаніемъ, здѣсь же оно, хотя также конечно, но, какъ таковое, считается, вмѣстѣ съ тѣмъ, абсолютнымъ. Но по отношенію къ заключенію, выполненной цѣли, возникаетъ дальнѣйшее различіе. Конечная цѣль въ своей реализаціи достигаетъ также лишь средства; такъ какъ она въ своемъ началѣ не есть еще цѣль, опредѣленная въ себѣ и для себя, то она и выполненная остается такою, которая не есть въ себѣ и для себя. Если же добро ошата-таки фиксируется, какъ нѣчто конечное и какъ таковое по существу, то, несмотря на свою внутреннюю безконечность, оно не можетъ избѣгнуть судьбы конечнаго, — судьбы, являющейся во многихъ формахъ. Совершаемое добро есть добро въ силу того, что оно есть уже въ субъективной цѣли, въ своей идеѣ; совершеніе даетъ ему нѣкоторое внѣшнее существованіе; но такъ какъ это существованіе опредѣлено лишь, какъ въ себѣ и для себя ничтожная внѣшность, то добро достигаетъ въ немъ лишь случайнаго разрушимаго существованія, а не соответствующаго своей идеѣ совершенія. Даже такъ какъ добро по своему содержанію есть нѣчто ограниченное, то существуетъ также нѣчто различнаго добра; совершаемое добро подвержено разрушенію нѣчто черезъ внѣшнюю случайность и черезъ зло, но и черезъ объективный миръ, въ предположеніи котораго заключается субъективное и конечное добро, и который, какъ нѣчто другое, идетъ своимъ собственнымъ путемъ,

само совершеніе добра подвержено препятствіямъ и даже невозможности. Добро остается, такимъ образомъ, нѣкоторымъ должествованіемъ; оно есть въ себѣ и для себя, но бытіе, какъ послѣдняя, отвѣченная непосредственность, остается въ противоположность добру опредѣленнымъ также, какъ нѣкоторое небытіе. Идея выполненнаго добра есть, правда, нѣкоторый абсолютный постулатъ, но не болѣе, чѣмъ постулатъ, т. е. абсолютное съ опредѣленіемъ субъективности. Тутъ встрѣчаются еще два противоположныхъ міра, царство субъективности въ чистыхъ областяхъ прозрачной мысли и царство объективности въ элементъ внѣшней многообразной дѣятельности, которое есть незамкнутое царство ядра. Полное развитіе этого неразрывнаго противорѣчія, этой абсолютной цѣли, непреодолимо противостоящей ограниченію дѣятельности, ближе разсмотрѣно въ Феноменологіи духа. Между тѣмъ, какъ идея содержитъ въ себѣ моментъ полной опредѣленности, другое понятіе, къ которому относится понятіе въ ней, есть въ своей субъективности, имѣетъ съ тѣмъ, моментъ нѣкотораго объекта; поэтому, идея выступаетъ тутъ въ видѣ самознанія и съ этой стороны совпадаетъ съ его изложеніемъ.

Но то, чего не достаетъ практической идеѣ, есть моментъ самого сознанія, какъ такового, именно того, чтобы моментъ дѣятельности въ понятіи достигъ для себя опредѣленія внѣшняго бытія. Этотъ недостатокъ можетъ быть также разсматриваемъ такъ, что практическая идея еще лишена момента теоретической. А именно, послѣдней со стороны субъективнаго, со стороны понятія, ставнаго понятіемъ, совершается внутри себя, присуще лишь опредѣленіе общности; познаніе знаетъ себя, лишь какъ усвоеніе, какъ неопредѣленное для себя самого тождество понятія съ самимъ собою; выполненіе, т. е. въ себѣ и для себя опредѣленная объективность, есть для теоретической идеи нѣчто данное, а истинно-сущее — независимо отъ субъективнаго положенія существующая дѣятельность. Напротивъ, для практической идеи эта дѣятельность, противоположная первой, имѣетъ съ тѣмъ, какъ непреодолимо ограниченіе, имѣетъ значеніе въ себѣ и для себя ничтожнаго, должствующее получить свое истинное опредѣленіе и единственную цѣльность черезъ цѣль добра. Поэтому, воля сама противопоставитъ достиженію своей цѣли тѣмъ, что воля отдѣляется отъ познанія, и что внѣшняя дѣятельность не сохраняетъ для нея (воли) формы истинно-сущаго; поэтому идея добра можетъ найти свое исполненіе лишь въ идеѣ истиннаго.

Но этотъ переходъ идея добра совершаетъ черезъ саму себя. Въ умозаключеніи дѣянія первая послышка есть непосредственное отношеніе доброй цѣли къ дѣятельности, которой эта цѣль овладѣваетъ и во второй послышкѣ направляетъ противъ внѣшней дѣятельности, какъ внѣшнее средство. Добро есть для субъективнаго понятія объективное; дѣятельность въ ея существованіи лишь постольку противопоставитъ ему, какъ непреодолимо ограниченіе, поскольку она имѣетъ еще опредѣленіе непосредственнаго существованія, а не объективнаго въ смыслѣ бытія въ себѣ и для себя; она есть скорѣе или злое, или безразличное, только подлежащее опредѣленію, имѣющее свою цѣльность не въ себѣ самомъ. Но это отвѣченное бытіе, противостоящее добру

во второй послыль, уже само практическую идею; первая послыль ее действия есть непосредственная объективность понятия, по которому цель без всякого сопротивления сообщается действительности и находится сь нею в простом, тождественном отношении. Таким образом, надлежит лишь сопоставить вышесказанные мысли обьих послылок. Къ тому, что уже непосредственно исполнено в первой послыль объективнымъ понятиемъ, присоединяется во второй лишь то, что оно положено через опосредование, т.-е. для него. Какъ въ отношении цели вообще выполненная цель есть опять также лишь средство, но наоборотъ цели вообще вторая послыль уже непосредственно дана въ себѣ въ первой; но эта непосредственность недостаточная, и вторая послыль требуется уже для самой цели; исполнение добра вопреки противостоящей ему другой действительности есть опосредование, которое по существу необходимо для непосредственного отношения и осуществления добра. Ибо исполнение добра есть лишь первое отрицание или истребление понятия, истребительная объективность, которая была бы погружениемъ понятия во видимость; второе отрицание есть снятие этого истребления, въ силу чего непосредственное исполнение цели только и становится действительностью добра, какъ сущаго для себя понятия, такъ какъ послѣднее тѣмъ самымъ полагается тождественнымъ сь самимъ собою, а не сь истребительнымъ другимъ, и стало быть свободнымъ. Но если бы цель добра черезъ то не должна была быть исполненною, то это было бы возвращеніемъ понятия на ту точку зрѣнія, на которой понятие было до своей деятельности, — на точку зрѣнія определенной, какъ уничтоженной, и однако предложенной, какъ реальная, действительности; возвращеніе, который становится прогрессомъ въ ложную безконечность, но имѣетъ свое основание въ томъ, что въ снятии той означенной реальности это снятие также непосредственно забывается, или что забывается то, что эта реальность уже была предложена, какъ въ себѣ и для себя уничтоженная, необъективная действительность. Это повтореніе предложения невыполненной цели послѣ действительнаго исполнения цели опредѣляетъ себя потому такъ, что субъективная постановка объективного понятия возобновляется и дѣлается переживающеюся, въ силу чего конечность добра является какъ по своему содержанию, такъ и по своей формѣ сохраняющею истинно, равно какъ осуществление добра оказывается всегда лишь единичнымъ актомъ, а не чѣмъ то общимъ. Въ действительности эта опредѣленность силы себя при осуществлении добра; то, что для объективного понятия еще ограничено, есть его собственный взглядъ на себя, исчезающій черезъ рефлексію о томъ, что есть осуществление добра въ себѣ; понятие противится черезъ этотъ взглядъ само себѣ и должно потому направиться по противъ истребительной видимости действительности, а противъ самого себя.

А именно, деятельность во второй послыль, производящая лишь истребительный и единичный, и тѣмъ самымъ въ немъ повторяется первое предположеніе, есть въ действительности также положеніе сущаго въ себѣ тождества объективного понятия и непосредственной действительности. Опредѣ-

леніе послѣдней черезъ предположеніе состоитъ въ томъ, что есть свойственная ей лишь реальность явленія, что она въ себѣ и для себя ничтожна и опредѣлена только объективнымъ понятиемъ. Такъ какъ черезъ деятельность объективного понятия видимость действительности изживается, и ее опредѣленіе тѣмъ самымъ снимается, то именно потому отъ нея изживаются лишь являющаяся реальность, видимость опредѣленности и ничтожество, она тѣмъ самымъ становится положенною, какъ сущая въ себѣ и для себя. При этомъ вообще снимается предположеніе, именно опредѣленіе добра, какъ только субъективной и по своему содержанию ограниченной цели, необходимости реализовать послѣднюю только черезъ субъективную деятельность и самая эта деятельность. Въ результатѣ опосредованіе само себя снимаетъ, оно есть непосредственность, которая есть не восстановленіе предположенія, а скорѣе его снятіе. Тѣмъ самымъ идея въ себѣ и для себя опредѣленного понятия положена уже не только въ действующемъ субъектѣ, а также какъ истребительная непосредственная действительность, и наоборотъ, послѣдняя, какъ она есть въ познани, какъ по истинѣ сущая объективно. Единичность субъекта, присущая ему черезъ его предположеніе, нечала вышесъ послѣднимъ; тѣмъ самымъ онъ есть свободно, общее тождество сь самимъ собою, для котораго (тождества) объективность понятия есть настолько же данная, непосредственно существующая для него, насколько онъ знаетъ себя, какъ въ себѣ и для себя опредѣленное понятие. Тѣмъ самымъ въ этомъ результатѣ познание восстановлено и соединено сь практической идеею, предвѣденная действительность опредѣлена вышесъ тѣмъ, какъ выполненная абсолютная цель; но не такъ, какъ въ ищущемъ познани, лишь какъ объективный міръ безъ субъективности понятия, а какъ такой объективный міръ, внутреннее основание и действительное существованіе котораго есть понятие. Это абсолютная идея.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Абсолютная идея.

Абсолютная идея есть, какъ оказалось, тождество теоретической и практической идей, изъ коихъ каждая для себя еще односторонна, имѣетъ внутри себя самую идею, лишь какъ искомую потусторонность и недостигнутую цель; каждая изъ нихъ есть, потому, истребительный сдвѣтъ стремленія, который настолько же имѣетъ, насколько не имѣетъ внутри себя идею, переходить отъ одного къ другому, но не соединяетъ обьихъ мыслей, а остается при ихъ противорѣчьи. Абсолютная идея, какъ разумное понятие, которое въ своей реальности совпадаетъ лишь сь самимъ собою, есть въ этой непосредственности въ силу своего объективного тождества сь одной стороны возвратъ къ жизни; но она, равнымъ образомъ, снявъ внутри себя эту форму своей непосредственности и высшую противоположность. Понятіе есть не только душа, но свободное субъективное понятіе, которое есть для себя и потому обладаетъ личностью, —

практическое, в себя и для себя определенное, объективное понятие, которое, как лицо, есть непроницаемая, недлямая субъективность; но которое, равным образом, есть не исключаящая единичности, а общности и познание для себя, и в своем другом иметь предметом свою собственную объективность. Все прочее есть заблуждение, смутность, мифы, стремление, провалы и переходы; только абсолютная идея есть бытие, непрекращающаяся жизнь, знающая себя истина и вся истина.

Она есть единственный предмет и содержание философии. Так как она содержит внутри себя всю определенность, и ее сущность состоит в том, чтобы возвращаться к себе через свое самоопределение и порождение, то она имеет различные образы, и задача философии заключается в познании ее в них. Природа и дух суть вообще различные способы изображать ее существование; искусство и религия — ее различные способы познать себя и сообщать себя некоторому соответствующему ей существованию; философия имеет в искусстве и религии одинаковое содержание и одинаковую цель, но она есть высший способ познания абсолютной идеи, так как способ философии есть высший — понятие. Философия охватывает, потому, внутри себя эти образы реальной и идеальной конечности, равно как безконечности и святости, и познает их и саму себя. Вывод же и познание этих частных способов есть дальнейшая задача частных философских наук. Логическая сторона абсолютной идеи также может быть названа некоторым ее способом; но между тем, как слово „способ“ означает некоторый частный вид, некоторую определенность формы, логическое есть, напротив, общий способ, в коем сняты и заключены все частные способы. Логическая идея есть она сама в своей чистой сущности, заключенная в своем понятии в простое тождество и еще не выступившая из видности в некоторой определенности формы. Поэтому логика изображает самодвижение абсолютной идеи, лишь как первоначальное слово, которое есть обнаружение, но такое, которое, как внешнее, снова непосредственно исчезло, поскольку оно есть; идея есть, таким образом, лишь в этом самоопределении — воспринять себя, она есть в чистой мысли, в которой различие еще не есть инобытие, но есть и остается вполне прозрачным для себя. Логическая идея имеет тем самым своим содержанием себя, как бесконечную форму; форму, которая постольку составляет противоположность содержанию, поскольку последнее, как возвратившееся внутрь себя и святое в тождестве определение формы, таково, что это конкретное тождество противостоит тождеству, развитию, как форма; содержание имеет вид другого и данного относительно формы, которая, как таковая, стоит просто в отношении, и определенность которой положена иметь с тем, как видимость. Абсолютная идея сама ближайшим образом имеет своим содержанием лишь то, что определение формы есть ее собственная завершенная полнота, чистое понятие. (Определенность идеи и все развитие этой определенности и составили предмет науки логики, из какого развития абсолютная идея возникла сама для себя; для себя она оказалась состоящею в том, что

определенность имеет вид не некоторого содержания, а есть просто форма, что идея тем самым есть просто общая идея; то что надлежит, следовательно, еще рассмотреть, есть тем самым не некоторое содержание, как таковое, но общность ее формы, — т. е. метод.

Метод может ближайшим образом явиться простым видом и способом познания, и он имеет действительно их природу. Но вид и способ, как метод, положены не только, как в себя и для себя определенная модальность бытия, а и как модальность познания, как определенная через понятие, и как форма, поскольку она есть душа всякой объективности, и всякое какое бы то ни было определенное содержание имеет свою истину единственно в форме. Если содержание опять-таки принять для метода, как данное и своеобразной природы, то метод, как и вообще логическое, есть вообще в таком определении некоторая просто внешняя форма. Но здесь можно сослаться не только на основное понятие логического, а все его развитие, в котором прошли все образования данного содержания и объекты, показало переход и не-истину этого определения; и вместо того, чтобы данный объект мог быть основой, к коей абсолютная форма отсылался бы, лишь как внешнее и случайное определение, она напротив оказалась абсолютным основой и окончательным истинно. Метод возник отсюда, как знающее само себя, имеющее своим предметом себя, как абсолютное столь же субъективное, сколь и объективное понятие, а с тем иметь как чистое соответственное понятие и его реальности, как некоторое осуществление, которое есть само понятие.

Что здесь должно быть рассматриваемо, как метод, есть тем самым лишь движение самого понятия, природа коего уже познана, но во-первых, отныне с тем значением, что понятие есть все, и что его движение есть общая абсолютная деятельность, самоопределяющее и самореализующее движение. Поэтому метод должен быть признан без всякого ограничения всеобщим, внутренним и внешним способом и совершенно бесконечным силой, которой никакой объект, поскольку он представляется внешним, чуждым разуму и независимым от последнего, не мог бы оказывать противодействия, быть иной относительно метода природы и не быть пропущенным последним. Метод есть потому душа и субстанция, и нечто понятие и познано в своей истине лишь постольку, поскольку оно совершенно подчинено методу; последнее есть собственный метод всякой вещи, так как его деятельность есть понятие. В этом состоит и больше истинный смысл общности метода; по рефлексивной общности он признается лишь методом для всего; по общности же идеи он есть в той же мере вид и способ познания, субъективно знающего себя понятие, в какой объективным вид и способ или правильные субстанциальности вещей, т. е. понятий, поскольку он ближайшим образом является другим для представления и рефлексии. Поэтому он есть не только истинная сила или скорее единственная и абсолютная сила разума, но и его высшее и единственное побуждение — найти и познать себя самого во всем через себя самого. Тем самым во-

как непосредственное; непосредственность общего есть то же самое, что здесь выражается словами: бытие в себе без бытия для себя. Потому можно, правда, сказать, что всякое начало должно быть сделано с абсолютного, равно как каждое движение вперед есть изображение последяго, поскольку сущее в себе есть понятие. Но именно потому что оно есть еще лишь в себе, оно равным образом есть еще не абсолютное, также как не положенное понятие и не идея; ибо последия состоят именно в том, что бытие в себе оказывается лишь отвлеченным, односторонним моментом. Движение вперед не есть потому некоторый вид избытка; оно было бы таким, если бы начинавшее по-истини было уже абсолютным; движение вперед состоит скорее в том, что общее определяет само себя в есть для себя общее, т. е. равным образом единичное и субъект. Лишь в своем завершении оно есть абсолютное.

Можно припомнить о том, что начало, которое есть в себе конкретная полнота, может, как таковое, быть также свободным, а его непосредственность — иметь определение некоторого внешнего существования; зародыш живого и субъективная цель вообще оказались такими началами, оба они суть потому сами побуждения. Напротив не-духовное и не-живое есть конкретное понятие, лишь как реальная возможность; причина есть высшая ступень, на коей конкретное понятие, как начало в сфере необходимости, имеет некоторое непосредственное существование; но она еще не есть субъект, сохраняющийся, как таковой, в своей действительной реализации. Например, солнце и вообще все не-живое суть определенная осуществление, в коих реальная возможность остается внутренней полнотой, а их моменты не положены в них в субъективной форме, и поскольку они реализуются, они достигают осуществления через другие телесные действия.

2. Конкретная полнота, образующая начало, имеет, как таковая, в ней самой начало дальнейшего движения и развития. Как конкретное, она различена внутри себя; но вследствие ее первой непосредственности первая ее различения имеют с тем различия. Но непосредственное, как относящееся к себе общность, как субъект, есть также единство этих различий. Рефлексия есть первая ступень дальнейшего движения, выступление различия (Differenz), суждение, определение вообще. Существенное состоит в том, что абсолютный метод находит и познает определение общего внутри самого этого общего. Разумное конечное познание поступает при этом так, что оно также внешне вновь принимает из конкретного то, что оно устранило при отвлечении произведении этого общего. Напротив, абсолютный метод действует, не как внешняя рефлексия, а берет определенное из самого предмета своего, так как этот метод сам есть его имманентный принцип и душа. Это есть то, чего Платон требовал от познания, — рассматривать вещи в себе и для себя самих, отчасти в их общности, отчасти же не уклоняться от них в сторону и не хвататься за побочная обстоятельства, примеси и сравнения, но иметь единственно эти вещи перед собою и возводить в сознание то,

что им имманентно. Метод абсолютного познания постольку аналитичен. То, что он находит дальнейшее определение своего первоначального общего единственно в самом последнем, и есть абсолютная объективность, понятие, достоверность которого он есть. Но он равным образом синтетичен, так как его предмет, определенный непосредственно, как простое общее, через определенность, обладаемую им в своей непосредственности и общности, оказывается некоторым другим. Это отношение некоторого различного, которое таким образом составляет его внутри себя, уже не есть однако то, что подразумевалось под синтезом в конечном познании; уже через свое также аналитическое определение вообще, по коему он есть отношение к понятию, он совершенно отличается от этого синтетического.

Этот столь же синтетический, сколь и аналитический момент суждения, коим первоначальное общее из него самого определяет себя, как другое себя, может быть назван диалектическим. Диалектика есть одна из тех древних наук, которая в новой метафизике, а затем вообще в популярной философии, как в древних, так и новых, всего менее была признана в ее значении. О Платоне Диоген Лаэртский говорит, что как будто бы родоначальником философии природы, Сократ — моральной философии науки, диалектики; заслуга, которую древность тем самым признавала особенно высоко, но которая часто совершенно оставляется без внимания теми, которые всего более говорят о нем. Диалектику часто рассматривали, как некоторое искусство, как будто она основывается на некотором субъективном таланте, а не принадлежит к объективности понятия. Какой вид и какой результат получила она в философии Канта, уже указано на определенных примечах этого его взгляда. Должно считать безвременно важным шагом вперед признание диалектики вновь необходимо принадлежностью разума, хотя (Кантом) был получен результат противоположный тому, который отсюда вытекает.

Независимо от того, что диалектика обычно является чем-то случайным, ей придать ту ближайшую форму, что по поводу какого-либо предмета, напр. мира, движения, точки и т. д., указывается, что ему присуще какое-либо определение, напр. относительно порядка названных предметов конечность в пространстве или во времени, бытие в этом месте, абсолютная отрицательность пространства; но далее столь же необходимо и противоположное определение, напр. безконечность в пространстве и времени, небытие в этом месте, отношение к пространству и тем самым пространственность. Древняя алейская школа направляла свою диалектику главным образом против движения, Платон же часто против представлений и понятий своего времени, особенно против софистов, но также против числительных категорий и определенных рефлексий; подвигший больше развитой скептицизм распространял ее не только на непосредственные т. наз. факты сознания и правила обденной жизни, но и на все научные понятия. А следовательно выводное из такой диалектики, есть вообще противоречие и ничтоже-

ство признанных утверждений. Но такой результат может иметь двойной смысл, — или объективный, согласно коему самый предмет, который таким образом сам себя противоречит, снимается и уничтожает себя; — таково напр. заключение элейцев, по коему отъ мира, движения, точки отрицается истина; или субъективный, по коему недостаточность заключается въ познании. Последнее заключение понимается или так, что только эта диалектика производит фокусъ иъкоторой ложной видимости. Таковъ обычный взглядъ такъ называемаго здравого человеческого смысла, придерживающагося чувственной очевидности и привычныхъ представлений и выражений; иногда онъ обнаруживается спокойно, какъ, напр., Диогеномъ — собою, доказывающаго ошибку диалектики движениа посредствомъ молчаливаго хождения взадъ и впередъ, иногда же въ видъ гнѣва, или только какъ на глупость, или какъ на преступленіе, пытающагося поколебать то, что по существу должно быть прочнымъ и служащее основаніемъ пороку; взглядъ, который встрѣчается въ сократовой диалектикѣ противъ софистической, и негодование, которое наоборотъ стоило жизни самому Сократу. То грубое опроверженіе, которое, какъ то сдѣлалъ Диогенъ, противопоставляетъ мышленію чувственное сознание и подлагаетъ найти истину въ последнемъ, можетъ быть представлено самому себѣ; поскольку же диалектика снижаетъ нравственную опредѣленія, то надлежитъ искать довѣріе къ тому, что разумъ служитъ восстановить ихъ въ ихъ истинѣ и въ сознаніи ихъ права, но также и ихъ границы. Или же заключеніе о субъективности ничтожествъ диалектики касается не ея самой, а скорѣе того познанія, противъ котораго она направлена, именно въ духъ скептицизма, равно какъ кантовой философіи, противъ познанія вообще.

Главный предразсудокъ состоитъ здѣсь въ томъ, будто диалектика имѣетъ лишь отрицательный результатъ, что сейчасъ будетъ опредѣлено ближе. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить о вышеуказанной формѣ, въ которой обычно является диалектика, что согласно этой формѣ диалектика и ея результатъ касаются или испитуемаго предмета или также субъективнаго познанія и объявляютъ ничтожными или послѣднее или предметъ; напротивъ тѣ опредѣленія, которыя указываются въ предметъ, какъ иъкоторомъ третьемъ, остаются безъ разсмотрѣнія и признаются законными для себя. Безконечная заслуга кантовой философіи состояла въ томъ, что она обратила вниманіе на этотъ негитическій образъ дѣйствія и тѣмъ самымъ дала толчокъ къ восстановленію логики и диалектики въ смыслъ разсмотрѣнія мысленныхъ опредѣленій въ себѣ и для себя. Предметъ, каковъ онъ безъ мышленія и безъ понятія, есть иъкоторое представленіе или также иъкоторое названіе; опредѣленія мышленія и понятія суть то, въ чемъ онъ есть то, что онъ есть. Поэтому, въ дѣйствительности дѣло въ нихъ однихъ; они суть истинный предметъ и содержаніе разума, а иъчто такое, что считается предметомъ и содержится въ отличеніе отъ нихъ, имѣетъ значеніе лишь чрезъ нихъ и въ нихъ. Поэтому нельзя признавать виною иъкотораго предмета или познанія, если они по своему свойству или иъкоторой вишней связи оказываются диалектическими. То и другое представляется этимъ путемъ, какъ иъкоторый

субъектъ, въ коемъ опредѣленія въ формѣ предикатовъ, свойствъ, самостоятельныхъ общностей такъ сопоставлены, что они полагаются, какъ постоянное и правильное для себя лишь чрезъ чуждое и случайное соединеніе въ чемъ-либо третьемъ и чрезъ него, къ диалектическому отношенію и противорѣчію. Такой вишней и постоянный субъектъ представленія и разсужда, равно какъ отвлеченнаго опредѣленія, вмѣсто того, чтобы считаться послѣдними, прочно лежащими въ основаніи, должны скорѣе быть разсматриваемы сами, какъ иъчто непосредственное, предположенное и начинающее, которое, какъ указано выше, должно въ себѣ и для себя поднять диалектикѣ, такъ какъ оно должно считаться понятіемъ въ себѣ. Такъ всѣ признаваемые за упороченныя противоположности, наприм. конечнаго и безконечнаго, единичнаго и общаго, суть противорѣчія не чрезъ какое-либо вишнее соединеніе, а скорѣе въ себѣ и для себя; какъ показываетъ разсмотрѣніе ихъ природы, онѣ сами суть иъкоторый переходъ; синтезъ и субъектъ, въ коемъ онѣ являются, есть продуктъ собственной рефлексіи ихъ понятія. Если чуждое понятію разсмотрѣніе остается при ихъ вишней отношеніяхъ, изолируетъ ихъ и оставляетъ устойчивыми предположеніями, то напротивъ понятіе, вышнее ихъ самихъ въ виду, движется ими, какъ ихъ душа, и порождаетъ ихъ диалектику.

Такова сама та ранѣе указанная точка зрѣнія, съ кою иъкоторое общее первое, разсматриваемое въ себѣ и для себя, оказывается другимъ себя самого. Понимаемое вопль общаго, это опредѣленіе должно быть установлено такъ, что тутъ тѣмъ самымъ первоначально непосредственное есть опосредованное, отнесенное къ иъкоторому другому, или что общее есть частное. Второе, происходящее этимъ путемъ, есть тѣмъ самымъ отрицательное первое; и поскольку мы ранѣе принимаемъ въ соображеніе дальнейшее развитіе, первое отрицательное. Непосредственное по этой отрицательной сторонѣ перешло въ другое, но другое есть по существу не пустое отрицательное, не ничто, признаваемое объективнымъ результатомъ диалектики, а другое первое, отрицательное непосредственнаго; слѣдовательно оно опредѣлено, какъ опосредованное, вообще содержать внутри себя опредѣленіе первого. Тѣмъ самымъ первое сберегается и сохраняется и въ другомъ. Удержать въ результатъ положительное въ его отрицательномъ въ содержаніи предположенія, — вотъ что есть главнѣйшее въ различіи познанія; вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно лишь простѣйшей рефлексіи для того, чтобы убедиться въ абсолютной истинѣ и необходимости этого требованія, и если нужно привести примѣры для доказательства этого, то не въ чемъ иномъ состоитъ вся логика.

То, что такимъ образомъ является отнынѣ налично, есть опосредованное, по которому ближайшимъ образомъ или взятое также непосредственно есть также простое опредѣленіе, ибо такъ какъ первое перешло въ него, то иъбѣея налично лишь второе. Но такъ и первое содержится во-второмъ, и послѣднее есть истина первого, то это единство можетъ быть выражено предположеніемъ, въ коемъ непосредственное поставлено, какъ субъектъ, а опосредованное, какъ его предикатъ, наприм. конечное есть безконечное, одно

есть многое, единичное есть общее. Однако несответственная форма таких предложений и суждений сама собою бросается в глаза. По поводу суждения было указано, что его форма вообще и в особенности непосредственная форма положительного суждения способна обнять собою умозрительное и истину. Къ нему по меньшей мѣрѣ должно бы было также быть присоединено его ближайшее дополнение, отрицательное суждение. Въ суждении первое, какъ субъектъ, имѣетъ (лишь) видимость самостоятельной устойчивости, такъ какъ оно, собственно говоря, снято въ своемъ предикатѣ, какъ въ своемъ другомъ; это отрицание, правда, заключается въ содержаніи сказанныхъ предложений, но ихъ положительная форма противорѣчитъ ему; тѣмъ самымъ положено не то, что въ нихъ заключается, между тѣмъ какъ именно въ этомъ и должно бы было состоять намѣреніе употребить нѣкоторое предложение.

Второе опредѣленіе, отрицательное или опосредованное, есть дѣйствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, опосредовывающее. Ближайшимъ образомъ оно можетъ быть признано за простое опредѣленіе, по своей истинѣ оно есть нѣкоторое отношеніе; ибо оно есть (правда) отрицательное, но отрицательное положительнаго и заключаетъ послѣднее внутри себя. Поэтому оно есть другое не чего то такого, къ чему оно безразлично, — въ такомъ случаѣ оно не было бы другимъ, ниже какии-либо отношеніемъ, — но другое въ самомъ себѣ, другое нѣкотораго другаго; поэтому оно заключаетъ внутри себя свое собственное другое и тѣмъ самымъ, какъ противорѣчіе, есть положенная діалектика себя самого. Такъ такъ первое или непосредственное есть понятіе въ себѣ, а потому отрицательное лишь въ себѣ, то діалектической моментъ послѣдняго состоитъ въ томъ, что содержащееся въ немъ различіе положено внутри его. Напротивъ, второе само есть опредѣленное, различіе или отношеніе; его діалектической моментъ состоитъ поэтому въ томъ, чтобы положить содержащееся въ немъ единство. Если поэтому отрицательное, опредѣленное, отношеніе, сужденіе и все подразумеваемая этимъ вторымъ моментомъ опредѣленія не является уже сама для себя противорѣчивыми и діалектическими, то это зависитъ просто отъ недостатка мышленія, не сопоставляющаго своихъ мыслей. Ибо матеріалъ — противоположныя опредѣленія въ одномъ отношеніи — уже данъ для мышленія. Но формальное мышленіе возводитъ себѣ въ законъ тождество, оставляетъ противорѣчивое содержаніе, находясь передъ нимъ, исходить въ сферу представленія, въ пространство и время, въ коей противорѣчиво удерживается одно въ другомъ въ существованіи и послѣдовательности, и такимъ образомъ выступаетъ передъ сознаніемъ безъ взаимнаго сопоставленія. Это мышленіе выставляетъ передъ сознаніемъ безъ взаимнаго основнаго правило, что противорѣчіе немилливо; въ дѣйствительности же мышленіе противорѣчія есть существенный моментъ понятія. Формальное мышленіе фактически и мыслитъ противорѣчіе, но сейчасъ же отворачиваетъ отъ него взоръ и въ этомъ предразсудкѣ отходить отъ него лишь въ отвлеченное отрицаніе.

Только что рассмотрѣнная отрицательность образуетъ собою поворотный пунктъ въ движеніи понятія. Она есть простая точка отрицательнаго отношенія къ себѣ, внутренней источникъ всякой дѣятельности, живого и

духовнаго самодвиженія, діалектическая душа, которая есть истинное внутри его самого, черезъ которую оно есть единственная истина; ибо исключительно на этой субъективности основывается снятіе противоположности между понятіемъ и реальностью и то единство, которое есть истина. Второе отрицательное, отрицательное отрицательнаго, къ коему мы пришли, есть сказанное снятіе противорѣчія, но это снятіе также мало, какъ и противорѣчіе, есть дѣйствіе нѣкоторой вышней рефлексіи; оно есть внутренней, наиболее объективный моментъ жизни и духа, черезъ который имѣетъ бытіе субъектъ, лицо, свободное. Отношеніе отрицательнаго къ самому себѣ должно быть рассматриваемо, какъ вторая попытка всего умозаключенія. Первую попытку, если употребить опредѣленія аналитическаго и синтетическаго въ ихъ противоположности, можно считать аналитическимъ моментомъ, такъ какъ тутъ непосредственное относится непосредственно къ своему другому и потому переходить или, правильнѣе, перешло въ послѣднее; хотя это отношеніе, какъ уже упомянуто, есть также синтетическое, именно потому что то, во что оно переходитъ, есть его другое. Разсмотрѣнная же здѣсь вторая попытка можетъ быть опредѣлена, какъ синтетическая, такъ какъ она есть отношеніе отличенаго, какъ такового, къ отлученному отъ него. Какъ первая есть моментъ общности и сообщенія, такъ вторая опредѣляется единичностью, которая относится къ другому, ближайшимъ образомъ, исключачаю и какъ для себя и различна. Опосредовывающимъ является отрицательное, такъ какъ оно включаетъ внутри себя само себя и то непосредственное, которое оно отрицаетъ. Поскольку оба эти опредѣленія въ какомъ-либо отношеніи принимаются, какъ взаимно вышнія, оно есть лишь формальное опосредовывающее; но какъ абсолютная отрицательность, отрицательный моментъ абсолютнаго опосредованія есть единство, которое есть субъективность и душа.

Въ этомъ поворотномъ пунктѣ метода теченія познанія вмѣстѣ съ тѣмъ возвращается обратно въ себя. Эта отрицательность, какъ снимающее себя противорѣчіе, есть возстановленіе первой непосредственности, простой общности; ибо непосредственно другое другаго, отрицательное отрицательнаго, положительное, тождественное, общее. Это второе непосредственное, если вообще желать считать, есть во всемъ теченіи мышленія третье относительно перваго непосредственнаго и опосредованнаго. Но оно есть также третье относительно перваго или формальнаго отрицательнаго и абсолютной отрицательности или втораго отрицательнаго; поскольку же это первое отрицательное есть уже второй терминъ, то считанное третьимъ можетъ считаться также четвертымъ, и вмѣсто тройственности отвлеченная форма можетъ быть признаваема четверичностью; отрицательное или различіе можно такимъ образомъ считать двойственностью. Третье или четвертое есть вообще единствомъ считать двойственностью. Третье или четвертое есть вообще единствомъ перваго и втораго моментовъ, непосредственнаго и опосредованнаго. Хотя это единство, равно какъ вся форма метода — тройность — есть лишь собою совершенно поверхностная вышняя сторона способа познанія; но одно указаніе на нее и притомъ въ опредѣленномъ приложеніи, ибо сама отвлеченная числовая форма была известна уже рабѣ, однако установлена безъ понятія, а

потому и без последствий, должно также считаться безконечно заслужо кантовой философии. Умозаключение—также тройственное— всегда признавалось общею формою разума, но оно отчасти считалось вообще некоторою вновь вышней, не определяющею природы содержания формою, отчасти же, так как оно в формальном смысле протекает лишь через разумное определение тождества, ему не хватает существенного, диалектического момента, отрицательности; последнее выступает в тройственности определений, так как третье определение есть единство двух первых, но последнее, как различия, могут быть в единствѣ, лишь как снятыя. Формализм хотя также усвоил себѣ тройственность и удержался въ ея пустой схемѣ; но поверхностная безпорядочность и пустота новаго, так назыв. философскаго построения, состоящаго единственно въ томъ, чтобы повсюду придерживаться этой формальной схемы, безъ понятія и имманентнаго определения, и употреблять ее для установления внѣшняго порядка, сдѣлали эту форму скучною и приобрѣли ей друзю славу. Однако польза этого употребленія не можетъ еще уничтожать его внутренней стоимости, и все же слѣдуетъ высоко цѣнить то, что тѣмъ самымъ найдены хотя бы непонятный еще образъ разумаго.

Ближайшимъ же образомъ третье есть непосредственное, но черезъ бытіе опосредованія, простое черезъ снятіе различія, положительное черезъ снятіе отрицательнаго, понятие, реализовавшее себя черезъ инобытіе, совпавшее съ собою черезъ снятіе этой реальности и восстановившее свою абсолютную реальность, свое простое отношеніе къ себѣ. Этотъ результатъ есть потому истина. Онъ есть настолько же непосредственность, насколько опосредованіе; но эти формы сужденія: третье есть непосредственность и опосредованіе, или: оно есть ихъ единство, не въ состояніи схватить его, такъ какъ онъ не есть покоящееся третье, а именно это единство, которое есть опосредовавшее съ самимъ собою движеніе и дѣятельность. Какъ начинающее есть общее, такъ результатъ есть единичное, конкретное, субъектъ; что первое есть въ себѣ, то второе есть также для себя, общее положено въ субъектѣ. Два первыхъ момента тройственности суть моменты отвлеченныя, неистинныя, которые именно потому диалектичны и черезъ эту свою отрицательность становятся субъектомъ. Самое понятие, ближайшимъ образомъ, для насъ, есть какъ сущее въ себѣ общее, такъ и сущая для себя отрицательность, а также, какъ третье, сущее въ себѣ и для себя, общее, прошедшее черезъ всѣ моменты умозаключенія; но третье есть и заключеніе, въ коемъ оно опосредовано съ самимъ собою черезъ свою отрицательность и тѣмъ самымъ положено для себя, какъ общее и тождественное своихъ моментовъ.

Этотъ результатъ, какъ возвратившееся въ себя и тождественное себѣ цѣлое, вновь сообщило себѣ форму непосредственности. А тѣмъ самымъ оно само таково, каковыя опредѣлило себя начинающее. Какъ простое отношеніе къ себѣ, оно есть нечто общее, и отрицательность, составлявшая его диалектику и опосредованіе, совнала въ этой общности также въ простую опредѣленность, которая можетъ вновь быть началомъ. Можетъ ближай-

шимъ образомъ показаться, что это познаніе результата должно быть некоторымъ его анализомъ и потому вновь выдѣлять тѣ же опредѣленія и ихъ ходъ, черезъ которые онъ произошелъ и разсмотрѣвъ. Но если бы разсмотрѣніе предмета дѣйствительно было произведено такимъ аналитическимъ путемъ, то оно принадлежало бы вышерассмотрѣнной ступени идеи, ищущему познанію, сообщающему о своемъ предметѣ лишь то, что есть, не касаясь необходимости его конкретнаго тождества и его понятія. Методъ же истины, понимающей предметъ, хотя, какъ показано, самъ аналитиченъ, такъ какъ онъ остается совершенно въ понятіи, но равнымъ образомъ и синтетиченъ, такъ какъ черезъ понятие предметъ становится диалектическимъ и опредѣленнымъ, какъ другой. При новой основѣ, образуемой результатомъ, какъ возникшимъ вновь предметъ, методъ остается тѣмъ же, какъ и при предыдущемъ предметѣ. Различіе касается лишь отношенія основы, какъ таковой; она, правда, теперь непосредственна, но ея непосредственность есть лишь форма, такъ какъ она (основа) была, вмѣстѣ съ тѣмъ, результатомъ; ея опредѣленность, какъ содержаніе, есть потому уже не просто нечто усвоенное, а выведенное и доказанное.

Здѣсь верные содержаніе познанія, какъ таковое, входитъ въ кругъ разсмотрѣнія, такъ какъ оно теперь принадлежитъ методу, какъ выведенное изъ него. Самый методъ расширяется черезъ этотъ моментъ въ систему. Ближайшимъ образомъ, начало въ отношеніи содержанія должно бы было быть для нея совершенно неопредѣленнымъ; она является тѣмъ самымъ лишь формальною душою, для которой и черезъ которую начало было опредѣлено исключительно по своей формѣ, именно какъ непосредственное и общее. Черезъ вышеуказанное движеніе предметъ получаетъ опредѣленность для себя самого, которая есть содержаніе, такъ какъ совпавшая въ простоту отрицательность есть снятая форма и противоположитъ, какъ простая опредѣленность, своему развитію, прежде всего своей противоположности къ общности.

А такъ какъ эта опредѣленность есть ближайшая истина неопредѣленнаго начала, то она отвергаетъ последнее, какъ нечто несовершенное, равно какъ и самый методъ, который, исходя отъ него, былъ только формальнымъ. Это можетъ быть выражено, какъ опредѣленное теперь требованіе, чтобы начало, такъ какъ оно въ противоположность опредѣленности результата само есть нечто опредѣленное, было принято, не какъ непосредственное, а какъ опосредованное и выведенное; что можетъ показаться требованіемъ безконечнаго идущаго вопль прогресса въ доказательствѣ и выводѣ; и такъ какъ изъ новаго начала, которое должно быть получено, черезъ движеніе метода долженъ также произтечь некоторый результатъ, то прогрессъ направляется также и впередъ въ безконечность.

Видо уже часто указано, что безконечный прогрессъ принадлежитъ вообще чуждой понятію рефлексіи; абсолютный методъ, имѣющий своимъ душою и содержаніемъ понятие, не можетъ приводить къ нему. Ближайшимъ образомъ можетъ показаться, что такіа начала, какъ бытіе, сущность, общность, суть такого рода, что они обладаютъ полною общностью и безсодержательностью, каковыя требуются для совершенно формальнаго начала, каковыя оно

должно быть, и потому, как абсолютно первая начала, не требуют и не допускают никакого дальнейшего обратного движения. Так как они суть чистая отношения к себе, непосредственна и неопределенна, то в них правда, нет различия, сейчас же положенного в какой-либо иной начал между общностью его формы и его содержанием. Но неопределенность, составляющая единственное содержание этих логических начал, сама и составляет их определенность, которая состоит именно во их отрицательности, как снвтаго опосредования; особенность ее сообщается и их неопределенности некоторую особенность, в силу коей бытие, сущность и общность и различаются одно от другого. А эта присущая им определенность есть, поскольку они взяты для себя, их непосредственная определенность, свойственная и любому иному содержанию и требующая вывода; для метода безразлично, принимается ли определенность за определенность формы или содержания. Потому для метода не открывается никакого нового образа действия оттого, что первым его результатом было определение некоторого содержания; метод остается вследствие того не больше и не меньше формальным, чьим был ранее. Ибо так как он есть абсолютная форма, которая есть понятие, знающее себя и все, как понятие, то нет такого содержания, которое бы противостояло ему и определяло его, как одностороннюю, внешнюю форму. Потому как не безсодержательность этих начал дѣлает их абсолютными началами, так и не содержание, как таковое, приводит методъ въ безконечный прогресс вперед или назадъ. Съ одной стороны определенности, сообщаемая себе методомъ въ его результатъ, есть моментъ, черезъ который онъ есть опосредование собою и образуетъ непосредственное начало некоторого опосредования. Но обратно онъ есть определенность, черезъ которую протекать это его опосредование; онъ возвращается черезъ некоторое содержание, какъ черезъ кажущееся свое другое, къ своему началу, такъ что онъ не только восстанавливаетъ вновь послѣднее, уже какъ определенное, но результатъ есть также святая определенность и тѣмъ самымъ восстановление первой непосредственности, служившей началомъ. Это достигается методомъ, какъ некоторою системою полноты. Слѣдуетъ разсмотрѣть его еще въ этомъ определеніи.

Определенность, каковою былъ результатъ, есть, какъ указано, послѣдствіе формы простоты, въ которую она сошла, сама некоторое новое начало; такъ какъ это начало отличается отъ своего предшлагаго именно этою определенностью, то познаніе движется отъ содержанія къ содержанію. Прежде всего это движеніе впередъ движется отъ содержанія къ содержанію. Прежде прочихъ определенностей, и что слѣдующія за ними становятся все богаче и конкретнѣе. Ибо результатъ содержитъ въ себѣ свое начало, и движеніе послѣдняго обогащаетъ его некоторою новою определенностью. Общее составляетъ основу; вследствие того движеніе впередъ не должно быть принимаемо за некоторое теченіе отъ некоторого другого къ некоторому другому. Понятіе въ абсолютномъ методѣ сохраняется въ своемъ бытіи, общее—въ своемъ порозеніи, въ сужденіи и реальности; на каждой ступени дальнѣшаго

определенія воздвигается вся масса его предшествующаго содержанія и черезъ свой диалектический ходъ впередъ не только ничего не теряетъ и не оставляетъ позади себя, но несетъ съ собою все пріобрѣтенное, и обогащаетъ и ступаетъ себя въ себя.

Это расширеніе можетъ считаться моментомъ содержанія и въ цѣломъ первомъ послыку; общее сообщено богатству содержанія, непосредственно сохранено въ немъ. Но это отношеніе имѣть и вторую, отрицательную или диалектическую сторону. Обогащеніе содержанія движется въ необходимости понятія, оно содержится въ послѣднемъ, и каждое определеніе есть некоторая рефлексія въ себя. Каждая новая ступень выхода внѣ себя, т. е. дальнѣшаго определенія, есть также некоторое вхожденіе внутрь себя, и большее расширеніе есть равнымъ образомъ болѣе высокая напряженность. Богатѣеое есть потому самое конкретное и самое субъективное, и то, что возвращаетъ себя въ наиболѣе простую глубину—самое мощное и преобладающее. Высшая обостренная верхушка есть чистая личность, которая исключительно черезъ абсолютную диалектику, составляющую ея природу, также захватывается внутрь себя, и держитъ въ себѣ все, ибо она дѣлаетъ себя тѣмъ, что всего свободнѣе, простотой, которая есть первая непосредственность и общность.

Такии путь каждый шагъ впередъ въ движеніи дальнѣшаго определенія, поскольку онъ удаляется отъ неопределеннаго начала, есть также возвратное приближеніе къ послѣднему, и тѣмъ самымъ то, что первоначально могло являться различнымъ, идущее назадъ обособленіе начала, и идущее впередъ дальнѣеое определеніе его совпадаютъ вмѣстѣ и суть одно и то же. Методъ, замыкающійся такимъ образомъ въ некоторый кругъ, не можетъ однако въ своемъ временномъ развитіи предствановитъ, что начало, уже какъ таковое, есть нѣчто выведенное; для послѣдняго въ его непосредственности достаточно, что оно есть простая общность. Поскольку оно таковое, оно обладаетъ своимъ полнымъ условіемъ; и не слѣдуетъ обезцѣпывать его на томъ основаніи, что ему можно де придавать знаніе лишь предварительнаго и гипотетическаго. То, что можно бы было возразитъ противъ него,—наприм., что человѣческое познаніе ограничено, что прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, требуется критически испытывать орудіе познанія,—все это также предположенія, которыя, какъ конкретныя определенія, приводятъ за собою требованіе ихъ опосредования и обоснованія. Такъ какъ они при томъ съ формальной точки зрѣнія не имѣютъ никакого преимущества передъ началомъ съ того, противъ чего они протестуютъ, и спорѣ въ виду своего конкретнаго содержанія нуждаются въ выводѣ, то ихъ слѣдуетъ, напротивъ считать не чѣмъ инымъ, какъ пустыми призраками. Содержаніе ихъ не истинно, такъ какъ они обращаютъ въ несомнѣное и абсолютное то, что познано, какъ конечное и не-истинное, именно некоторое ограниченное познаніе, определенное, какъ форма и орудіе въ противоположность своему содержанию; это неистинное познаніе есть само также форма, обоснованіе, идущее назадъ. И методъ признаетъ начало за нѣчто несовершенное, такъ какъ оно

есть начало, но вместе с тем это несовершенство—вообще за необходимое, ибо истина есть лишь вхождение к самой себе через отрицательность непосредственности. Нетерпение, которое стремится лишь выйти за определенное, как бы последнее ни называлось, началом, объектом, конечным, и в какой бы форме оно ни было вообще принимаемо, и непосредственно оказывается в абсолютном, не имеет перед собою, как познание, ничего кроме пустого отрицательного, отвлеченного безконечного; или иначе имеет перед собою лишь абсолютное в бытии, которое потому только в бытии, что оно не положено, не понято; познать его можно лишь через опосредование познания, в коем общее и непосредственное есть момент, а самая истина достигается лишь через расширяющееся течение (мысли) и в конце. Для субъективной потребности недостаточно знакомства (с дѣлом) и связанного с ним нетерпения; можно, правда, предположить некоторый обзор дѣла, через разделение его для рефлексии, которое по способу конечного познания выделяет из общего частное, как нечто состоящее налицо и ожидаемое наукою. Но этим путем мы получаем лишь образ представления, ибо истинный переход от общего к частному и к определенному из себя и для себя дѣлом, в коем это первое общее само по своему истинному определению есть вновь момент, чужд этому способу разделения и есть лишь опосредование самой науки.

Вследствие вышеуказанной природы метода наука представляется некоторым замкнутым в себя кругом, в начало которого, простое основание, возвращается путем опосредования конец; при том этот круг есть круг из кругов, ибо каждый отдельный член, как одушевленный метод, есть рефлексия в себя, которая, возвращаясь к началу, вместе с тем служит началом некоторого нового члена. Отрывки этой цепи суть отдельные науки, из коих каждая имеет предшдущее и последующее или, точнее—лишь предшдущее, а в самом своем заключении узнавает свое последующее.

Таким образом и логика возвратилась в абсолютной идее к тому простому единству, которое есть ее начало; чистая непосредственность бытия, в котором первоначально всякое определение кажется угасшим или опущенным через отвлечение, есть пришедшая через опосредование, и именно через сие опосредование, в соответствующее ей равенство с собою идея. Метод есть чистое понятие, относящееся только к самому себе; он есть потому то простое отношение к себе, которое есть бытие. Но он есть также и самым образом совершенно интенсивная полнота. В заключение слѣдует об этой идее упомянуть еще, что в ней логическая наука во-первых, постигла свое собственное понятие. В бытии, начавшая наука во-вторых, является, как некоторое внешнее ему знание в субъективной рефлексии. В идее же абсолютного знания понятие стало ее собственным содержанием. Она сама есть чистое понятие, выходящее себя предметом, и так как оно, как свой предмет, протенает полноту своих определений, то оно разви-

вает себя в полноту своей реальности, в систему науки, и заканчивает тем, что понимает это понимание самого себя, а тем самым снимает свое значение, как содержание и предмет, и познает понятие науки. Во-вторых, это идея еще логическая, она замкнута в чистую мысль, есть еще наука только Божеского понятия. Ее систематическое развитие, правда, само есть некоторая реализация, но содержащаяся внутри этой сферы. Так как чистая идея познания тем самым заключена в субъективность, то она есть побуждение к последнему, и чистая истина, как последний результат, становится также началом некоторой другой сферы и науки. На этот переход требуется еще здесь только наметнуть.

А именно так как идея полагает себя, как абсолютное единство чистого понятия и его реальности и потому совпадает в непосредственность бытия, то, как полнота в этой форме, она есть природа. Но это определение не есть некоторое становление и переход, как выше субъективное понятие в своей полноте стало объективностью, а также субъективная дѣл—жизнью. Чистая идея, в коей определенность или реальность понятия сама возвышена в понятие, есть скорее абсолютное освобождение, для коего нет более никакого непосредственного определения, которое не было бы также положенным и понятием; в этой свободѣ не имеет поэтому места никакой переход, но простое бытие, к которому определяет себя идея, остается для нея совершенно непринятым и в своем определении есть оставшееся при себе само понятие. Переход должен быть потому понимается здесь скорее так, что идея свободно отчуждает (entlässt) саму себя, абсолютно уверявая из себя и покоящаяся внутри себя. В силу этой свободной формы ее определенности также совершенно пространства и времени. Поскольку это есть видимость лишь по отвлеченной непосредственности бытия и уснащается сознанием, она есть простая объективность и видимость жизни; но в идее она остается в себе и для себя полнотой понятия и наукою об отношении божественного познания к природе. Но это ближайшее решение чистой идеи определяет себя, как видимость идеи, полагает себя тем самым лишь то опосредование, из которого понятие возвышается, как свободное, из видимости умедая внутрь себя осуществления, заканчивает свое освобождение через себя в науку о духе и находит высшее понятие себя самого, как понимающего себя чистого понятия, в науку логики.

... (faint, mostly illegible text)

... (faint, mostly illegible text)

Объяснение главнейших общих терминов, употребляемых в Науку Логике Гегеля.

1. Термины: **въ себя**, для другого, **внутри себя**, **въ немъ**, для себя, при себя.

а. Въ себя (*an sich*) и для другого (*für anderes*)—два соотносительных термина.

Въ себя есть отношение къ себе въ противоположность отношению къ другому, равенство съ собою въ противоположность своему неравенству. Для другого есть отношение къ другому, хотя содержащемуся въ томъ, что есть въ себя, но еще отдаленному отъ него; для другого есть определенное, отречься отъ себя и потому прежде всего другое, но сохраняющееся въ своемъ отрицании. Такъ нѣчто есть въ себя, какъ отрицание отрицания, еще неопределенное; но оно определяется, какъ другое своимъ отношениемъ къ другому нѣчто (I, 1, 58—59).

б. **Внутри себя** (*in sich*) есть отрицание содержащагося въ себя другого, т.-е. въ себя, какъ сохраняющее себя черезъ отрицание своего отрицания.

Примѣръ: граница, которая отрицаетъ (отграничиваетъ) бытiе въ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на бытiе внутри границъ (I, 1, 62—64).

с. Въ немъ (*an ihm*). Этотъ терминъ указываетъ на внутренний составъ того, что есть въ себя. Такъ, поскольку мышление есть определение человека, оно есть мышленiе въ себя; но мышление есть также въ немъ, въ человѣкѣ (I, 1, 61).

д. Для себя (*für sich*)—возвратъ къ себе отъ своего отрицания. Для себя нѣтъ уже различiя между тѣмъ, что въ себя, и его отрицаниемъ; ихъ единство въ немъ уже положено (см. этотъ терминъ). Мы говоримъ, что нѣчто есть для себя, поскольку другое есть снятое въ немъ, его моментъ (см. эти терминъ). Ближайшiй примѣръ для себя есть самосознание. Въ сознании дана двойственность знанiя и его предмета; въ самосознании же она устранена. (I, 1, 88—89). Но нужно имѣть въ виду, что при отвлеченномъ (непосредственномъ) понимании бытiя для себя,

бытие, приема въ себя другое, еще не углубляется внутрь себя, за себя; последнее свойственно лишь категории сущности (I, 2, 1).

е. При себѣ (bei sich) есть сохранение себя въ другомъ, черезъ его развитие въ понятіи (II, 21).

2. Идеализованное (das Ideelle) — тоже, что снятое (см. этотъ терминъ), т.-е. ставшее изъ самостоятельнаго моментомъ другого. Идеализованное должно быть отличаемо отъ идеальнаго (das Ideale), которое имѣетъ определенное значеніе въ области эстетики (I, 1, 83).

3. Идеализмъ въ философіи есть идеализація или снятіе конечнаго, т.-е. признаніе, что последнее есть не самостоятельное, не истинно-сущее, а лишь моментъ послѣдняго (I, 1, 87).

4. Моментъ—см. термины идеализованное и снятое.

5. Непосредственность (die Unmittelbarkeit) и опосредованіе (die Vermittelung) представляютъ собою чрезвычайно важные философскіе термины, ибо съ ихъ различеніемъ связано двойное воззрѣніе на самыя основы философскаго познания. Непосредственность знанія означаетъ признаніе за истину того, что открывается безъ предварительнаго размышленія, т.-е. на основаніи интуиціи, или опытной, или умственной (умственное воззрѣніе, die intellectuelle Anschauung). Опосредованность же знанія предполагаетъ, что въ составъ истины непременно присутствуетъ мысленный, дискурсивный элементъ. По взгляду Гегеля «нѣтъ ничего, ни въ небѣ, ни въ природѣ, ни въ духѣ, ни гдѣ бы то ни было, что не содержало бы вмѣстѣ непосредственности и опосредованія, такъ что эти опредѣленія оказываются нераздѣльными и нераздѣлимыми, и ихъ противоположность—мнимю» (I, 1, 19). Началомъ мысли служитъ непосредственное, результатомъ опосредованное. Такъ какъ истина заключается не въ началѣ, а въ результатѣ, то истина оказывается опосредованною; но съ другой стороны такъ какъ результатъ служитъ вновь началомъ дальнѣйшаго движенія мысли, то самъ результатъ становится непосредственнымъ. Иными словами, непосредственное есть отвлеченность, наполняемая черезъ опосредованіе конкретнымъ содержаніемъ; а это содержаніе, вновь сосредоточенное въ своемъ единствѣ, переходитъ въ отвлеченность, т.-е. въ непосредственность. Такъ началомъ системы служитъ непосредственное, совершенно отвлеченное понятіе бытія; результатомъ ея (не въ логикѣ, а въ философіи духа) служитъ абсолютный духъ, наиконкрѣтѣйшее изъ понятій, въ коемъ мысль отождествляется съ абсолютнымъ, т.-е. опять-таки съ бытіемъ, и совершивъ такимъ образомъ полный кругъ, снова приходитъ къ первоначальной непосредственности (I, 1, 18 и сл.).

Заслуга Гегеля въ области философіи заключается главнымъ образомъ именно въ правильномъ разрѣшеніи противоположности непосредственнаго и опосредованнаго знанія. Онъ опровергаетъ всякій интуитивизмъ, т.-е. какъ эмпиризмъ, такъ и мистицизмъ, философію вѣры, откровенія, внутренняго усмотрѣнія и т. д.; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опровергаетъ и превознесеніе разсудка, стремленіе дискурсивно доказать всякую истину. Но

опровергая ихъ, онъ также и примиряетъ ихъ, показывая, что одно есть начало, а другое результатъ. Именно на опроверженіи интуитивизма Гегель разошелся съ Шеллингомъ.

6. Положенное (gesetzt) есть то, что вытекаетъ изъ нѣкотораго понятія и тѣмъ отличается отъ него, не приобретаая еще самостоятельности. Такъ основаніе полагаетъ то, что имъ обосновано; причина полагаетъ дѣйствіе. О такомъ несамостоятельномъ существованіи Гегель нѣрѣдко выражается такъ: оно только положено. Съ другой стороны могутъ быть самостоятельными и такія существованія, которыя еще не объединены въ одною понятіи, еще не положены. Положеніе есть и ограниченіе, и требованіе мысли (I, 1, 60).

7. Реальность (die Realität) есть качество, определенное, какъ сущее, т.-е. какъ нѣчто положительное, изъ чего исключено отрицаніе, ограниченіе, отсутствіе (I, 1, 51—52).

Реальность при конкретной полнотѣ ея опредѣленій есть объективность (II, 103 и сл.).

8. Снятіе (das Aufheben), снятое (das Aufgehobene). Терминъ снятіе или идеализація (см. этотъ терминъ) означаетъ вмѣстѣ и прекращеніе и сохраненіе. Снятое есть то, что лишилось своей самостоятельности и сохраняетъ, лишь какъ моментъ новаго понятія, въ коемъ оно вступило въ единство со своею противоположностью (I, 1, 48—49). Напримѣръ, происхожденіе и уничтоженіе снимаются въ существованіи (I, 1, 48); бытіе въ широкомъ смыслѣ этого слова и сущность снимаются въ понятіи (II, 1 и сл.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ НАУКѢ ЛОГИКИ ГЕГЕЛЯ.

Цифры I и II означаютъ части, третья цифра—страницы, вторая цифра послѣ I—книги. Въ алфавитѣ указаны анич. главы мѣста нахождения терминовъ.

- Абсолютная идея** (II, 197 и сл.).
Абсолютная идея и природа (II, 213).
Абсолютная идея, какъ единственный предметъ и содержание философіи (II, 198).
Абсолютное (I, 2, 116—119; атрибутивно (119—120) и модально (120—121)).
Абсолютное безразличіе (I, 1, 261 и сл.).
Абсолютное у Спинозы (I, 2, 121—123).
Абсолютный механизмъ (II, 117 и сл.).
Аксиомы (II, 185).
Аналитическое познание (II, 168—174).
Аналогія (II, 93—96).
Аподиктическое сужденіе (II, 68—70).
Арифметика, какъ аналитическая наука (II, 170—172).
Ассерторическое сужденіе (II, 66—67).
Атомистика (I, 1, 96).
Безконечное и конечное (I, 1, 73—77).
Безконечное сужденіе (II, 52—53).
Безконечность (I, 1, 72—88).
Безмѣрное (I, 1, 250—261).
Безусловное относительно (I, 2, 68) и абсолютно (I, 2, 69—71).
Бытіе (I, 1, 29).
Бытіе въ немъ (an ihm) (I, 1, 50).
Бытіе внутри себя (Das In-sich-seyn) (I, 1, 55).
Бытіе въ себѣ (das An-sich-seyn) I, 1, 58 и сл.).
Бытіе для другого (das Seyn für anderes) (I, 1, 58 и сл.).
Бытіе для одного (für Eins) (I, 1, 90—91).
Бытіе для себя (das Für-sich-seyn) (I, 1, 88 и сл.).
Вещь (das Ding) (I, 2, 77—78).
Вещь въ себѣ (I, 2, 78—80); трансцендентальный идеализмъ (I, 2, 82—83).
Взаимостѣпные; переходъ къ понятию (I, 2, 151—153).
Вѣдимость (der Schein) I, 2, 5—8).
Вѣдѣнное и внутреннее (I, 2, 111—115).
Возбужденіе (die Sollicitation) слѣды (I, 2, 109—111).
Вторая фигура умозаключенія (II, 70—81).
Возвратъ познания въ себѣ (II, 207—212).
Вещество (die Allheit) (II, 56).
Выполненная цѣль (II, 130—42).
Граница (die Grenze) (I, 1, 63 и сл.).
Границы снѣгитического познания; непримѣнимость его къ философіи (II, 188—192).
Диалектика (II, 203—206).
Диалектика количества у Зенона и разрывеніе ея Аристотелемъ (I, 1, 122—123).
Достоѣнство по взгляду Канта (I, 1, 11).
Доказательство (II, 187—188).
Доказательства существованія Бога (I, 2, 75—77).
Долженствованіе (das Sollen) (I, 1, 67 и сл.).

Действительность (I, 2, 115—116; 125—126).
 Действие и противодействие (I, 2, 148—150; II, 113—114).
 Единичное (II, 33—37).
 Единичное суждение (II, 54—55).
 Единство бытия и ничто (I, 1, 29—30).
 Живое понятие (II, 150—154).
 Жизнь (II, 147 и сл.).
 Законъ (II, 19—20).
 Законъ явения (I, 2, 91—95).
 Идеализмъ въ философіи (I, 1, 87).
 Идеализмъ Канта в Фихте (I, 1, 93).
 Идеализмъ Лейбница (I, 1, 92—95).
 Идеализмъ Мальбранша (I, 1, 92).
 Идеализмъ (das Idelle) (I, 1, 83).
 Идеальное (I, 1, 83).
 Идеи (II, 143 и сл.).
 Идеи добра (II, 193—197).
 Идеи истинного (II, 106 и сл.).
 Идеи познания (II, 159 и сл.).
 Избирательное средство (I, 1, 246 и сл.).
 Интенсивная и экстенсивная величины (I, 1, 137—141).
 Искусство Языка (II, 88).
 Исчисление Пауке (II, 88).
 Кантова антиномія дѣльности матеріи (I, 1, 117—122).
 Кантова антиномія конечности и бесконечности міра (I, 1, 151—155).
 Кантова антиномія свободы и необходимости (II, 129—131).
 Кантово построение матеріи (I, 106—110).
 Кантъ в Фихте (I, 1, 145—151).
 Кантъ о критеріи истины (II, 14—15).
 Кантъ о реферирующей силѣ сужденія (I, 2, 12—13).
 Кантъ о разумѣ (II, 7—8).
 Кантъ о разумѣ (II, 11 и сл.).
 Кантъ о оптическомъ характерѣ ариометики и геометрии (I, 1, 129—131).
 Категорическое сужденіе (II, 59—60).
 Категорическое умозаключеніе (II, 96—98).
 Качество (I, 1, 51—54).
 Количественная бесконечность (I, 1, 144—145).
 Количественное бесконечное, какъ качество (I, 1, 156—157).

Количественный бесконечный прогрессъ и логика количественная бесконечность (I, 1, 145).
 Количественное отношеніе (I, 1, 214—215).
 Количество: чистое (I, 1, 113—123).
 Конечность (I, 1, 56—66).
 Лебницъ подвѣтъ умозаключенія подъ вычисленіемъ комбинацій (II, 87—88).
 Логика въ ея образовательномъ значеніи (I, 1, 12—13).
 Логика въ отношеніи къ феноменологіи духа (I, 1, 5 и сл.).
 Логика, какъ наука о формахъ познания (I, 1, стр. 1 и сл.).
 Логика, какъ наука чистой мысли (I, 1, 6).
 Ложная бесконечность (die schlechte Unendlichkeit) (I, 1, 74 и сл.).
 Методъ (II, 109 и сл.).
 Механизмъ (II, 108 и сл.).
 Механический объектъ (II, 108—111).
 Механический процессъ (II, 111 и сл.).
 Модальность (I, 1, 224—225).
 Модусъ у Спинозы и видѣйцевъ (I, 1, 225—226).
 Моменты становленія (I, 1, 47).
 Молва у Лейбница (I, 2, 124—125).
 Мѣра (I, 1, 224 и сл.).
 Мыслимая вещь (die Sache) (I, 2, 70 и сл.).
 Наведеніе (II, 91—93).
 Наука, какъ кругъ (II, 212).
 Начало (II, 200—202).
 Начало достаточнаго основанія (I, 2, 47—48).
 Начало исключеннаго третьяго (I, 2, 41 и сл.).
 Начало и результатъ (I, 1, 19 и сл.).
 Начало тождества, какъ первый законъ мышленія (I, 2, 20 и сл.).
 Необходимость относительная (I, 2, 130—134); абсолютная (134—137).
 Непосредственность (die Unmittelbarkeit) и опосредованіе (die Vermittelung) (I, 1, 19 и сл.).
 Непрерывность и дискретность (I, 1, 23—24).
 Ничто (I, 1, 29).
 Ничто (I, 1, 54—56).
 Ничто и другое (I, 1, 56—65).
 Нильотъ и Гельсгеръ (I, 1, 237—238).

Обратное отношеніе (I, 1, 2, 17—22).
 Общее понятіе (I, 1, 19—23).
 Общее раздѣленіе бытія (I, 1, 27—28).
 Общее сужденіе (II, 56—58).
 Обстоятельная и субъективная логика (I, 1, 17).
 Общественность (II, 103 и сл.).
 Обычное раздѣленіе понятій (II, 29—33).
 Одно и многое (I, 1, 94—99).
 Онтологическое доказательство бытія Бога (I, 1, 32 и сл.).
 Опребденіе (die Bestimmung) (I, 1, 61 и сл.).
 Опребденіе (definitio) (II, 175—179).
 Опребденное количество (Quantum) (I, 1, 125).
 Опребденность (I, 1, 28—29).
 Опребденность понятія математическаго бесконечнаго (I, 1, 157—184).
 Основаніе (I, 2, 45—46).
 Осуществленіе (die Existenz) (I, 2, 75—77).
 Отношеніе внешней точки зрѣнія къ внутренней въ философіи (II, 4—5).
 Отношеніе понятія къ бытію и сущности (II, 1—2).
 Отрицательное сужденіе (II, 47—52).
 Отгадываніе (I, 1, 97—98).
 Педагогическое значеніе счета (I, 1, 136—137).
 Первая фигура умозаключенія (II, 72—78).
 Полное основаніе (I, 2, 64—67).
 Положеніе (das Gesetztsein) (I, 60).
 Положеніе и отрицаніе (I, 2, 29—31); въ ариометикѣ (I, 2, 32—34).
 Положеніе сужденія (II, 43—47).
 Понятіе вообще (II, 1 и сл.).
 Понятіе количества у Спинозы (I, 1, 114).
 Понятіе понятія (II, 5—6).
 Послѣдствительность фигуръ умозаключенія у Гегеля иная, чѣмъ въ обычной логикѣ (II, 79).
 Предѣлъ (die Schranke) (I, 1, 67 и сл.).
 Прирѣженіе (I, 1, 100—101).
 Причинность (I, 2, 140): формальная (141—142); опредѣленная (142—148).
 Проблематическое сужденіе (II, 67—68).
 Прогрессъ къ бесконечности (I, 1, 76—77).
 Продуктъ механическаго процесса (II, 116—117).

Противоположность (I, 2, 28—34).
 Противорѣчіе (I, 2, 35—36).
 Протестъ живия (II, 154—157).
 Пустота (I, 1, 46).
 Прямое отношеніе (I, 1, 215—217).
 Равенство и неравенство (I, 2, 25—28).
 Раздѣленіе (II, 179—183).
 Раздѣлительное сужденіе (II, 61—64).
 Раздѣлительное умозаключеніе (II, 101—103).
 Различіе (der Unterschied) (I, 2, 23—24).
 Различіе (die Verschiedenheit) (I, 2, 24—28).
 Реальная мѣра (I, 1, 241).
 Разрѣшеніе противорѣчій (I, 2, 36—41).
 Реальное основаніе (I, 2, 60—64).
 Реальность (I, 1, 52—53).
 Реальный механический процессъ (II, 114—116).
 Рефлексія: затѣнная (I, 2, 11—13).
 Рефлексія: опредѣленная (I, 2, 14—16).
 Рефлексія: полаганная (I, 2, 9—11).
 Родъ и видъ (II, 59—60).
 Родъ (органический) (II, 157—159).
 Сверхъестественный міръ (I, 2, 97).
 Свойство (I, 2, 80—82).
 Сила (I, 2, 106—107).
 Силлогическое познаніе (II, 174 и сл.).
 Случайность (I, 2, 126—130).
 Снять (das Aufheben) и снѣтое (das Aufgehoben) (I, 1, 48—49).
 Снѣтое становленія (I, 1, 48).
 Составъ вещи изъ самостоятельныхъ матерій: форм (I, 2, 87—90).
 Состояніе (die Beschaffenheit) (I, 1, 61 и сл.).
 Специфическая мѣра (I, 1, 222—224).
 Специфическое количество: специфическое опредѣленное количество (I, 1, 229—232).
 Средство (II, 134—136).
 Становленіе (das Werden) (I, 1, 221—223).
 Степенное отношеніе (I, 1, 221—223).
 Степень (I, 1, 141 и сл.).
 Субстанція и акциденція (I, 2, 133—140).
 Субъективная сдѣла (II, 131—134).
 Субъективность (II, 18 и сл.).
 Субъектъ и предикатъ (II, 37—42).
 Судьба (II, 116).
 Сужденіе (II, 37 и сл.).

Суждение необходимости (II, 59 и сл.).
 Суждение понятия (II, 65 и сл.).
 Суждение рефлексии (II, 53 и сл.).
 Суждение существования (II, 43 и сл.).
 Существенное и несущественное (I, 2, 4—5).
 Существование (das Daseyn) (I, 1, 49—56).
 Существование вообще (I, 1, 50—51).
 Существование, как таковое (I, 1, 50—56).
 Сущность, как истина бытия (I, 2, 1—3).
 Сущность, как рефлексия въ ней самой (I, 2, 3—4).
 Телеология (II, 129 и сл.).
 Теорема (II, 183—196).
 Термины умопознания (II, 81).
 Тожество (I, 2, 18 и сл.).
 Третья фигура умопознания (II, 71—83).
 Узловая линия отношений меры (I, 1, 255 и сл.).
 Умопознание (II, 70 и сл.).
 Умопознание вещества (der Allheit) (II, 80—91).
 Умопознание необходимости (II, 96).
 Умопознание рефлексии (II, 88 и сл.).
 Умопознание существования (II, 72 и сл.).
 Условие (I, 2, 67—68).
 Условное суждение (II, 60—61).
 Условное умопознание (II, 98—100).
 Утвердительная (истинная) безконечность (I, 1, 77—89).

Форма и матерія (I, 2, 51 и сл.).
 Форма и содержание (I, 2, 54—56).
 Форма и сущность (I, 2, 48 и сл.).
 Формальное основание (I, 2, 56—60).
 Формальный механический процесс (II, 112—114).

Химизмъ (II, 121 и сл.).
 Химическій объектъ (II, 121—122).
 Химическій процессъ (II, 121—124).
 Хитрость разума (II, 137).

Центростремительная и центробѣжная силы (I, 110—111).
 Центръ (II, 117—119).
 Цѣлое и часть (I, 2, 102—106).
 Цѣль дифференціального исчисления, выведенная изъ его приложения (I, 1, 184—200).

Частное понятие (II, 23—33).
 Частное сужденіе (II, 55—56).
 Четвертая фигура умопознания или математическое умопознание (II, 83—84).
 Число (I, 1, 125—127).
 Число у Пифагора и Платона (I, 1, 133 и сл.).

Электрохимическая теорія (I, 1, 253—254).

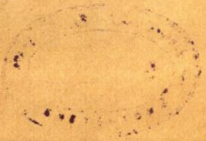
Энциклопедія (I, 2, 123—134).

Явленіе (I, 2, 74; 90—91).

Якобы о кантовомъ синтезѣ а priori (I, 1, 39 и сл.).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Строк.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
30	5 снизу	представляетъ	предлагается
112	13 снизу	опредѣленною	опредѣленность
116	8 снизу	суть	есть
116	3 снизу	снѣтъ	снѣтіе
118	16 сверху	нѣльзяго есть	нѣльзяго есть
119	18 сверху	третій	третье
126	14 снизу	сауваганъ	sausagan
170	13 снизу	Установивъ	Установивъ
207	18 снизу	Въ этомъ и т. д.	3. Въ этомъ и т. д.

ТРУДЫ

Петроградскаго Философскаго Общества:

ВЫПУСКЪ I. ДЕКАРТЪ. Метафизическія размышленія. Перев. подь редакціей и со статьей *А. И. Введенскаго*: «Декартъ и рационализмъ».

ВЫПУСКЪ II и III. МАЛЕБРАНШЪ. Разысканіе истины. Перев. подь редакціей и со статьей *Э. Л. Радлова*.

ВЫПУСКЪ IV. БЕРКЛИ. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія. Перев. подь редакціей и со статьей *Н. Г. Дебольскаго*.

ВЫПУСКЪ V. АРИСТОТЕЛЬ. Этика. Перев. и вступительная статья *Э. Л. Радлова*.

ВЫПУСКЪ VI. КАНТЪ. 1) О формахъ и началахъ міра чувственнаго и умопостижимаго; 2) Успѣхи метафизики. Перев. *Н. О. Лосскаго*.

ВЫПУСКЪ VII. АРИСТОТЕЛЬ. Политика. Перев. и статья «Греческая политическая литература и политика Аристотеля» *С. А. Жебелева*.

ВЫПУСКЪ VIII. ГЕГЕЛЬ. Феноменологія духа. Перев. подь редакціей *Э. Л. Радлова*.

ВЫПУСКЪ IX. СЕКСТЪ ЭМПИРИКЪ. Пирроновы положенія. Перев. подь редакціей *А. I. Маленина*.

ВЫПУСКЪ X. ФИХТЕ. Факты сознанія. Перев. подь редакціей *Э. Л. Радлова*.

ВЫПУСКЪ XI. КАНТЪ. Логика. Перев. подь редакціей *А. М. Щербинны*.

ВЫПУСКЪ XII и XIII. ГЕГЕЛЬ. Наука Логики. Перев. и вступительная статья *Н. Г. Дебольскаго*.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ *М. М. Стасюлевича*.

Петроградъ. Вас. остр., 5 линія, 28.

Сводный каталогъ Склада высылается по полученіи 4-коп. марки, а спеціальныя выписки, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются каждый по полученіи 2-коп. марки.